ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН 161
Н 112

EH161
H 112

К. РАДЕК

НА СЛУЖБЕ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

КНИГИ ПО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ.

Балабанова, Анжелика. От рабства к свободе. (Обязанности и права коммунистов в первой трудовой республике.) Речи и беседы агитатора. № 24. М. 1920. 28 с. 6 р.

Бебель, Август. Интеллигенция и социализм. Перев. с нем. Изд. Петр. Сов. Р. и К. Деп. П. 1919. 24 с. 1 р. 25 к.

Бебель, А. Христианство и социализм. Изд. Петр. Сов. Р. и К. Деп. П. 1918. 24 с. 50 к.

Бельтов, Н. (Г. В. Плеханов). К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Кареєву и К°. Издание 5-е. с двумя приложениями. М. 1920. 304 с. 40 р. То же. Изд. В. Ц. И. К. Сов. Р. С. К. и К. Деп. М. 1919. 280 с. 25 р.

Берюшина, А. Почему я стала коммунисткой? М. 1919. 16 с. 1 р. 50 к.

Богданов, А. Краткий курс экономической науки. Изд 10-е, вновь перераб. и доп. Ш. М. Дволайцким, при участии автора. М. 1920. VIII+320 с. 70 р.

Богданов, А. Начальный курс политической экономии (введение в политическую экономию) в вопросах и ответах. Изд. 5-е. Отд. Печати Моск. Сов. Р. С. К. и К. Д. М. 1919. 178 с. 8 р.

Богданов, А. О социализме. Отд. Изд-ва М. Сов. Р. Деп. 25 к.

Богданов, А. Путь к социализму. Отд. Изд-ва Моск. Сов. Р. и К. Деп. № 3. М. 1917. 32 с.

Богданов, А. Элементы пролетарской культуры в развитии рабочего класса. Лекции, прочитанные в Московском Пролеткульте весною 1919 года. М. 1920. 36 с. 20 р.

Богданов, А. и Степанов, И. Курс политической экономии. Том. I. Изд. 3-е. М. 1920. XVI+376 с. 50 р. То же. Том II, вып. I. Торговый капитализм. (Эпоха торгового капитала.) Изд. «Коммунист». М. 1920. 218 с. 40 р. То же. Том II, вып. II. Промышленный капитализм. М. 1919. 4+212 с. 20 р. То же. Том II, вып. IV. Общая теория капитализма. Коллективистический строй. М. 1919. 208 с. 25 р.

Борисов, Георгий. Диктатура пролетариата. Социально-политическое обоснование. П, 1919. 48 с. 10 р.

Бухарин, Н. Программа коммунистов (большевиков). Изд. Петр. Сов. Р. и К. Деп. П. 64 с. 1 р. 75 к.

Быстрянский. Империализм. Лекция, прочитанная на курсах агитаторов. Изд. Петр. Сов. Р. и К. Деп. П. 1918. 20 с. 35 к.

Вардин, Ил. Краткая история партии коммунистов. Речи и беседы агитатора. № 12. М. 1920. 24 с. 4 р.

Васильев, М. И. Путь к коммунизму. Краткие комментарии к программе Р. К. П. Общая часть. П. 1920. 48 с. 15 р.

[Вейтлинг, В.] Человечество, каково оно есть и каким оно должно быть. Соч. В. Вейтлинга, пер. с немец. Изд. Петр. Сов. Р. и К. Деп. П. 1918. 52 с. 85 к.

Волгин, В. П. Революционный коммунист XVIII в. (Жан Мелье и его «Завещание»). Отд. Печати Москов. Сов. Р. С. и К. Деп. Социальные мыслители. М. 1919. 86 с. 2 р. 75 к.

Вольский, Станислав. Мещанство и социализм. Отд. Изд-ва Москов. Сов. Р. и С. Деп. № 12. М. 1917. 31 с. 35 к.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕН 161
Н 112

К. РАДЕК

НА СЛУЖБЕ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Перевод с немецкого)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

1313.

К.

ЕН 161
Н 112

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
№ 5438
1921
9401
1058920

Гиз. № 668. (Р. В. Ц. Москва). Напеч. 20.000 экз.
1-я Образцовая тип. М. С. Н. Х., Москва, Пятницкая, 71.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
	Вступление.	
I.	Развитие социализма от науки к действию	3
II.	Крушение германского империализма и задачи международного рабочего класса	23
III.	Русская и германская революция и мировое положение	57
IV.	Центральному Комитету Германской Коммунистической партии	82
V.	Германская революция и польский вопрос	84
VI.	Уроки гражданской войны в Берлине	88
VII.	Развитие германской революции и задачи коммунистической партии	121
VIII.	К тактике коммунизма	165
IX.	Внешняя политика германского коммунизма и Гамбургский национальный большевизм	176
X.	Диктатура рабочего класса в коммунистической партии	190
XI.	Пролетарская диктатура и терроризм	203
XII.	История одной неудавшейся бунтарской попытки	231
XIII.	Обращение к съезду Австрийской коммунистической партии	240
XIV.	Чему нас учит Венгерская революция	247
XV.	Германская коммунистическая партия в дни Капповской авантюры	252

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ.

Путь германского коммунизма.

Это—книга, в которой собраны главные мои статьи и брошюры, посвященные с конца 1918 года до весны 1920 года вопросам германской революции, отражает в себе ее развитие и порожденные им спорные вопросы. Принимая активное участие в идейном расколе, который начал замечаться с 1910 года в рядах германского марксизма, в расколе, в котором по одной стороне стала маленькая горсть защитников массового революционного действия против империализма, — это были так называемые левые радикалы,—а с другой стороны громадное большинство старого радикального крыла партии, провозглашающее тактику выжидания, я в продолжение многих лет перед войною и после, во время войны, связан был ближайшим образом с основными кадрами теперешней коммунистической партии. Вопросы германской революции, условия ее развития были в продолжение многих лет главным предметом моей научной работы. Русская революция, с которой я связан был участием в рабочем движении в Царстве Польском 1905—1908 годов, была для меня первым уроком массовой революционной борьбы и, как таковая, исходным пунктом мв постановке вопросов германской революции.

Совместная работа с большевистским центром за границей над созданием связи между искренне революционными элементами во время войны преодолела у меня те разногласия, которые существовали между взглядами польских социал-демократов, возглавляемых Розой Люксембург, и товарищами большевиками по целому ряду как тактических, так и организационных вопросов революционного движения. Благодаря этому я был в состоянии работать над сближением немецких революционных интернационалистов—группы Спартака и группы, организовывавшейся вокруг еженедельника «Рабочая Политика», с русскими большевиками. С момента февральской революции Ц. К. партии доверил мне работу над углублением этой связи. Когда в октябре 1917 года восторжествовал русский рабочий класс, взяв в свои руки власть, эта работа могла производиться в сотни раз больших размерах не только благодаря тому, что наша пропаганда имела в распоряжении громадные средства, но в десять раз больше потому, что главным источником силы нашей пропаганды была геройская борьба русского пролетариата, живой опыт его творчества. Он помог устранить остатки недоразумения между коммунистиче-

ской партией России и революционными интернационалистами Германии, между которыми существовали еще споры о терроризме, об аграрной политике пролетариата, о брестском мире и по части организационных вопросов.

Моя брошюра «О развитии социализма от науки к действию» не встретила никаких возражений со стороны германских товарищей и была ими распространена во многих изданиях.

Когда я в декабре 1918 года приехал нелегально в Германию, дабы принять непосредственное участие в коммунистической работе, коммунистическое движение в Германии находилось на повороте. Она стояла перед оформлением в особую самостоятельную партию.

До этого времени оно была только направлением сначала старой единой Германской социал-демократии, а после ее раскола—центровой независимой партии. Совместно с другом моим, незабвенным вождем бременских рабочих Иоганном Книфом, я в 1917 году защищал организационный раскол с независимыми. Большинство товарищей считало необходимым войти временно под одну крышу с ними отчасти для использования легальных возможностей, отчасти же в надежде на эволюцию независимой партии. Вхождение независимой партии в одно правительство с шейдемановцами, позорная политика охраны интересов германских капиталистов, политика полного подчинения Антанте, политика срыва сношений с русским пролетариатом — все это сделало необходимым основание коммунистической партии. Это основание наступило формально в момент, когда независимые были принуждены, под напором недовольства собственных приверженцев, выйти из шейдемановского правительства. Многие товарищи считают ошибкой, что в этот момент мы не отказались от создания особой коммунистической партии. Но если ошибка была, то она состояла в том, что спартаковцы вступили в независимую партию на съезде в апреле 1917 года. Раскол с независимыми в декабре 1918 года был абсолютно необходим, ибо они отделились только чисто внешне от шейдемановцев, и надо было их политике фраз, которая не отвечала ежедневной деятельности партии, противопоставить определенную коммунистическую пропаганду, агитацию за определенную коммунистическую борьбу против соглашателей и буржуазии.

Смерть руководящего теоретика германского коммунизма Розы Люксембург и руководящего агитатора партии К. Либкнехта во время 1-го январского восстания берлинских рабочих и смерть главного ее организатора Лео Иогихеса во время второго берлинского восстания затруднили неслыханно организацию молодой партии и оформление тактической линии партии; приходилось считаться с тем, что она представляет собою только слабую струю в рабочем движении Германии, которое только что начало под влиянием ударов Носке понимать, что надо выбрать между беспощадной диктатурой капитала и диктатурой пролетариата. В этом положении задача партии состояла в том, чтобы идейной своей работой, беспощадной критикой и соглашателей и центровиков толкать массы влево, чтобы всякую борьбу против прелестей капиталистической диктатуры расширять и углублять. Но ясно было, что нельзя бро-

сать в огонь маленького меньшинства революционных рабочих пакетами, что нельзя растрачивать нарастающие силы коммунизма в вспышках. Но одновременно, когда, под давлением обстоятельств, широкие массы рабочих вступили в бой, который при данном соотношении сил не мог кончиться победой, то коммунистическая партия не могла умывать рук, оставлять эти революционные массы, она должна была, говоря открытую правду о положении, итти с ними на поле сражения.

В продолжение многих месяцев партия не находила ясной тактической линии, она внутренней борьбой с так называемым левым крылом, рвущимся к непосредственному генеральному сражению, нащупывала путь. При всей своей неясности она понимала одно, что коммунизм не должен отрываться от массовых организаций пролетариата, что ему нельзя отказываться от какого бы то ни было средства политической деятельности, ибо неизвестно, в каких условиях ему придется еще действовать.

До конца июля месяца, будучи абсолютно отрезанным от сношений с товарищами, я мог только на основе газет, в одиночной тюрьме в Моабите, следить за развитием германской революции. С месяца августа мне удалось связаться с партией и путем частых частных писем и целого ряда статей и брошюр помочь германским товарищам обосновать тактику собирания сил, тактику формирования коммунистической партии. Как это заметит читатель, я не изобретал никакого выдуманного плана, а пользовался громадным опытом русской революции, в первую очередь опытом тактической борьбы большевистской партии. Линия, защищенная по всем вопросам коммунистической партии, в многочисленных статьях и брошюрах, эта самая линия коммунистической тактики, которую развивает Ленин в своей брошюре, изданной в июле этого года, в брошюре о «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и которая развита в резолюциях II Съезда Коминтерна. Само собой понятно, что партийные группы, подвергнутые болезни «левизны», не были в состоянии принять этой линии и ответили на ее принятие гайденбергским съездом партии, расколом. В этом ничего удивительного не было, и раскол этот сыграл только полезную роль в развитии коммунистического движения Германии. «Левые» доказали скоро, что выше головы не перескочишь; весь их крик, что положение вполне зрелое для захвата власти, оказался игрой в революцию. Попытка обоснования их тактики, сделанная таким видным марксистом, как мой старый друг Антон Паннекук, кончилась полным банкротством, ибо Антон Паннекук должен был признать, что процесс революции на Западе есть длинный процесс, но для ускорения этого процесса нетерпеливый теоретик не мог ничего предложить, кроме самостоятельной, отчетливой коммунистической пропаганды, от недостатка которой Коммунистическая партия Германии никогда не страдала.

Еле организовавшись в рабочую Коммунистическую партию, левая часть принуждена была выбросить за борт самых интеллигентных и самых энергичных своих вождей Лауфенберга и Вольфгейма.

С пеной у рта защищала их оппозиция в партии, когда в брошюре о «внешней политике германского коммунизма» я доказывал, что они, запутавшись между тремя соснами, попали из лагеря коммунизма, ко-

торый им казался чересчур мало радикальным,—в лагерь Людендорфа; теперь руководящий орган этой оппозиции считает эту мою борьбу против Лауфенберга и Вольфгейма заслугой перед историей.

Но не увлеклись ли мы тактикой удерживания, не попали ли мы в квиетизм?—спрашивают некоторые русские товарищи и указывают нам на ошибки, сделанные партией в капповские дни. В статье о «капповских днях и тактике германской партии», я говорю с полной откровенностью об этом вопросе. Не подлежит сомнению, что маленькая часть руководящих товарищей перегнула палку, но партия в целом доказала энергию свою именно в капповские дни, что она была воспитана в духе действия, а не в духе исторического резонерства.

Что дело обстоит так, она будет в состоянии доказать и в дальнейшем, ибо, несмотря на то, что поражения Красной армии в войне с белой Польшей задержало на момент разрастающуюся борьбу германских рабочих,—растущая безработица, растущие продовольственные затруднения, усиление нажима контр-революции ускоряют приближение момента решительной схватки, что рабочие массы чувствуют это, и раскол независимой социал-демократии, переход большинства ее членов в лагерь коммунизма является лучшим барометром, указывающим приближение бури. С переходом большинства независимых в лагерь коммунизма, переходом, который сделался возможным только благодаря тому, что германская Коммунистическая партия, удалив из своих рядов незрелые революционные элементы и наметив путь массовой революционной борьбы, сделалась хорошим проводником Коммунистического Интернационала, с переходом независимой партии в лагерь коммунизма, перед будущей объединенной коммунистической партией, которая сможет своей организацией охватить стихийные рабочие движения, день германского коммунизма приближается; и он докажет, что вся эта громадная подготовительная работа 10 лет, проделанная в борьбе с реформизмом и каутскианством маленькой группой левых радикалов, позднейших коммунистов, что она была плодотворной исторической работой. И те, совместно с которыми мне много лет приходилось эту работу проделывать, самые лучшие, Роза Люксембург, Либкнехт, Иогихес, Меринг и Книф, уже погибли. Их памяти и памяти рабочих, погибших в гражданской войне в Германии, фамилии которых неизвестны, хотя их тела являются фундаментом будущей Советской Германии, я посвящаю эту книгу.

Пусть она служит этому делу, которое я считал своей первой задачей: идейной связи между германскими революционными рабочими и российским пролетариатом.

Москва, в 3 годовщину русской и вторую годовщину германской революции.

К. Радек.

I.

Развитие социализма от науки к действию.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ.

Что такое коммунизм? Молодой Фридрих Энгельс ответил на этот вопрос в 1847 г. в черновом наброске Коммунистического Манифеста. «Коммунизм есть учение об условиях победы рабочего класса». Согласно этому заявлению, содержащему уже весь смысл научного социализма, основное значение деятельности Маркса и Энгельса заключалось в первую голову в том, чтобы обнаружить в развитии капиталистического общества развивающиеся условия победы рабочего класса, и сделать его таким образом исходным пунктом своей деятельности.

Тем самым завершилось **развитие социализма от утопии к науке.**

Предшественники Маркса и Энгельса, утопические социалисты, сделали очень много для характеристики буржуазного общества. Непреклонный Фурье, бичевавший его и срывавший все покровы с его язв; фаустовски-гениальный Сен-Симон, умевший несколькими словами молниеносно освещать целые эпохи человеческой истории; Оуэн, глубоко и проникновенно изучивший человеческую природу и показавший ее зависимость от экономического развития: все они были строителями великого здания научного социализма. Однако, несмотря на едкую критику капиталистического общества, предшественники Маркса и Энгельса не умели отыскать в нем самом те силы, которые могли бы преодолеть его. Вот почему им пришлось брать на себя роль Демиурга истории, вырабатывать план освобождения человечества из когтей капитализма,— план, единственным недостатком которого было то обстоятельство, что в нем отсутствовал зодчий, способный, по его указаниям, возвести к небу гордый храм человечества. Маркс и Энгельс показали, что развитие производства при господстве капиталистических отношений с необходимостью приводит ко все увеличивающейся анархии и порабощению масс, но, вместе с тем, само создает фундамент социализма, ибо приводит одновременно **к концентрации промышленности,** к созданию **мощного рабочего класса,** внушая ему «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть»: **железную волю к установлению нового общественного порядка.** Маркс и Энгельс показали международному пролетариату историческую необходимость его победы, — победы социализма. Вместе с тем они показали ему, что эта победа **не придет сама собою,** так сказать, механически, на определенной ступени общественного развития. Наоборот, они выяснили, что эта победа должна быть добыта в

поте лица, непрерывной работой мозга. Пролетариат должен подготовлять себя к ней **изо дня в день, борясь против буржуазии на всех поприщах общественной жизни,** и в конце-концов добиться ее **непосредственной революционной борьбой** класса против класса. Эта последняя схватка революции, которая должна завершиться железной **диктатурой пролетариата** над всеми остальными классами, одна только и сможет ввести пролетариат в обетованную землю социализма.

Учение Маркса и Энгельса об условиях победы пролетариата, учение коммунизма, до сих пор сохранило свое значение. Это — **гранитный блок,** которого не подточило время. 70 лет отделяет нас от того дня, когда гениальные юноши увидали при ярком свете приближавшейся революции будущую историю человечества и запечатлели ее на страницах незабвенного «**Коммунистического Манифеста**». За это время произошло много изменений в структуре капиталистического общества, которые эпигоны Маркса усваивали и воспринимали порою не особенно удачно. Но основные линии развития остались неизменными, и **только теперь, в эпоху первой социалистической революции, мы имеем возможность полностью охватить сущность коммунистического учения.** На первой социалистической революции, на железной необходимости ее развития, мы убеждаемся в гениальной прозорливости наших учителей. **Коммунизм есть учение о революции, и именно поэтому его всеобъемлющая глубина может быть охвачена только в период революции.** Из этого уже ясно, что в период мирного развития, предшествовавший революционной эпохе, только отдельные, особенно острые умы способны были так же всесторонне и правильно воспринять учение коммунизма, каким оно появилось на свет божий в революционные времена нарождавшегося капитализма, в духе опирысков этого периода бури и натиска, в духе Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

В эпоху мирного развития это учение оказалось **разбавленным различными некоммунистическими элементами,** и таким-то образом возникли под названием **социал-демократических точек зрения** всевозможные **суррогаты коммунизма,** которые международному рабочему движению приходится теперь отбрасывать в сторону для того, чтобы осуществить свои исторические задачи. Расширенный и извращенный коммунизм, лишенный своего живого содержания, главным образом, и мешает европейским рабочим правильно оценить уроки русской революции и сделать из них соответствующие выводы. Вот почему одной из первейших обязанностей освободительного движения пролетариата нашего времени является **очищение коммунизма от всех этих посторонних примесей.** Это всего легче сделать, если познакомиться с историческим происхождением всех отдельных фальсификаций коммунизма и с той почвой, на которой они в свое время возникли.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ КОММУНИЗМА.

Учение Маркса, в главнейших чертах возникшее в 50-х г.г. прошлого столетия, стало популярным среди широких народных масс только в 80-м г.г. Когда в 60-х и 70-х г.г. стало развиваться под предводитель-

ством **Фердинанда Лассаля** немецкое рабочее движение, ни одно сочинение Маркса не было еще известно рабочим [1]). Они познакомились с коммунизмом при посредстве маленьких увлекательных брошюрок Лассаля, в которых, однако, коммунистическое учение получило довольно своеобразное,—чтобы не сказать извращенное,—толкование. Фердинанд Лассаль стремился привести рабочий класс в движение в такое время, когда эпоха капиталистического процветания укрепила контр-революционные силы во всей Европе и дала им возможность по-своему разрешить великие задачи, стоявшие тогда на очереди дня.

В Германии юнкерство, совместно с буржуазией, как раз собралось разрешить самый существенный вопрос своей истории: вопрос о создании единого капиталистического государства. Силы, пытавшиеся в 1848 г. создать революционным путем единую немецкую республику, оказались слишком слабыми, — и за довершение того, чего они не в состоянии были осуществить: создать капиталистическое государство, как орган немецкой буржуазии, — пришлось взяться буржуазии и юнкерству. Они выполнили эту задачу, воздвигнув реакционное здание бюрократически-капиталистического сплошного государства, в котором клика крупных капиталистов, совместно с помещиками и генералами, управляла судьбами немецкой империи, под верховным руководством Гогенцоллернов. В такое-то время Лассаль стремился создать в лице рабочего класса силу, способную если не самостоятельно взять в свои руки судьбы немецкого народа, то, по крайней мере, добиться некоторых уступок от господствующих классов. Пропаганда Лассаля среди рабочих была приноровлена именно к этой узкой задаче. Чтобы вести свою пропаганду, несмотря на репрессии бисмарковской реакции, Лассаль попробовал придать коммунизму возможно более невинную внешность. Молодого младенца, когти которого не в состоянии были еще справиться с врагами, надо было показать невинным ягненком. Лассаль старался представить коммунизм в виде движения, способного осуществить свои задания мирным путем. Через всеобщее избирательное право рабочие должны приобрести влияние на государство для того, чтобы с его помощью приступить к организации производственных товариществ, которые мало-по-малу превратили бы капиталистическое общество в социалистическое. Эта пропаганда развила в рабочем классе преклонение перед **идеей государства**,—независимо от того, находится ли это государство в руках капиталистов или рабочих. Правда, эта точка зрения, поскольку речь шла об отношении к бисмарковскому правительству, перенесла довольно жестокое испытание в эру ожесточенных преследований немецкого рабочего движения в 1878—1890 г.г., когда свирепое давление сверху, ненависть

---

[1]) **Бебель** рассказывает в своих воспоминаниях, что тому поколению, которое в 70-х гг. вступало в движение, **«Коммунистический Манифест»** был неизвестен. Из других источников мы знаем, что только по **энгельсовскому «Анти-Дюрингу»** марксизм предстал перед немецкими рабочими, как целостное мировоззрение. Эта работа Энгельса появилась лишь в 1878 г.

к рабочему движению возбудили и среди рабочего класса сильную ненависть к капиталистическому государству и — питаемую этой ненавистью — надежду на то, что оно скоро развалится в прах под ударами социальной революции. Это настроение рабочих питалось еще затяжным кризисом, господствовавшим в экономической жизни Европы 80-х г.г. Но оно явилось только перерывом в процессе реформистской фальсификации коммунизма, начавшейся в 70-х г.г., со времени учреждения капиталистических европейских государств. Как только рабочее движение несколько оправилось, окрепло, как только исчезли наиболее дикие формы капиталистических преследований, процесс фальсификации коммунизма стал приобретать во всех странах все большие размеры. Этому способствовало и быстрое экономическое развитие, период расцвета капитализма, замечавшийся повсюду в последнее десятилетие прошлого века, в первую очередь в электрической и металлургической промышленности. С 80-х г.г. упали цены на хлеб, благодаря американскому сельскому хозяйству,—а вместе с тем стала подниматься и заработная плата, под влиянием торгового оживления. Передовые ряды рабочего класса,—**рабочая аристократия,** предавались самым радужным надеждам. Правительства увидели себя вынужденными приостановить политику преследований, они начали давать обещания социальных реформ. Рабочие добились повсюду представительства в парламентах; рабочая аристократия повсюду хорошо зарабатывала, — и тут-то она укрепилась на той точке зрения, что революция является превзойденной фазой буржуазного развития. Рабочий класс заставит уже буржуазию делать все большие уступки, которые превратят в конце-концов капиталистический порядок в такой экономический строй, который всего более будет соответствовать интересам рабочего класса: так, приблизительно, они представляли себе дело. Это настроение выразилось прежде всего в оппортунистической практике парламентаризма, в политике парламентских вожаков рабочего класса, надеявшихся всякого рода интрижками с буржуазией, ограничением ее требований, отказом от революционной пропаганды все более улучшать положение рабочих. Теоретически эта тенденция выразилась потом в **реформизме** (ревизионизме), как его развивали **Эдуард Бернштейн** в Германии, **Саротти** и **Жорес** во Франции, **Тревес** и **Турати** в Италии.

Если бы привести реформистское учение к одной формуле, то надобно было бы сказать, что оно заключалось в попытке доказать, что капиталистическое развитие **не обостряет, а, напротив, смягчает противоречия между пролетариатом и буржуазией,** и что поэтому **не революция, а совместная работа с рассудительными слоями буржуазии приведет к освобождению пролетариата.** Реформизм отрицал **возможность социалистической революции,** которую он заменял **социал-реформаторской эволюцией.** Он представлял собою **контр-революционное учение.** Он пытался изобразить помыслы рабочего класса о революции детской болезнью рабочего движения для того, чтобы запречь пролетариат в повозку буржуазии. Реформистские тенденции всего ярче выразились в серии статей бернштейновского выученика **Эдуарда Давида** о диктатуре пролетариата, опубликованных им в «Социалистическом Ежемесячнике», главном орга-

не международного реформизма. Не революция, а парламентская деятельность, профессиональное и кооперативное движения — вот путь, который реформизм проповедывал рабочему классу.

КРУШЕНИЕ РЕФОРМИСТСКИХ ИЛЛЮЗИЙ.

Однако то же самое развитие, которое, по уверениям реформистов, якобы опровергло революционное учение коммунизма, в действительности очень скоро разоблачило перед рабочими всю смехотворность реформистских иллюзий. Помещики начали защищаться против все растущей конкуренции молодых аграрных стран, и цены на продукты питания быстро повысились, благодаря **аграрным пошлинам.** Развитие капитализма повело к образованию **трестов и картелей,** этих огромных капиталистических организаций, вытесняющих и покоряющих не только ремесленников, но и среднюю буржуазию. Для защиты картельной ренты они требовали и **для промышленности высоких таможенных пошлин.** Они об'единились с помещиками для того, чтобы совместно обирать народы; а вместе с тем увеличивающаяся картелизация промышленности означала необыкновенное расширение капиталистической мощности по отношению к профессиональным союзам рабочих. Те самые союзы, которые, имея дело с каким-нибудь мелким текстильным бароном, располагавшим парою сотен рабочих, без труда могли поставить на своем, оказывались совершенно бессильными против железных и угольных королей с их многотысячной рабочей армией. Недовольный своей заработной платой рабочий какой-нибудь текстильной фабрики легко находил себе работу на другой. Картелированные железные и угольные бароны не признавали профессиональных союзов, они дружно стояли друг за друга против всякого требования своих рабочих и завели черную доску для того, чтобы запугать особенно непокладистых рабочих. Обострение отношений между пролетариатом и буржуазией на фабрике точно так же, как и на потребительском рынке, еще более усилилось благодаря **империалистической** политике, угрожавшей превратить борьбу между картелированными промышленностями за мировой рынок, борьбу между товарами и капиталами,—в самую настоящую войну. **Рост податного обложения,** вызванный **ростом милитаризма и маринизма,** возрастание **военной опасности,** которая все более обострялась, конфликты с профессиональными союзами,—все это в свою очередь понуждало правящие классы ко все более обострявшемуся политическому курсу против рабочего класса. **С ростом эксплоатации должны были возрастать и репрессивные мероприятия.** Рост политической реакции с своей стороны служил для рабочих масс **признаком приближающегося штурма** и показал им во всех странах, что не революционный коммунизм, а, наоборот, так называемый **«реальный» реформизм представлял собою утопию,**—правда, утопию, не облагораживавшую душу и не подымавшую энергию, не укорачивавшую путь человеческого развития для того, чтобы побудить ленивых к более быстрому движению, а утопию, напротив, подрезывавшую крылья и превращавшую людей в пресмы-

кающихся. Со времени большой стачки в Рурской области, со времени борьбы берлинских рабочих электрической промышленности, бурного движения французских рабочих за 8-мичасовой рабочий день, вера рабочего класса в возможность мирного развития к социализму улетучилась. Они увидали, как буржуазные партии все более превращались в сплошную реакционную массу, видели, как буржуазное общество все ближе придвигалось к зияющей пропасти войны, видели, что парламент уже потому должен был оказаться все более бессильным по отношению к этому процессу, что он сам потерял повсюду свое значение и уступил место тайным кабинетам, в которых бюрократия совместно с акулами капитала судила и рядила о самых жизненных интересах народа. **Взрыв русской революции 1905 г.** показал европейским массам, какие силы таятся в воспрянувшем рабочем классе, когда он готов с оружием в руках отстаивать свои права. С 1905 г. перед сознанием народных масс встали проблемы борьбы за власть, т.-е. проблемы социалистической революции, которые теоретически были поставлены на очередь уже во время полемики с реформизмом (брошюра Каутского о «социальной революции», вышедшая в 1905 г.).

В ПОИСКАХ ПУТИ К ВЛАСТИ.

Начались напряженные поиски выхода из того тупика, в который попало капиталистическое развитие. Прежде всего перед рабочими массами встал вопрос: к чему клонится дело? История отвечала на этот вопрос как нельзя более коротко и ясно. Попытка улучшить положение рабочих посредством сотрудничества с буржуазией потерпела во Франции полнейшую неудачу. Вступление Мильерана в буржуазное правительство ничего не дало рабочему классу и только скомпрометировало социал-демократию в глазах рабочих масс. Исход выборов 1907 г. в Германии показал рабочим, что буржуазные партии неминуемо смыкаются перед рабочими в железную стену, как только речь заходит об империализме, т.-е. о распространении капиталистической мощи на маленькие народности, о вооруженной борьбе конкурирующих между собою капиталистических государств. **Хозяйственный кризис 1907 г.** говорил сам по себе настолько красноречивым языком, что даже такой видный реформист, как Макс Шиппель, не смог закончить свои рассуждения об этом кризисе ничем иным, как признанием обострения классовых противоречий во всем мире. В 1908 г. Карл Каутский подвел в своей работе «Путь к власти» итоги всего этого развития, показав, что капиталистический способ производства находится на дороге к величайшему социалистическому кризису в мировых размерах, что мы стоим накануне социалистической революции. Это убеждение, все более укреплявшееся в передовых рядах рабочего класса, выдвигало второй вопрос: какими средствами будет пользоваться пролетариат в новой исторической ситуации, какими средствами поведет он атаку на твердыни капитала? Уже в 1905 г. немецкий и австрийский пролетариат идейно освоился с мыслью о всеобщей массовой стачке. Не взирая на

значительное окаменение идеологии вождей партии, мирное, мещанское житие которых очень слабо отражало настроение рабочего класса, он научился видеть в массовой стачке средство самозащиты против покушений на основные права пролетариата (немецкая социал-демократия в Йене в 1905 г.), или даже приветствовать в ней орудие пролетарского наступления против наиболее злобных врагов (австрийская социал-демократия). Французские синдикалисты возвели массовые стачки—под названием генеральной стачки—на степень всемогущего средства освобождения. Рабочий класс, до того боровшийся только политически через своих представителей в парламенте, начал сознавать свою роль в процессе производства по слову Фрейлиграта: «Нигде машины не грохочут, коль твоя рука не хочет».

Руководители левого крыла рабочего класса годами разбирали вопрос об условиях применения массовой стачки. Должны ли вожди рабочих организаций об'явить ее тогда, когда парламентская деятельность потерпит крушение, когда бесстыдная политика противника приведет массы в отчаяние, должна ли она, стало быть, явиться тем пистолетом, который надобно держать на-готове в подкрепление парламентской борьбы,—или же она есть форма борьбы, стихийно вытекающая из обострения классовой борьбы и подготовляемая не в совещательных комнатах вождей, а ежечасно в мастерских и фабричных казармах: не только повышением агитации, но и обострением действий пролетариата? Вот вопросы, самым пристальным образом занимавшие внимание левого крыла международного рабочего движения в годы перед мировой войной. И оказалось, что уже в этом сравнительно простом вопросе в лагере социализма, в том лагере, который боролся под знаменем Маркса, образовался раскол, причем одна часть, под руководством Карла Каутского, на словах примкнула к приближавшейся социалистической революции, на деле же робко избегала обострения классовой борьбы, несмотря на то, что этого настоятельно требовало как внутреннее, так и внешнее положение пролетариата.

В этой борьбе за путь к власти, все-где возникал такого рода вопрос: в чем должна будет выразиться мощь победоносного пролетариата? Однако, этот вопрос нигде не был поставлен с достаточной определенностью. И по вполне понятной причине: история пока поставила на очередь дня только вопрос о том, каким образом привести рабочие батальоны в движение, вопрос об общей цели движения, но отнюдь не вопрос об этапах, которые придется при этом пройти. Чтобы доказать необходимость массовой стачки, радикальные социалисты указывали на вырождение парламентаризма. Они показывали, как он становится все больше и больше цитаделью капиталистических рыцарей наживы. Они критиковали в республиканских странах самым резким образом минуарную республику и минуарную демократию, и часто возникал уже вопрос: каким образом превратить капиталистическую демократию и ее парламентарные органы в органы власти победившего пролетариата. Когда Антон Паннекук,—самая ясная голова западного социализма,—ответил на этот вопрос в том смысле, что необходимо разрушить капиталистическое государство даже в его

демократических формах и создать новые органы власти рабочего класса в огне пролетарской революции, тогда Карл Каутский, пользовавшийся среди марксистских теоретиков Второго Интернационала наибольшим авторитетом, поднял крик об его анархизме. Однако ответ Паннекука, при всей своей правильности, был только половиной ответа. Он указал только на то, что принудительные органы капитала должны быть разбиты, но не показал, какие принудительные органы должен создать пролетариат для того, чтобы провести и укрепить свою победу.

В то время, когда большинство даже революционных социалистов видело в демократии ту форму, в которую выльется победа социализма, синдикализм,—эта революционная теория всех стран, в которых банкротство демократии вызвало разочарование среди народных масс,—указывал на профессиональные союзы, как на орган, способный завоевать власть и сделаться органом власти. Вопрос этот, который, как уже сказано, возникал только в мозгу некоторых теоретиков, далеко опередивших свое время, не мог быть ими разрешен. **Исторические лозунги никогда не выдумывались теоретиками революционного рабочего класса, они всегда возникали только на практике, в процессе революционной массовой борьбы, и теоретикам оставалось только понять значение практической деятельности пролетариата, придать ей всеобщий характер и превратить ее во всеобщую цель пролетарской борьбы, сделать лозунгом пролетариата.**

УРОКИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Прежде чем рабочий класс встал лицом к лицу с вопросом **об организации своей власти,** он должен был познакомиться со всеми **последствиями своей безвластности в буквальном смысле этого слова.** Он должен был побывать в **аде мировой войны,** в гранатном огне, должен был истечь кровью ради интересов капитала, нагромоздить горы трупов, чтобы понять, наконец, что **капитализм означает кровавую анархию, уничтожение всех зачатков культуры, созданных до сих пор, ужаснейшую нищету масс, их полнейшее порабощение,—и чтобы этот урок превратился из теоретического тезиса в вопиющее, огненное сознание, по крайней мере, передовых рядов рабочего класса.**

Теоретическая пропаганда революционных социал-демократов, собственный опыт пролетариата, удары, изо дня в день наносимые ему капиталом в конце прошлого столетия,—всего этого было недостаточно для того, чтобы повести растущее беспокойство пролетариата дальше первых, робких массовых стачек с капиталом. Оппортунистическая политика вожаков убаюкивала передовые ряды рабочей аристократии, спокойствие которых показывало, что это привилегированная часть рабочих находилась в сравнительно благоприятных условиях. Низшие слои рабочего класса были слишком невежественны, слишком неловки, чтобы броситься в революционную борьбу без партийной и профсоюзной бюрократии или против ее воли. Тогда пришла давно жданная бестия мировой войны,—и под ее когтистыми лапами пролетариат начал

усваивать те уроки, которых он не понимал, когда их преподавал революционный социализм.

Русский народ первым понял эти уроки и сделал из них соответствующие выводы, проведя социалистическую революцию. Русская революция является первым ответом пролетариата на мировую войну, предшественницей интернациональной революции. Она дает ответ на те вопросы, которые сфинкс революции в течение десятилетий ставил перед социализмом, вопросы, которые рабочий класс должен разрешить, если не хочет, чтобы этот сфинкс пожрал его. То, что русский пролетариат совершил своей революцией—первый шаг по дороге развития социализма от науки к действию; — означает вместе с тем и крупный шаг вперед в развитии науки о коммунизме. Коммунизм есть учение об условиях победы рабочего класса. Эти условия становятся всего яснее в процессе самой победы, вот почему правильное понимание русской революции является необходимой предпосылкой развития коммунизма от науки к осуществлению, т.-е. к пролетарской мировой революции.

УРОКИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Степень зрелости капитализма и социалистическая революция.)

Первый вопрос социалистической революции, с которым сталкивается рабочий класс, гласит: когда может притти социалистическая революция? Так как марксизм показал рабочим, что победа социализма зависит от развития производительных сил, то в марксистских кругах установилось карикатурно-обезображенное предположение, будто революция возможна только тогда, когда капитализм охватит весь хозяйственный быт какой-нибудь страны, когда он, так сказать, без остатка разделит всю нацию на небольшую кучку капиталистов и подавляющее пролетарское большинство. Более того: ревизионисты, наиболее последовательно проводившие фальсификацию коммунизма, заявляли даже, что социализм не может победить в Европе до тех пор, пока капитализм не подчинит себе весь мир. Таким образом они, как известно, обосновывали необходимость поддержки капиталистической колониальной политики рабочим классом. Вся аргументация псевдосоциалистических партий России, стоявших во время революции на стороне буржуазии и перешедших после рабочей революции на сторону контр-революции,—мы говорим о меньшевиках,—заключалась в том именно утверждении, что социализм невозможен в России потому, что пролетариат не является большинством русского народонаселения. Этот довод чрезвычайно нравится в Европе тем, кто превратил марксизм в простое арифметическое упражнение. Но для того, чтобы показать всю бессмысленность подобной постановки вопроса, достаточно обратить внимание на то обстоятельство, что и в Германии, этом капиталистически наиболее развитом государстве, люди такого научного значения, как Генрих Кунов, утверждают, что Германия еще не созрела для социализма. Ясно, что при такой постановке вопроса дело идет не о каких-нибудь двух-трех

БИБЛ... КА
Ин-та марк...
при ЦК КПСС
1058980
92 / 9401

лишних процентах в соотношении между пролетариатом и непролетарской частью населения, а о совершенно туманном понимании самого перехода от капитализма к социализму. Предпосылкой той точки зрения, которую усвоил себе, например, Кунов в вопросе о степени капиталистической зрелости, является мнение, что капитализм, собственно говоря, сам должен выполнить всю ту работу, которую мы ждем от социализма, и что социализму останется только принять на все готовое, к своего рода скатерти-самобранке. Когда Кунов заявляет, что Германия еще не созрела для социализма, то он подкрепляет это мнение ссылкой на то, что сначала капиталистическое государство должно взять промышленность в свои руки, а потом уже ею завладеет пролетариат, захватив государственную машину. Но почему же пролетариат не в состоянии захватить промышленность, концентрированную в картелях и трестах, прямо из рук капиталистических картелей и трестов? Разумеется, если считать, что пролетариат победит только после того, как капитализм разовьется до такой степени, когда, по выражению Бернара Шоу, выродившийся в безмозглую обезьяну капиталистический сверхчеловек способен будет простым нажатием кнопки приводить в движение миллионы рабочих, превращенных в рабов, то придется признать, что пролетариату будет, действительно, нетрудно отогнать безмозглых обезьяноподобных сверхчеловеков капитализма от клавиатуры центрального аппарата и прищемить им при этом черт. Это облегчение работы пролетариат оплатил бы, однако, всеми теми страданиями, на которые его обрекла бы роль пассивного зрителя и наблюдателя того, как капитализм механически шествует по миллионам человеческих тел. К чести человечества надобно сказать, что механическое понимание перехода от капитализма к социализму решительно противоречит всем фактам предшествовавшего исторического развития точно так же, как и всякому разумному пониманию возможностей капиталистического развития вообще. Ведь и прежние хозяйственные системы погибали отнюдь не после того только, как ими был создан весь фундамент нового общественного порядка, а тогда, когда они становились препятствием для элементов этого нового порядка. Переход от капитализма к социализму начинается тогда, когда капиталистическое общество причиняет народу такие страдания, которые заставляют его порвать с обычным течением своей жизни, подняться на дыбы против господства капитала, когда, одним словом, массы оказываются неспособны терпеть долее созданные капиталистическим хозяйством условия. **Когда в какой-нибудь стране капиталистическое развитие дошло до того, что главнейшие отрасли промышленности и транспорта очутились в руках капиталистических, концентрированных групп, тогда восставший пролетариат не только сможет, но и должен будет попытаться захватить промышленность, транспорт и кредит в свои руки, в руки победоносного, организовавшего свою государственную власть пролетариата.** Смотря по степени капиталистического проникновения в хозяйственный строй какой-нибудь страны, пролетариату придется в большем или меньшем размере приспособлять этот хозяйственный строй к своим интересам или же ограничиться

социализацией уже концентрированных областей промышленности, а остальные, например, сельское хозяйство, только постепенно переводить на социалистическое положение по степени их зависимости от социалистических центров промышленности, зависимости от города. Так обстоит дело в России. В России пролетариат является, несомненно, меньшинством населения, но русская железодобывательная промышленность, угольное и нефтяное производства, железные дороги и телеграф сосредоточены в немногих руках, ими руководит небольшое количество банков, и они диктуют хозяйственные законы всей сельскохозяйственной стране.

Невыносимое положение, созданное капитализмом благодаря мировой войне, бросило народные массы на борьбу против царского капиталистического государства. С помощью крестьян, которых империализм три года подряд заставлял истекать кровью, рабочим удалось завоевать государственную власть. Что должны они были с нею делать? Сторонники механического понимания, гласящего: социализм возможен только тогда, когда $^{9}/_{10}$ населения стали пролетариями, пытались внушить рабочим, что социализм несуществим. Назад к капитализму—вот что гласил лозунг меньшевиков. Но рабочие **не могли** снова вернуться к капитализму без того, чтобы не повергнуть и себя, и всю страну в величайшие несчастья. Если бы капиталисты вернулись к власти, то они возложили бы на рабочих военные расходы, заставили бы работать по 12-ти часов в сутки для покрытия и этих расходов, и издержек по вооружению и подготовке новой войны. Они не устранили бы хозяйственной разрухи, а только взвалили бы последствия этой разрухи на плечи рабочих. Коммунистическое хозяйство означает использование всех производительных сил по одному плану, в интересах народных масс. **Именно потому, что страна разрушена, коммунизм является единственным путем, на котором перед рабочими открывается выход из нищеты и бедствий разваливающегося капиталистического общества.** Наперед отказаться от того, чтобы организовать это хозяйство в своих интересах, значило бы, окунуть голову, окунуться в капиталистическую нищету из одного только страха, что молодой пролетариат неспособен будет руководить концентрированными капитализмом отраслями промышленности. Это было бы не только историческим самоубийством, но и **практической бессмыслицей.** Что значит: назад к капитализму? Это значит в первую голову: возвратить капиталистам государственную власть, ибо пролетарское государство не может быть охранителем капиталистической прибыли. Достаточно установить это, чтобы вскрыть **всю утопичность лозунга: «Назад к капитализму».**

Ведь не случайностью было то, что русский пролетариат в октябре 1917 г. захватил в свои руки власть. Пролетариат завоевал власть, потому что не только пролетарские, но и буржуазные массы потеряли всякое доверие к капиталистическому господству. Первые представители российского капитала: Гучковы, Милюковы, Терещенки и их социалистические фиговые листочки: Церетели, Керенские и Черновы были до такой степени ненавистны массам, познавшим их на

делам их, что массы же их и прогнали. Если бы рабочие не завладели властью, то представители капитала все-таки ни на волос не приблизились бы к разрешению кризиса. Россия плыла бы без руля и ветрил по морю анархии, навстречу хаосу, из которого, правда, не родилась бы звезда социализма, но который не привел бы и к возрождению капиталистического режима. Россия сделалась бы попросту добычей заграничного капитала, который, без всякого сомнения, не «зрелее», чем молодой, но энергичный русский пролетариат, и не более, чем он, призван «упорядочить» истощенную страну в интересах ее народных масс.

Австрия и **Италия** находятся в таком же положении, как и Россия, и опыт русской революции свидетельствует, что социалистическая революция вовсе не должна начаться обязательно там, где капитализм всего более развит. И наикрепчайшая капиталистическая организация не в состоянии оградить массы от тех необыкновенно мучительных страданий, которые создает капиталистическая анархия, однако она в гораздо большей степени, чем молодые капиталистические страны, способна держать эти массы в повиновении.

Социалистическая революция начинается прежде всего в тех странах, где всего слабее организация капитала. Капиталистические страны с наиболее дезорганизованными органами принуждения являются пунктами социалистического прорыва. Именно в них начинается социалистическая революция. В национальных пределах она с трудом укрепляется, ибо после победы над собственной буржуазией, она видит над собою дамоклов меч буржуазии стран, оставшихся еще капиталистическими. Победоносно социалистическая революция может утвердиться только на всем пространстве континента; но так как социалистическая революция не может ждать, пока по ее зову встанет пролетариат всего мира, то ей приходится, наоборот, довольствоваться тем, что национальные социалистические революции, являющиеся сами продуктом интернациональной капиталистической разрухи, представляют собою элемент ее собственного дальнейшего развития в международном масштабе. Тем самым разрешается и первый вопрос, возникающий перед международным пролетариатом: когда может начаться социалистическая революция? **Социалистическая революция может начаться и начнется повсюду, где капитал создаст для рабочего класса невыносимое положение.** Страдания народа не считаются со статистикой Кунова и К°, и революционный кратер не ждет, чтобы ему подали знак статистические схоласты из числа «тоже»-марксистов. Кто доказывает невозможность социалистической революции со статистическими таблицами в руках, тот показывает, что ровно ничего не понимает в марксизме. **Фридрих Энгельс** мог ошибаться, предполагая в 80-х годах, что **конец капитализма близок.** Но уже самая возможность такой ошибки свидетельствует о том, что Энгельс не имеет ничего общего с этим статистическим пониманием своего и марксова учения. Подобное одеревенение марксизма грешило против самого духа марксизма, но объяснялось условиями мирного капиталистического развития. После опыта русской революции оно не только представляет собою результат **контр-революционного умонастроения,** но и является контр-революцион-

ной утопией, как показывает тот же самый опыт. Никакие заклинания в духе фальсифицированного Маркса не спасли Д. ов и Церетели. «Еще не созревший для социалистической революции пролетариат» выбросил их на сорный двор истории, откуда они еще могут оплевывать, но не в состоянии задержать революцию русского рабочего класса. Европейский капитал, быть может, временно сломит эту революцию, если европейский пролетариат в более или менее близком будущем не обратится к тому же оружию, что и русские пролетарии. Но того, что она есть пролетарская революция, что она героически стремится заменить анархически-капиталистическое хозяйство социалистической организацией, что она, стало быть, является социалистической революцией, которую могут задушить только Аттилы империализма,— этого у нее никогда не отнимут ни меньшевики, ни их европейские подголоски, точно так же, как и она сама никогда не в состоянии будет изменить своему социалистическому характеру: **ибо ее социалистический характер высится над нею, как путеводная звезда, он возник с железной необходимостью из империалистического характера войны.**

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА.

Социалистическая рабочая революция в России показывает европейскому пролетариату дорогу, которая ведет к власти. Мировая капиталистическая пресса кричит, что это—кровавая дорога, она кудахчет по поводу грубого насильственного характера революции. Это ее право. Капитал создал ее органом борьбы против рабочего класса, и ее обязанность состоит именно в том, чтобы прязнить и клеветать на первую рабочую революцию, дабы отпугнуть рабочих других стран головою Медузы. Но каким образом доходят **Аксельроды, Мартовы** и—risum teneatis—**Каутские** до того, чтобы ссылаться на насильственность революции, как на обвинительный пункт против нее? **Не они ли сами защищали против реформистов идею диктатуры пролетариата?**

Что значит диктатура? **Диктатура—это такая форма господства, при которой один класс непоколебимо диктует другим свою волю.** Во время социальной эволюции, когда какой-нибудь класс только готовится к борьбе за власть, он отвергает насильственные меры,—потому что слишком слаб для того, чтобы пользоваться насилием. Он только собирается с силами. Поэтому и господствующий класс не имеет надобности действовать против него открытым насилием. Господствующий класс держит насильственные меры только наготове, но предоставляет некоторым классам некоторую свободу действия, по крайней мере до тех пор, пока считает их неопасными. Но в ту минуту, когда господствующий класс налагает на подчиненные классы тяготы, которые настолько значительны, что он начинает опасаться, не откажет ли ему порабощенный класс в повиновении, он применяет к нему механизм насилия. Такого рода тяготы приносит рабочим массам война, и поэтому она повела за собою прекращение даже тех куцых свобод, которыми рабочий класс пользовался в мирное время т.-е. она привела к диктатуре империализма, обошедшейся пролетариату в миллионы трупов. Чтобы сломить диктатуру империализма, рабочий класс должен применить насилие: он производит революцию. Но господ-

ствующий класс никогда не бывает побежден с одного удара. Однажды потерпев поражение, он стремится вновь подняться и имеет возможность сделать это, так как победа революции отнюдь не в состоянии в мгновение ока изменить хозяйственный строй страны, вырвать свергнутый класс с корнем. **Социалистическая революция представляет собою длительный процесс,** начинающийся низвержением капиталистического класса, но оканчивающийся только с превращением капиталистического хозяйства в трудовое общество. Этот процесс потребует в каждой стране по меньшей мере **одного поколения, и такой промежуток времени взят именно периодом пролетарской диктатуры,** периодом, в течение которого пролетариат должен одною рукою постоянно сызнова бросать класс капиталистов на землю, а другою совершать дело социалистического строительства.

Все, что с принципиальной точки зрения приводится против насильственного господства русского рабочего класса, означает не что иное, как не только полное отрицание марксистского учения, но и забвение простейших исторических фактов.

Если какой-нибудь Роннер имеет смелость с ученым лбом и ученой миной доказывать, что политическая революция, т.-е. решительное применение насилия, противоречит характеру социалистической революции, потому что социалистическая революция требует организации нового экономического строя, а не насилия, то это только значит, что этот марксист, ранее по-лассалевски относившийся с обожанием к государству, вовсе не является сторонником государственной идеи в духе Лассаля, каким его зачастую изображали, а попросту низкопробным софистом капитализма. Именно потому, что социалистическая революция должна преобразовать весь способ производства, доставляющий небывалые привилегии одному классу, она неминуемо возбуждает сильнейшее противодействие этого класса, которое можно сломить только железом. **И чем сильнее развит капитализм в какой-нибудь стране, тем непреклоннее и ожесточеннее будет его самозащита, тем кровавее пролетарская революция и тем непреклоннее мероприятия, с помощью которых победоносный рабочий класс покорит себе под ноги класс побежденных капиталистов.** Но моллюскообразные противники русской рабочей революции из лагеря «толе-марксистов» отвечают нам: дело идет вовсе не о принципиальном отказе от пролетарской диктатуры, но об **отказе от диктатуры в стране, где пролетариат представляет собою меньшинство и где диктатура вырождается в господство меньшинства над большинством,** подобно тому, как это, якобы, случилось в России. Этот аргумент является трусливой передержкой.

Нигде, ни в одном государстве, **революция не начнется, как дело большинства населения.** Капитализм никогда не равнозначущ только с физическим господством над средствами производства, повсюду он одновременно означает духовное господство над народными массами, даже в наиболее развитых капиталистических странах. Под давлением нужды и несчастий, под влиянием таких потрясений капиталистического режима, как **война,** униженные и порабощенные внезапно сбрасывают свое ярмо. Но сбрасывает его всегда сначала только активное меньшинство, оно производит революцию, успех которой зависит от того, соответ-

ствует ли эта революция линии исторического развития, т.-е. интересам народных масс, способных сменить класс, господствовавший до революции. Только творческая и бодрящая сила революции может пошатнуть всю народную массу, освободить ее от духовного рабства, привести ее в тот лагерь, где защищаются ее собственные интересы. **Можно было бы сказать, что каждая революция начинается меньшинством, большинство же** переходит на ее сторону только в процессе ее развития и завершает ее победу. Если бы дело обстояло иначе, то диктатура была бы в стране с пролетарским меньшинством, подобно России, не только вредна, как утверждает Каутский, но она была бы бесполезна в стране с пролетарским большинством, где Каутский однако благосклонно готов допустить диктатуру. Капиталистический класс представляет в этих странах такое ничтожное меньшинство, что он, вообще, не был бы в состоянии поднять оружие против пролетариата. **Значит, одно из двух: либо марксово учение о неизбежности пролетарской диктатуры, как пути к социализму, в действительности устарело, либо эта диктатура столь же допустима в России, как и во всякой другой стране.**

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ.

Русская революция познакомила нас с конкретными формами буржуазного сопротивления и пролетарской диктатуры, подобно тому, как она вообще являет характерные черты рабочей революции. Фридрих Энгельс показал в «Анти-Дюринге», как капитализм развивает милитаризм, милитаризирует весь народ или ставит его под начало фельдфебеля, но в то же самое время создает элементы, разлагающие милитаризм, внося в армию классовую рознь, которая на определенной ступени развития выбивает из рук капитала оружие армии, раскалывая армию на ее пролетарские и буржуазные части, на красную и белую армии. Об этом позабыли ученики Маркса и Энгельса, когда беспрестанно ссылались на знаменитое замечание Энгельса в предисловии к «Классовой борьбе во Франции», в котором Энгельс указывает на ширину улиц и т. п., как на обстоятельства, затрудняющие восстание. Русская революция показала, как восстание может в равной мере победить в открытом бою и в окопном сражении, не говоря уже об уличных боях, когда идея революции захватает солдатские сердца и ведет их массовыми колоннами на штурм капиталистической армии и буржуазного общества. Русская революция показала далее, что попытки создавать новые армии из капиталистических и колеблющихся элементов являются самым главным методом буржуазной контр-революции. В странах более высоко развитого капитализма, с крепким, сытым капиталистическим крестьянством, эта тенденция контр-революционной буржуазии окончится непосредственно сражением между полками, происходящими из пролетарских или мужицко-капиталистических местностей. **Гражданская война между революцией и контр-революцией будет войной в буквальном смысле слова.** Развитие мировой [illegible]

ской революции приведет к превращению империалистических фронтов в революционный и контр-революционный фронты. Немецкое нападение на Украину, франко-англо-японское нападение на Россию свидетельствуют именно об этой перспективе. Развитие революции и контр-революции ребром поставит вопрос о **стратегии социалистической революции.** Русская революция показывает, в каком направлении разовьется этот вопрос. Если русская революция страдает из-за отсутствия офицерства, из-за того, что ей приходится точно так же воспитывать пролетариев для роли руководителей армиями, как и для роли руководителей фабриками, то это — не только русская проблема. De te fabula narratur (о тебе рассказывается в сказке).—говорит военный опыт русской революции европейскому пролетариату, но вместе с тем этот опыт показывает, что и в военном отношении пролетарская революция в конце-концов непобедима. Она побеждает благодаря тому, что **буржуазия в качестве незначительного меньшинства не в состоянии образовать и своего контр-революционного войска из чисто буржуазных элементов,** она вынуждена организовывать свои контр-революционные армии из обманутых пролетарских элементов, которые разлагаются в борьбе против армий революции и раньше или позже переходят на сторону революции.

Подобно тому, как господство буржуазии покоилось не на одном только насилии, но и на ее значении в качестве руководительницы производства, она будет стараться победить и пролетарскую революцию не одной только вооруженной силой; саботаж буржуазии и буржуазной интеллигенции, достигший в период от октябрьского восстания до марта месяца (1918 г.) в России наивысшего напряжения, является не только русским продуктом. Он служит хорошим предостережением европейскому пролетариату. И когда ныне сивухи марксизма указывают на то обстоятельство, что русский пролетариат до сих пор еще не был в состоянии социалистически организовать производство, то они, не замечая этого, издеваются сами над собой. Буржуазия и буржуазная интеллигенция будут повсюду чинить величайшие препятствия организационной работе пролетариата, и нигде пролетариат, даже наиболее развитой, не будет в состоянии в короткий срок найти в собственных рядах силы, необходимые для того, чтобы провести организаторскую работу социализма. В благословенной стране организованности, в Германии, число рабочих, которые уже сегодня были бы способны самостоятельно руководить целыми отраслями промышленности, чрезвычайно ограничено; даже количество рабочих, которые смогли бы в качестве техников взять в свои руки производство на отдельных фабриках, очень невелико. Это знает каждый, действовавший среди немецкого рабочего движения. Цепою многократных ошибок, рабочий класс каждой данной страны, научится управлять производством, и нигде он не сможет на первых порах отказаться от услуг буржуазных специалистов. Подобно русским рабочим, он вынужден будет прибегнуть к железной диктатуре для того, чтобы взять буржуазные элементы в услужение к рабочему классу.

Нигде пролетариату не удастся избежать той борьбы, которая заставила русский рабочий класс прибегнуть к мерам строжайшей диктатуры: борьбы за хлеб. Нигде крестьяне не станут сразу и без оговорок на сторону революции. В капиталистических странах еще меньше, чем в России, где революция дала им и землю, и волю.

Где революция приведет к военному столкновению пролетарских и крестьянских полков, там она и в социальной плоскости превратится в войну между крестьянами и рабочими за хлеб, пока побежденное крестьянство не поймет, что социалистическое общество обеспечивает ему более человеческое существование, чем капиталистическое.

ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ ГОСПОДСТВО РАБОЧЕГО КЛАССА.

Уже из этого видно, каким старческим упрямством или старческим слабоумием нужно обладать для того, чтобы обвинять русскую революцию в том, что она не особенно бережно относится к бедной демократии. Конкретно говоря, демократия является господством капитала, достаточно сильного и достаточно утвердившегося в мировоззрении масс, чтобы позволить себе роскошь предоставления им свободы рассуждать о государственных делах. Демократии, означающей что-либо большее, современная история не знает, ибо там, где народные массы еще только собираются перейти от свободы слова к праву распоряжаться судьбами государства против воли его капиталистических повелителей, демократия разлетается в пух и прах. **За кулисами современной демократии стоит господство капитала.** Так как пролетариат в период слабости был заинтересован в том, чтобы свободно говорить, свободно выбирать, собирая таким образом свои силы, то мы усмотрели в демократии дорогу к социализму; это значило, что мы нуждались в свободном участии в государственных делах для того, чтобы мобилизовать массы на борьбу за социализм. Но абстрактно демократия означает господство большинства народа. Мысль, что пролетариат только тогда начнет революцию, когда убедится в том, что за ним стоит большинство народа, уже потому совершенно нелепа, что капиталистическая демократия никогда не будет оставлена капиталистами в покое до той поры, пока пролетариат не сможет убедиться, что большинство на его стороне. Нигде тяжело эксплоатируемые рабочие-подростки и работницы не пользуются полноправием. Имей они его, буржуазия послала бы парламенты к чорту задолго до того, как рабочие получили бы возможность мирным путем осуществить волю большинства. Но, вообще, нелепо предполагать, что мирным путем, чистой агитацией, без революции, можно преодолеть недоверие народных масс к своим собственным силам. Только в революции передовые ряды рабочего класса могут увлечь за собою народные массы.

А революция означает, что один класс диктует другому свою волю. Условие, которое Каутский и К° ставят революции, заключается в следующем: **у нее, правда, есть право диктовать буржуазии свою волю, но она обязана при этом предоставить буржуазии возможность при посредстве свободы печати, с трибуны Учредительного Собрания, предъ-**

являть свои жалобы. Это остроумное требование присяжного жалобщика, которому не столь важно поставить на своем, сколько хочется доставить свое прошение по назначению, можно было бы, абстрактно говоря, исполнить, не вредя революции; но революция в том-то именно и заключается, что представляет собою гражданскую войну, а **классы, воюющие друг с другом пушками и пулеметами, пренебрегают словесными дуэлями героев Гомера. Революция не спорит со своими врагами, она уничтожает их, контр-революция делает то же самое, и обе спокойно снесут упрек в том, что ими не соблюден наказ, обязательный для заседаний немецкого рейхстага.**

СОВЕТЫ—ЗНАМЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЛЕТАРИАТА: «СИМ ПОБЕДИШИ».

Русская революция показывает интернациональному пролетариату те резкие черты, которые завтра он,—почернев в пороховом дыму,—сам с гордостью заметит на своем лице. **Кого это лицо пугает, кто отворачивается от него, как от головы Горгоны, тот вообще отвернется от пролетарской революции, отвернется от социализма.** Но русская революция показывает европейскому пролетариату не только предстоящие сражения, которые ему придется довести до конца, если он не захочет погибнуть в тине окопов, но и **формы, знамения его победы. Какой вид будет иметь форма пролетарской диктатуры в Европе? Она возникает в виде Советов, т.-е. представительства рабочих на фабрике, в городе, в деревне и в государстве.** Вот форма, в которой конституируется господство европейских рабочих. Идея Советов настолько проста, что никто не в состоянии был бы изобрести ее. Только история, подобно природе, вырабатывает свои кристаллы с такой гениальностью. В фабрике корнели рабы капитала. Фабрика связана тысячью нитей с остальными фабриками, со всем хозяйственным укладом своей местности. Она связана с местными путями сообщения, с фабриками, перерабатывающими ее полуфабрикаты или поставляющими их ей, зависит от всех фабрик той же промышленной отрасли и, наконец, от всего хозяйства страны. Представительство фабрики является поэтому политической и хозяйственной клеточкой государственного механизма. Представители пролетариата данного места являются государственной властью этого места и вместе с тем его хозяйственным управлением. Подобно тому, как в политической области представители рабочих всей страны получают предписания от рабочих на местах, но одновременно обобщают их и делают законом для местных органов государственной власти, коренится, стало быть, в местных рабочих Советах, противопоставляя однако этим рабочим Советам всеобщие интересы пролетариата, точно так же и всеобщий хозяйственный Совет, состоящий из представителей рабочих, делается органом, выводящим местные Советы хозяйства из сферы местных интересов и подчиняющим их общему экономическому интересу страны. В практике русской революции выяснилось, какие элементы синдикализма были сильны, жизнеспособны, плодотворны и какие страдали мелкобуржуазностью, цеховой ограничен-

постью. Рабочие одной какой-нибудь фабрики в качестве хозяев этой фабрики легко могут увлечься своими сепаратными интересами, которые превратили бы их в мелких буржуа. Совет хозяйства каждой отрасли промышленности представляет на фабрике интересы и потребности развития всей этой отрасли. Но и он мог бы поставить интересы пролетариата одной, какой-нибудь, особо важной промышленной отрасли выше общих интересов рабочего класса. Всеобщий Совет хозяйства, намечающий и проводящий весь план хозяйственного строительства, находит равнодействующую в этом переплете интересов, делает законом всеобщий интерес. Так преодолеваются цеховые тенденции синдикализма и в то же время разрешается проблема, существование которой он отрицал из недоверия к обанкротившейся демократии и которой он и знать не хотел. Съезд рабочих Советов, Исполнительный Комитет рабочих Советов—вот государственная власть пролетариата: не средство капиталистического угнетения, а, напротив, боевой орган пролетариата. **Советское правительство не есть демократическая форма правления, оно есть форма рабочего правительства;** оно ясно обнаруживает его классовый характер, не прикрывает его демократическими фразами, но в то же время является формой правления, в которой воля рабочего класса находит полное и непреклонное выражение. Тем самым разрешается и та проблема, которая была неразрешима в пределах буржуазной демократии: **проблема бюрократии.**

Синдикализм с отвращением свернулся от бюрократической проблемы, он хотел уничтожить и бюрократию, и ее организацию,—но он не мог ее уничтожить, он только отрицал ее на словах. В капиталистическом обществе пролетариат осужден ловить крохи, падающие со стола капиталистической науки. В капиталистическом обществе даже рабочее движение нуждалось в бюрократах (чиновниках), которые одни только и обладали достаточным досугом и временем для того, чтобы изучить технику рабочего движения. После свержения капитализма, в процессе социалистической революции, глубоко всколыхнувшей массы и взбудоражившем все ее способности, рабочий класс получил впервые за всю свою историю возможность действительного самоуправления.

Правительство Советов Рабочих Депутатов, могущих постоянно быть переизбранными, постоянно возвращающихся к родной почве—на фабрику,—будет той формой, в которую выльется победа пролетариата над капитализмом в мировом масштабе и поможет ему осуществить социализм. И в высшей степени характерно то обстоятельство, что все эти «марксисты», выписывающие в русской революции сухие и задержки и до сего дня пытающиеся нападать на идею Советского правительства, должны для этого защищать ни много, ни мало—империалистические черные кабинеты, в которых бюрократия, совместно с представителями финансового капитала, вершит судьбами государства.

Парламент, это—дискуссионный клуб, простая говорильня. Парламент не управляет фабриками, не проводит железных дорог. **Либо государственной машиной, все больше превращающейся из полицейского механизма в хозяйственную контору, будет управлять бюрократи-**

чески-капиталистическое товарищество дельцов, при которых парламент играл бы только роль кулисы, либо надобно было создать такие органы управления, в которых рабочие совместно со специалистами приводили бы в движение хозяйственный аппарат и управляли бы им. Так как эта альтернатива ясна каждому, имеющему малейшее представление о фактическом механизме так называемых демократических государств, то противники Советского правительства должны были ограничиться защитой права нации, т.-е. буржуазии, упражняться в болтовне, **но они не осмелились защищать ядро фактического господства объединеных бюрократов, финансовых живоглотов,** иначе говоря, они должны были оставить без всякого внимания **кардинальный вопрос о формах рабочей революции.** Это—наилучшее доказательство тому, что эти ученые господа вовсе не в состоянии были не только действительно бороться против русской революции, но хотя бы только действительно понять ее.

Европейский пролетариат в ближайшее время, без сомнения, так быстро замарширует, что у него не будет времени знакомиться с практикой русской революции из ученых книг. Он практически усвоит ее, прежде чем ему удастся ознакомиться с нею документально. Мы, испытывающие необыкновенное счастье после четырех лет ужасов мировой войны—жить, т.-е. бороться, среди вновь нарождающихся форм общественного уклада, не обольщаемся надеждой стать учителями европейского пролетариата. Но поскольку история дает ему еще некоторую передышку для того, чтобы познакомиться с уроками русской революции, хотя бы в схематическом изложении, перед тем, как практически применить и обогнать их, постольку наша задача заключается в том, чтобы дать картину желаний и действий русского пролетариата. Пусть факты говорят тогда сами за себя страждущему сердцу пролетариата и его уму, который считается с фактами, как с таковыми, и не требуют для них никакой рекомендации. Русская революция не нуждается в защите перед трибуналом европейского пролетариата. Если социализм действительно заполнял все помыслы двух поколений лучших сынов пролетариата,—а мы убеждены в этом,—то они узнают его в русской революции, ибо она представляет собою первый шаг в развитии социализма от теории к делу. И они уже узнали в русской революции осуществление своих чаяний. От Сан-Франциско до Владивостока, каким бы путем ни двигаться, через Атлантический ли, или через Тихий океан, изо всех стран света ежедневно до нас доходят свидетельства тому, что, несмотря на ложь буржуазной прессы, несмотря на трусость предателей социализма, рабочий класс всего мира, едва только начиная приходить в движение, едва только начиная чувствовать волю к борьбе, направляет свой взор к залитой кровью России, к России, в которой рабочий класс борется с целым сонмищем врагов и в которой он,—как мы твердо надеемся,—победит.

Москва, сентябрь 1918 г.

Неделя, когда Ленин, мозг и сердце мировой революции, боролся со смертью и победил ее.

II.

Крушение германского империализма и задачи международного рабочего класса.

(Доклад, прочитанный в октябре 1918 года в Московском Советском Театре).

Когда в августе 1914 года грянул гром войны, мы с испугом увидели перед собой зрелище невиданное,—зрелище, которого не ожидал никто из социалистов. Рабочие всех стран пошли на войну, — на войну, о которой знали, что она ведется за интересы капитала, на войну, которую предсказывал Интернационал на всех своих последних конгрессах, на войну, которую он характеризовал, как войну хищническую, войну за интересы капитала, войну против народов. Международное братство народов оказалось ничем: Интернационал рухнул. И у того, кому приходилось тогда видеть, как рабочие Германии, передовой отряд Интернационала, шли на войну, у него, будь он самым убежденным представителем интернационализма, зарождалась мысль, не являлось ли все то, что мы говорили о международном братстве пролетариата, сном или мечтой, ибо германские рабочие шли на эту войну без всякого сопротивления, они шли с песнями, как опьяненные, они шли с криками о победе. Не подлежит ни малейшему сомнению, что мы имели здесь на-лицо проявление глубоких исторических процессов, понимание которых наметилось перед этим только в небольшом кругу социалистов.

МОЩЬ ИМПЕРИАЛИЗМА И КРУШЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Мы видели в эти дни **полное торжество империализма**, созревавшее в эпоху 90-х годов, эпоху II Интернационала. Это торжество обратило международную социал-демократию II Интернационала в ничтожную игрушку, которую сапог истории отбросил в решительный момент. И теперь, когда мы стоим перед крушением германского империализма, во всяком случае накануне германской и австрийской революции, нам надо в первую очередь остановиться на причинах мощи германского империализма,—остановиться, поскольку эта мощь проявилась в эти дни, и на **причинах падения, позорного крушения II Интернационала.** II Интернационал и современн. империализм—дети одной эпохи. II Интернационал был основан именно благодаря тому

что международный капитализм сильно развился за последнее десятилетие XIX столетия и создал в рабочих классах всех стран чувство солидарности интересов. Вот на этой почве капиталистического процесса, который во всех странах, с одной стороны, обострял противоречия между рабочим классом и капиталом, а с другой — соединял в один организм все капиталистические страны, и возрос II Интернационал. Но это же капиталистическое развитие, создавшее II Интернационал, одновременно создало высшую форму капитализма — современный империализм. Первое проявление этого современного империализма, это — война между Американскими Соединенными Штатами и Испанией, затем следует война англо-бурская, война между Россией и Японией, кризисы турецкой, персидской, китайской революций и, наконец, кризис балканский перед международной войной. Все эти явления указывали, в каком направлении развивается капитализм. Но большинство рабочего класса не понимало значения этих явлений. Социалистическая агитация рассматривала империализм, как дело рук небольшой клики капиталистов, военных поставщиков, капиталистических династий, и хотя социалистическая теория и указывала на глубокие корни современного империализма,—в сознании народных масс этот империализм не был тем, чем он являлся на самом деле,—самым серьезным врагом рабочего класса. Современный империализм не есть политика узкого круга капиталистов, как это имело место с политикой торгового капитала XVII—XVIII столетий. Современный империализм, это—детище современной металлургической индустрии, великих трестов и картелей, для которых недостаточно внутреннего рынка, которые стремятся через моря, горы и долы в чужие страны, в страны капиталистически неразвитые, дабы там за счет народных масс, как собственной страны, так и стран капиталистически-неразвитых, строить железные дороги и гавани, дабы строить на их счет корабли, при помощи которых металлургический капитал защищает свою добычу. Но металлургический капитал, который с 90-х годов приобрел первенство по отношению к текстильному капиталу,—этому продукту раннего капитализма,—с каждым годом имеет все больше рабочих в своих руках, он захватывает с каждым годом все большие капиталы и является первой и главной отраслью современного капитализма. С ним связан капитал угольный и все отрасли промышленности, идущие за ним, когда он строит в далеких странах железные дороги, гавани и города. Мало того, товарищи! Если одним из источников современного империализма является стремление финансового капитала, в руках которого находится именно металлургическая индустрия, к тому, чтобы путем порабощения стран капиталистически неразвитых, путем создания в них средств производства и транспорта взять в свои руки новый мир,—мир, который только хочет развиться,—то в то же время для всех других отраслей промышленности это стремление имеет еще другое значение. Везде в мире идет борьба теперь за источники сырья, и даже те отрасли современного капитала, которые могут развиваться старым методом,—методом свободной торговли,—нуждаются в сырье. Поэтому они и поддерживают металлургический капитал в его стремлении захватывать новые страны в целях получения из этих стран необходимого сырья. Современный империализм являлся политикой всего капитализма, был во всяком случае его решающим элементом. Но он был более, нежели

экономике как политике, он был религией современного капитала. Когда капитализм появился на арене истории, он принес с собой общие принципы устроения человечества. И если вы теперь будете перелистывать классическое произведение молодого капитализма, книгу «Достояние народов» Адама Смита, то вы там увидите глубокую веру этого капитализма в то, что он несет миру мир и человечеству—свободу развития и всеобщее спасение. Ад. Смит указывает с гордостью, что батраку XIX столетия живется не хуже, чем королю XII столетия. Молодой капитал полагал, что он несет успокоение, свободу и возможность развития. Но вскоре наступили «сумерки богов» раннего капитализма. Идеология его, являвшаяся идеологией либерализма, разлагалась, и либерализм уже в 50-х годах принужден был стать лицом к лицу и посмотреть в глаза новому миру нарождающегося социализма и рабочего движения, новой религии человечества, он должен был пройти через огонь социалистической критики, которая убивала в нем самом веру в то, что он несет с собой новый порядок. И вот в это-то время упадка идеалов и верований буржуазии явился империализм. Вместе с ним появились мощные отряды капитала, которые проникают в далекие страны и запосят туда железо, электричество, созидают и призывают к жизни новые продуктивные силы. Стремление к такому созиданию делается религией буржуазии.

Буржуазия, которая более не может верить в выполнение своих задач у себя дома, перемещает их в далекие страны, и, когда вы будете читать произведения империалистической литературы, вы на первом месте увидите там верование, что империализм, который здесь в Европе уже сделал свое дело, дело капиталистической культуры, имеет теперь новую миссию—итти в другие страны, итти к спящим народам, разбудить их энергию, понудить их взяться за работу с топором в руках, при помощи электричества внедряться в землю, создавать новый мир. Когда вы будете читать биографии великих полководцев современного капитализма, пионеров империализма, биографии Сесиля Родса, Дж. Чемберлэна, биографию германского пионера империализма недавно умершего Карла Петерса, то вы увидите, какая глубокая вера воодушевляет этих людей. Они убеждены, что они—новый Мессия, что они призваны дать новую мысль, новое слово старому умирающему миру. И в то же время в них живет глубокое презрение к рабочему движению. Им кажется, что рабочее движение, социализм, это—стремление к дележу того, что уже есть, тогда как империализм своей задачей ставит создание нового мира. И именно благодаря тому факту, что империализм был стремлением широкого капиталистического фронта, главной мыслью больших капиталистических кругов, руководящих кругов, религия империализма сделалась религией всей буржуазии. Здесь сыграла роль, кроме того, внутренняя борьба между рабочим классом и капиталистами. Мелкая буржуазия, которую большой капитал сбросил с престола, сделалась служебным классом, лакеем империализма, лакеем крупной буржуазии, и она больше, чем крупный капитал, ненавидела рабочих. Если большие капиталы и тресты делали мелкую и среднюю буржуазию своими прислужниками, зависевшими от них, то рабочие при помощи профессиональной борьбы, профессиональных союзов и социального законодательства, ими завоеванного, спихнули эту мелкую буржуазию еще ниже. И эта борьба между рабочими и средней и мелкой бур-

жуазией и создала у этой буржуазии, интересы которой совсем не требуют[illegible] на[illegible]вание Азии или Китая,—веру в насилие. Ибо то правительство, [illegible]ор[illegible] с роило большие суда, чтобы послать их для покорения боксеров, для [illegible]орьбы с бурами, оно в то же время, теми же самыми органами насилия, покоряло рабочих, принуждало их к повиновению. И поэтому весь тот мелкий промышленный класс, который, может-быть, задумался бы над тем, что империализм стоит весьма дорого, что он удорожает жизнь, затрудняет борьбу для средних капиталистов,—видел, с другой стороны, в этом империализме единственную силу, при помощи которой можно было импонировать рабочим, задерживать их движение вперед и, в случае надобности, сокрушать их. Таким образом во всех капиталистических государствах империализм являлся политикой господствующих классов, политикой буржуазии в ее целом. И все те социалисты, которые в целях популярности, для того, чтобы облегчить свою агитацию, представляли империализм как политику только королей, династий, отдельных капиталистов, все они совершали не только теоретическую ошибку, но и преступление перед рабочим классом, ибо они уменьшали в его глазах грядущую опасность международной войны. Весь Интернационал теоретически признавал грандиозную опасность империализма. На конгрессах выносились резолюции, в которых призывали рабочих к борьбе с империализмом, но всякий, кому приходилось при непрерывной работе в рядах социалистических партий Запада выдвигать вопросы империализма и указывать ежедневно на их неслыханную опасность для рабочего класса, наталкивался на сопротивление, слова его встречались с недоверием. В германской социал-демократии за последние 5 лет перед войной шла ожесточенная борьба внутри самого радикального и революционного направления партии,—борьба, сосредоточившаяся именно на вопросе об империализме. С одной стороны, стояла маленькая горсть так называемых левых радикалов, которые указывали на неслыханную опасность и доказывали, что надо мобилизовать рабочие массы для непосредственной агитационной борьбы против империализма, заявляли, что парламентскими средствами нельзя опутать, нельзя взять в руки этого мощного зверя, что его надо взять в железные цепи и взять его может только рабочий класс. Другое направление возглавлял Карл Каутский, теоретик II Интернационала. Это направление утверждало, что, с одной стороны, существуют, понятно, сильные империалистические стремления, но с другой—среди буржуазии есть сильное течение за мир, направленное против империализма, и что не массовая агитация, а сотрудничество с этим течением, конкретно говоря, с либералами, является наилучшим средством преодоления империализма,—преодоления при помощи пацифизма и международных договоров о мире и разоружении. Левые радикалы оказались маленькой горсточкой, они сумели лишь подготовить ту идеологию, которая теперь проводится в Интернационале и является ныне господствующей, но они не сумели внушить рабочим массам представление о неслыханных опасностях, им угрожающих. Глубокие причины этого явления скрывались в самой жизни рабочих масс. Рабочие перед войной думали, умели мыслить в наилучшем случае только в рамках своего ежедневного бытия. Они были прикованы цепями капитала, они работали на фабриках до изнеможения, и когда после 10—11-часовой работы приходили домой, то думали лишь о том, как бы устроить потреби-

тельскую лавку, кого бы выбрать в городскую думу, дабы при ее помощи лучше поставить жилищный вопрос. Они думали в лучшем случае о том, что придут выборы и что надо подать выборный листок для того, чтобы в парламент вошли социалисты, которые будут бороться против новых податей и увеличения империализма. Рабочий не был в состоянии, находясь в рамках повседневности во власти своей фабрики, окинуть взглядом весь мир и узреть грядущую опасность. Он не мог даже в своем воображении представить эти миллионы людей, сражающихся на мировой арене. Когда нам приходилось работать в Германии и затрагивать вопросы империализма, то мы наталкивались на этот узкий географический кругозор. И когда мы говорили рабочим Германии, что вам, быть-может, придется сражаться за Багдадскую железную дорогу у Багдада, то они смеялись, так как их скудное воображение людей, прикрепленных к месту, не могло вместить представления о том, что придет мощный капитал и погонит их в широкий мир, через реки и моря,— погонит их на Тигр и Евфрат, о которых они знали только из Библии. Рабочий класс должен был пройти через огонь международной бойни, провести свои эшелоны через всю Европу, сражаясь сегодня у Северного моря, завтра у Евфрата, послезавтра в Финляндии, дабы он понял призыв Джорджа Чемберлэна, вождя английского империализма, буржуазии Англии и континента: «Думайте обо всем мире в мировом масштабе». Рабочий класс не мог уверовать, на основании только теоретической пропаганды и агитации, в грандиозную опасность, которая ему угрожала. И эта его прикрепленность к земле усиливала II Интернационал, созданный в эпоху мирного, по его мнению, капитализма, ибо тогда войны шли только на окраинах капиталистического мира, и международный капитал лишь подготовлял международную войну. Интернационал — это старое революционное учение Маркса— был превращен в учение о ближайшем этапе, о том, что надо сегодня делать, что надо делать завтра, и он был неспособен внести в рабочее движение размах. Интернационал был до самых корней испорчен оппортунизмом, — направлением, которое считало задачей рабочего бороться за 5-копеечное повышение платы, за сокращение рабочего дня на полчаса, но которое считало романтизмом и фантазией изложение перед рабочим классом великих мировых революционных задач. И поэтому международный пролетариат не был в состоянии стать с оружием наготове, когда грянул гром войны. Он был связан по рукам и ногам своей собственной идеологией легальности,— идеологией, которая ему указывала, что борьбу надо вести только в легальных формах и только за ближайшие задачи пролетариата, и которая подрывала веру в свои собственные силы. И это сказалось яснее всего в истории германской социал-демократии в тот момент, когда русские революционные рабочие массы вложили новую душу в рабочие массы Германии и их передовые отряды начали стремиться к всеобщей забастовке, к борьбе революционными средствами, и когда тот же марксизм в большинстве его представителей удерживал их от этого. Марксизм из теории активности, из теории борьбы сделался теорией, указывающей рабочим, что не надо совершать прыжков, ибо и капитализм не прыгает, а развивается медленно. Такова была история марксизма в эпоху II Интернационала,—он не занимался только одним, не занимался той глубокой работой, которую совершил сам капитализм. В тот момент, когда эти марксисты утешали себя тем, что

уже столько лет не было международной войны, что ведь капитализм сам рискует в случае войны потерею своих больших ценностей, разрушаемых войной, они не понимали, что капитализм в своем развитии никогда не руководствовался логическими аргументами, что политика капитала всегда была политикой исторической необходимости, которая толкала буржуазию вперед, несмотря на опасности, точно так же, как будет и была всегда революционной политика пролетариата, тоже стихийная, тоже являющаяся результатом столкновения великих сил. В то время, когда марксисты и II Интернационал успокаивали рабочий класс или старались его заговорить шумихой фраз, за которыми не было никакой воли к действию, воли к борьбе, империализм со своей стороны делал свое дело,—этим делом было приготовление к великой международной войне, к войне, подобной которой не видело человечество со времен Наполеона I. Капиталистическое развитие последних 40 лет имело в результате создание в средине Европы капиталистических гигантов. Германия, представители которой еще 60 лет тому назад,— как на это указывает Фридрих Энгельс в своей работе «О создании современной Германии»,—со шляпой в руках стояли в передних английских капиталистов, Германия,—о чем вы можете составить очень ясное представление по работам германского писателя Макса Эйта, который сам, как молодой инженер, наблюдал этот процесс,—в продолжение последних 40 лет сделалась первенствующей капиталистической державой Европы. Она создала громадную железную и угольную промышленность на Рейне, в Вестфалии, в Силезии, гигантскую металлургическую промышленность, равную которой видели только Соединенные Штаты Северной Америки. Она развилась скорее, чем Англия, эта старая капиталистическая держава, ибо именно потому, что Германия была молода, что в ней крупная промышленность создалась только после 1871 года, она сумела применить все новейшие методы производства. Она создала специальные науки, великие технические науки, стоящие выше соответственных отраслей науки в Англии. Она применила научные методы для развития промышленности, и в 90-х годах она вдруг увидела, что для нее чересчур узок ее внутренний германский рынок. Понятно, если бы германская промышленность хотела довольствоваться обыкновенными барышами, она могла бы конкурировать своими хорошими изделиями, своей мануфактурой, своими металлургическими произведениями на всех рынках в старых капиталистических странах, но германские капиталисты видели с завистью, как английские капиталисты в Южной Африке захватывают с каждым годом все новые территории, как они там создают из ничего новые города, как они перебрасывают через водопады грандиозные мосты, по которым проходят рельсовые пути, задаваясь мыслью соединить Кап с Каиром; они видели, как на этих предприятиях английский капитал собирает сверхприбыль, как его промышленность получает громаднейшие барыши; они видели развитие калифорнских золотых промыслов, видели начало экономического развития Китая. Видя все это, они задумались о том, что мир уже разделен, и тогда представители мощного германского капитала сказали себе: «Мир уже разделен, хорошо, я его еще раз разделю, разделю для себя». Германский капитал начал строить мощный флот, начал строить Великий канал, соединяющий Киль с Вильгельмсгафеном, дабы флот был в состоянии пройти через Балтийское море в Северное германское море и броситься

на Англию в тот момент, когда старый разбойник, старый всемирный пират ослабеет! Германский капитал смотрел на то, что делается с Турцией, видел этого больного человека, который обращался к капиталам всего мира за помощью. Для того, чтобы связать распадающийся турецкий дом железными спайками, султаны Турции нуждались в помощи европейского капитала. И вот тут-то перед германским капиталом предстала мысль, которая еще в 90-х годах была выдвинута великим теоретиком германского империализма Фр. Листом,—мысль о том, чтобы построить великую железную дорогу от Константинополя до Багдада, — железную дор., на которой германский империализм мог заработать миллиарды, но которая одновременно имела более важную задачу: она должна была помочь ему превратить пустыню Месопотамскую в обширные поля, на которых будет произрастать хлопок, столь необходимый германским капиталистам, ибо они покупали его до этих пор в Америке и должны были платить таким образом дань американским биржевикам. Германский капитал уже видел перед собой тот день, когда германские эшелоны пойдут по этой железной дороге в глубь, к Индийскому океану, пройдут в Персию; как они создадут там новую большую «Империум Германикум», германское владычество в мире, которое может померяться силами с цепким англо-саксонской расы, противопоставить себя ее неслыханно грандным владениям, этой красной черте, о которой говорит пророк английского империализма Чемберлэн: «Когда бросаешь глаза на английскую карту, тогда видишь, что красная английская черта очерчивает весь мир, что она делает весь мир, всю Европу, всю Азию и Африку предметом английской эксплоатации, объектом английской политики». Германский капитал видел, что великое Китайское государство, насчитывающее около 400 миллионов обитателей, уже не может отделяться китайской стеной от капиталистического мира. В 1895 г. Япония разбила своими пушками эту китайскую стену. Англичане протянули руки из своих старых владений у Кантона в глубь Китая; и у германских капиталистов тряслись руки от зависти и от желания поживиться и вырезать из этого громадного тела часть и для себя. Они использовали борьбу, происходившую между самыми сильными империалистскими государствами, между Англией и Россией, за Азию, они попытались использовать франко-английскую распрю за раздел Северной Африки и везде пытались сделать первый шаг, дабы за ним последовали дальнейшие. В корреспонденции кайзера Вильгельма к бывшему царю, находящейся вместе с другими реликвиями старой Европы в руках первого революционного правительства Европы, находятся характерные письма. Кайзер Вильгельм рассказывает в них, как он отправлялся в Иерусалим, он говорит, что он отправлялся туда, как паломник: ведь он—христианин, он—верующий человек, а всякий верующий отправляется в Иерусалим, ибо это считается добродетелью перед богом и людьми. Но когда кайзер Вильгельм пошел по следам этих православных верующих и отправился в Иерусалим, то весь мир закричал, что за этим кроются какие-то происки германской политики. И вот кайзер уверяет царя, что это неверно. Но в ближайшем будущем мы видим, что кайзер отправляется туда уже не по внушению своей религиозной совести, а что его начинает толкать туда Дейч-Банк. Дейч-Банк—большой германский банковый институт, который сосредоточивает в своих руках большие германские капиталы. Во главе этого Дейч-Банка

находятся хорошие хозяева. Эти хорошие хозяева—евреи, но интересы Дейч-Банка, толкавшие германского кайзера на Багдад, к сделке с Турцией,—эти интересы не менее сильно горели в сердце кайзера, чем его религиозные чувства. И мы видим в следующих письмах, как он убеждает царя уже не словами веры и не чувствами христианина.—Он говорит: «При помощи моих банков я построю железную дорогу в Турции, великолепную железную дорогу. По этой железной дороге ты сумеешь послать свои войска в Персию, если другая держава,—там никогда не говорится об Англии, а всегда о «другой державе»,—захочет тебе помешать». Мы видим, как германский империализм ввергал и вверг германский народ в этот большой международный империалистический конфликт, который в 1914 г. превратился в международную войну. Когда идеологи франко-английского капитала говорят об этом могущественном росте германского империализма, они дают анализ чуть ли не марксистский. Они не верят ни в христианство кайзера Вильгельма, ни в какие-либо другие его чувства; они показывают, как во имя интересов молодого могущественного германского капитализма Германия начала протягивать свои руки по трем направлениям: через Турцию в Среднюю Азию, в Индийский океан; от Киао-Чао, занятого германцами в 1898 году,—в глубь Китая; и от германских колоний в Африке, дабы создать там центральную африканскую империю. И когда идеологи союзников изображают этот процесс роста германского капитализма, они кричат о германских разбойниках, кричат о том, что Германия создала эту войну. Но ведь Германия не воюет теперь с китайцами в первую очередь, не воюет с неграми, не воевала с турками,—война родилась потому, что на то блюдо, на которое посягала Германия, зарились также наши бывшие доблестные союзники, идеалисты первого ранга, которые никогда не крали, никогда не разбойничали, но набрали перед этим так много, что теперь уже не в силах брать. Ведь это союзники,—и Англия в первую очередь,—создали империум, который держит в стальных руках весь мир. Ведь трагизм германского империализма состоит именно в том, что этот молодой разбойник тогда пришел в мир со своим большим аппетитом, когда другие уже насытились, когда другие сидели и лежали как Фафнер в вагнеровском «Зигфриде» и говорили: «Я сыт, ты меня не трогай». С точки зрения империализма, то, что сделала Германия, не является исключением. Французский капитал, в десять раз менее сильный, чем германский, имеющий меньше жизненной энергии, нахватал в мире колоссальные колонии, которые не в силах был даже развивать, и если кто имеет право говорить о германском хищничестве, о развенчании политики германского империализма, то не те, которые могут его упрекать только в том, что он им заступает дорогу, из их рук хочет вырвать жирный кусок. Упрекать в этом разбойничестве германский империализм могут только те, кто отрицает вообще империалистскую политику, кто боролся с германским империализмом, только те, кто противопоставляет ему свободное развитие всех народов без хищничества, без эксплоатации, без притеснения, без рабства. Но когда теперь через всю союзническую печать хором проходит крик радости: «побеждает цивилизация, побеждает добродетель, побеждает демократия», потому что старый разбойник сумел отогнать молодого разбойника от добычи,—то нам приходится сказать капиталистическому миру, что он—мир лицемерия, что он—мир, который мерит все двойной готтентотской мерой, ибо

он кричит о распятых на кресте тогда только, когда ему это полезно, и своих разбойников считает у себя дома народными героями. Давид Юм, великий философ молодого английского капитала, совершенно просто и ясно определил эту политику, когда он сказал: «То, что нам вредно, есть преступление». То, что неприятно английскому капиталу, это есть преступление, то, что ему полезно, это есть добродетель. Но это философское определение добродетели и преступления, хотя оно дано великим философом, вряд ли основывается на ином критерии, нежели: приятно грабить, но неприятно быть ограбленным, особенно—когда имеешь туго набитый кошелек. И весь этот триумф союзнической прессы вызывает в нас не меньше отвращения, чем крик германской прессы в годы ее победы о том, что Германия несет миру новое слово. Германия несла миру меч. Этот меч побеждал в продолжение первых трех лет.

ПОБЕДА И ПОРАЖЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА.

Вы помните, товарищи, этот головокружительный взлет германского коршуна. Вы помните, как жертвой его пала маленькая Бельгия, капиталистов которой мы, наверное, не хотим идеализировать, за целомудренность которых, в смысле нейтральности, мы совсем не хотим ручаться. Но падение Бельгии вызвало глубокое сожаление в сердцах народных масс всех стран, ибо они видели маленький народ, через труп которого пытался перейти германский гренадер только потому, что этот маленький народ стал ему на пути к сокрушению другого великого народа—Франции. Вы видели, как германские войска уничтожили маленькую Сербию, как армии Кевеша и Макензена разбивают в пух и прах несчастных крестьян Сербии, как там, на Коссовом поле, как когда-то, в XII столетии, погибал цвет молодого сербского народа, как крестьяне, которых погнал старый разбойник Петр Карагеоргиевич сначала в 1912 г., затем в 1914 г., своими костьми устилали старое Коссово поле, связанное великими легендами с их народной историей. Многие думали, что там, где прошел конь германского империализма, не встанет живым ни один народ. Так думали, когда германцы уничтожили Румынию, в которой крестьян бросила в войну преступная клика бояр, помещиков, продажных людей, которые продавались той и другой стороне. Вы помните, как германские войска разбивали, словно орехи, одну французскую крепость за другой, вы помните этот мощный взлет германского коршуна, для которого, казалось, нет границ, ибо, когда он не сумел победить всех своих противников, то он думал о том, чтобы и ти старым наполеоновским путем через Турцию в Египет и там вонзить свои когти в хребет английского империализма, своего главного противника, ибо он думал, что он пройдет сквозь тело России, даже после заключения Брестского мира, на Кавказ, через Кавказ в Туркестан, дабы, наконец, победить Англию. Перед вашими глазами, товарищи, встает весь германский поход против России. Вы помните, как Германия уничтожала одну русскую армию за другой, как она гнала русских крестьян перед собой, как под Пржемышлем преступный болгарский проходимец Радко Дмитриев вместе с русскими генералами бросил 70 тыс. русских крестьян

на подготовленные армии кайзера и оставил их мертвыми. Чем же побеждала Германия? Тем, что она была самым сильным, самым могущественным капиталистическим государством. Когда мы говорим, что эта война является войной империалистической, войной высоко развитого капитализма, то этим самым мы уже объясняем почему побеждала Германия,— потому что капитализм в ней был наиболее развит. Современная война требует большого аппарата, точно работающего механизма, в котором связаны между собой все продукты мирового производства: продукты питания, аммуниция, железные дороги,—все это связано в одно целое, так что стоит только господам с погонами генерального штаба нажать на кнопку, как со всех сторон двигаются поезда со всякого рода продуктами производства в безбрежную даль, глотая пространство, двигаются колонны снаряжений, продовольствия и людей. Но империалистическая война еще и в другом смысле — война капиталистическая: империалистский аппарат может обслуживать только человек, который долго варился в котле капитализма. Уже тот факт, что этот аппарат требует неслыханно точной работы, работы, согласованной минута в минуту, уже это показывает, что обслуживать этот аппарат могут только люди, которые привыкли работать, как машины, за станком. В великой капиталистической конторе люди привыкли считаться с временем, и эту привычку и выучку дает только капитализм. Современное вооружение требует от людей, которые стоят за пушками, обслуживают пулеметы и винтовки, роют траншеи, работают, как монтеры, стальных нервов. Русского крестьянина называли русские генералы еще во времена суворовских походов «серой скотинкой». Они говорили: «он вынесет все», и даже рассказывают, что Фридрих Великий сказал, что в русского солдата нужно три раза выстрелить, пока он упадет. Но эта выносливость русского солдата, который шел по приказанию своих генералов как бесправный человек, привыкший слушаться начальства и всегда делать то, что начальство приказывает, оказалась недостаточным качеством для современной войны. Уже перед этой войной все военные писатели самого милитаристского умозрения, например генерал Бернгарди, указывали, что современная война требует неслыханной самодеятельности в разведке, в стрельбе, в маршировке и во всяких работах. Этого всего не могла дать нашим крестьянам деревня. В деревне он работает так, как работали его отцы сотни лет, он не нуждается ни в каких новых приемах, он—хозяин на маленьком клочке земли, и это не воспитывает в нем достаточной умственной энергии и не дает ему стальных нервов. Когда крестьянский сын приезжает в город и попадает на фабрику, он бывает ошеломлен этой колоссальной работой. Фабричные гудки, работа станков, весь этот темп машин, электричество, вся эта работа—не для нервов крестьянина. Мы видим, товарищи, это лучше всего, когда славянский крестьянин и рабочий попадают в Америку. Мы видим, как он изнемогает сначала в борьбе с темпом работы на фабриках. Американские врачи знают даже специальную болезнь—нервный надрыв славянских крестьян, которые приезжают в Америку за работой. Если вы прочтете книгу Уптона Синклера о жизни переселенцев, работающих на американских фабриках, то вы увидите литовских, польских или русских крестьян, которых фабричные машины выжали, как лимон, и отбросили прочь. То, что делается в процессе капиталистического производства с

народными массами аграрных стран, то случилось и в войне. Крестьянин шел из одной атаки в другую с песнями, он шел мужественно, и никто из наблюдателей не бросал ему упрека в трусости, не говоря о клевете, которую ему бросала русская буржуазия из-за отказа сражаться за ее интересы. Но он был не в состоянии выдержать работы капиталистических молотов современной войны, которая взяла его в свои тиски и, разрушив его организм, раздробила его энергию и уничтожила русскую армию. И 1917 год видел апогей, кульминационный пункт германских побед. Русская армия вышла из строя, она не имела больше сил сопротивляться натиску германской армии, победоносному шествию германского империализма. Русская армия перестала быть одним из факторов войны, она рассыпалась, она ушла с фронта, при чем понятно, что в этом большую роль, которую мы не отрицаем, сыграла революция. Революция раскрепостила солдата, раскрепостила крестьянина, дала ему землю и волю, и он захотел увидать эту землю, которую он пахал столько лет, но которая была для него мечтой. Он хотел увидеть ее собственными глазами, дотронуться до нее, вернуться к ней и работать на ней. Крестьянин не верит тому, чего он не видит, и революция, которая дала ему эту землю, не могла удержать его на фронте,—не было таких сил, которые могли бы удержать его там. Революция, убившая в нем веру в капиталистическую войну, не могла удержать его на фронте, ибо даже тогда, когда взял власть рабочий класс, когда защита России была бы защитой не интересов капитала, а той земли, которую получил крестьянин, защитой фабрик, принадлежащих рабочим, даже тогда можно было это растолковать лишь передовым отрядам рабочих, но не крестьянам. Для них это была старая война, и должно было пройти время, они должны были увидеть родную землю собственными глазами, понять, что на нее посягают чужие, чтобы их можно было двинуть на борьбу и защиту революции, как это мы теперь делаем и как мы будем делать с каждым месяцем все успешнее.

Германский империализм был на вершинах своей победы. Могущественное государство, перед которым дрожали короли прусские, государство, внушавшее Бисмарку тревожные сны, являвшееся в глазах Германии главным ее противником, ибо оно могло выставить громаднейшие армии, это государство лежало разбитым, и г.г. германские дипломаты совместно с германскими генералами решили распять на брест-литовском кресте Россию, решили показать русскому народу, что значит освободиться от ига собственного капитала, но не иметь в руках винтовки против чужих хищников. Германская дипломатия, германский генералитет смотрели на Россию не только как на легкую добычу. Они хотели показать всем народам, что с ними будет, если они не подчинятся воле германского империализма. Когда союзники преступно отклонили предложение русского правительства принять участие в мирных переговорах, тогда германцы, сначала провозгласившие общую формулу о мире по соглашению, заявили торжественно на заседании в Бресте, что это их предложение отпадает с того момента, когда союзники отклонили предложение их мирных переговоров. Германский империализм был убежден, что точно так же, как он диктовал русскому народу мир насилия, как он растерзал Россию, как он наложил на нее петлю, приговорил ее к голоду, отрывая от нее ее житницу,

так же точно он поступит и со всеми народами. И сейчас же после брестлитовских переговоров и после принуждения России к заключению этого неслыханного мира, который мы перед лицом всех наций в момент, когда его заключали, характеризовали как мир насильников, как мир хищников, в тот же самый момент берут в германском империализме верх все старые тенденции. Начинается крик, что нельзя выпускать Бельгию из рук, что нужно брать север Франции. Это был момент, когда коршун предавался триумфу, не видя, как подкрадывается охотник с меткой винтовкой, как уже свистит пуля, которая сбросит его с достигнутой вершины. В то время, когда германский империализм подводил итоги своих побед первых трех лет войны,—в этот момент из Америки шла смерть. Она шествовала на поля сражения во Фландрии, залитой кровью, в которой не осталось камня на камне. Пошла не так, как ее со времени Байрона и по наши дни рисуют: в виде скелета с косою в руках. Она подошла на самых современных кораблях, подобных которым до сего времени не видел мир. Из железа и бетона строили американцы новые легкие корабли, на которых переправляли в Европу миллионы солдат, и эти миллионы американский капитализм создал одним ударом ноги о землю. Американский капитализм бросил на весы истории свою силу, свой меч,—и от этого меча погибает теперь германский империализм. Американский капитал сначала был нейтрален. Свою нейтральность по отношению к Германии он определял словами сатирического американского журнала: мне безразлично, кто бьет Германию. Американские капиталисты использовали войну сначала для того, чтобы нажить на ней миллиарды. Они развили громадную промышленность, которая в продолжение двух лет исключительно создавала пушки, снаряды, еще раз пушки, снаряды и военные корабли, опять снаряды, которыми были засыпаны все союзные страны. Американский капитал работал с двойной целью. С одной стороны, он наживал на этом миллиарды. Он выкупил все американские ценности, которые находились в Европе. Таким образом он освобождался от зависимости у капитала Англии, у капитала Франции. С другой стороны, он преследовал свои политические цели. Америка до этой войны не имела никакой армии. Армию эту создать было трудно, ибо американский народ родился, можно сказать, в стране без королей, без аристократической олигархии. Он состоял из людей, которые бежали от гнета милитаризма в Европе, и американский народ не хотел выносить ига милитаризма. Когда американский капитал создавал большие фабрики, работающие для войны, которые давали хлеб миллиону рабочих, то американский капитал ожидал, что придет момент, когда кончится война и когда он обратится к своему народу и скажет: «Мы создали громаднейшие фабрики, работающие на армию... А у нас армии нет. Вы будете голодать, если мы остановим эти фабрики, если мы все это бросим». Американский капитал имел целью создать во время этой войны под лозунгом борьбы с Германией собственную большую армию, собственный громадный флот, который сделал бы Америку страною, могущею начать на завтрашний же день после международной войны войну с Японией из-за обладания Китаем,—этой громадной страной, располагающей неслыханными возможностями, страною, которая может дать сотни миллиардов американскому капиталу. Для этого всего надо было иметь

армию и громадный флот. Надо было сделать то, что именно делал американский капитал. Германия, чтобы задержать транспорты солдат и снарядов, которые американцы посылали союзникам, начала подводную войну. Подводная война должна была отрезать Англию от хлеба, от снаряжения, от снарядов, которые посылала Америка. Американский капитал закричал. Он во имя человечества требовал себе права посылать предметы и орудия истребления, во имя человечества добивался, чтобы германские рабочие, работающие в Америке, делали орудия, которыми будут убивать их братьев. Германский капитал не мог отступить и отказаться от подводной войны; это значило бы, что он уже сдается, отказывается от победы, что он смотрит спокойно на то, как Америка создает победу для союзников. Германский капитал пошел ва-банк, пошел на опасность объявления войны со стороны Америки. Америка объявила эту войну, и подводные лодки Германии не были в состоянии задержать транспортов американских миллионных армий, посылаемых в Европу, ибо океан велик и дороги океана устеречь невозможно. И, несмотря на подводные лодки германцев, американцы перебрасывали месяц за месяцем новые отряды. Когда германцы вернулись из Брест-Литовска на западный фронт и перешли там в наступление, которое должно было дать им победу, германский шеф генерального штаба Людендорф заявил германскому рейхстагу, что к сентябрю Франция будет разбита. Он заявил это официально. Германцы пошли на западный фронт, чтобы разбить Францию, выбить ее из строя. Но вот тогда-то и схватила их в свои стальные объятья американская смерть, которую прислали им американские машины, которую принесли им американские солдаты, вскормленные капиталом для боев, снаряженные всем тем, чего требует современная война. Германская армия шла в это наступление с большим подъемом. Один из наших товарищей, которому приходилось в оккупированных областях говорить с германскими солдатами, рассказывал мне, что на вопрос, почему вы так радуетесь, что обстреливают Париж, германские солдаты ему говорили: «Мы жаждем мира, мира во что бы то ни стало, мы хотим итти домой, союзники не хотят начать переговоров, и мы должны взять этот мир хотя бы окровавленными руками». И они бросились с окровавленными руками в бой, и у сотни тысяч германских солдат, наших братьев по классу, эти руки остались отрубленными на полях сражения в западной Франции. Германская армия дрогнула. Она не была в состоянии вести наступление на Париж. Она не была в состоянии доставить германскому империализму того удовольствия, чтобы в третий раз в истории последнего столетия германский солдатский сапог топтал Париж,— тот город, в котором жил очаг всемирной революции до того времени, пока железная рука империализма не превратила его в военный лагерь. История человечества захотела, чтобы германский империализм, считавший, что нет для него предела, не вступал в город, в котором живут воспоминания Парижской Коммуны, перед которым в глубине души должен был унизиться Бисмарк. Германская армия не была в состоянии разбить союзнических армий. Задержала ее не только стальная стена, созданная в больших фабриках Америки из руды, добытой руками американских рабочих. Там стояла еще другая стена, которой не видели германские генералы, но о существовании которой мы им предсказывали в Брест-Литовске. В Брест-Ли-

товске мы говорили торжествующим германским генералам: вы хотите распять на кресте народ, преступлением которого является то, что он освободил себя от ига, что он более любит плуг, чем меч. Берегитесь, ведь вы возбудите во всех народах ужас перед германской победой здесь в Брест-Литовске, когда кричите России: горе побежденным! Этот крик будет вихрем, перенесется на поля Фландрии, во Францию, он свяжет народные массы Франции, Англии и Бельгии с их преступными правительствами, ибо он скажет этим массам: беда тому, кто сражается с германской дипломатией за столом, не будучи победителем, беда тому, кто ведет переговоры тогда, когда он слабее, а другой сильнее. Мы говорили: вы выпускаете духов новой международной бойни, вы создадите такую ненависть в народах, что горе будет вам, сегодняшним победителям. И когда это говорил представитель Советской России, наш товарищ Троцкий, они только посмеивались. Германский империализм знал только одно, он знал меч, который побеждает, но он не думал о том, что знал уже историк древнего Рима: погибают от меча, которые воюют. Он не знал еще того, что нынешний меч держат в своих руках народные массы и что может прийти момент, когда рабочие Германии в состоянии будут поднять этот меч против правительства, которое гнало их из одной войны в другую в продолжение четырех лет, которое сделало Германию развалиной и германский народ—калекой. Придет момент, когда эти массы не будут в состоянии или не захотят поднять этого меча в защиту короны кайзера, в защиту интересов германского капитала. Там, на полях Фландрии, победила не только техника американского капитала. Там победил дух народных масс, которые еще идут за своими правительствами, еще доверяют защиту своей страны преступной шайке, не уступающей ни в чем Гофманам, Кюльманам, победителям брестским,—дух тех народных масс, которые спрятались под крыло своего империализма только потому, что они увидели, как умеет терзать живое тело человечества коршун германского империализма. Германское наступление было отбито. Началось германское отступление. Оно создало большую тревогу в рядах германских капиталистов. Эти великие патриоты, которые, сидя у себя дома и отрезывая купоны национального займа, кричали «гром победы раздавайся», заявили германским рабочим: «Иди вперед. Мало того, что вы разбили Россию, берите Туркестан, Египет». Они, которые гнали германских солдат на бой, отнимая у них жен и детей, кусок хлеба, теперь задрожали. Они грабили германский народ в продолжение трех лет путем патриотических займов, за которые германский народ должен бы был, если бы остался капитализм,—а он не останется,—платить миллиарды процентов в год. Они грабили Бельгию, они до сего дня после брестского мира вырубают последние леса на Березине... И теперь, когда этим капиталистам посмотрела опасность в глаза, они испугались за свои кошельки: а вдруг победят союзники и скажут: «Отдай то, что ты награбил, и с прибавкой», и они начали атаковывать германскую дипломатию: мошенничай, заключай мир, попробуй это через римского пану или через королеву голландскую. Германская дипломатия не имела свободы рук, ибо германский генералитет, как военщина всех стран, никогда не был в состоянии учиться у истории. Германские генералы думали: надо подтянуть людей, надо еще более нажать на армию, надо ее еще больше гнать, не надо допускать никаких уступок. Тогда гер-

манский министр иностранных дел фон-Кюльман, тот самый брест-литовский Кюльман, который там, в Брест-Литовске, пытался сначала совместно с нами заключить сделку, в каковой Советское правительство должно было играть роль наивных людей, заявляющих: Кюльман—честный человек, а германское правительство заключает с народами мир согласия,—так вот этот Кюльман, когда мы отказались покрыть его разбойничью политику, принужден был в рейхстаге закричать: «Господа, военными средствами этой войны не кончить! Теперь мы видим это ясно». Германское наступление, которое было назначено на тот день, когда Кюльман выступал в рейхстаге, должно было быть отсрочено на две недели, ибо признание Кюльманом, что Германия не в состоянии победить, наполнило страхом ряды германской армии. Кюльман заплатил за это своей политической смертью. Однако и это тоже не дало победы. Один из германских империалистических писателей, граф Ревентлов, вояка каких мало,—он не был на фронте,—заявлял в своей газете: «Господа, почему эта тревога, не надо тревожиться, ведь мы можем внушить и нашим союзникам тревогу». И вот граф Ревентлов оказался хорошим пророком. Союзники, в первую очередь Австрия, начали немного тревожиться и не без основательных причин. Австрия представляет теперь собой развалину, и австрийская дипломатия, как и австрийское правительство, вероятно, не столь удивятся, когда грянет гром революции в Австрии, как они удивляются теперь, что революция еще не разразилась... В Австрии, товарищи, транспорт буквально развалился. Десятки миллионов вагонов стоят в прифронтовой полосе. Правительство не может их получить обратно, ибо солдаты живут охотнее в этих вагонах, чем в траншеях. Как обстоит там продовольственный вопрос,—вам известно. То тяжелое продовольственное положение, которое мы переживаем, представляется по сравнению с тем, как живет Австрия, чистейшим удовольствием, как бы мало вы это удовольствие ни чувствовали. Чешские мужики и кулаки-помещики не дают Австрии хлеба, ибо германцы платят больше за этот хлеб и вывозят его массами. Чешские мужики не хотят продавать хлеб городам, ибо они на ножах с городами, в которых большинство из германцев. Национальный вопрос там неслыханно усложняет экономическое положение. Национальная борьба разбивает армию, ибо если вы можете себе представить, что при открытии парламента в самый опасный момент для государства депутаты этого государства вступают в рукопашный бой, немцы бьют по физиономиям чешских депутатов, а эти отвечают им тем же самым, то вы можете понять, как обстоит дело в армии. Эта армия связана с партиями, с депутатами, с политической жизнью страны. Австрийское правительство представляет собой труп, который еще не похоронен, хотя он уже гниет, лишь по одной причине: народы Австрии еще дерутся. Рабочий класс Австрии еще не встал, не взял за ноги этот смердящий труп и не выбросил его в Дунай. Вот как обстоит положение в Австрии. И нет ничего удивительного в том, что австрийское правительство, не считаясь с Германией, предложило мирные переговоры союзникам. Союзники ответили философским изречением: этот труп еще движется, надо его так бить, чтобы он и не думал о переговорах. Австрийское правительство точно так же, как не может само умереть, не может само и выйти из войны. Оно не может выйти из войны, пока не встанут рабочие, ибо ав-

стрийский кайзер опирается исключительно на германское меньшинство, существующее в Австрии. Если он порвет с Германией, то будет покинут своей германской буржуазией в Австрии и останется со славянскими крестьянскими демократическими народами, которые кричат о том, чтобы покончить с этой черно-желтой монархией. Эти народы будут иметь в будущем историческую задачу: создать свободный союз народов, живущих над Дунаем, ибо они связаны друг с другом; но в данный момент они являются развалинами памятников истории, подобно памятнику Александра III, который мы убрали. Прежде, чем австрийское правительство решило выйти из войны, это сделала Болгария, во главе которой стоит Фердинанд Кобургский, считающийся [в европейской дипломатии одним из самых лучших дипломатов. Он лучший дипломат потому, что идет с более сильным. Этот Фердинанд Кобургский, дипломатические таланты которого можно оценивать потому, что он происходит из той семьи, которая дала Европе самого ловкого капиталистического мошенника в короне, какого видел мир, Леопольда бельгийского, этот Фердинанд Кобургский пошел с Германией тогда, когда казалось, что близка германская победа. Тогда болгарские патриоты, которые до этого времени считались нейтральными, ибо они брали деньги и от французской и от английской бирж, но, когда перестали быть нейтральными, брали деньги только с Берлина, создали целостную теорию о том, почему Болгария должна итти с Германией... Теория говорила, что от Гамбурга до Багдада человечество создало одну семью, связанную едиными иинтересами. Ниже Гамбурга или поднявшись от Багдада на север или на юг, нет слитной семьи человеческой, но там, где пролегают рельсы германской ж. д., там все люди должны быть соединены в одну семью и на этой земле не должно быть пустого места; эта ж. д. не должна быть прорвана между венгерской и турецкой границами. Поэтому Болгария должна заключить союз с Германией, и за союз Германия обещала все то, чем она, Германия, не владела и чего она не хотела поглотить: обещала половину Сербии с гор. Нишем, вторую же половину Сербии должны были взять Габсбурги, старые приятели сербского народа. Болгария пошла на это! Она усвоила себе эту теорию. Но затем исторические люди Болгарии, которые в историю войдут только двумя деяниями, — тем, что направо и налево брали деньги, и тем, что за брест-литовским столом плевали в лицо России,—по требованию германских унтер-офицеров, все эти Гатчевы, Радославовы, Малиновы заявили: «Мы не можем дольше вести войну, ибо для того, чтобы вести войну, надо иметь армию». В Болгарии началась та же самая история, которая привела Германию к поражению, но которая на Востоке привела ее к победе. Болгарский крестьянин сделан из того же самого материала, что и русский. В прошлом году, в сентябре, друг мой, главарь болгарских большевиков, Кирков говорил: «Увидите, что через несколько месяцев война кончится очень просто: наши мужички пойдут домой». Предсказания тов. Киркова сбылись летом этого года, когда крестьяне захотели пойти домой, чтобы возвратиться к своим семьям, своим женам. Они воевали 6 лет. Их гнали на войну еще в 1912 г., не только в 1914, и они сказали—довольно. Крестьяне,—как вы знаете,—не делают революции для захвата власти. Крестьяне не умеют централизовать своих действий, не умеют выдумывать для себя политической программы.

Мужик, когда ему война надоест, остановится, подумает и пойдет своим тяжелым шагом, перекрестившись по дороге, благодаря бога, что он этого дьявола покинул. Болгарский мужик не спросил, какие векселя подписывали Фердинанд Кобургский и генералы Гатчев и Савов,— эти великие народные герои, которых сажают в тюрьму за кражу казенных денег, дабы их сделать потом генералиссимусами армии. Мужик об этом не спросил, а пошел прямо домой. Германцы думали, что если они об этом молчали, то об этом не узнает неприятель, но неприятель, стоящий на их фронте, имел контр-разведку, он наблюдал, видел, и этот неприятель не ждал, пока германцы сумеют послать свои силы, двинулся, уничтожил ту слабую завесу, которая была на болгарской границе, и пошел штурмом. Сербские войска очутились у Ниша, болгарские войска сражались с Германией в 5 километрах от Софии. И Фердинанд, самый умный дипломат, понял, что для того, чтобы спасти свою голову, надо снять свою корону, и он передал корону своему сыну Борису, думая, что сына помилуют за грехи отца. Король Фердинанд подал в отставку. Советская Республика потерпела потерю, ибо он должен лично ей 3 миллиона, которые получил от царя перед самой войной в виде займа. Но не в том дело, а в том, что таким образом германский фронт сдвинут на юг. Союзники смогли бросить свою Македонскую армию на Австрию. Они наступают в Албании, они пойдут дальше, и если они теперь уже в Нише, то австрийское правительство уже видит перед собой отряды союзной армии, во главе с несчастными сербскими крестьянами, которых гонят на бой не во имя Сербии, а во имя интересов английской биржи. Австрия чувствует, что приближается момент итальянского наступления, ибо победа союзников дает им возможность погнать часть войск в Италию и снова ввести измученных, истерзанных, обливающихся кровью итальянских рабочих в дальнейшую бойню. Перед Германией стоит опасность откола Австрии, и это—опасность сегодняшнего дня. Сегодня имеются сведения, что Турция вышла из рядов воюющих. Правда, она не разорвала еще союза с Германией. Турецкий посол сидит еще в Берлине и даже пытается вылезть из бакинского капкана, в который Турция попала в тот момент, когда ее армия бежала с Палестинского фронта. Но эта армия не в состоянии дольше воевать. Несколько недель тому назад в американском «Нью-Йорк Куранте» было помещено интервью корреспондента этой газеты с великим и сильным мужем Турции Талаат-пашей, который говорил, что у нас сильно увеличился развал, солдаты бегут с фронта, но мы все уладим, мы их все-таки подтянем. Талаат-паша не сдержал своего обещания. Он не был в состоянии подтянуть турецкую армию, которая сбежала с Палестинского фронта, и английская армия движется по направлению к Багдаду, идет в глубь Сирии. Германскому империализму пришлось сделать новый шаг. Он обратился с нотой к Вильсону, где заявляет ему, что он готов начать переговоры о мире, на основании 14 пп. вильсоновской программы, что он просит во избежание дальнейшего кровопролития сделать перемирие на всех фронтах, что он готов,—это сказал теперь германский правительственный канцлер кн. Баденский,—что он готов итти на всякие уступки, совместимые с честью германского народа. Об этих уступках я буду говорить в следующей части своего реферата.

Теперь я попытаюсь в нескольких словах нарисовать резюмирующую картину: великий, могущественный капитал,—капитал, не довольствующийся тем, что он эксплоатирует 70-миллионный народ, что он забрасывает своими товарами весь мир, побеждает в борьбе товаров старую Англию,—этот капитал идет с оружием в руках на войну для того, чтобы очистить себе путь для владычества над частью морей, он хочет быть первым между равными, а этими равными являются только наиболее могущественные американский и английский капиталы. Германский капитал хочет разделить мир между двумя сильными разбойниками, он диктует всему миру свои законы, он говорит: «я так хочу, и меня должны слушаться миллионы и миллионы людей». Этот капитал своей неслыханной мощью внушает народным массам чувство бессилия. Он кажется таким великим и таким сильным, что рабочие массы, которые создали своим трудом все богатство этого гиганта, не смеют думать о том, чтобы, когда он даст им винтовку в руки, пулей этой винтовки уложить его; они не смеют думать, что можно сопротивляться, когда он гонит на войну, и они идут тяжелым шагом и без песен. Но после первой победы они думают о победителе: он даст нам кусок хлеба, он даст крошки своего богатства, и они поют: «слава тебе, победитель». Они смотрят бескровными глазами, без слез, на то, как им приказывают уничтожать трудовую массу, они смотрят, как гонят польских рабочих на каторжные работы в Германию, как посылают беззащитных бельгийских рабочих на рудники, как тащат их детей на фабрики, как их жены являются придатками к машинам. Они не верят, что можно бороться, и думают с проклятием: мы не поднимем рук на этого гиганта. И этот гигант гонит свои массы беспощадно из одной войны в другую, он пьет их кровь, втянув четверть миллиона германских солдат, которые погибают, и г. Фалькенштейн называет его вампиром, который сосет кровь России. Он гонит их снова в Турцию, потом обратно во Фландрию, и они идут шаг за шагом, все медленнее и тяжелее делается их шаг, у них нет сил, их плохо кормят, у них нет достаточного вооружения, нет одежды, им голодно, им холодно, их гипнотизирует Гинденбург, эта фигура, выкованная из железа, великая, громадная, приказывающая, их гипнотизирует г. Людендорф со своими холодными глазами и фон-Макензен—глазами коршуна. Они смотрят в эти глаза и идут дальше, но их силы кончаются. Они не могут больше повиноваться своему правительству. Они еще не решились поднять против него оружия. Они не решились крикнуть ему—довольно!—но их силы уже истощены. Они терпят поражения, и тот гигант, на которого они не смели поднять руку, падает от удара американского капитала. Мы стоим, товарищи, перед грандиозной исторической картиной. Перед нами находится в глубоком раздумьи германский рабочий. В эти дни переворота Германии, в дни, когда сошла с исторической сцены одна категория Германии, когда начал бить на часах истории 12-й час германского капитала, те же самые массы, которые завтра пойдут в бой во главе революционной волны, стоят пока без движения. Ведь мы имеем дело с Германией, с нацией с 70-ю миллионами человек, обладающей самой высшей технической и умственной культурой; если бы мы имели дело с Китаем, то и то перелом не мог бы иначе произойти. Пока, что народные массы молчат, и в этом молчании—последний отклик былого могущества германского империа-

лизма. Это есть последнее эхо его силы,—эхо, которое разобьется, как всякое эхо. И после него будет момент тишины, а затем грянет буря, какой не видала история.

ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЛЮДЕНДОРФА К ПРАВИТЕЛЬСТВУ ШЕЙДЕМАНА.

Товарищи! Крушение мощи германского империализма должно было привести механически к падению старого германского правительства, которое можно было назвать правительством Людендорфа, шефа штаба германской армии, и которое являлось по своему существу правительством коалиции помещиков и финансового капитала. Это правительство пало на полях сражения во Фландрии под впечатлением откола Болгарии. Оно было правительством par excellence. Это правительство в своем составе представляло старую Германию, в которой господствовали помещики, генералитет, бюрократия из рядов помещичьего класса. С 70-х годов, когда оно стало во главе Германии, главной мыслью его было—удержать народные массы в своей власти при помощи полицейских мер. Старая помещичья Германия признает еще законы XVII столетия, на основе которых в Мекленбурге существует до сего времени особое представительство в парламенте от помещиков, которых допускают буржуа только из милости. Германия, разрешающая помещикам истязать батраков, Германия, которой осталось наследство старой юнкерской страны, имела, таким образом, свое правительство—помещичье. Но оно служило уже не только помещичьим интересам. Оно обслуживало также интересы современной буржуазии и ее финансового авангарда, интересы финансового капитала. В союзнической русской литературе и печати полагают, что германская реакция имеет чисто феодальный характер. Но—это совершенный вздор и абсолютная неправда. Германский помещик приспособился к капиталистическому развитию, он сам сделался капиталистом. Он занимается теперь курением водки и производством сахара, он имеет акции правительственных предприятий. Он не является классом вымирающим, каким были русские зубры. Эти старые феодальные помещики сделались современными капиталистами и служат в качестве бюрократии и генералитета капиталистическому классу. Только этим объясняется тот факт, что в Германии капиталистический класс никогда не пытался брать в свои руки власть. Помещики, генералы и бюрократия, которые сидят совместно за столом правительства и исполняют все, чего хочет от них крупный капитал и банки. Старое правительство было средневековым. В своих речах кайзер говорил о Нибелунгах, о средневековых легендарных рыцарях, о Христе, о Божьей милости. Но это все была лишь надстройка, были кулисы. А за этими кулисами средневековья сидели всякие Мендельсоны, Гвинеры и прочие представители капитала. И эти господа в костюме рыцарей, замаскированные Зигфридом, умели, однако, обделывать делишки всего мира, не средневекового мира. Если они пытались удержать Германию на уровне политически средневекового государства, если они отказывали рабочим в правах, как продолжается и до сих пор в Пруссии, где рабочие до сегодняшнего дня имеют меньше политических прав чем владельцы публичных притонов: если они пускали в ход

против рабочих самые грубые полицейские насилия, позволяли себе унижать Германию перед всеми народами типичным средневековым насильничеством, то это происходило не потому, что Германия находится на ступени феодального средневекового государства,—причины этого факта лежали в ином. Германские капиталисты видели, что рабочий класс весьма силен, и понимали, что его нужно запугать... Вы знаете, что владелец зверинца не боится обезьяны в клетке, она ему не опасна, он с ней играет, но льва он пытается терроризировать всеми средствами, дабы лев не сумел понять, что он может растерзать владельца зверинца. Германская политическая система являлась отражением двух фактов: роста, с одной стороны, громадного капиталистического класса и усиления, с другой—могущественного рабочего класса, интеллигентного и организованного, которому недоставало только одного: понимания того, что он сильнее своей буржуазии, что он может ее сбросить и стать властителем судеб германской нации. Правительство Людендорфа было правительством финансового капитала, угольных, железных и банковых королей, служивших в первую очередь великому, крупному капиталу. Это правительство рухнуло. Буржуазия германская поняла, что народные массы помнят великолепно, как представители юнкерства, не коронованный король Пруссии, как граф Вестарп, как представители милитаризма приветствовали эту войну, как они в продолжение этой войны отказывали народным массам в малейших правах. И поэтому правительство было принуждено выбросить за борт излишний балласт. Оно должно было спрятать куда-нибудь своих юнкеров. Весьма интересен тот факт, что во всех списках нового правительства нет ни одного намека о том, кто будет министром войны. Германское правительство пытается появиться на сцене, как правительство мира, и поэтому оно отвело на задний план грандиозные фигуры своих воителей—Гинденбурга, Макензена, Людендорфа. Этим оно стремится уговорить рабочих, что перед ними нечто новое, что старой Германии уже не существует, что в этом правительстве будут заседать представители национал-либеральной партии. Что такое национал-либеральная партия? С первого дня рождения германского империализма эта партия была движущей силой империализма. Это была партия милитаризации Германии, партия экспансии, партия Багдадской железной дороги, китайской авантюры, создавшая китайскую войну. Был момент, когда эта партия не хотела принять участия в новом правительстве, а, может-быть, ей даже не предлагали участия. Она боялась, что рабочие массы, увидев ее, сейчас же поймут, что перед ними—то же самое правительство, только в новом костюме. Прошло несколько дней, рабочего движения не было, и лица, составлявшие новое правительство, решили, что теперь можно рискнуть. Кроме того, они боялись, что если оставят за бортом самую влиятельную капиталистическую партию, то получит почву оппозиция юнкерства и крупного капитала. А при наличности этой оппозиции и все растущей, кроме того, оппозиции народных масс новое правительство будет висеть буквально в воздухе. Это будет правительство беды и несчастья, не знающее, зачем оно родилось. Оно включило в свой состав национал-либеральную партию, но, сделав это, оно доказало миру и рабочим Германии, что произошла только смена декораций, что новое правительство, это—то же самое правительство под новым флагом.

Но все-таки эта смена декорации имеет глубокое историческое значение. В Германии до этого времени парламент не управлял страной, не назначал министров. Представители государств, которые входят в состав Германии, т.-е. представители двух дюжин королей, в имперском союзном совете имели решающий голос. Назначал министров имперский совет. Он создал новое правительство, соглашаясь на так называемую парламентаризацию правительства. Это значит, что теперь парламент назначает новое правительство, но практически это ничего не меняет, ибо все органы власти остались в руках старой клики. Армия находится под палкой того же самого генералитета. Бюрократия находится в тех же самых юнкерских руках ландратов. Правительство, которое будет на сцене рейхстага, на трибуне рейхстага, явится только ширмой. Фактически все будет делаться за кулисами. Обделывать все делишки будут представители финансового капитала, представители милитаризованной олигархии. Но все-таки тот факт, что старое правительство Божьей милостью было принуждено капитулировать, что кайзер, который не сумел до этого времени принудить юнкеров дать рабочим демократические выборные права, принужден был заявить, что нация через своих представителей будет руководить судьбами нации, многое доказывает. Очевидно, правительство убедилось, что нация ему больше не доверяет и что этого доверия лишены старый Гинденбург, с которым они носились как с Богом, и Людендорф, которого они представляли в виде доброго гения германского народа. Вот что доказал этот факт. Новое правительство интересно и другим. Вы знаете, как третировали в Германии рабочее движение. Вы знаете слова кайзера об изменниках народа, сказанные по отношению к германской социал-демократии. Вы знаете, что германский социал-демократ не мог быть в Германии даже профессором физики, хотя законы физики не имели никогда ничего общего с Эрфуртской программой. Вы знаете, что в Германии социал-демократ не мог попасть ни на какое местечко в бюрократической иерархии. Я помню сцену в германском парламенте, когда один очень умный представитель управления флотом разговаривал с социал-демократическим депутатом Носке, с оппортунистом, сидя с ним в библиотеке; когда вошел представитель консервативной партии граф Вестарп, он встал с места, взял газету и притворился, что ее читает. С социал-демократом нельзя было разговаривать. Мы напечатали в «Известиях» выдержку из письма Вильгельма 1895 года к своему хорошему другу царю Николаю, в котором кайзер говорит: «Мой рейхстаг ведется из рук вон скверно. Он находится между социалистами, поддерживаемыми евреями, и между католиками ультрамонтанами. Если бы дело было в моей власти, их всех надо было бы поголовно повесить». Это было сказано кайзером о том правительстве, которому он теперь передает власть. Теперь в это правительство допущены представители рабочего класса. Вы знаете, что мы думаем о шейдемановцах, что мы думаем о германских оборонцах. Это—предатели, а не представители рабочего класса. Они помогали германскому империализму тянуть рабочих на войну, они представляли ее, как справедливую оборонительную войну. Это—люди, на руках которых кровь рабочих всего мира, ибо они не боролись против этой войны, и от этих людей в день международной революции потребует отчета весь мировой пролетариат. Совместно с истинными представителями германского рабочего класса мы питаем

к этим людям только презрение. Все это так, но, благодаря этому, не исчезает важности положения, в котором германское правительство принуждено обращаться к людям, которые все-таки вышли из рабочего класса, которых оно третировало до этого времени и которым оно говорит теперь: «Господа, спасайте меня». Имперский канцлер князь Макс Баденский в своей речи заявил, что он берет на себя тяжесть задачи, между прочим, потому, что он верит, что участие представителей рабочего класса в этом правительстве даст ему силу и возможность справиться с задачей.

Правительство, занявшее сейчас первое место на исторической сцене Германии, не будет в состоянии справиться ни с одной из своих задач. Этому правительству угрожают враги и справа, и слева. Когда на смену царской власти пришло правительство князя Львова с Гучковым с правого фланга и с Керенским, как представителем левого фланга, то это произошло лишь после того, как солдаты отказались служить царю. Это было результатом революции, и все-таки,—несмотря на то, что дальнейшие месяцы революции углубили пропасть между старой царской Россией и новой,—генералитет мог еще долго держать армию в своих руках, мог ей приказывать, мог пробовать в лице Корнилова поднять ее против нового строя. В Германии еще не было революции. И если в ближайшие месяцы германское правительство сумеет задержать наступление союзников, что представляется еще возможным, если оно не приведет к миру и укрепит оборонительную линию, то не подлежит ни малейшему сомнению, что генералы Гинденбург и Людендорф не будут подчиняться правительству Шейдемана. Они не подчинялись правительству Бетмана-Гольвега, не подчинялись правительству графа Гертлинга. В старом правительстве они вели свою собственную политику. Каждое заседание рейхстага представляло собой картину борьбы милитаристической клики, которая была орудием буржуазного класса, с классом мелкой буржуазии,—борьбы, которая разыгрывалась на плечах рабочего класса. Нельзя допустить, чтобы, не потерпев полного поражения, эти люди подчинились совершившемуся факту, чтобы они не попробовали покончить с правительством Шейдемана. Будут выступления справа,—и тогда Шейдеманам придется опереться на народные массы против генералитета. Они не сделают этого. Шейдеманы за все время войны играли очень простую игру, которую совершенно открыто разъяснил член шейдемановской фракции, ренегат революционной социал-демократии, доктор Ленч. Он сказал: «Когда массы голодают и кричат, что хотят мира, должна выступать в парламенте фракция, которая кричит от их имени и таким образом облегчает настроение. Массы видят, что кто-то за них подымает голос, и успокаиваются». Шейдеман все время кричал, чтобы рабочие не заговорили. И теперь, когда ему придется вступить в конфликт с Людендорфом, он будет кричать в два раза сильнее. Но теперь ситуация другая. Тогда Шейдеман мог говорить: «Мы протестуем, мы кричим, мы разоблачаем, а они не хотят», он мог говорить: «Мы не правительство, мы оппозиция». Теперь этот Шейдеман находится в правительстве,—и теперь рабочие его спросят: «А что же ты сделал, ведь ты всегда кричал? Но теперь что ты сделал? Как ты сдерживал нашу военную клику? Дал ли нам право высказывать свои мнения, дал ли ты нам хотя бы кусок хлеба, когда богачи имеют все, что им нужно?» Шейдемановщина обанкротится очень скоро. Правительство, которое взяло в

свою среду Шейдемана и его клику, осудило себя этим на разложение, ибо шейдемановцы будут принуждены раскрыть, что это правительство—старое правительство, они будут принуждены показать свое бессилие в этом правительстве.

Товарищи, какой вопрос стоит на очереди? Вопрос мира. Германское правительство заявило Вильсону, что оно готово принять 14 пунктов его программы. Эти пункты программы не есть настоящие устойчивые пункты, это лишь линии, которые можно раздвинуть в одну и другую сторону. Это не программа, и потому германское правительство, преклонившись перед Вильсоном, думает, что теперь Вильсон пойдет на сделку. Это, товарищи, не очень вероятно, но возможно. Не вполне вероятно, ибо капитал стран с оюза, имея возможность диктовать Германии, может-быть, и не захочет никакой сделки, но все-таки возможно. Если германское правительство откажется принять условия Вильсона, то оно принуждено будет вести войну в отчаянной военной обстановке, которую генерал Арден в последних боях характеризовал словами: «Враги вокруг нас». Оно будет защищаться на германской территории, при чем Австрия отпадет от него. Оно будет принуждено или поставить крест на Австрии, и тогда через Австрию пройдут войска союзников, или же подавить австрийскую революцию, сняв для того силы с западного фронта: так или иначе, но оно обескровится в этой войне. Что будут делать Шейдеманы? Убеждать рабочих, что мы должны защищаться, что нас хотят грабить? Но рабочий класс, который повиновался до тех пор, пока верил в победу, спросит: «Кого это—нас—грабить, разве нам принадлежат рудники, разве в наших руках фабрики, разве мы, рабочие, предлагали другим рабочим условия мира, и другие рабочие эти условия оттолкнули?» Что им ответят? Войну, которая началась во имя определенных грабительских целей, невозможно сделать справедливою оборонительною войной. Если шейдемановцы будут принуждены вести войну, то они не удержат за собой народных масс. Они не в состоянии будут внушить им волю к победе, как не в состоянии были сделать это Керенские и Церетели, которые имели доверие народных масс, которые, как Церетели, только что вернулись с каторги, имели за собою историю славной борьбы, которые в глазах масс и своих противников являлись счастливыми людьми. Шейдеману рабочие дали 5 лет тому назад мандат в рейхстаг, но теперь его округ в Золингене освистывает: рабочие в Германии его знают как мошенника, и Шейдеманы, которые являются правительством и не освобождают Карла Либкнехта, не будут иметь моральной силы удержать народные массы. Народные массы потребуют от них хлеба. Шейдеманы на это ответят: «Нет этого хлеба». У них не будет сил взять этот хлеб из Украйны. Но Шейдеманы не смогут сказать: «Нет хлеба вообще, ибо этот хлеб можно будет получить путем союза рабочих Германии с рабочими России». Шейдеманы не могут сказать, что буржуазия голодает, как рабочие, ибо буржуазия Германии при новом правительстве будет так же хорошо есть, как и при старом. Это новое правительство не посмеет ни в чем отказать буржуазии. Вопрос мира и вопрос хлеба неразрешим для нового правительства. А вопрос свобод? Всякий рабочий поймет, что, когда во власти принимают участие представители рабочего класса, это должно отозваться в первую очередь на том, что будут сняты цепи с рабочего класса, что тем рабочим, которым закрывали рот

во время войны, запрещали издавать газеты, которых сажали в тюрьму за малейшую агитацию,—правительство даст свободу. Нельзя рабочих двинуть на войну, когда они узнают, что они защищают только свои цепи. А может ли германский генералитет, германский капитал раскрепостить народные массы, если он хочет вести войну дальше? И вот эти массы узнают то многое, что теперь для них тайна. Тогда эти массы будут иметь возможность, как и русские народные массы, переродиться во время дискуссий при решении вопросов. Разве массы, которым дадут право собраний, будут сидеть дома, рассуждать о том, что такое империалистическая война? Они пойдут в бой, пойдут на улицы, будут демонстрировать. Может ли на это согласиться теперешнее германское правительство? Ни в коем случае.

Оно не может с этим согласиться, и поэтому то новое правительство, которое пришло на смену правительству Людендорфа, это новое правительство германских Гучковых, германских Керенских, Церетели и Черновых есть временное правительство. Когда уезжал германский посол, правительство меня послало для переговоров с ним и для выяснения, что означает его отъезд. Он мне несколько раз подчеркнул, что русское правительство—временное. Я ему ответил, что мы, марксисты, ученики великого германского философа, знаем, что все временно. Г. Гельферих посмотрел на меня, и не знаю, поверил ли он в то, во что ему теперь приходится верить. Принц Баденский, теперешний канцлер, уже в первой своей речи должен доказывать, что его правительство не временное, и эта его защита доказывает, что в его груди уже живет сомнение, справится ли он с этой задачей. С этой задачей он не справится, это не подлежит никакому сомнению. Но не имеется другого выхода из положения. Предположим, что правительство заключит теперь мир. Тогда встанет перед ним та задача, с которой не справлялось до этого времени ни одно правительство. Явятся сотни тысяч солдат с фронта, вновь будут работать на внутренний рынок, но нет сырья, невозможно перестроить промышленность, и пройдет года полтора, пока будет это сырье. Что сделает это правительство? Одни говорят, что надо держать солдат в казармах и отпускать их лишь по мере того, как промышленность будет возрождаться, ибо иначе мы будем иметь полный промышленный крах, мы будем иметь безработных. Другие говорят, нельзя держать рабочих в казармах, ибо они истосковались по семье, их надо отпустить, и мы будем иметь или восстание солдат, или революцию безработных. Третьего выхода нет. Будет ли война продолжаться, будет ли заключен мир, это правительство является временным, которое не будет в состоянии справиться со своей задачей.

Товарищи, когда нам говорили германские министры, когда еще 24 сентября, за несколько дней до болгарского провала, контр-адмирал Гинце, бывший министр иностранных дел Германии, говорил в рейхстаге, что положение в России не выяснилось, что большевистское правительство—правительство временное и что, пока оно существует, мы хотим быть с ним в мире, то мы не обижались. Мы знали, что живем в такое время, когда рабоче-крестьянское правительство, несмотря на все затруднения, укрепляется потому, что капиталистическое правительство только ухудшило положение, что массы в процессе развития убеждаются, что они собственными руками сумеют сделать что нужно. Теперь германскому правительству придется

привыкать к тому, что мы открыто говорим: «Мы не верим в это правительство, потому что оно временное, и мы готовы до тех пор, пока германский народ не скинет этого правительства, жить с ним в мире и согласии, как мы это подписывали в Брест-Литовске».

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛИБКНЕХТА

Товарищи, кто придет на смену этому правительству, мы можем это определить точно. Мы можем определить это на основании соотношения сил в Германии; задачу, которая стоит перед Германией и перед всем миром, не может решить коалиция из капитала, мелкой буржуазии и аристократии и предателей рабочего класса. Вне этой коалиции существует только один класс—рабочий класс пролетариата, и мы глубоко убеждены, что в скором будущем придет на смену этому правительству правительство рабочего класса, правительство Карла Либкнехта

Товарищи, в этот момент, когда мы являемся свидетелями великого исторического поворота, когда мы видим сумерки империалистских богов, перед нами встает во весь рост эта великая фигура представителя германского рабочего класса, оставшегося одиноким в момент падения этого класса, в момент крушения старой германской социал-демократии. Эта фигура будет знаменем в тот момент, когда восстанет рабочий класс Германии. Я помню, товарищи, как сегодня, когда в ноябре 1914 года, после первого месяца войны, в Германии существовали только что создавшиеся маленькие нелегальные кружки рабочей интеллигенции, которые пытались между собою соединиться и войти в контакт с русской социал-демократией, когда во главе их шел Карл Либкнехт, я припоминаю день, когда я получил телеграмму,—это было перед вторым собранием рейхстага,—где он просил приехать меня в Берлин, дабы убедить одного из моих друзей, левого депутата в рейхстаге, чтобы он совместно с Либкнехтом голосовал против кредита. Мы убеждали этого левого депутата,—он теперь независимый, и он на это ответил: «Я скажу откровенно: я не могу голосовать против кредитов. Я—человек семейный, у меня 8 человек детей, меня выбросят с места, и я останусь без хлеба, вы можете, а я нет». Либкнехт закусил губы и, подняв голову, вошел в парламент. Этот малодушный левый был рабочим, у которого были революционные мысли, но который не умел из-за них страдать. В последнюю минуту он пытался подставить ногу Либкнехту, думая умалить его мужество, и говорил: «Вряд ли вы посмеете—один человек во всем рейхстаге—голосовать против всего рейхстага». Либкнехт не сделал ему чести ответить; я помню тот момент, когда из журналистской трибуны в момент голосования бюджета я увидел Карла Либкнехта: он остался на своем месте; вся зала начала кричать, а также его ближайшие товарищи: «Либкнехт, встаньте!»—но он оставался спокойным, это не была баррикада, ибо на баррикаду не может пойти один человек, но это было начало мужественной борьбы, это был геройский подвиг. Сын солдата революции, Либкнехт в момент глубочайшего поражения германского рабочего класса, в черную ночь реакции, в момент, когда масса изверглась в своих старых богах, сумел один противопоставить всему миру свою веру в идеал рабочего класса, в международный пролетариат, в день победы международного рабочего класса, и свою

веру в то, что тот рабочий класс, который был предателем рабочего дела, восстанет и вернется к старым знаменам и что на этом старом знамени будут стоять старые заветы: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Рабочий класс Германии, несмотря на крушение германского империализма, еще не восстал, но мы можем с математической точностью предсказать, что он будет принужден восстать, что он восстанет, ибо мы знаем, что теперь в Германии есть десятки миллионов людей, которые пойдут за Либкнехтом, что их больше, чем было в мартовские дни рабочих, идущих за нашим вождем Лениным, ибо мы знаем, что в германских тюрьмах томятся рабочие, которых разыскивает полиция в десяти городах, как нелегальных работников, знаем, что существует германский большевизм, работающий с нами рука-об-руку,—большевизм, стремящийся к тому же, к чему и мы, и что этот германский большевизм теперь слабый, как был слаб наш большевизм в мартовские дни, скорее, чем русский большевизм, окрепнет, встанет и победит массы. Мы это знаем потому, что в России можно еще уговаривать массы, что союзники дадут победу,—продержитесь только, победа будет, англичане победят, но Германия не имеет больше утешений, которыми можно было бы кормить рабочий класс, жаждущий мира и хлеба. И поэтому в тот день, когда германское правительство,—правительство, пытающееся спасать германский империализм,—выдвигает на первый план предателей рабочего класса, в этот день мы приветствуем Карла Либкнехта, находящегося еще в тюрьме. Но Карл Либкнехт будет на свободе!.. Да здравствует Карл Либкнехт!.. Мы, товарищи, не руководствуемся только чувством. Холодный анализ положения подсказывает, что рабочий класс Германии принужден будет пойти путем рабочего класса России. За несколько дней перед переворотом в Германии старый теоретик Второго Интернационала Каутский выпустил маленькую брошюру о диктатуре пролетариата, направленную против большевистской революции, против наших рабочих. В своей брошюре этот труп, эта мумия Второго Интернационала доказывает германским рабочим, что диктатура насилия над буржуазией могла иметь место в чудовищных размерах только в России, что германский рабочий класс победит путем всеобщего, равного, тайного и прямого голосования. В момент, когда германские рабочие потребуют мира,—пусть они даже имеют за этим лозунгом большинство германского населения,—разве вы думаете, что в этот момент германские генералы, имеющие за собой штыки, пошли бы на уступку, преклонились бы перед решением всеобщего голосования, перед решением парламента? Если рабочие потребуют создать в Германии классовый паек, о котором не позволяет писать германская цензура, если парламент вынесет такое решение, то неужели вы думаете, что буржуазия скажет: мы преклоняемся перед решением парламента, чтобы мы голодали, а рабочие ели; если германский народ решит, что он не хочет платить военные долги своей буржуазии, эти 100 миллионов, которые буржуазия дала на ведение войны, то разве вы считаете возможным, чтобы буржуазия отказалась от 100 миллионов? Так может думать лишь отживший старик, которого пугает тень революции. Он привык сидеть в тихой комнате и писать умные книги, а теперь на сцену истории выходит масса с оружием в руках, жестокая, малограмотная, и она делает философию истории вооруженной рукой, не справляясь в его книгах. Это может думать человек, который застыл в кабинете.

Никакой класс не сдает оружия без боя, и до тех пор, пока оружие в руках буржуазии,—а она пользуется сочувствием громадной части населения,—до тех пор только гражданская война решает вопрос хлеба и мира, вопрос фабрик и земли. И поэтому мы убеждены, что германский рабочий класс будет принужден пойти же самым путем, что и мы. Этот самый организованный рабочий класс будет принужден сначала разрушить старую машину насилий, разрушить старую армию, старую систему, сломить старую бюрократию, он будет принужден создать советы рабочих, солдатских и батрацких депутатов, он вырвет из рук буржуазии согласие на эти советы, и эти советы сначала будут орудием борьбы против буржуазии, дабы после, когда окрепнут, сделаться орудием господства германского рабочего класса. Наш старший брат, германский рабочий, имеющий за собой 40-летний исторический опыт, возможно, скорее сумеет наладить государственный аппарат, скорее справиться с разрухой. Это возможно, но и ему придется нести на себе упреки в анархии, в диктатуре, упреки в том, что он не считается с демократической интеллигенцией, что он беспощаден в борьбе, что он этих старых матерых предателей рабочего класса заключит в тюрьму в тот самый день, в который освободит своих лучших вождей,—все это, товарищи, для меня не подлежит никакому сомнению. И передо мною встает вопрос: если это так, если германская и австрийская революции будут принуждены итти через дезорганизацию, через разрушение, если это единственный путь, ведущий к созданию нового, то не будет ли она побеждена американским, английским и французским капиталами? Не ожидает ли германских рабочих та же самая участь, которая ожидала нас в Бресте? Товарищи, мы от Бреста не погибли; вы видите, что мы дожили до момента, когда само германское правительство заявляет, что Брест—это еще не есть последнее слово истории. Но я не хочу этим утешать ни себя, ни германских рабочих. Надо холодно разобраться в возможностях, которые стоят перед германским рабочим классом. Я лично убежден, что если восстанет германский рабочий класс и возьмет в свои руки власть, то он перекинет те искры пожара, которых мы не сумели перекинуть, ибо были слишком далеко, во Францию и Италию. То, что удерживало массы Франции и Италии в рядах армии, под руководством своих генералов, был ужас перед победителем—германским империализмом, этим закованным в железо победителем. В момент, когда рабочий класс докажет, что он взял власть в свои руки, что он хозяин дома в Германии и восстал для того, чтобы сбросить иго капитализма и не навязывать его народным массам других стран, я убежден, что рабочие Франции восстанут, ибо, не забудьте, что Франция шла всегда в первых рядах международной революции и рабочие Франции, в душе которых живо воспоминание о Парижской Коммуне, эти геройские рабочие, которых германский капитал загнал в траншеи, уже в период войны думали о восстании. Восстанут рабочие Италии, имеющие за собой прошлогоднее выступление в Турине, покидающие ныне фронт, высказавшиеся на своем последнем съезде за большевистскую революцию. Эти рабочие, которые, несмотря на всю травлю капиталистической печати, приветствуют русскую революцию,—восстанут. Но, товарищи, революция в Англии и Америке, может быть, еще не так близка. Быть-может, что там еще капитал сумеет обуздать свои массы, и тогда он бросится на Германию не за тем, чтобы победить кай-

зера, а чтобы спасти европейский капитализм и уничтожить германскую революцию. Этот момент возможен, мы не хотим скрывать это перед германским рабочим классом, не хотим скрывать перед собой, ибо эта возможность накладывает на задачи России специальное обязательство, о котором рабочий класс России сказал открыто словами декларации Советского Правительства на заседании Ц. И. К. 3 октября.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И НАШИ ЗАДАЧИ.

Мы, товарищи, не заключали Брестского мира, Брестский мир был нам навязан под дулом револьвера. Мы, товарищи, были до этого времени жертвами германского империализма. Советская политика во внешней области была политикой отступлений для спасения центральной России, для спасения очага всемирной революции. Нам всем было невыразимо тяжело жить при этой политике. Дело не в оскорблениях, ибо германский империализм не мог оскорблять, но мы, товарищи, чувствовали неслыханное унижение от того, что мы не могли итти на помощь рабочей революции в разгромленной Финляндии, в разгромленной Украйне. Мы чувствовали себя связанными, понимали, что бессильны им помочь, и мы думали только о том, чтобы продержаться до момента, когда восстанет наш старший брат, придет за помощью и потребует нашего содействия. Но и в этом положении изолированности русское правительство, на которое плевали патриоты из патриотов, не только из буржуазии, но патриоты из меньшевистского лагеря, знало твердо предел своим уступкам: оно знало, что не согласится сделаться орудием германского империализма, хотя бы за это германский империализм вернул нам Украйну, хотя бы в противном случае ему надо было сойти со сцены, уйти в подполье и из подполья организовывать рабочий класс для борьбы с германским и всемирным империализмом. И Советское правительство не обращалось никогда за помощью к германским штыкам. Оно не уподобилось патриотам из патриотов, как Жордания, Церетели, Чхенкели, которые на демократическом совещании говорили такие патриотические речи, что даже крокодилы плакали в реках. Мы не обращались к германским штыкам за помощью. И когда германское правительство заявило, что оно требует от нас, в связи с убийством Мирбаха, чтобы мы допустили германские отряды в Москву, когда таким образом оно пожелало, чтобы мы разделили участь рады и сделались прикрытием германского капитализма в России,—мы сказали: дальше ни шагу. Германское правительство это поняло. Когда в переговорах по экономическим вопросам германское правительство хотело вмешаться в экономическую жизнь России, мы высказали готовность уплатить ему то, что ему полагается, и никогда не согласились бы на его вмешательство во внутренние русские дела. Мы не шли на союз с германским империализмом, который мог бы нам дать внешние элементы силы. Мы этого не сделали не потому, что мы считали союзнический империализм лучше,—мы знали, что разорвем с ним,—мы знали, что рабочий класс может быть принужден к уступкам, но никак не может сделаться соучастником империалистской разбойничьей политики. Ибо тогда его революция теряет весь смысл, ибо мы, союзники германского империализма, были бы в глазах французских, английских, итальянских рабочих ответ-

ственными за злодейства германского империализма. Теперь, когда германский империализм шатается, когда он доживает свой последний день, мы товарищи, не желаем впасть в другую противоположность. Нам многие подсказывают: используйте положение, бросьтесь на германский империализм; союзники воюют с вами только потому, что считают вас стражами германского империализма. Если вы броситесь на германский империализм, союзники вам помогут, и тогда вы ликвидируете Брестский мир, Россия будет свободна. Но мы понимаем, какие интересы подсказывают эту политику. Это—те же интересы, которые подсказали гороховому шуту революции А. Керенскому наступление 18 июня, в результате которого Гинденбург бросился на русскую революцию и доверие рабочих масс Германии к русской революции было подорвано. Пусть германские рабочие хоронят своих мертвецов, мы не будем помогать германскому правительству в работе сплачивания бессознательных масс Германии, не дадим ему возможности сказать: посмотрите, снова Советская Россия продалась союзникам. Защищайтесь, ибо революция в России обманула. Она не несет мира, она не несет братства народов. Мы не будем вытягивать для союзников горячих каштанов из огня. Мы не поможем союзникам убить этого ребенка,—рождающуюся германскую революцию. Наоборот, мы заявляем союзникам; если мы до этого времени боролись против вас для того, чтобы спасти живую русскую революцию, то мы теперь будем бороться с вами в десять раз сильнее для того, чтобы защитить нарождающуюся германскую революцию. Мы заявили союзникам: в том случае, если германский рабочий класс возьмет власть и они обрушатся на него, мы тогда удесятерим наши усилия и будем в состоянии помогать германским рабочим в их борьбе. Мы благодарим союзников за их ревизию Брестского мира. Вы помните, как союзники кричали о германском насилии? А что означает программа г. Вильсона, пророка нью-йоркской биржи, пророка, программа которого должна принести пацифизм миру? Ведь г. Вильсон не спросил польских рабочих, хотят ли они отойти от русских рабочих, и сразу провозгласил независимость Польши, которая должна состоять в том, что разоренной Польше американский капитал даст заем и эта независимая Польша будет зависеть от Америки. Разве г. Вильсон спрашивает наших т.т. латышей, хотят ли они отделиться от Советской России, когда он через министра иностранных дел в Англии г. Бальфура провозглашает независимость Прибалтийского государства? Что же это означает? Очевидно, г.г. союзники надеются точно так же решать и судьбы народных масс бывшей царской России и судьбы народных масс будущей Советской Великой России, великой в том смысле, что она будет существовать как союз рабочих всех наций, которые хотят совместно жить и строить свою жизнь, как союз рабочих масс, слишком незначительных для того, чтобы устроить собственный дом, и желающих жить совместно с русским пролетариатом. Германский капитал хотел создать одно могущественное и капиталистическое государство от Гамбурга до Багдада, от Кельна до Двины. Он хотел создать один великий молот германского капитализма, который бил бы по наковальне всего мира. Американский капитал, который представляет такой молот, хочет разбить Европу на мелкие куски, чтобы легче проглотить, чтобы ее закабалить, и он выдвигает ту же самую ориентацию, каковой была германская. Товарищи, мы не

верим союзникам, как не верили германскому империализму, и поэтому мы должны быть готовы к тому, чтобы ликвидировать Брестский мир, не в союзе ни с германским, ни с союзническим капиталом. Один из германских представителей в день поражения спросил меня: «Чего вы будете требовать?» Я ему ответил: «Что вы будете очищать?». Он на это сказал: «Значит, вы ждете наших предложений». Я ему ответил: «Мы ждем того, к чему вы будете принуждены развитием событий. Мы Брестского мира не разрываем. Это не договор, это принуждение насилием, и Брестский мир будет ликвидирован не путем того, что мы будем получать уступку за уступкой,—он будет ликвидирован по мере германского отступления, так как он был результатом германского наступления. Если Германии придется защищаться на Западе и если она будет принуждена взять свои отряды из Украйны где сидит г. Скоропадский, тогда этот ясновельможный гетман с тремя тыс. оборванных русских офицеров не сможет удержать Украйну. Этот ясновельможный гетман, по нашим сведениям, уже теперь смотрит одним глазом на германскую комендатуру, где еще сидят германские генералы, и вторым глазом, через бинокль турецкого посла в Киеве, смотрит в Дарданеллы, не пройдут ли туда английские корабли, которые пошлют свой привет восстающей Одессе посредством английского снаряда. В момент, когда уйдут германские штыки, несомненно, это будет при помощи той же самой белой гвардии, в руки которой случайно попали германские штыки, и той же самой Алексеевской армии, которая, благодаря недосмотру германских властей, имела через Ростов хорошее сообщение с Красновым, эти все отряды перейдут на сторону старых богов, в руки контр-революции, на сторону союзников. На это рассчитывает гетман, но мы думаем, что этот расчет сделан без хозяина, он сделан без рабочих Украйны, без крестьян Украйны, которую ясновельможный гетман победил не руками своих гайдамаков, а германскими штыками. И когда эти штыки начнут уходить, тогда рабочие и крестьяне Украйны начнут пересмотр Брестского договора. Они будут это делать, по всей вероятности, не за столом, не при помощи германских знатоков украинской этнографии, тех германских знатоков, согласно которым находили столько украинцев даже в Москве, в семье кн. Трубецких и др. Брестский мир будет пересмотрен в Киеве, Харькове, Одессе, Полтаве, в деревнях, откуда прогонят всех крыс русского помещичьего класса, которые спасались от нас в Украйну.

Товарищи, я не знаю, успеют ли русские капиталисты и русские помещики съесть все фрукты, которые теперь едят в Крыму, успеет ли эта саранча съесть виноград, который так нужен для наших больных. Я сомневаюсь в этом, товарищи... Я надеюсь, что украинские рабочие и крестьяне даже без нашей помощи сумеют достаточно энергично пересмотреть Брестский договор. Мы, понятно, ни при чем, ибо вы знаете, что будем соблюдать этот договор, как соблюдали до тех пор, пока существует наш контрагент по Брестскому миру. Правительство Скоропадского заявило, что оно Брестского мира не подписывало, оно не обязано его соблюдать, но тогда и мы не обязаны соблюдать и, может-быть, придет момент в который г. Скоропадский пожалеет о том, что заявил первый, что он не подписывал Брестского договора. Вот таким образом шаг за шагом будет пересматриваться Брестский договор,—он будет ревизоваться отступлением германского

империализма, наступлением трудовых масс, которые в оккупированных областях теперь, в момент крушения германского империализма, вероятно, чувствуют то, что чувствуют крестьяне, когда они хватают волка, вырезывающего их скот; ударяя его цепом по голове, приговаривают они: «Вот это тебе за лошадь, которую ты у меня украл, а это за корову, которую ты зарезал, а вот тебе за теленка, которого ты у меня схватил». Понятно, товарищи, мы, как правительство, не имеем таких чувств, ибо правительства лишь заключают договоры, которые они исполняют, но мы понимаем, что подобные чувства могут жить в народных массах оккупированных областей. и мы думаем, что эти чувства будут очень влиятельным элементом в ревизии дипломатического акта, в устройстве мира по Брестскому договору. Товарищи, мы заявляем рабочему классу России, что идем на большую борьбу и не потому, что мы видим, будто у германского империализма нога немножко свихнулась, не потому, что мы хотим броситься в авантюру. Нет, тот, кто укрепился, не бросается в авантюру, в авантюру бросаются люди, которые теряют голову, а опасность потери головы в смысле политическом, если не физическом, угрожает теперь не Советской России, а представителям некогда могущественного класса, носившим головы высоко и часто имевшим на этих головах короны. Мы, товарищи, не бросаемся ни в какие авантюры, но возможны авантюры с другой стороны. То, что мы вам говорим о современном положении, это понимают все, и мы никаких тайн здесь вам не рассказываем. Всякий, кто умеет считать по пальцам, знает, что когда усилится революция в Европе и когда она будет в опасности, то мы не можем и не будем стоять сложа руки, что нашим долгом будет итти на помощь рабочим других стран, что мы этот долг исполним, беря на себя весь риск, даже риск временного подавления русской революции, и что когда будет решаться вопрос о том, должна ли восторжествовать в Европе рабочая революция, то мы не будем думать только о своем доме. То, что будет делаться над Рейном, над Сеной, это будет нас так же касаться, как то, что делается над Неманом и Днепром. И наши сердца будут биться в такт марша германских и французских рабочих, марша под революционными знаменами. И наш противник это знает, и это его знание может внушить английскому и американскому капиталу мысль о том, чтобы спасти германский империализм, оставить ему достаточно мощи, чтобы двинуть его на нас, а также мысль толкнуть на нас Японию. Мы, товарищи, вступаем в период, который ставит перед нами самые великие задачи, но который одновременно требует от нас много сил и готовности на великое дело. Советское правительство подписало Брестский мир, несмотря на сильную оппозицию в собственных рядах, несмотря на глубокие сомнения, которые существовали в части его по этому вопросу. Оно доказывало, что ведет политику не авантюры, а, наоборот, холодного подсчета сил, и то, что заявил Троцкий на последнем заседании Ц. И. К. по поводу этого правительства, которое было за подписание Брестского мира, об этом заявляли уже представители левого крыла партии. И не только мы заявляли об этом товарищам, но об этом говорят даже более честные и откровенные представители чужого лагеря,—наших врагов, в рядах бывших социалистических партий. Но то же самое правительство, которое сумело быть осторожным, когда думало, что не пришло еще время, оно своим заявлением доказало, что сумеет быть правительством, которое

ставит на карту европейской революции карту русской революции, ибо они одна с другой связаны навсегда. Мы, товарищи, не можем победить до конца, не можем организовать нашей жизни без победы рабочих в Европе. Наша страна—земледельческая, неслыханно разорена, мы не имеем достаточно опытных техников и достаточно орудий, которые могли бы нам помочь воссоздать наше хозяйство. Рабочие Германии, европейские рабочие смогут нам помочь завершить наше дело, без них мы не победим, мы можем победить только ими, и нашим долгом будет помочь им победить. Поэтому, товарищи, мы вступаем в самый великий, но самый опасный период русской революции. Перед рабочим классом России встает теперь задача вооружиться и быть наготове. Мы это оружие должны еще создать, товарищи, создать в громадном количестве, мы должны сорганизовать тех, кто будут готовы, и с этим оружием стоять на страже европейской революции, быть готовыми притти им на помощь в момент, когда на один из великих отрядов этой революции набросится империализм. Будет ли это империализм собственной страны, который захочет задавить эту революцию, или империализм чужой страны,—рабочие других стран будут видеть в нас людей, уже сорганизованных, сумевших собрать свои силы. И было бы преступлением перед ними, если бы мы к этому моменту не были готовы. А для этого недостаточно развить во всей глубине и широте нашу агитацию в рабочем классе, недостаточно связать с Советскою властью последнего из рабочих, надо показать всем слабым, которые еще колеблются, бедноте всей страны, что мы теперь сильнее, чем когда-либо, что нас изнутри никто не скинет, что мы несем миру мир, что мы боремся за то, чтобы не было голодных и бедных, что мы не только партия фабрично-рабочих, а хотим переустроить жизнь всей России на новых началах,—началах, при которых будут жить в счастье все трудящиеся и бедняки. Мы должны научиться говорить с последним крестьянином и батраком голосом жизни, а не книг. Мы должны показать им, что они жили до этого времени, как рабы капитала, жили в смраде, невежестве и нищете и что то, за что они борются теперь, не есть счастье собственника, а счастье создания нового строя жизни на обломках старого здания, разрушенного революцией. Товарищи, пришел момент, когда мы должны морально сломить, до последнего остатка, отпор в кругах честной демократической интеллигенции, если еще таковая есть. Меньшевики всегда говорили, что они против диктатуры пролетариата, потому что он без европейской революции не может устроиться по-социалистически, не может создать нового храма человеческой свободы, что эти люди еще спят. Но теперь мы стоим перед европейской революцией, мы теперь на-страже ее, и мы должны последнего честного меньшевика, рабочего и интеллигента, поставить перед вопросом совести,—было ли вышесказанное у него только фразой, или это было его верой? Если он не верит в силы рабочего класса, то он должен увидеть теперь, что эта сила велика, что она соединится с мощным потоком движения европейского рабочего класса и что преступник будет уже не объективно, а субъективно тот, кто раньше говорил о международной социальной революции, а в данный момент бросает камень под ноги единственного в мире рабочего правительства, которое, хотя оклеветанное этими бывшими социалистическими партиями, сумело все-таки создать рабочую армию, сражающуюся не из-под палки, а геройски и с само-

отвержением, и поведет в бой эту армию, этот цвет и детище рабочего класса, уже не только за интересы русского рабочего класса, а за интересы всего международного социализма. Об этой армии говорили бывшие социалисты, что она бежит с поля сражения, а мы о ней говорим, что она родилась в крови рабочего класса на полях сражения так, как рождались легендарные греческие воители, железные, мощные, беспощадные. И интеллигенты, всю жизнь думавшие о революции, на каторге читавшие книги о революции, молившие бога истории, дабы он им позволил пережить муки каторги и вернуться в ряды рабочего класса, чтобы итти совместно с ним на бой,— теперь они испугались этой революции, о которой мечтали, о которой читали в книгах, когда она пришла, железная, беспощадная, когда она пришла в крови, ибо в крови всегда рождается ребенок. Многие из них—люди, продавшиеся буржуазии, но многие из них честно заблуждались, и теперь рабочие России должны принудить их дать ответ, являются ли они мертвецами пред лицом международной революции, или же они—живые люди, которые ошибались, но которые хотят теперь вступить в ряды борющихся, хотят теперь совместно с русским рабочим классом итти на бой за освобождение всего рабочего класса. Товарищи, в ближайшем времени будут решаться вопросы на многие десятки лет. С одной стороны, встанут капиталисты всего мира. Если они имеют еще каплю рассудка,—а мы должны это предполагать в противнике,—то возможно, что они соединятся, дабы под названием союза народов создать союз капитала против международного рабочего класса, дабы задавить рабочую революцию, разделить мир между властителями международного капиталистического треста, который прикажет рабочим всех стран своим трудом в продолжение десятков лет уплачивать стоимость этой войны и ковать оружие на новую войну. Но, с другой,—будет развиваться фронт международной рабочей революции. Это уже не фраза, это—действительность. Наши бывшие союзники нападают на нас с севера и востока, чтобы задушить русскую революцию. Германия послала войска против своих союзников, против Болгарии, завтра, быть-может, Англия будет душить итальянскую революцию, Германия—революцию в Австрии, и мы, как единственный уже сформированный передовой революционный отряд, должны взять на себя всю тяжесть борьбы, на нас падет задача быть стражем революции в этой новой войне, быть аванпостом на этом новом фронте. И в этот момент мы должны быть тем набатом, о котором говорит поэт, что он предупреждает об опасности, оплакивает мертвых и призывает к борьбе живых. Русский рабочий класс должен быть этим набатом, он должен звать всех живых не только в России, но и за ее пределами, указывая путь рабочим Германии, Австрии, Франции и Италии, а также тех живых, которые еще остались вне наших рядов в России. Он должен создать моральную атмосферу, в которой будет кончен навсегда тот человек, который теперь называется социалистом и в то же время сражается против рабочего правительства, который не желает стать в шеренгу и итти на бой. Если мы, товарищи, сумеем это сделать, то мы исполним свою задачу. В рабочем классе России есть громадные запасы энергии, и прав наш великий вождь, который велик тем, что у него с холодной головою совмещается горячее, верующее и любящее сердце, прав сто раз Ленин, когда говорит, что рабочие России будут в десять раз более энергично сражаться,

когда перед ними встанет задача помочь всемирному пролетариату освободиться. Пусть только рабочие, не смотря направо и налево, исполняют свой долг.

Мы идем к годовщине нашего октября, который ученые люди, знающие все буквы в книгах Маркса, назвали авантюрой на 8 дней. Мы идем к первой годовщине этого октября, мы, которые оказались р[illegible]тами, а не они. И мы идем к этой годовщине со знаменами уже не только [illegible]ской революции, со знаменами уже не только Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов в России, а со знаменами международной пролетарской революции, со знаменами Советов Рабочих, Солдатских и Батрацких Депутатов всего мира, со знаменами революции, которую могут пытаться задушить, задавить, но которая победит. Товарищи, смотря здесь, в России, на наше теперешнее движение, я припоминаю слова одного из германских писателей, который, когда писал об участии германской социал-демократии, цитировал старую готскую легенду: когда древние готы перешли Дунай, дабы итти на штурм Рима, они оставили старых богов у себя дома, и эти боги скорбели, что они оставлены. И вот этот писатель говорил, что, когда он смотрит на оппозицию против войны, он думает об этих старых готских богах, плачущих, что они покинуты. Но теперь, товарищи, не старые боги плачут, старые боги умерли, старых богов вешают рабочие на фонарях за то, что они продали рабочий класс. Теперь другое, теперь плакать будут боги буржуазии, когда молодой бог международной революции встанет и сбросит их с Олимпа, как христианство сбросило старых греческих богов с этой великой легендарной горы. Товарищи, в 1914 году говорили: «революция убита», а теперь мы скажем: день 4 августа, день крушения Интернационала, это—день вашей последней победы. Грядет новый день, день 3 Интернационала, не день фраз, а праздник вооруженного рабочего народа. Он научился в беспощаднейших боях, его не щадили, его кровь лили реками, и теперь он выступит с той беспощадностью, какой научили его капиталисты, дабы взять в свои руки все, вырвать с корнем капитализм, устроить новый дом,—дом братства и свободы. Товарищи, германский империализм стоит перед своим крушением, доживает последние свои дни; международный империализм, который собирается занять его место, не сумеет этого сделать. Да здравствует международная рабочая революция! Да здравствует единение международного рабочего класса!

III.

Русская и германская революции и мировое положение.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ВОЙНА И МИР.

(Предисловие).

Большевистская военная травля.

Моя речь на учредительном съезде Германской Коммунистической Партии вызвала в буржуазной и социал-патриотической прессе бурю возмущения: людендорфианец Бернгард из «Фоссовой Газеты», тирпицианец **Ревентлов** из **«Германского Ежедневника»** взвыли на перегонку с шейдемановским **«Форвертсом»** (**«Вперед»**) против большевистского втравливания в войну. На плакатных столбах можно было в скорости прочитать, что «Радек и Либкнехт хотят новой войны,—и все это только потому, что в упомянутой речи я, между прочим, требовал защиты революции от капитала Антанты. Эти дикие выкрики бравых патриотов только подчеркивают то обстоятельство, что социал-патриоты разделяют точку зрения буржуазных патриотов, утверждающих, что **немецкие пролетарии обязаны, правда, умирать, когда того требуют капиталистические интересы, но там, где речь идет о защите пролетарской революции против международного капитала, им лучше всего забыть о том, что самозащита есть дело чести.** Это обстоятельство не пройдет бесследно для сознания германского рабочего класса, ибо оно необыкновенно ярко показывает, что отношение социал-патриотов к революции соответствует библейскому изречению: «Бог дал, Бог и взял,—да славится имя его». Они не боролись за революцию, наоборот, они боролись против нее вплоть до дня ее победы,—и поэтому они не возражали бы, если бы прислужники капитала Антанты заговорили с немецкими рабочими языком пушек, несмотря на то, что сами они с необыкновенной охотой ссылались в свое время на опасности, грозящие от Антанты. Но, указывая на это обстоятельство, **мы только намечаем вопросы внешней политики немецкой революции, но не разрешаем их.** А эти вопросы очень нуждаются в выяснении, ибо они являются наиболее существенными частями революционной политики вообще.

Союз народов, Учредительное Собрание и мир.

Война закончилась решительной победой капитала Антанты. **Британская империя** отстаивает свои последние редуты и проводит последние коммуникационные линии. Благодаря захвату немецких колоний — в первую очередь восточно-африканских—установлено сообщение между южной Африкой и Египтом. От Каира оно будет итти через Аравию и Месопотамию, которую отрежут от Турции, и через южную Персию, полностью находящуюся в английских руках, в Индию. Таким образом, английские владения в Африке и в Азии будут охвачены железным обручем, и Индийский океан превратится в английское море. Ламаншский канал, Гибралтар, Суэцкий канал находятся во власти английского флота, который в своих плаваниях нигде не встретит теперь германских военных судов. Отвоевав обратно Эльзас-Лотарингию, **французский империализм** получил возможность отделить южную Германию от северной. Если ему удастся сделать Рейн границей между Германией и Францией, либо непосредственно, либо под видом нейтрализации рейнского побережья,— то французский меч повиснет прямо над головой немецкого народа. И если лотарингское железо, а также, по всей вероятности, уголь Саарского бассейна станут французскими, тогда французский империализм приобретет прочный экономический фундамент. **Соединенные Штаты Северной Америки** впервые за всю свою историю стали владеть огромным флотом, и страна, которая в дни своей юности требовала на основании доктрины Монрое, чтобы никто не смел вмешиваться в американские дела, стала теперь третейским судьей во всех европейских вопросах. Между необыкновенно окрепшим **северо-американским капиталом и японским империализмом** сможет разгореться борьба за Тихий Океан.

Все заокеанские источники сырья находятся в руках англо-американского капитала. **Если бы при создавшемся положении, при наличном соотношении сил, был образован союз народов, который провел бы всеобщее разоружение, оставляя мировую полицию в руках победителей,— союз народов, в котором меньшинство должно было бы беспрекословно подчиняться большинству, то это означало бы не только подчинение, но прямое порабощение центральной и восточной Европы, тем более, что между Германией и Россией были бы образованы, в качестве сторожевых псов интересов Антанты, польское и чешское государства, находящиеся в полной зависимости от капитала Антанты.**

Немецкая буржуазия пока примирилась с подобным исходом войны, потому что она видит себя в эту минуту безоружной и к тому же гораздо больше боится человеческих масс, которые могли бы носить оружие, чем капитала Антанты. Она утешает себя тем, что победители будут принуждены пустить в ход германские фабрики и рудники для того, чтобы покрыть свои хозяйственные расходы и выжать контрибуцию из немецкого народа, и что при этом они будут нуждаться в немецкой буржуазии, как в опытном надсмотрщике над рабами. **«Кредитор заинтересован в благосостоянии должника, и государство, которое в экономическом, а стало быть и в финансовом отношении не было бы**

на высоте положения, не смогло бы удовлетворить преувеличенным требованиям, предъявляемым к нему». Так говорит национал-либеральный статс-секретарь **Шиффер** в своей речи «О финансовом положении и налоговой политике Германии», произнесенной 9 декабря 1918 г. в Берлинской торговой палате. Если, стало быть, **нынешняя внешняя политика немецкой буржуазной контр-революции, примиримшейся с победой капитала Антанты, состоит в том, чтобы искать у победителей поддержки против немецкой пролетарской революции,** то было бы большой ошибкой считать подобную политику **окончательной.** 70-миллионный народ нельзя поработить надолго, и если экономические и политические силы этого народа находятся в руках имущих и господствующих его классов, то эти последние попытаются раньше или позже с оружием в руках снова отвоевать потерянные позиции.

Они это непременно сделают, хотя бы уже потому, что политика Антанты обнаруживает противоречия, чреватые в будущем многочисленными столкновениями. Мы указали уже на **американско-японское противоречие. Англо-американские отношения** тоже заключают в себе, несмотря на замечающиеся зачатки слияния англо-американского капитала, семена раздоров на почве мировой политики. Национально-государственные частные интересы капитала в том именно и заключались, что каждая национальная капиталистическая группа пробовала с помощью аппарата государственной власти приобрести соответствующую ее экономической мощи степень участия в эксплоатации мира. Капиталистический союз народов постоянно сталкивался бы с вопросом о том, как поделить добычу. Государство, которое чувствовало бы себя при этом обделенным, постоянно испытывало бы искушение действовать за свой собственный счет. Эта общая тенденция, являвшаяся с в. эпоху мирового хозяйства и мировой политики источником существования отдельных капиталистических государств, **отнюдь не устранена мировой войной.** Что касается Англии, то исчезновение немецкого конкурента, необычайный рост мощи английского империализма неминуемо поведут к самостоятельной и энергичной политике по отношению к Соединенным Штатам и послужат, стало быть, источником противоречия между ними. Полнейшее распадение центральной, восточной и южной Европы, преследуемое англо-американским капиталом, чтобы облегчить себе эксплоатацию народов между Уралом и Рейном, Финским заливом и Эгейским морем, **создаст сотни камней преткновения и возможностей конфликтов между вновь образованными карликовыми государствами.**

Союз народов означает соглашение между победоносными капиталистическими государствами для длительного подчинения и эксплоатации побежденных народов. Если социальная структура главнейших государств не изменится самым решительным образом, если их политика и впредь будет стремиться к эксплоатации человека человеком, **то результат войны 1914—1918 г.г. заложит фундамент новых войн.** Если старые господствующие классы останутся у руля, **то народные массы всего мира снова станут жертвами новой империалистической войны, в которой немецкий капитал, оправившись и использовав противоречия между ныне коалированными победителями, снова попытается подняться.** По-

могая, вопреки своим фразам о постепенном мирном проникновении социализма по демократическим путям, немецкой буржуазии снова установить свое господство, **социал-патриоты подготовляют не что иное, как новые возможности войн, именно они, провозглашающие лозунг мира, снова делают народные массы пушечным мясом для новых сражений.** Их крики, что Учредительное Собрание означает мир, а коммунизм—войну, являются отвратительным лицемерием. Учредительное Собрание, в котором, при нынешнем положении вещей, буржуазия неминуемо имела бы большинство, означало бы, в действительности, восстановление господства буржуазии, ибо с помощью буржуазии можно делать только буржуазную, а никак не социалистическую политику. Таким образом, Учредительное Собрание **откроет зру новых мировых войн,** если только пролетариат не захватит власть в свои руки и не положит почина эпохе всеобщего мира.

Пролетарская мировая революция и мир.

То, о чем старая социал-демократия постоянно говорила: **что лишь с устранением мирового капиталистического хозяйства прекратится эксплоатация человека человеком и борьба между нациями, которая является в капиталистическую эпоху только результатом конкуренции имущих классов между собою,** — это старое учение и теперь еще настолько же справедливо, как и в начале XIX столетия, когда его провозгласили утописты и чартисты. Впервые за всю историю человечества **рабочий класс стоит накануне осуществления этого учения, накануне осуществления социализма.**

Мировая война во всех странах тяжело обременила народные массы и вызвала в то же время значительные изменения в социальной структуре этих стран. Не только мелкая буржуазия повсюду пролетаризировалась но даже и средние капиталистические предприятия сошли на нет. Процесс картелирования и синдицирования повсюду пошел очень далеко вперед. Англия, страна с наименьшим количеством картелей, Франция, наиболее мелкобуржуазная страна, которая только на севере и северо-востоке видела левиафанов промышленности, все они обладают теперь картелированной промышленностью, покорной указке финансового капитала. Ограниченность сырья, ограниченность рабочей силы еще больше подтолкнут процесс этой концентрации и централизации промышленности после войны. Военные издержки, которые даже победителям не возместит никакая контрибуция, принудят все правительства национализировать большие области хозяйственной жизни, для того, чтобы хотя бы косвенным образом, с помощью повышенной эксплоатации, открыть те источники, которые смогут нести дань, необходимую крупно-капиталистическим собственникам военных займов. Массы, истощенные косвенными налогами, будут на фабрике объектами прямой эксплоатации со стороны государства, **и чем значительнее будут социальные противоречия, тем тяжелее будет и политическое угнетение,** ибо политические свободы являются средством, помогающим облегчить социальное бремя. Вот почему имущие классы, вместе

с усилением социального гнета, вынуждены урезывать и политические свободы масс, которые могли бы служить для них средством самозащиты.

Мировая война открыла эру социальных революций, т.-е. революционной борьбы рабочего класса против растущего порабощения и эксплоатации, в конце-концов ведущей к борьбе за политическую власть. Хотя захват политической власти и не может в один день прекратить нищету, но он все-таки означает начало всего систематического строительства, соответствующего интересам рабочего класса.

Революция победила сначала в государствах, потерпевших поражение на войне, потому что военные поражения разложили аппарат буржуазной власти в этих странах и разрушили ее авторитет в глазах народных масс. В этих странах социальный характер революции обостряется все более и более; в России рабочий класс уже овладел властью, в Германии и Австро-Венгрии растет в процессе гражданской войны его воля к этому

Победа временно укрепила положение буржуазии в Англии, Франции, Италии,—чтобы не говорить уже о Соединенных Штатах Америки и об Японии, которые меньше всего пострадали от войны. Но что это только очень **преходящее** укрепление, лишь замедляющее процесс революционирования масс, но не прекращающее его, показывают в равной мере теоретические соображения и факты. **Контрибуции,** налагаемые победителями на побежденных, **не могут облегчить бремя народных масс в победивших государствах,** — по крайней мере, на долгое время. Побежденные страны в экономическом отношении совершенно разрушены, бушующая в них гражданская война временно еще больше усугубляет их нищету. Совершенно бессмысленно предполагать, что есть возможность отнять сколько-нибудь значительную часть их так-называемого национального богатства, ибо это «национальное богатство» состоит, главным образом, из недвижимостей, из земель, лесов, недр, фабрик, домов, которые нельзя транспортировать, из которых можно только извлекать прибыль, — а эту прибыль нельзя, в свою очередь, делать слишком неумеренной, дабы не привести должника к полному банкротству. **Выплачиваемая по частям в течение нескольких десятилетий,** она не сможет сократить тягот, налагаемых войной на пролетариат стран-победительниц. Пролетарские массы стран-победительниц, изнывающие под бременем военного наследства, должны будут завтра же спросить себя, **для того ли они победили, чтобы получить еще меньше политических прав, т.-е. меньше средств защиты против растущей нужды, чем пролетарии побежденных стран, прокладывающие себе дорогу через нищету и несчастия мечом революции?** Что пролетариат победивших стран этот вопрос себе ставит, показывает **исход выборов в Англии,** которые буржуазная пресса Англии расславила, как победу английского империализма, но которые в действительности разбили его на-голову, поскольку речь идет о рабочем классе: не обладая ни одной ежедневной газетой, он все-таки единодушно голосовал против кандидатов ллойд-джорджевской империалистической коалиции. Во **Франции** рабочий класс стал в оппозицию к правительству; пусть эта оппозиция пока еще робка, пусть

она еще прячется за Вильсона и пользуется внешне умеренным империализмом Америки против явного и ярмарочного французского империализма: она показывает, во всяком случае, что, не взирая на победу, во французских рабочих массах вовсе не господствует ультра-патриотическое настроение, что они с величайшим недоверием относятся к победоносным имущим классам. В **Италии** все свидетельствует о растущей боязни господствующего класса перед итальянской радикальной социал-демократией. Когда армия демобилизуется, когда солдаты возвратятся к домашнему очагу, где их, — победителей, — встретят нужда и заботы, тогда наступит судный день и для победивших стран.

Силы мировой революции пришли в движение, они с каждым днем будут возрастать, и, победив, они действительно принесут народам всеобщий мир. Всеобщий мир, который ни один народ не сделает рабом другого, а, наоборот, освободит народные массы всех стран от эксплоатации как со стороны своей собственной, так и со стороны чужеземной буржуазии и объединит их силы на общую работу, которая одна только в состоянии будет раз навсегда залечить раны мировой войны и построить новое здание для человечества.

Защита рабочей революции против стран капиталистической контрреволюции.

Господство буржуазии означает новую мировую войну в еще большем масштабе, чем та, которую мы только-что претерпели. Победа пролетарской мировой революции означает мир, тот мир, при котором народные массы впервые перестанут быть объектами эксплоатации. Но не во всех странах пролетарская революция развивается одинаковым темпом, она не побеждает с одного удара, она не есть единичное действие, а длительный, переменчивый процесс, и поэтому она не может сразу, с одного удара принести мир. Наоборот, после того, как империалистические противоречия государств после четырехлетней войны как-будто привели к каким-то определенным результатам, к победе капитализма Антанты, этот последний вдруг замечает, что ему угрожают новые опасности и что добыча ускользает у него из-под носа. Четыре года он боролся и победил, наконец, для того, чтобы подчинить весь мир своей эксплоатации, — как вдруг в побежденных странах возникает сила, делающая проблематическими плоды победы, осмеливающаяся даже нападать на него в его собственном доме, на его собственной рабовладельческой территории, напоминая его пролетариям их старые цели, их прежнюю борьбу и призывая их к новой борьбе за власть. Пусть победоносный капитал Антанты весьма охотно запрывал с идеей революции в Германии и германского развала и пусть он даже сам при посредстве вильсоновских нот, при посредстве лозунга: «не заключать с Германией мира, пока во главе ее стоит кайзер», — ускорил революцию, — теперь этот капитализм взирает на нее с величайшим страхом, ибо, вслед за русской, германская революция означает дальнейший прилив пролетарской волны, ее наступление на Запад. Антанта является, несомненно, злейшим врагом германской революции и постарается все-

ми средствами уничтожить ее. Вопрос только в том, как и когда это сделать. Империалистической контр-революции всего более соответствовала бы простейшая форма военного подавления. Но подобно тому, как немецкий империализм, несмотря на свою победу в Брест-Литовске и свой военный перевес, не в состоянии был без дальних околичностей напасть на Советскую республику по всей линии, точно также и Антанта чувствует себя связанной по рукам. Немецкому империализму мешала расправиться с русской революцией тяжелая борьба, которую ему приходилось вести против империализма Антанты. Он принужден был дать ей передышку и надеялся окружить ее тем временем, рассчитывая на то, что в конце-концов достаточно будет затянуть петлю, чтобы задушить редкостную дичь. Но он сорвался. Он задохся раньше Советской республики, о кончине которой немецкая пресса в течение года оповещает изо-дня в день своих читателей. Что мешает империализму Антанты немедленно подавить немецкую революцию силой оружия? Она ведь теперь совершенно беззащитна, а он, в своем качестве победителя, вооружен до зубов. Чтобы подавить немецкую революцию, империализм Антанты должен был бы оккупировать всю Германию. Германия держала на одной Украине 80,000 солдат и все-таки не смогла усмирить и организовать эту страну со сравнительно низким процентом рабочего населения. Революция была там, как и всюду, результатом дезорганизации политического государственного аппарата, вызванной войной.

Победить революцию означало преодолеть дезорганизацию социальной жизни: этого Германия не смогла сделать, и на этом сорвалась ее контр-революционная задача на Украйне. Разбить немецкую революцию капитал Антанты сможет только тогда, когда восстановит немецкое хозяйство, истекшее кровью и дезорганизованное; без сырья, без пищевых продуктов, с изношенными машинами. Но Антанта должна будет прежде всего предпринять что-нибудь против военной дезорганизации своего собственного хозяйства. Она понимает, что это нелегкая задача, и поэтому стремится прежде всего к тому, чтоб получить от Германии часть нужных для нее средств, а вовсе не потому, чтобы реставрировать Германию, эту побежденную страну. Однако, даже если бы Антанта захотела вести дальновидную политику и решила бы отказаться от эксплоатации Германии, не останавливаясь в предвидении тех опасностей, которые угрожают ей со стороны немецкой революции, ни перед какими жертвами, ради восстановления германского хозяйства, чтобы закупорить таким образом истоки революции, то и этой цели она не могла бы достигнуть с помощью оккупации Германии. Она очень хорошо понимает, что ей было бы несравненно труднее провести организацию немецкой хозяйственной жизни, чем германской буржуазии, которая, разумеется, лучше знакома с германскими условиями, чем самые лучшие знатоки Германии в государствах Антанты. Капитал Антанты был бы, стало быть, вынужден в очень долгосрочный кредит доставлять германской буржуазии сырье, продукты, машины, помогать ей восстановить свою мощь, разрушенную не чем иным, как именно победою Антанты. Столь дальновидной политики, упускающей добычу четырех лет небывалой мировой войны и даже оказывающей побежденному помощь, не ведет ни

одно капиталистическое государство. Чисто военная оккупация Германии, соединенная с политикой экономического грабежа, не смогла бы расправиться с германской революцией, наоборот, она лишь принесла бы революцию в страны Антанты: правительства Антанты знают это не только из того опыта, который проделала Германия со своими солдатами в оккупированных областях России, но и из своего собственного опыта. Недаром английские и американские власти в Архангельске принуждены интернировать часть своих войск на кораблях, недаром французские коменданты принуждены были кое-где в Венгрии лечить своих солдат свинцом от революционной заразы. К этому присоединяется необыкновенное утомление войной, повсюду в странах Антанты охватившее массы и все более увеличивающее оппозицию против новых военных авантюр.

При таком положении дела политика капиталистической Антанты неизбежно становится чрезвычайно неопределенной, противоречивой. Об этом свидетельствует уже политика Антанты в России. После победы октябрьской революции Антанта поклялась уничтожить большевиков, мобилизовала против них все контр-революционные силы России. После брестского мира она, напротив, искала сближения с Советской Россией, чтобы впречь ее в свою телегу на борьбу с немецким империализмом. Когда это не удалось, она снова мобилизовала контр-революционные силы, чтобы в конце-концов, когда и их оказалось недостаточно, прямо послать в Россию свои собственные дружины. После победы над немецким империализмом, Антанта объявила, что отныне она намерена раз навсегда покончить с Советской Республикой. Однако прошло три месяца, в странах Антанты все увеличивалась оппозиция против этой политики, и вот Антанта вынуждена вступить в переговоры с Советским правительством, чтобы иметь возможность доказать своим народам, что она не легкомысленно провоцирует эту войну. Что ж, эти переговоры без всякого сомнения не облегчать ей ведения войны, и Советская Республика может спокойно отправиться в зал заседаний, будучи твердо уверенной в том, что выигранное время пойдет на пользу не Антанте, а русской и мировой революции.

Настолько же противоречивой будет политика Антанты и по отношению к германской революции. С одной стороны капиталисты Англии и Франции стремятся до-гола раздеть Германию, с другой—Ллойд-Джордж и Вильсон вспоминают, что ограбление и опустошение никоим образом не могут рассматриваться, как подходящее средство для того, чтобы установить в какой бы то ни было стране порядок и побороть революцию. Под этим углом зрения они внезапно начинают переговоры о снабжении Германии пищевым довольствием, после того как сами разрушили германский транспорт и обострили таким образом продовольственный кризис. Однако, в ту же самую минуту, как в голове г. Вильсона забрезжет мысль, что с революцией надо бороться не на силием, а продуктами питания, в лагере Антанты начинает побеждать вторая клика, клика простых грабителей. Она требует от Германии выдачи сельскохозяйственных машин, а за пищевые продукты, которых было бы недостаточно даже для того, чтобы спасти от смерти немецких больных и детей, эти самаритяне требуют ни больше ни меньше,

как весь германский торговый флот на неограниченное время. Политика Антанты по отношению к русской и германской революции представляет собою, очевидно, какую-то мешанину, окрошку из примитивных капиталистических разбойничьих вожделений, попыток дальновидной политики, свирепых позывов к военному усмирению и страха перед оккупацией Германии. Такое положение превращает так называемую мирную политику правительства Шейдемана-Эберта в контр-революционную утопию. Когда Шейдеман правил еще совместно с принцем Баденским, он искал компромиссного мира, предлагая Антанте окружить и задушить рабочую Россию последними силами издыхавшего немецкого империализма. Но как раз в эту минуту смерть схватила нашего рыцаря за шиворот. Немецкий империализм приказал долго жить. Теперь социал-патриотическое правительство Германии упрашивает Антанту снабдить его продовольствием и сырьем, дабы дать ему возможность восстановить господство буржуазии и удержать рабочих в повиновении. «Если ты мне не поможешь, то меня схватит большевистский дьявол, и после того, как он проглотит меня, наступит твоя очередь». Антанта чувствует добрые намерения шейдемановского правительства, но, во-первых, она не может оказать основательную помощь, а во-вторых, даже если бы она могла это сделать, то не могла бы на это решиться. План шейдемановцев показывает только, что они хотели бы,—как в прекрасном месяце сентябре,—запродать себя контр-революционному мировому капиталу. Если бы их план удался, то он означал бы восстановление власти немецкой буржуазии с помощью капитала Антанты ради реванша в будущем. Эту политику шейдемановцы расхваливают рабочим в качестве политики мира, надеясь на то, что измученные четырехлетней войной рабочие массы согласятся на немедленное порабощение и на войну в недалеком будущем только для того, чтобы немедленно получить кусочек хлеба.

Но бог истории, проведший рабочий класс через чистилище четырехлетней войны, не позволяет ему успокоиться, пока он—возмущенный чудовищными жертвами, подхлестываемый голодом и нуждой—не построит нового, лучшего мира.

Как ни жаждет пролетариат того, чтобы перековать мечи на орала, он все-таки не может выпустить из рук меча, пока ему противостоит мир вооруженных врагов. Он нуждается в оружии, чтобы победить свою собственную буржуазию, он нуждается в нем для того, чтобы защитить свои завоевания от посягательств иностранной контр-революции. Кто замалчивает эти его задачи, спекулируя на его утомлении войной и жажде мира, и кто объявляет подстрекателями к войне людей, напоминающих об этой задаче, тот его враг—либо по глупости, которая надеется изжить фразами величайший переворот во всемирной истории, либо с контр-революционным умыслом, который стремится выдать рабочий класс его собственной усталости и, благодаря этой усталости, мировому капиталу. Коммунисты не фантазеры: они знают, что фразами нельзя устранить таких фактов, как утомление масс войной; они не ополчаются против заключения мира даже на наиболее суровых условиях, ибо он, судя по всему, сейчас абсо-

мотно необходим, чтобы залечить раны германского народа. Но, вместе с тем, они открыто говорят рабочему классу: если ты хочешь одержать победу над своей собственной буржуазией, если ты хочешь защититься от чужеземной контр-революции, которая, быть-может, поспешит на выручку к своей собственной родной буржуазии, то ты должен вооружаться, должен создать Красную рабочую армию. Она понадобится тебе, ибо если бы даже оказалось, что капитал Антанты, благодаря росту революционных сил, не в состоянии напасть на тебя на твоей родной почве, то он все-таки попытается обойти тебя экономически, отрезать тебя от мирового сырья. Вашим единственным источником будут степи Туркестана и Сибири, богатства Украины и Кавказа, откуда придется доставать хлеб, перосин, хлопок, пеньку, жиры. Тут-то вам и придется послать своих наиболее испытанных храбрецов на помощь русской революции, чтобы иметь возможность сражаться с контр-революционными бандами, которые постараются отрезать социалистические страны от абсолютно необходимых им продуктов. Вы сражались за интересы капитала на Украине и Кавказе, в Финляндии и на Балканах, теперь вам придется еще раз вооружиться мечом, на этот раз, однако, для того, чтобы защитить свои собственные интересы.

Шейдемановцы надеются на то, что рабочие обратятся против коммунизма, когда он развернет свое знамя, на котором начертано: «Мир хижинам, война дворцам! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Но коммунизм, дело освобождения пролетариата, только выигрывает, когда открыто развертывает перед массами свои цели и освещает путь, на которых можно, борясь, добраться до обетованной земли. Пусть паразиты, ютящиеся около пролетарского утомления войною, убеждают пролетариат в том, что он сможет получить свое спасение только из рук Вильсона, на коленях перед победоносным капиталом Антанты,—подобно тому, как они убеждали его в том, что в качестве поденщика немецкого империализма он приобретет спокойствие и благоденствие. Эта вторая иллюзия разлетелась уже вдребезги, а вера в Вильсона тоже очень скоро обнаружит свою несостоятельность, и тогда—лицом к лицу с железной необходимостью—рабочий класс найдет в себе силы вступить в борьбу за окончательное освобождение. История всех революций показывает, что народные массы, боровшиеся за социальные завоевания, всегда научались отстаивать их. Отечество, которое они сами завоюют себе, они будут бесспорно защищать гораздо самоотверженнее, чем капиталистическое отечество, которое они по недоразумению считали своим. Победа коммунизма означает мир для всего человечества, но путь к его победе, как, впрочем, и ко всякой высокой цели,—ведет через борьбу. Это поняли русские пролетарии, утомленные войной, и это поймут немецкие пролетарии, несмотря на свое утомление войной. Они соединятся с русскими рабочими для общей оборонительной войны социализма. Это будет оборонительный и наступательный союз, который распространится на каждую новую страну победоносной революции, пока не соединит весь мир в подлинный союз народов,—народов, освободившихся от ярма капитализма.

РУССКАЯ И ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИИ И МИРОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

(Приветственная речь, произнесенная на учредительном съезде германской коммунистической партии 30-го декабря 1918 г.).

Товарищи, В. Ц. И. К. послал делегацию из шести человек на съезд немецких рабочих и солдатских Советов. Любезный прием со стороны генерала Фалькенгайна и правительства Эберта-Гаазе—нас встретили в Моабите пулеметами,—помешал нам принять участие на съезде. Мне удалось приехать, чтобы принести вам, учредительному съезду коммунистической партии, самые сердечные приветствия и изъявления солидарности от русских рабочих.

Когда до нас дошла весть о германской революции, то рабочий класс России был охвачен волной радостного воодушевления. Не только потому, что победа русской революции раз навсегда покончила с германским империализмом, порвала империалистический обруч, сжимавший вокруг русской революции, но и потому еще, что значительно более юный, обладающий гораздо меньшим организаторским опытом, русский рабочий класс очень хорошо понимает, что без помощи социалистической революции в Германии русская рабочая революция, предоставленная себе самой, вряд ли сможет воздвигнуть на развалинах капитализма новое здание. Русские рабочие искренно обрадовались, почувствовав, что наш старший брат, у которого мы учились, теперь вместе с нами взялся за дело освобождения и что волна революции выступила, таким образом, из пределов России, стремясь к Западу. Недостойная политика так-называемого социалистического правительства Германии по отношению к социалистической республике в России отнюдь не вызвала в массах особого разочарования. Когда правительство Эберта-Гаазе отказалось от хлеба, который русские рабочие, не взирая на собственный голод, радостно послали немецким, чтобы засвидетельствовать свою готовность все разделить с ними, всемерно участвовать в общей освободительной борьбе, тогда русские рабочие сказали себе: мы послали хлеб не господам Эберту и Гаазе, которые, вероятно, легко получают его спекулятивным путем, а мы послали его немецким рабочим, и мы готовы употребить все силы на то, чтобы в будущем превратить эту символическую посылку хлеба в оживленный обмен всего того, что есть у русского народа лучшего, на то, чем обладает немецкий народ, в дружный оборонительный и наступательный союз, в совместную борьбу с немецкими рабочими. **И близка уже та минута, когда предложенная русским рабочим классом помощь будет принята по-братски, с радостью, а не язвительно отвергнута.**

Правительство Эберта-Шейдемана в Германии и правительство Керенского в России.

Русских рабочих не разочаровало поведение правительства Эберта-Гаазе, потому что **они сами пережили год тому назад в России** все то, что наблюдается теперь в Германии. В этих преходящих явлениях

и колеблющихся фигурах, мелькающих ныне на поверхности немецкой общественной жизни и выдающих себя за руководителей германского народа, мы узнавали старых знакомцев. И у нас было правительство, заявлявшее рабочему классу, что он не в состоянии провести дело своего освобождения собственными силами, не в состоянии самостоятельно избавиться от бедствий войны, от ужасающей нищеты крушения капитализма. Он нуждается, по их словам, в помощи буржуазии.

Политика наших мелкобуржуазных социалистов, меньшевиков и социалистов-революционеров, по существу в том именно и заключалась, что они видели в сотрудничестве с буржуазией, в так-называемой коалиции, путь к освобождению рабочего класса. Эберт и Гаазе занимались с первого дня той же политикой недоверия к рабочему классу и доверия к буржуазии, представителей которой они посадили в качестве «сведущих лиц» во все значительные органы власти, благодаря чему создалось то, в высокой степени забавное, положение, при котором императорский погонщик рабов, т. Сольф, руководит внешней политикой немецкой революции, в то время, как теоретик Второго Интернационала Карл Каутский упражняется в государствоведении под его началом, в качестве юной вспомогательной силы [1]). Коалиционная политика господствовала в России восемь месяцев. Предатели социализма пытались использовать «живые силы» буржуазии для освобождения рабочего класса, а в действительности только отталкивали от себя все большие части рабочего класса. Чтобы сломить оппозицию рабочего класса, они попробовали очернить его вождей, русских коммунистов, ославить их германскими шпионами. Когда это не помогло, они сделали попытку сломить эту оппозицию силой оружия. Пролилась рабочая кровь, но восемь месяцев спустя за нас было подавляющее большинство рабочих и крестьян, подавляющее большинство всех тех, кто терпел нужду, изнывал под ярмом войны и капитализма. Как это случилось? Коалиция рабочих и буржуазии не смогла покончить с войной, не смогла избавить народ от ее горестных последствий, ибо буржуазия, вызвавшая войну из своекорыстия и ответственная за нее, желала эксплоатировать народ, не взирая на революцию, как она это привыкла делать под кровавым знаком войны. При ликвидации войны перед массами встает вопрос об огромных военных долгах, вопрос о том, должны ли рабочие массы, которые, ведь, были против войны, нести ее финансовое бремя. По окончании войны мы оказываемся перед вопросом: как восстановить в конец разрушенное хозяйство? Должен ли обнищавший народ кормить еще и паразитов? Или же он должен, именно потому, что обнищал, использовать то немногое, что у него осталось, для того, чтобы утереть слезы вдов

---

[1]) Тем временем Каутские и пр. должны были уступить свои места, и высшие государственные должности по-братски поделила между собой правительственная коалиция из шейдемановцев, демократов и центра.

и сирот, прокормить миллионы калек, проложить себе между развалинами дорогу к новой жизни, где какая-нибудь небольшая клика уже не сможет снова бросить его в огонь мировой войны и подвергать эксплоатации? **Рабочие увидели, что это «сотрудничество» с буржуазией только удлинит их страдания.**

До тех пор, пока промышленность оставалась в руках буржуазии и над хозяйственной жизнью господствовали интересы прибыли, а не потребности народа, должно было продолжаться расточение народных сил и увеличиваться хозяйственная разруха. До тех пор, пока велась политика сотрудничества с буржуазией, нечего было и думать о преодолении военной задолженности. Совместно с буржуазией нельзя было окончить войны, ибо она была связана с капиталом Антанты, от него ждала спасения и сознательно удлиняла войну. Рабочие и крестьянские массы все больше убеждались в том, что это так называемое «сотрудничество» с буржуазией в действительности означает полное подчинение капитализму, и в ноябре 1917 г. они разорвали петлю. «Небольшая кучка» людей, все время предостерегавших пролетариат, оказалась у власти.

Здесь в Германии дело обстоит **в некоторых отношениях иначе.** Буржуазия готова покориться капиталу Антанты, лишь бы только получить от него помощь против пролетариата. Разбойники Антанты хотят отнять только часть ее достояния, и она утешает себя тем, что как нибудь отыграется, вырезая ремни из кожи немецких рабочих. Рабочие же протягивают руки ко всему достоянию капиталистов являющемуся делом их рук.

Вопрос мира в качестве фактора, ускоряющего крах коалиции социал-патриотов с капиталистами, не будет играть в Германии такую роль, как в России. Народные массы восстанут против этой «коалиции», когда выяснится, что Эберты являются попросту полицейскими собаками угольных и железных баронов, защитниками юнкерских спекулянтов хлебом. Это случится раньше, чем многие предполагают: ход дел в Верхней Силезии, Прирейнской Вестфалии тому порукой. Продовольственный кризис и безработица очень скоро поставят рабочих лицом к лицу с вопросом о беспощадной борьбе с буржуазией, иллюзии «сотрудничества» разлетятся, как дым, и то самое **«Национальное Собрание»**, которое должно соединить все классы народа в общей работе, будет ежедневно обнаруживать, какая глубокая пропасть их разделяет. Те самые рабочие советы, которые ныне позволяют принижать себя до роли фигового листка эбертовской диктатуры, диктатуры в интересах капитала, будут вынуждены взять власть в свои руки.

Опыт русской рабочей революции.

Опыт, приобретенный нами в течение того года, когда власть находилась в руках рабочего класса, имеет при таких обстоятельствах величайшее историческое и практическое значение для пролетариев Германии и всех остальных стран. **Не в том, конечно, смысле, будто русскую революцию можно попросту скопировать.** Условия, в которых находятся различные страны, повсюду отличаются друг от друга. Различна со-

циальная и политическая структура разных стран. Повсюду рабочий класс должен будет итти своим собственным путем. Тем не менее русская революция, год пролетарской диктатуры **является великим испытанием основного правила: вопроса о том, возможна ли диктатура рабочего класса вообще.** Буржуазная пресса Германии, которая подняла теперь совместно с прессой Антанты вой, не видит и не знает злейших врагов, чем большевиков; т.-е. коммунистическую рабочую революцию. Пресса изменников социализма, которые потому выдают себя за знатоков социалистических проблем, что попрали ногами все основоположения социализма, эта пресса заявляет, что русская революция доказала всю опасность и невозможность революционного шага, ибо она только разрушила и ввергла Россию в бедствия. То же самое утверждает и Вильсон, глава американской финансовой олигархии; то же самое утверждает известный доброжелатель рабочих Клемансо; то же самое утверждает третий друг рабочего класса—Ллойд-Джордж. Эти господа постоянно помышлявшие только об одном: как бы избавить обездоленных рабочих от тяжелых испытаний, выпадающих на их долю, придерживаются совершенно тех же самых взглядов, что и Шейдеман, Каутский, Эберт. Каждый рабочий, не позабывший о том, что все эти столь озабоченные его благоденствием государственные мужи до сих пор содействовали эксплоатации рабочего класса, что вопящие в перегонку с ними шейдемановцы пальцем о палец не ударили тогда, когда потоком лилась рабочая кровь ради интересов капиталистов, должен будет сказать себе: боюсь я советов этих Данайцев. Дело, однако, не в том, чтобы возбудить недоверие к этим новым «друзьям рабочего класса», а в том, чтобы дать ясный ответ на их предостережения, из которых первое гласит: **бойтесь гражданской войны!**

Гражданская война в России.

Когда мы две-три недели тому назад обсуждали этот вопрос с немецкими солдатами, мы должны были подходить к нему чисто теоретически и пояснять его на примерах **русской** действительности. Теперь, после того, как господа **Вельс и Эберт уже выявили свои достоинства в качестве стратегов гражданской войны,** теперь, после 6 и 24 декабря мы можем говорить об этом уже не только теоретически. Немецкий рабочий класс **получил первый практический урок гражданской войны.** И когда ныне вся буржуазная пресса требует, чтобы горнорабочих Верхней Силезии угостили свинцовыми бомбами за то, что эти парии капиталистического общества, выкачивавшие из шахт миллионы для угольных баронов, воспринимают революцию прежде всего в смысле улучшения своего жалкого положения, тогда немецкие рабочие легко могут найти ответ на вопрос о том, **что такое гражданская война: это вооруженная защита денежных мешков буржуазии! Никогда в течение всей истории человечества класс собственников не отказывался от своих преимуществ без ожесточенной борьбы до последней крайности.** Кто утверждает, что имущие классы способны добровольно и сознательно подчиниться решению большинства, тот утверждает явную

ложь. Если слова «социалистическая республика» не должны оставаться простой фразой для дурачения народа, то они означают теперь, что рабочий класс постарается тем или иным путем получить в свои руки производство. А если это так, то мы стоим перед величайшим **переворотом**, какой только история когда-либо видела, и подобный **переворот** не может произойти путем полюбовного соглашения. Все прежние революции означали переход средств производства из рук одного меньшинства в руки другого меньшинства же. **Ныне, впервые за всю историю человечества, класс собственников должен быть совершенно упразднен.** А это не может быть проведено с помощью парламентских переговоров и постановлений. Русская революция ясно свидетельствует об этом.

Правительство Керенского не было свергнуто, оно само свалилось. Если бы вы прочитали теперь воспоминания Малянтовича, министра юстиции при Керенском, то вы заметили бы, что это была просто-напросто небольшая кучка людей, за которыми ровно никто не стоял и которые не могли даже распоряжаться своими шоферами. Такое правительство не было надобности свергать. В заключительной схватке против Керенского почти не было жертв. Народ просто предоставил правительство его собственной судьбе. Съезд советов, представлявший подавляющее большинство русского народа, образовал новое правительство, Совет Народных Комиссаров, и первыми, кто ему не подчинился, кто поднял против него оружие, были представители буржуазии и помещиков. То был генерал Краснов, который ведет теперь против нас борьбу на Дону и расстрелял 16.000 горнорабочих и которого русские рабочие в октябре 1917 года отпустили на все четыре стороны, в первом опьянении победой, после того, как он дал офицерское слово не вести больше против них борьбы.

Гражданскую войну начала буржуазия, желавшая получить обратно свои фабрики, офицерство, вздыхавшее по тому времени, когда оно могло обращаться со своими солдатами, как с рабами, крупные помещики, стремившиеся отобрать у крестьян землю. Когда у нас раздаются проповеди против гражданской войны, рабочие отвечают: **господа-убийцы, потрудитесь первыми выпустить оружие из рук.** Пока класс собственников не сделает этого, до тех пор и рабочий класс России не выпустит из рук оружия. Он кровью своею добыл завоевания революции и не откажется от них, хотя бы весь мир ополчился против него. Пусть те, кто хочет отобрать у рабочих фабрики, у крестьян землю, у народа власть, придут и попробуют взять то, чего они хотят.

Гражданская война ведется с величайшим ожесточением, с гораздо большим даже, чем империалистическая война. Между эксплоататорами разных стран может состояться компромисс: они делят между собой добычу, они совместно спускают шкуру с рабочих всех стран. **Но между эксплоататорами и эксплоатируемыми не может быть компромисса: тут возможна только либо победа, либо уничтожение.** Класс собственников, обвиняющий нас во всевозможных ужасах, ведет борьбу с чисто звериной жестокостью. Когда украинская буржуазия завоевала с помощью немецких войск Киев, она расстреляла без суда 1.500 рабочих; кто в

день вступления победителей попадался на улицах и имел мозолистые руки, того ставили к стенке. Победившая финская буржуазия умертвила свыше 30.000 рабочих, Краснов на Дону — 16.000. Свергнутый класс жестоко мстит за испытанное унижение своего господского самосознания, когда снова захватывает власть [1]). Рабочий класс еще не развил в себе этого самосознания, он полон сантиментальности, ему импонируют крики буржуазной прессы. «Дикие большевики», окруженные опасностями, не умертвили в процессе своей борьбы и пары тысяч буржуев. Не только потому, что они хотели щадить человеческую жизнь, но и потому, что они стремятся к изменению социальных условий, а отнюдь не к уничтожению людей. И даже эта пара тысяч погибла вследствие справедливой самозащиты от контр-революции, которая хочет поработить русский народ, опираясь на чужеземные штыки. Когда представители этих штыков, когда господа Шейдеманы, лакеи германского империализма, подымают крик по поводу большевистского террора, мы отвечаем им: **«Ведь ваши собственные руки в крови, обличители большевистского террора.** На них кровь не только миллионов, погибших в эту войну, но и десятков тысяч латышских, финских, украинских и русских рабочих, убитых по приказу генералов, которым вы отпустили военные кредиты. А вы, противники самозащиты рабочего класса, противники гражданской войны за социализм, вы уже убиваете немецких рабочих ради интересов капитала. И, опираясь на великолепно организованный немецкий капитал, на великолепно организованных немецких юнкеров, вы подготовляете гораздо более кровавую гражданскую войну, чем та, которую когда-либо видела русская революция. И одновременно вы стараетесь убаюкать свои будущие жертвы криками против гражданской войны для того, чтобы они не готовились **к самозащите!** Но это вам не удастся!»

Промышленная разруха в России.

Предатели социализма заявляют, **что гражданская война разрушает производство, а вместе с тем, стало быть, и предпосылку социализма,** что рабочий класс останется, таким образом, в результате победоносной гражданской войны посреди выжженной пустыни. Товарищи! **Тяжелая, обильная жертвами гражданская война в России уничтожила в течение года меньше человеческих жизней и хозяйственных ценностей, чем один день «достославной войны», в которой шейдемановцы приглашали рабочих «выдержать до конца»** Мы не скрываем от себя того, что гражданская война, действительно, многое уничтожает, что она задерживает творческий процесс создания нового коммунистического общественного строя без поработителей и порабощенных, даже вредит ему. Но мы поставлены лицом к лицу с фактом неизбежности гражданской войны. Рабочий класс всего мира попадет в такое положение, при котором ему

---

[1]) Подвиги белопляхетской Польши, действующей под покровительством Антанты, представляют собой новый, самый яркий пример той гражданской войны, которую предпочитает буржуазия.

придется одной рукой отражать вражеский натиск, грозящий всей его творческой работе, и только другой рукой удастся работать над творческим воссозданием новой жизни. Мы убеждены,—и будущий ход развития мировой революции, надо полагать, подтвердит это,—что великая, систематическая созидательная работа только тогда станет возможной, когда рабочий класс совершенно сломит врага, когда ничья святотатственная рука не будет больше вмешиваться в этот творческий процесс. Но, все-таки, мы с гордостью можем оглянуться на пройденный нами путь.

Вчера «Форвертс» («Вперед») опубликовал воззвание против большевиков, в котором немецких рабочих приглашают самолично отправиться в Россию и посмотреть на ее развалины. От имени Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии я могу заявить, что он будет только приветствовать представителей немецкого правительства и центрального исполнительного комитета, если они приедут в Россию для того, чтобы познакомиться с положением дела на месте. До сих пор никогда не мы отрезывали немецких рабочих от русских, чтобы скрыть от них ужасную действительность. Скорее наоборот: пулеметы в Молодечно должны были преградить нам доступ в рай немецких рабочих. Русские рабочие держат фабрики в своих руках. А эти господа заявляют: у вас, ведь, **нет угля, нет железа.** Фабрики остановились. Это звучит недурно в устах представителей партии, которая поддерживала разбойничий поход старого империалистического правительства против Украйны, где находится 70% русского угля и железа, не говоря уже о хлебе, которым до сих пор питался русский рабочий. Несмотря на то, что **вследствие разбойничьего похода империалистической Германии мы оказались отрезанными от главных источников сырья,** несмотря на то, что Антанта лишает нас теперь другой части нашего сырья, часть нашей промышленности все-таки работает и неопровержимо доказывает, что революция, уничтожающая старую, принудительную дисциплину капитализма, создает новую, добровольную дисциплину. На наших фабриках не происходит митингов во время работы, наши рабочие делают максимум того, что предписано центральным управлением данной промышленности. Если бы представители нынешнего немецкого правительства посмотрели, как происходит работа на русских фабриках, то они сказали бы немецким рабочим: русские рабочие соблюдают порядок, а у вас все поставлено вверх дном. Однако, они позабыли бы при этом одно обстоятельство: то, что русские рабочие являются господами в своем государстве и знают, что рекут самих себя по живому месту, не соблюдая порядка. От мертвого послушания они сознательно перешли к добровольной дисциплине, к созданию новой жизни. Если бы было иначе, то вообще нельзя было бы объяснить, каким образом в России, истощенной войной, а потом снова ограбленной капиталистами Германии и Антанты, вообще действуют такие общественные предприятия, как железные дороги и т. п. Нашим обвинителям мы отвечаем: **кровоточащие раны нанесены России мировым капиталом. Если же она не истекла кровью, то этим она обязана исключительно работе социализма.**

В деревне произошел глубокий процесс социальной дифференциации. Русский крестьянин, который до сих пор был только удобрением русской истории, начинает становиться ее сознательным творцом. Деревенская буржуазия борется против нас во имя частной собственности на землю. Мы сумели за год нашего управления мобилизовать миллионы беднейших крестьян, которые совместно с городскими рабочими отправились на завоевания хлеба для себя и голодающих детей пролетариата. Мы помогаем этому беднейшему крестьянству, не имеющему инвентаря, лишенному земледельческих орудий, создавать сельскохозяйственные коммуны. Инстинкты частного собственника, глубоко засевшие в мужике и не поддающиеся влиянию одной только агитации, замолкают перед голосом фактов, убеждающих бедняка-крестьянина в том, что он может добиться человеческого существования только на началах совместного хозяйствования. Классовая борьба в деревне, борьба за хлеб для голодающих, организация беднейшего крестьянства, все то, на что буржуазная пресса указывает, как на явные примеры грабежа и насилия, является культурным фактором необычайного значения: все это выводит крестьянина из его равнодушия, вырывает его из провинциального идиотизма, возбуждает в нем жажду знания. Россия покрывается теперь сетью школ, какой не знает ни одна другая страна. Правда, русские рабочие и крестьяне уничтожили лживую буржуазную печать, но зато они создали свою собственную прессу, которая приносит в отдаленнейшие деревенские уголки вести обо всех революционных событиях, о великой освободительной борьбе пролетариата. Если бы нам довелось побывать в оперных залах, в помещениях первоклассных ресторанов, в которых прежде русские капиталисты расточали народное достояние, и провести там вечер совместно с русскими рабочими, которым лучшие художественные силы России дают теперь возможность хотя бы отчасти ознакомиться со всем тем великим и прекрасным, что оставил нам погибающий мир капитализма, тогда смолкли бы все крики предостережения против большевизма, они не произвели бы на вас ни малейшего впечатления. **Немецкие военнопленные, работавшие вместе с нами, познакомились с этой Россией и сочли достойным для себя пролить свою кровь за нее.** Я не хочу этим сказать, что положение народных масс в России легко. Оно очень затруднительно: на руинах невозможно создать жилое здание по мановению волшебного жезла. Мы находимся только в самом начале созидательной работы. Жестокая нищета удручает народ. нам не раз угрожало крушение. Но я только хочу указать на то обстоятельство, что рабочий класс борется с величайшей выносливостью потому, что понимает, что борется не за господство кучки фантазеров, а за свое собственное будущее.

Внутри мы сломили контр-революционные силы. Только на Дону, на Украйне и на Кавказе они осмеливаются оказывать нам сопротивление под покровительством Антанты. **Дисциплинированная армия** борется против них, вся страна лихорадочно вооружается, рабочие обучаются после трудового дня. еще военному ремеслу. Я доставил себе однажды удовольствие пригласить московского представителя Берлин-

ского Ученого Общества (Berliner Diskonto-Gesellschaft) д-ра Гелферта на одно собрание. Когда мы возвращались в 10 час. вечера домой, представитель немецкого банковского мира с удивлением и испугом заметили безоружную колонну людей. Он спросил меня, что это значит. Так как я сам не знал, в чем дело, то я задал тот же вопрос одному из марширующих. И мы узнали, что на этих окраинах рабочие, возвращаясь с собраний, имеют привычку маршировать сомкнутым строем, чтобы изучить маршировку. Что это означает? Говорят, что господство большевиков покоится на штыках. **Но ведь эти штыки находятся в руках людей.** Почему же эти люди не свергают нас, если мы действительно превратили их страну в пустыню? Число членов партии большевиков не особенно велико, а все-таки мы с необыкновенной моральной силой собрали вокруг себя массы. **Вот самый существенный вопрос,** на который должен дать ответ каждый немецкий рабочий. **Насильственное господство заключается в том, что рабочие массы понимают,**—а они великолепно понимают это,—**что падение большевиков означало бы не что иное, как разгром рабочего класса контр-революцией, потерю фабрик и заводов, новое рабство у капитализма, новое военное бремя.** Русские крестьяне, которым мы впервые за всю историю человечества даем возможность сознательного движения вперед к вершинам человеческой культуры, понимают в свою очередь, что с падением большевизма **вся земля будет возвращена крупным землевладельцам при содействии штыков Антанты.** Вокруг руководителей контр-революции собрался весь тот сброд, который веками выжимал соки из русского народа. Все это русские рабочие и крестьяне очень хорошо понимают,—и именно этим их пониманием мы сильны в борьбе. Мы взяли Самару и Казань, освободили Волгу от хорошо организованных контр-революционных чехо-словацких войск, сделавшихся концентрационным пунктом всей контр-революции. Теперь нам предстоит **новая, более тяжелая борьба.**

Борьба против мирового капитала.

Величайшая опасность, которая могла угрожать русской революции, заключалась в том, что интернациональному капитализму удалось бы окончить войну компромиссом. Если бы немецкий и английский империализм заключили мир на основах соглашения, то принц Баденский и прочие Шейдеманы не княжеской крови, не моргнув глазом, продались бы Антанте в качестве палачей русского народа. Высылка русского посольства из Берлина должна была освободить дорогу к такого рода компромиссу, обрекавшему себе в жертву русских рабочих. Однако планы эти разбились еще в ту минуту, когда они только созревали в всевесовой голове Шейдемана и Эберта. **Немецкие рабочие и солдаты схватили германский империализм за шиворот,—и это обстоятельство дает нам возможность с уверенностью взирать на будущее.** В марте 1918 г. мы вынуждены были заключить позорный мир с германским империализмом, потому что, едва лишь овладев властью, мы не в состоянии были оказать сильному и органи-

зованному противнику надлежащего сопротивления. Чтобы его успокоить, мы вырвали куски собственного мяса и бросили их, истекая кровью, этому чудовищу. После мы организовались, работали, не покладая рук, чтобы возобновить с ним борьбу, когда он ослабеет, мы же наберемся сил. Больше всего мы надеялись на германский рабочий класс, к которому мы не теряли доверия даже в самую тяжелую пору и который мы стремились увлечь за собой не словами нашими, а делами. Наши надежды оправдались. Германский рабочий класс снял с нас бремя борьбы против германского империализма, устранил опасность его коалиции с Антантой против русского рабочего класса. Теперь у нас только один внешний враг: капитал Антанты, потому что у лакеев Антанты, господ Эберта и Шейдемана, не хватит силенок для того, чтобы затоптать большевистский очаг революции, как бы им этого ни хотелось. Антанта поставила нас вне закона. Мы ответили на это улыбкой понимания. Капиталисты никогда не соблюдали каких бы то ни было законов против борющегося рабочего класса. В 1848 и 1871 г.г. они уничтожали и расстреливали побежденных парижских рабочих, и мы очень хорошо понимали, что нас ожидало, если бы настал час Ллойд-Джорджа, Клемансо и Вильсона, даже если бы эти представители маммона и не выражали нам своего отвращения. Но их час никогда не наступит. **Сегодняшний победитель станет жертвой завтрашнего дня, подобно тому, как победителей Брест-Литовска покрыла кыне мать сыра-земля.** Армия Антанты состоит не только из машин, не только из танков. Танки одержали победу над германской армией потому, что Германия показала в Брест-Литовске европейским народам разбойничью голову медузы, а «похабный» брест-литовский мир подстрекнул последнего французского рабочего собрать остаток своих сил против германского империализма. **Рабочая Россия не несет ни одному народу угнетения.** Она признала право наций на самоопределение. По поводу этой формулы можно вести теоретические споры. Она означает одно: **мы не хотим ни к чему принуждать народные массы какой бы то ни было нации. Пусть они свободно решают, хотят ли они итти с нами или нет.** Теперь, когда Литва и Латвия снова в наших руках, мы предоставляем рабочему классу этих стран свободно разрешить вопрос о том, хотят ли они с нами заключить союз на жизнь и смерть или нет. И мы гордимся тем, что они высказались за нас, несмотря на то, что Антанта угрожает им за это всеми силами ада. Рабочий народ России несет всем порабощенным народам весть освобождения, и если господа Ллойд-Джорджи, Клемансо и Вильсоны говорят своим солдатам: «убивайте большевиков, потому что они совершают насилия», то каждый американский рабочий все-таки знает, что социалисты, если они не лакеи подстрекателей к войне, а революционеры, умерщвляются в Америке на электрическом стуле; а каждый французский рабочий знает, что Клемансо—полицейская собака. От французских солдат мы узнали, что они называют генерала Франше д'Эспре, которого прочат в командиры французских войск на юге России,—разбойником.

Они рассказывают нам, что этот генерал заставлял солдат отдавать честь своему автомобилю, даже когда он был пуст,—и этот самый генерал Франше д'Эспре, представитель кровавой военщины во Франции, должен внушить французским солдатам отвращение к насильственной власти..., за которой стоит русский рабочий класс. Если эти господа попробуют восстановить против нас солдат под лозунгом: «порядок», то рабочие оглянутся вокруг себя и спросят, заключается ли этот порядок в том, чтобы убивать миллионы людей, а уцелевших оставлять без работы и разгонять, когда они, возвратившись домой, требуют хлеба. **Либо Антанта пошлет свои войска в Южную Россию,— тогда эти войска там так же разложатся, как и немецкие.** Если революция не пришла к ним, то они придут, таким образом, в Россию, эту академию революций. Мы их недурно обработаем. **Либо Антанта попробует свергнуть нас с помощью своих машин. Тогда мы победоносно проведем эту войну.** Ибо, если вы проследите военную историю, начиная с победы Карфагена, то вы увидите, что мертвый материал никогда не одерживает побед над живым человеческим духом, не желающим отдать себя в рабство. **И если Шейдеманы и Эберты рассчитывают на то, что мы скоро будем разбиты, то я могу сегодня поручиться перед вами в том, что мы дольше будем в добром здоровьи держать в своих руках судьбы русского народа, чем представители сильной власти на Вильгельмштрассе смогут угнетать немецкий народ.**

Меньшевики, которых мы свергли в октябре, которые пользовались бедствиями рабочего класса для того, чтобы восстанавливать его против нас, хотя очень хорошо знали, что наше падение было бы его разгромом,—меньшевики увидели себя теперь вынужденными обратиться с воззванием к рабочему классу всего мира, в котором говорится, что **борьба Антанты направлена не против большевиков, а против всего рабочего класса России и всех его завоеваний...** Таким образом, эти господа, называвшие наше господство новым насилием, напрямик признают, что **рабочее правительство является защитным валом для русского народа.** Эти господа вынуждены теперь сами призывать рабочих к защите Советского правительства. Мы сделали из этого надлежащие выводы. Мы преследовали их, когда они служили контрреволюции; когда они пошли на службу революции,—пусть очень неуверенными и робкими шагами,—мы освободили их из тюрем, легализовали их организации и прессу. Я сообщаю вам об этом не для того, чтобы о льстить вас нашей терпимостью. Мы не терпимы. Мы— борцы за социализм и никогда не скрывали того, что каждая попытка выступить против революции отбросит этих людей туда, откуда они пришли. Мелкая буржуазия колеблется между двумя лагерями. Увидав, что с нами нельзя справиться, заметив, **что освобождение от большевизма означает контр-революцию,** эти последыши мелко-буржуазной социал-демократии поняли, что третьего пути не существует: **либо нужно стоять с большевиками и бороться за революцию, либо перейти на сторону чужеземных насильников и бороться против революции.** Вы знаете, куда склонился выбор меньшевиков. **Это показывает, что мелкие буржуазные элементы понимают, что мы оста-**

немся победителями в этой борьбе. Мелкая буржуазия идет с сильнейшим. **Борьба будет очень тяжела.** Наша военная промышленность работает на всех парах, однако она не может состязаться с американскими и английскими фабриками. Мы нуждаемся во всем. Наши армии часто испытывают голод. Но мы убеждены в том, что мы способны до тех пор, сопротивляясь, защищать Россию, **пока Антанта будет вынуждена либо вступить в бой со всем европейским пролетариатом, либо вообще отказаться от борьбы.**

Главным аргументом шейдемановцев против коммунистической партии Германии является ссылка на то обстоятельство, что **она открывает Антанте путь в Германию.** Никогда еще массам не преподносили более грубой лжи. Если бы Антанта сегодня напала, германский народ не оказал бы ей никакого сопротивления. Когда же немецкие рабочие станут собственниками фабрик, когда немецкие рабочие начнут борьбу с нищетой, когда они почувствуют себя господами в своей стране, тогда они поймут, что борьба будет означать для них не защиту денежного мешка, а защиту своего собственного дома, своего собственного будущего. **Нет другого средства сделать Германию способной к сопротивлению против того ярма, которое собирается наложить на нее Антанта, как сделать немецких рабочих господами Германии.** Та самая русская армия, которая в марте, когда наша революция была еще молода и не пустила еще прочных корней в русском народе, паническ разбегалась по домам, те же самые рабочие и крестьяне храбро умирают теперь, потому что они знают, что у них есть что защищать. **Господа заправилы Антанты больше всего боятся соприкосновения своих войск с рабочими, знающими, ради чего они борются.** Когда французские войска приходят в Германию, что они видят такого, что могло бы подстрекнуть их к борьбе против собственного правительства? Они имеют перед глазами республику, называющуюся социалистической, но угощающую рабочих свинцовым горохом. Когда французские рабочие увидят над Германией красное знамя социалистической революции, когда они увидят, что немецкие рабочие — господа в собственном доме, тогда они спросят: **«Неужели мы, победители, должны еще дольше оставаться рабами?»**. Эта противоположность между победой рабочих в побежденной стране и их порабощением в стране-победительнице **будет тем динамитом, который взорвет планы правительств Антанты.** Наилучшая защита заключается в том, чтобы содействовать захвату власти германскими рабочими. Кто утверждает что-либо иное, тот говорит немецкому народу: «Вы должны остаться лакеями немецкой буржуазии для того, чтобы Антанта пощадила вас, сказав себе, что эти люди неопасны». Но разбойничья система грабежа никого не щадила за то только, что он умел сгибать спину. Она налагала на него ярмо. Вот почему мы твердо убеждены в том, что путь, которым вы идете,—а вы идете по нему из тех же самых соображений, по которым мы выбрали его,—**означает не разоружение немецкого народа, а его вооружение, что вы являетесь носителями будущности немецкого народа,** не той культуры, при которой одни живут в подвале, а другие в бель-этаже, а той, при которой немецкий рабочий впервые будет в состоянии понимать все то великое, что создала работа немецкого духа, и восхищаться им.

Вас изображают подражателями русской революции, агентами Советской России. Что касается до подражания, то русская революция бесконечно многому научилась у немецкого рабочего народа. То, что мы теперь осуществляем в России, есть не что иное, как **великое, неизвращенное учение немецкого коммунизма,** которое Маркс развивал перед рабочим классом всего мира. Наша ориентация, идея советской системы выросла эмпирически, но знаменательные споры о будущих формах пролетарской борьбы, волновавшие немецких рабочих перед войною, питали наши мысли, и русская коммунистическая партия гордится тем, что она работала в теснейшем союзе с **Розой Люксембург,** вашей идейной предводительницей. Если вас ругают агентами большевистской России, **то мы все являемся в равной мере агентами великого дела, стоящего над вами и над нами,—дела освобождения рабочего класса от капиталистического ига.**

И если никто из государственных мужей капитала не чувствует себя теперь в своем дворце в безопасности от большевизма, то не потому, что дух этого последнего транспортируется в багаже русского посольства. У нас нет теперь посольств, капиталистический мир герметически закупоривает себя от нас. Но напрасно. Не только потому, что мы, солдаты революции, проникнем всюду, куда нас призывают интересы мировой революции, но и потому, что большевизм есть не что иное, как слезы вдов и сирот, сострадание к убитым и отчаяние возвратившихся. Этого духа они не убьют. Этот дух сплотит рабочий класс в интернациональную армию. Мы не предлагаем Шейдеману и Эберту союза. Эти господа ошибаются, если думают, что мы хотели бы заключить с ними такого рода союз борьбы: **эти люди в наших глазах непригодны для союза,** они не могут противостоять капитализму по той причине, что являются его лакеями. А вам у нас нет надобности предлагать союза. **Мы в союзе с первых дней войны, с того дня, когда Либкнехт бросил с трибуны германского рейхстага всему миру свое: «я обвиняю».** В ту минуту, когда вы придете к власти, кольцо сомкнется, в эту минуту русские и немецкие рабочие будут бороться рука об руку. Ничто не вызывает в русских рабочих большего энтузиазма, чем наши указания на то, что скоро придет время, когда немецкие рабочие призовут их на помощь и мы должны будем бороться вместе с ними на Рейне, точно так же, как они будут сражаться с нами на Урале. Мы убеждены, что мировая революция пойдет вперед усиленными шагами, мы убеждены в том, что это неправда, будто большевизм есть только болезнь побежденных народов. Это означало бы, что рабочий класс народов-победителей должен навсегда остаться рабом. **Мы убеждены, что интернациональная гражданская война избавит нас от войны народов.** Но никто не в состоянии предусмотреть темп развития. Год должны мы были дожидаться немецкой революции. Мы вооружались, боролись, мы сами защищали себя и дожили до того великого дня, когда исполнились слова, которые товарищ Либкнехт телеграфировал нам к съезду Советов: **«Товарищи, мы прибудем».** Когда мы прочли его телеграмму съезду, до нас уже дошло известие о том, что вы прибыли.

Мы убеждены в том, что то же самое скоро случится и с итальянцами и с французами и что планы капитала Антанты задавить немецкую и русскую революцию разобьются об это обстоятельство. Но пока этого еще не случилось, будьте уверены в том, что мы стоим с оружием в руках и не отдадим ни одной пяди завоеванной земли. И мы уверены, что вы тем временем станете на-страже германской революции. И что мы вместе с вами доживем до того дня, когда здесь в Берлине будет заседать международный Совет рабочих, когда никто уже не сможет помешать нам делиться с рабочими всего мира опытом нового времени.

На ваши заседания мы смотрим с величайшей надеждой. Мы знаем, что вы еще слабы. Мы были слабее в апреле прошлого года. Уверенность, что вы победите, что вы являетесь силой, вокруг которой группируются немецкие рабочие, мы черпаем из той идейной непреклонности, с которою вы порвали связи с прошлым и образовали самостоятельную коммунистическую партию. Страх перед большевизмом будет расти. Против вас организуют все и всех. Но ни у кого, кроме вас, нет партии, которая так представляла бы интересы всего пролетариата, которая действовала бы так сознательно, ясно и непреклонно, так не боялась бы жертв, которая могла бы с больным правом уверенно смотреть на будущее. Вашей партии посчастливилось родиться на свет во время величайшего мирового кризиса, в котором все маски падают и массы нуждаются в революционной правде, как в хлебе. Немецкая социал-демократия мертва. Она была авторитетом для всего рабочего мира. Этот авторитет испарился, ни одна часть Интернационала не приобретет теперь такого значения, какой имела немецкая его часть. Интернационал будет союзом рабочих классов, в котором каждый будет знать, за что он борется, в котором каждый будет итти собственным путем и в то же время одинаковым со всеми остальными. В этом союзе мы будем стоять друг за друга, и придет день, когда возглас, которым я заканчиваю, станет действительностью, день, когда мировая революция освободит рабочие кл ссы. к гда соц ал з будет не объектом б р ы, а предметом нашей планомерной работы. Русская революция отрезана от вас, но в вас жив ее дух. Ваш дух воодушевляет массы русского рабочего класса, этот дух стремящихся вперед классов, которые не желают более быть наковальнями истории, которые хотят стать, наконец, ее молотом.

Да здравствует интернациональная революция, да здравствует интернациональная республика Советов!

IV.

Центральному Комитету Германской Коммунистической партии.

Дорогие товарищи!

Ввиду того, что берлинское движение попало в тупик, я был вынужден уже в понедельник довести до сведения отдельных товарищей из Центрального Комитета о том, что, по моему мнению, необходимо прекратить борьбу. Вы поймете теперь, почему я обращаюсь в последнюю минуту к вам, как к руководителям Германской Коммунистической Партии, с просьбой сообщить всем вашим членам мое скромное мнение представителя братской партии, которая точно так же заинтересована в германском, как и в своем собственном движении. В своей программной брошюре «Чего хочет союз Спартака?» вы заявляете, что только тогда возьмете в свои руки власть, когда за вас будет большинство рабочего класса Германии. Эта вполне правильная точка зрения прекрасно подтверждается тем обстоятельством, что рабочее правительство немыслимо без массовой организации пролетариата. А между тем именно те массовые организации, которые в данном случае только и приходится принимать во внимание,—рабочие советы,—существуют лишь номинально, они еще не вели борьбы, которая была бы в состоянии развязать массовые силы. И благодаря этому главную роль играет в них не партия борьбы,—Коммунистическая Партия,—а социал-патриоты и независимые. **При таких условиях нечего и думать о захвате власти пролетариатом.** Если бы вам даже и удалось путем заговора овладеть правительственной властью, то вы через несколько дней оказались бы отрезанными от провинции и раздавленными.

При таких условиях постановленное в субботу революционными уполномоченными выступление против покушения социал-патриотического правительства на градоначальство носит, по всей вероятности, только характер демонстрации протеста. Передовые ряды берлинского пролетариата, ожесточенные политикой правительства, введенные в заблуждение революц. уполномоченными, которые благодаря своей полной политической неопытности, не способны обозреть соотношение сил во всей стране, превратили вследствие своей стремительности движение протеста в борьбу за власть. Это позволяет Эбертам и Шейдеманам нанести берлинскому движению такой удар, который способен на месяцы ослабить все движение. Единственной тормозящей

силой которая была бы в состоянии предотвратить это несчастие, имя ей вы, является Коммунистическая Партия. Вы достаточно сознательны, чтобы понять, что борьба безнадежна; а что вы это, действительно, понимаете, мне сказали ваши сочлены, т.т. Л. и Д. Конечно, мне известно, как тяжело теперь, после стольких жертв, выступать перед массами и трубить отбой. Я знаю, что это приведет к моральной депрессии. Но эта моральная депрессия—ничто по сравнению с тем, что массы должны будут сказать себе после кровопускания. А они скажут, что их подстрекали к безнадежной борьбе либо слепые вожди, либо вожди, замечавшие пропасть, но не решавшиеся крикнуть: «постойте!» из революционного самолюбия. Всякие соображения о революционном самолюбии должны померкнуть перед действительным соотношением сил. Ничто не запрещает слабейшему отступить перед противником, далеко превосходящим его по силе. В июле 1917 года, хотя мы тогда были сильнее, чем вы теперь, мы изо всех сил сдерживали массы и, когда это не удалось, увели их при помощи решительного вмешательства из предстоящей безнадежной битвы. И несмотря на временный упадок духа, несмотря на то, что наши товарищи, плача и проклиная нас, расставались с оружием, они впоследствии возымели к нам тем большее доверие, увидав полную откровенность нашей политики по отношению к ним.

Вот что, по моему мнению, следует сейчас сделать: 1) Потребовать от уполномоченных прекращения борьбы, вывести рабочих и солдат из битвы с оружием в руках, если это возможно, без оружия, если незаметное и спокойное отступление невозможно. В манифесте, который сошлется при этом на неизбежность кровавой бани, надобно требовать немедленных перевыборов рабочего совета, которому придется продолжать борьбу против правительства Эберта. Предательство берлинского исполкома даст возможность ввести эту борьбу в русло борьбы за орган власти берлинского рабочего класса, 2) Если уполномоченные отклонят ваши предложения, разорвать с ними, сказать массам правду относительно их положения, бросить в них лозунг перевыборов совета, чтобы в конце-концов добиться действительного представительства революционного рабочего класса Берлина вместо кружка уполномоченных. Этот исход должен будет во всей стране сделать Ваше движение борьбой за рабочие советы, без которых Вам нечего и думать о захвате власти.

Я позволил себе сообщить вам мое мнение не в силу своего мандата,—разумеется, я не знаю, что думает сейчас Р. К. П. по поводу положения в Берлине,—а в силу опыта, приобретенного в русском движении, и знания положения в Германии.

С коммунистическим приветом Карл Радек.

Берлин, 9 января 1919 г.

V.

Германская революция и польский вопрос.

Революция 1918 г., точно так же как и в 1848 г.,—поставила в Германии на очередь дня польский вопрос. Подобно старой юнкерской Пруссии, и буржуазно-юнкерская Германия оказывается неспособной примирить польские массы с их принадлежностью к Германской империи; подобно тому, как в 1848 г. буржуазная демократия не была в состоянии искупить грехи юнкерства и разрешить польский вопрос, и оба течения германской социал-демократии совершенно не способны предпринять что-нибудь в польском вопросе, т.-е. не способны разрешить его с точки зрения революции. В 1848 г. у буржуазных демократов вставали на голове волосы дыбом при одной мысли о том, что они могут потерять Познань или Восточную Пруссию, а в 1918 г. приходят в патриотический раж Эберт и Шейдеман при мысли о том, что в прусско-польских округах немецкое меньшинство может оказаться под польским началом. У них трясутся поджилки и они угрожают Польше войной. Но даже круглые дураки поймут, что это не решение вопроса. Ибо если нехорошо, когда немецкое меньшинство попадает под начало польского большинства, то несомненно будет ничуть не лучше, если поляки окажутся в немецком ярме. Но это еще не все. Поход против Польши, к которому призывает г. Носке, не только не приводит к разрешению польского вопроса, но, напротив, только укрепляет силы контр-революции, если не вытекает сам по себе из контр-революционных мотивов. Пропагандируя в Германии войну против Польши и поляков, Шейдеман и Эберт призывают на помощь «национальные силы», опираются на «Союз Восточной Марки» [1]) и на Гин-

---

[1]) «Союз Восточной Марки» (Ostmark-Verein)—националистическая организация ярко черносотенного пошиба, созданная в 80-х г.г. прошлого столетия во время знаменитого бисмарковского «Культуркампфа» для пропаганды немецкой культуры, а в действительности для насильственного онемечивания польских областей, захваченных Пруссией. Точно такие же союзы возникли повсюду в Германии и Австрии, где правящей нации приходилось бороться против непокорных угнетенных национальностей. (Прим. перев.)

денбургское Братство, дают контр-революционным силам возможность легально организоваться. Неспособные разрешить польский вопрос с точки зрения революции, они стараются разрешить его с национальной точки зрения и развязывают тем самым контр-революционные силы.

Независимая социал-демократия с своей стороны пугается каждого разрешения вопроса. Она очень боится войны с Польшей. Но в виду того, что она не может признать националистические требования поляков, она вынуждена предоставить разрешение вопроса дяде Вильсону и мирной конференции. То, чего не в состоянии своими силами разрешить германская революция в интересах германского и польского пролетариата,—это предоставляется любезному распутыванию дипломатической конференции мировой контр-революции.

Как обстоит дело?

В 1848 г. мелко-шляхетная Польша была революционным очагом против русского царизма. Поэтому Маркс выступал в защиту польской независимости и был готов поддерживать движение в пользу этой независимости войною против царской России, в которой одновременно с царизмом погибли бы и все феодальные силы Германии. Маркс и Энгельс хотели уладить польско-германские разногласия за счет царской России. Если революционная война даст полякам Литву, если она раздвинет границы Польши на Восток (что лежало в интересах мировой революции), то поляки без труда столкуются относительно своих западных областей. Таково было революционное решение вопроса Марксом в 1848 г. В 1918 г. поляки, от имени польского народа предпринимающие завоевательный поход на Запад, являются частью контр-революционных сил Европы.

Когда разразилась война, они стали частью наемниками германского империализма, частью пошли на услужение к капитализму Антанты и намеревались получить свою независимость из рук одной из этих капиталистических коалиций. После того, как Антанта победила, они начали—однако уже с полным единодушием—курить фимиам перед ее алтарем, на котором расположились боги лондонской и парижской бирж. Теперь они хотят образовать вал между революционной Россией и революционной Германией,—вал, который они намереваются далеко продвинуть на Восток, в Литву и Белоруссию, и о который должны разбиться волны пролетарской революции. Во главе этого контр-революционного кумпанства стоят польские юнкера, обиралы польского пролетариата, кровопийцы литовско-украинского хозяйчика. Не генерал-клоун,—социал-патриот Пилсудский,—а старый контр-революционный деляга Роман Дмовский, прихлебатель лондонского «Форейн-Офис» и Кэ-д'Орсэ в Париже, является действительным господином положения.

Какого рода политики должна была придерживаться германская революция при своем возникновении по отношению к этой Польше? Она должна была, разумеется, апеллировать к тем элементам, для которых нет никакого расчета отрезать русскую революцию от герман-

ской, которые с самого начала войны смотрели на себя исключительно как на соединительное звено между русским и германским революционным движением, т.-е. к рабочему классу Польши! Несмотря на то, что его очень ослабили массовые транспорты на принудительные работы в Германии, несмотря на то, что разгром польских фабрик довел его до сумы, польский рабочий класс все-таки представляет собою достаточную силу для того, чтобы держать свободным путь из России в Германию.

Если бы германские военные власти и после начала германской революции не запрещали польским рабочим образование рабочих советов, если бы немецкие солдаты думали не только о том, как бы убежать от гнева того народа, который они так долго грабили и травили по приказу королевского правительства, то Германия не знала бы ныне польского вопроса. Но «революционные» солдаты предоставили свое оружие буржуазному правительству, возникшему под крылышком германского милитаризма, и польские рабочие оказались беззащитными, их выдали на поток и разграбление вооруженным белогвардейцам польской контр-революции. А теперь эта белая гвардия продвигается на запад не только как армия польской реакции, но и как войско Антанты. Все разговоры шейдемановцев об отражении этого наступления являются пустой болтовней, ибо у г. Шейдемана просто-напросто нет боеспособных войск, а сам он рассчитывает исключительно на то, что Антанте неприятно продвижение поляков. Но, не взирая на цилиндр Эберта и шейдемановскую фразеологию порядка, Антанта видит в Германии страну начинающейся пролетарской революции и ничего не имеет против того, чтобы эта страна была ослаблена. А против Антанты г. Шейдеман не желает бороться.

Просьбы независимых, чтобы поляки подождали всего только до мирной конференции, на которой все будет улажено мирком да ладком, представляют собою причитания ветхого деньми старца, не знающего, как пособить своему горю. Ибо поляки, разумеется, только в том случае ждали бы конференции и двигались бы вперед, если бы не стремились прежде всего к тому, чтобы поставить конференцию уже перед совершившимися фактами.

Какую политику защищает в польском вопросе партия германской революции, партия коммунизма? Эта политика ясно предначертана интересами немецкой, польской, русской, больше того—интересами мировой революции: поддержка польского рабочего класса, стремящегося к захвату власти. Эта поддержка должна была бы в первую очередь состоять в немедленном освобождении польских пролетариев, интернированных в Германии и понуждаемых к работам. Германская революция должна показать им, что она не ответственна за подобное постыдное обращение с ними. Она сможет это сделать, предоставляя каждому польскому рабочему, желающему остаться в Германии, те же самые условия труда, что и германским пролетариям. Среди тех, кто хочет возвратиться на родину, надобно вести широкую пропаганду. Нужно выплатить им ту часть заработной платы, которую удержали капита-

листы, пользуясь военным положением. Тогда они станут друзьями германского рабочего класса и примкнут в Польше к борьбе сознательных рабочих. Эту борьбу надо поддерживать и материально и доставкой оружия. Тогда польские рабочие в скорости достигнут правительственной власти, и Польша перестанет быть валом против германской революции, а станет мостом между германской и русской революцией.

В союзе с германской и польской социалистической республикой можно легко разрешить все спорные вопросы. Там, где будет господствовать диктатура германского и польского рабочего класса, народным массам и в голову не придет отрывать какие-либо области для той или другой нации, ибо всякое национальное угнетение исчезнет.

Польские крестьяне, польские батраки, которые совместно с германскими крестьянами и батраками завладеют землями немецких и польских юнкеров в Восточной и Западной Пруссии и в Познани и будут обрабатывать ее, польские рудокопы Верхней Силезии, которые совместно с немецкими рудокопами стряхнут иго угольных и железных баронов, обнаружат полную солидарность в борьбе против германской и польской контр-революции.

Вот разрешение польского вопроса с революционной точки зрения.

Лакеи германского капитализма, правительство Эберта-Шейдемана, конечно, не в состоянии осуществить этого. Германская Коммунистическая Партия должна уже теперь приступить к осуществлению указанного плана. Рабочие и Солдатские Советы, стоящие на почве коммунистической партии, должны приступить к агитации в пользу выплаты польским рабочим удержанной части их заработной платы. Они должны освободить польских рабочих от всякого угнетения, должны развить среди них агитацию, вступить в пограничных областях в теснейший контакт с польским рабочим классом и теперь же снабдить его оружием против общих поработителей. Только в том случае, если Германская Коммунистическая Партия немедленно приступит к разрешению этих задач, она сможет впоследствии избежать необходимости жертвовать драгоценной кровью германского рабочего класса для того, чтобы пробить брешь в контр-революционном польском вале.

Декабрь 1918 г. Бременская „Рабочая партия“.

VI.

Уроки гражданской войны в Берлине.

ПОБЕДА СОЦИАЛ-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Социал-патриоты ничего не предали.
Они только угадали сами себя.
Шарль Рапопорт.

Эберт и Шейдеман празднуют победу! Сотни пролетариев растерзаны гранатами на улицах Берлина, сотни сидят за решеткой! Роза Люксембург и Карл Либкнехт убиты солдафонами Носке! «Верные правительству» войска торжественно шествуют по городу, предводительствуемые офицерами, снова надевшими погоны и кокарды, при рукоплесканиях буржуазной черни, при радостных кликах сутенеров из Тауенцина. Пузатый Эберт в качестве отца нации держит перед нею благодарственные речи, «верховный главнокомандующий» Носке воодушевляет ее к новым подвигам. Моссе и Ульштейн могут снова задать работу своим машинам, изрыгающим ложь, а редакция «Красного Знамени», напротив, «завоевана». «Социалистическое правительство» объявляет при одобрительном гуле буржуазии о своей готовности к дальнейшей гражданской войне против пролетариата, и выборы в Национальное Собрание смогли пройти беспрепятственно. Гром победы раздавайся!

Первая фаза германской революции заканчивается так, как вильгельмовская система никогда не решалась защищаться. Теперь надобно, чтобы все пролетарии до последнего поняли, **что означает победа Эберта и Шейдемана.** Понимание гражданской войны в Берлине является необходимой предпосылкой дальнейшей борьбы и окончательной победы германского пролетариата.

Откуда пришло правительство Эберта-Шейдемана, что оно представляет собою? Эберт—второй председатель германской социал-демократии, избранный еще при жизни Бебеля в правление этой руководящей рабочей партии II Интернационала. Как же случилось то, что он приказывает теперь расстреливать рабочих минометами? Имеем ли мы здесь дело с личной изменой принципам социал-демократии и интересам рабочего класса? **За Эбертом стоит подавляющее большинство старой партийной бюрократии, он опирается на значительную часть рабочего класса,** которая и по сегодняшний день, после его победы над передовыми рядами берлинских рабочих, поддерживает его и дала ему в

стране 11 миллионов голосов. Дело идет не о личном предательстве, а о том, что часть рабочего класса стала на сторону буржуазии. По своему социальному содержанию гражданская война в Берлине является войной между пролетариатом и буржуазией, но часть рабочих стала в ней на сторону буржуазии.

Само по себе то обстоятельство, что часть класса, ведущего борьбу за свое освобождение, стоит на стороне своих классовых противников, не представляет ничего нового в истории. В нидерландской революции, приведшей к освобождению крестьянства и буржуазии от феодального ярма, южное крестьянство боролось и сражалось на стороне феодалов, потому что оно надеялось таким образом избавиться от ужасов гражданской войны. Французская революция, передавшая крестьянам землю, имела против себя вандейских крестьян, которых особые местные условия связывали с феодальным крупным землевладением и с попами. История борьбы рабочего класса с первого дня ее возникновения вплоть до мировой войны переполнена примерами предательства общих интересов рабочего класса, совершенного отдельными его группами. В пролетариате всегда находились слои, либо слишком слабые для того, чтобы противостоять буржуазии, и державшиеся в стороне от классовой борьбы пролетариата, зачастую даже продаваясь буржуазии против своих братьев по классу, либо настолько хорошо устроившиеся при господстве буржуазии, что им начинало казаться, что они заинтересованы в поддержании этого господства. Вся политика английской буржуазии сводилась к тому, чтобы разделить пролетариат на две части, так, чтобы одна не хотела бороться, а другая, предоставленная самой себе, не могла бороться.

Когда началась борьба германского пролетариата, он в большинстве своем стоял на стороне либеральной буржуазии против Лассаля. Либеральные профессиональные союзы, основанные Гирш-Дункером, христианские профсоюзы, основанные партией центра, постоянно были сторонниками капиталистического общественного порядка, противниками революционной борьбы за его уничтожение. Немецкие социалистические пролетарии нисколько не удивляются, когда видят г. Гольдшмида из гирш-дункеровских профсоюзов или г Стегервальда из христианских борющимися на стороне буржуазии против пролетариата. Что до правительства Эберта-Шейдемана, то пониманне его роли телохранителя и боевой дружины капитала затрудняется благодаря его «социалистическому прошлому», которое зачастую смущало также и глуповатых представителей буржуазии. Но когда Вильгельм II, с согласия национал либеральных угольных и железных баронов, пригласил в правительств Шейдемана, он очень убедительно показал, что даже богом и буржуазией миропомазанные представители германского капитала разгадал. шейдемановцев в их качестве защитников капиталистической системы.

Шейдеманы и Эберты играют эту роль представителей капитализма не в противоречии со своим прошлым, а в полном согласии с ним. Что совершили они такого «революционного» за всю свою долгую жизнь? Они боролись за повышение заработной платы. Но высокая заработная

плата не только не противоречит капитализму, а, наоборот, оказывается стимулом капиталистического развития,—как, например, в С.-А. С. Штатах,—заставляя капиталистов уделять все больше внимания главному оружию капитала—современной технике. Они подвывали против полуфеодального полицейского режима в Пруссо-Германии и требовали «демократических реформ». Они ни разу действительно не боролись за демократическую республику; когда Роза Люксембург бросила в 1911 г. этот лозунг в массы, вожаки социал-демократии завопили по поводу романтических бредней, они были республиканцами «в принципе», а на практике были бы рады радешеньки, если бы получили республику с честным принцем, вроде Макса Баденского, во главе; но ведь и демократическая республика, северо-американская, представляет собою эльдорадо для капитализма.

Политика Шейдемана и Эберта отличалась от политики английских профсоюзов, открыто стоявших на почве капитализма и постоянно боровшихся против социализма, как против утопии, только тем, что им приходилось брать более высокие ноты, приспособляясь к политически отсталой обстановке, в которой рабочий класс был лишен самых примитивных политических прав. Они боролись не за что другое, как за то самое, чего вполне буржуазные вожаки английского рабочего класса давно уже достигли или требовали. Но так как германское профессиональное движение развилось под знаменем социализма, то они были вынуждены социалистически обосновывать те самые требования, которые английские руководители профсоюзов обосновывали либерально. Это сводилось к некоторому количеству бутафорского грома и собраниях и в печати, но ничего не изменяло в том обстоятельстве что Шейдеманы, Эберты, Легины, т.-е. партийная и профсоюзная бюрократия германской социал-демократии, проводили реформистскую политику, т.-е. политику, которая стремилась не к уничтожению, а к исправлению капитализма. В то время, когда эта политика окончательно определилась, во время так называемых прений о Бернштейне и борьбы вокруг ревизионизма (1898—1903 г.г.). руководители левого, революционного крыла социал-демократии уже открыто разоблачали перед массами подлинный характер политики ревизионистского стана, а теперешний советчик Эберта,—а тогда революционный теоретик,—Парвус вполне правильно называл ее национал-либеральной политикой. Когда нужно было переходить от социалистических слов к делам, к борьбе, которая могла бы ополчить массы рабочего класса против буржуазии. г.г. Эберты, Шейдеманы и Легины сбрасывали маски и с чрезвычайной энергией выступали против революционных рабочих и их действий. Так было, когда они, напр., ожесточенно боролись против идеи массовой стачки, борьбы класса против класса.

Политика реформизма была возможна благодаря тому, что она соответствовала настроению значительной части германского рабочего класса, положение которой вследствие промышленного расцвета последнего десятилетия XIX столетия настолько улучшилось, что она не испытывала никакой потребности в революционной борьбе, а надея-

лась постепенно, шаг за шагом упрочить свое благосостояние. Политика реформизма была, разумеется, не только результатом реформистских иллюзий лучше сплоченных слоев рабочего класса, но и в свою очередь укрепляла эти иллюзии и препятствовала пролетариату понимать знамения времени: дороговизну, трестирование промышленности, рост вооружений,—а все это свидетельствовало, ведь, о том, что ревизионистские уши выше лба не вырастут. Однако, как велико ни было соучастие «социалистической» партийной и профсоюзной бюрократии в ослеплении и оглушении рабочего класса,—мы обязаны постоянно указывать на злокачественную язву реформизма, потому что пролетарский боец должен не только знать и понимать болезни своего класса, но и бороться против них,—все-таки правильная коммунистическая политика в Западной Европе невозможна без того, чтобы не принимать постоянно во внимание то обстоятельство,—что политика Шейдеманов, Эбертов, Легинов и Гендерсонов имеет гораздо более широкий фундамент, нежели политика Церетели и Чхеидзе в России: слой хорошо оплачиваемых, убежденных в прочности своего положения рабочих гораздо более значителен в Германии, Англии, Северной Америке, чем когда бы то ни было в России.

Вот почему Шейдеманы и Эберты не погибли вместе с той системой, которая повергла германский народ в неслыханные несчастия, после того как они четыре военных года под-ряд поддерживали все подлости германского империализма, четыре года под-ряд удерживали пролетариат от всяких выступлений против него. Вот почему они могут даже выдавать себя теперь за ликвидаторов этой системы. Разумеется, некоторую роль играет при этом и внешне необыкновенно ловкая тактика этих демагогов, которые, действуя как наиболее надежный моральный оплот германского империализма,—а моральная сторона играет на войне не меньшую роль, чем материальная,—в то же самое время создают себе при посредстве «мирных предложений» своего рода алиби, фиктивные доказательства своей непричастности к империалистической политике. Разумеется, их нынешнее положение в сильнейшей степени зависит от того обстоятельства, что они в виду приближавшегося крушения германского империализма сумели отделаться от его видимой главы — императора и шумно требовали отставки этой империалистической марионетки, чтобы не быть увлеченными его падением. Но и наиловчайшая тактика может только лучше использовать данное благоприятное положение, а не создавать его, ибо оно зависит от более глубоких социальных факторов. Нынешнее социал-патриотическое благоденствие, — мы покажем еще, что оно очень преходяще,—коренится в том, что рабочая аристократия Германии не только не погибла во время войны, но, напротив, даже выросла в объеме Война преобразовала три четверти промышленности в военную промышленность, с сравнительно хорошо оплачиваемым слоем рабочих. Рабочие военной промышленности оказались более обеспеченными, чем мелкое мещанство, а это и послужило одной из причин слабости революционного движения во время войны. Германский империализм вовсе и

не погиб под ударами пролетарской революции. Он умер от переутомления на фронте, когда выдохлась сила морального сопротивления его солдат [1]). И в этом—второй корень непререшней силы социал-патриотического правительства. Значительная часть рабочего класса находится еще в повышенном материальном положении. И она хочет обеспечить его за собою. «Ради бога, только никаких беспорядков, надобно перевести военную промышленность на мирное положение, чтобы дать нам хорошо оплачиваемую работу. Благодаря «нашему» поражению дело и без того обстоит уже довольно неблагополучно, ибо у «нас» не будет возможности вырезать ремни из кожи других народов; я не буду требовать войны из-за того, что мы получим контрибуцию,—заявил однажды «дипломатически» Шейдеман, — нельзя обострять положение еще больше. Стало быть, прекратим революционные выступления масс, пусть социал-демократическая бюрократия совместно с капиталистами и их специалистами проводит постепенную «социализацию».—Эти настроения и мысли рабочей аристократии являются первым устоем социалистического правительства. Другой его устой заключается в настроении солдат. Они вырвались из огненного котла империализма без особенной борьбы за мир. Разложение армии, безнадежность военного положения были настолько велики, что ни одна часть буржуазии не решалась в конце-концов требовать продолжения войны. Людендорф требовал перемирия. Мир не был об'ектом классовой борьбы. Даже господа вроде Вестарпа не решались ему противодействовать. Армия не вынудила перемирия: она получила его. И когда ее наиболее сознательные части начали в виду разгрома старой системы образовывать органы новой,—солдатские советы,—никто не противодействовал им. Наоборот, руководители армии были достаточно сообразительны для того, чтобы взять инициативу в свои руки, провести своих людей в солдатские советы. Домой! это был единственный лозунг германского войска, точно так же, как и столь поносимого русского мужика в 1917 г. Но лозунг «домой!» означал, в виду военного положения на западном фронте и политического положения на восточном, порядок, порядок и еще раз порядок, ибо при отсутствии порядка солдаты рисковали попасть в плен или же месить на востоке тысячи километров в снегу. Борьба, революция на родине казалась святотатственным ухудшением отступления. Всякое известие о каких бы то ни было «беспорядках» на родине превращало солдата в дикаря. Четыре года под-ряд он переносил в окопах морозы и жару, выдерживал ливень гранат, из'язвил себе ноги по дорогам всей Европы и половины Азии, а теперь, когда он хочет вернуться домой, являются те, кому до сих пор хорошо жилось, и задерживают своими «безобразиями» его возвращение. Больше того: они даже угрожают сделать это возвращение невозможным, потому что Антанта, как слышно, собирается в Берлин для того, чтобы успокоить всю эту «банду вшивых мальчишек»! Чорт побери! Да наконец, если все пойдет вверх тормашками, так и дома не удастся отдохнуть как

[1]) См. в высшей степени интересные сообщения врача-фронтовика в декабрьской книге «Ежемесячника Южной Германии».

следует и заняться чем-нибудь путным. Это настроение и эта точка врения большинства возвратившихся солдат,—мужиков, городских мещан, пролетариев,—представляют собою второй устой социал-патриотического благоденствия.

Социал-патриотическое правительство всплыло наверх потому, что все остальные силы прошлого были скомпрометированы еще больше его. С императором Антанта не хотела вести переговоров. Но сбежавший император не оставил буржуазии такого органа власти, опираясь на который она могла бы руководить распадающимся государством, т.-е. народными массами. Армии не было, полиция представляла собою ничто, потому что народные массы были вооружены и только что пережили крушение всех старых авторитетов. При таких обстоятельствах буржуазии ничего другого не осталось, как допустить, чтобы социал-демократия, располагавшая массовой организацией и авторитетом в глазах масс, овладела властью. Партия Эберта, Шейдемана и Легина показала в течение четырех лет войны, что ей можно доверять, недаром, ведь, она требовала, чтобы пролетариат беспрекословно переносил кровавую бойню ради интересов буржуазии.

Достигнув власти, социал-патриоты доказали, что буржуазия была права, доверившись им в минуту опасности. Сначала они хотели завладеть властью в открытом союзе с буржуазией. Уже одно это свидетельствовало о том, что они не собираются предпринять ничего серьезного против капитала. Но обстоятельства сложились иначе. Ибо для того, чтобы заштопать дыры своего социал-демократического плаща, разорвавшегося во время скитаний по кустарнику империалистической войны,—сквозь эти дыры просвечивало облачение лейб-гвардии его величества, а это не нравилось Антанте,—им пришлось обратиться за помощью к «независимой социал-демократии»,—той отколовшейся группе, которая имела за границей репутацию невинности, потому что позволяла себя изнасиловать, но «протестовала» при этом. Но независимые не хотели открыто показываться с буржуазией. Но уже та лазейка, которую изыскали с ловкостью старой сводни Эберт и Шейдеман,—«отдельные кабинеты» министров-специалистов, в которых нашли себе приют старые греховодники империализма, все эти Эрцбергеры, Сольфы, Шифферы, Краузы, Шейхи,—уже эта лазейка свидетельствовала о том, что социал-патриотическое правительство ни в коем случае не желает рвать с буржуазией. Последующие деяния этого «социалистического» правительства подтвердили это.

Они прокламировали «социалистическую» республику. Но эта прокламация должна была осуществиться с помощью Национального Собрания. Социализм означает переход всех средств производства в собственность общества. Национальное Собрание означает разрешение всех государственных вопросов представителями всех классов. Передача вопроса о владении средствами производства на разрешение Национального Собрания означает не что иное, как то, что от их обобществления придется отказаться, если против него выскажется большинство Собрания. А буржуазия могла наперед рассчитывать на такого рода

большинство. За частную собственность выступают не только крупные капиталисты, но и мелкая деревенская и городская буржуазия, которая тем более цепляется за частную собственность, чем неустойчивее делается ее положение, затем несознательные пролетарии, хватающиеся за полы буржуазии, наконец, миллионы женщин, впервые вступающих в политическую жизнь и позволяющих попам убеждать себя в том, что социализм приведет к конфискации кухонных горшков. Тот способ действий, с помощью которого социалистическое правительство решило ускорить выборы в Национальное Собрание, показывал, что оно вовсе не озабочено тем, чтобы в нем образовалось большинство, склонное к социализму. Ибо если бы оно хотело этого, то оно должно было бы с полным спокойствием заявить: «четыре года под-ряд в Германии не существовало свободы печати; под вильгельмовской цензурой народ беззастенчиво обманывали; он не знает самых простых фактов хозяйственной и политической жизни: прежде чем выбирать, он должен узнать, что именно ему предлагают выбрать; значит, прежде всего, господа буржуа, отдайте-ка ту бумагу, которую вы закупили на военные доходы для одурачения народа, чтобы можно было заняться просвещением его; затем: долой «начальство», всех этих земских начальников, президентов, которые до сих пор еще препятствуют в провинции народному образованию». Наскоро собирая Национальное Собрание, социал-патриотическое правительство показало, что оно вовсе не по ошибке вознамерилось идти к социализму через Национальное Собрание,— поистине это была бы забавная ошибка: социализм, немыслимый без участия буржуазии,—а что оно именно для того созывает Национальное Собрание, чтобы сознательно воспрепятствовать социалистическим мероприятиям.

Здесь зарыта собака. Болтовня Шейдеманов о социализме, который надобно проводить медленно, но верно, после того как методы его проведения будут заботливо «обсуждены» в комиссиях и приняты Национальным Собранием, является чистым надувательством, рассчитанным на то, чтобы усыпить те части рабочего класса, которые нетерпеливо стремятся вперед. Шейдеманы, Эберты, Легины вполне сознательно занимаются этим надувательством. Годами они утверждали,—а их теоретики вроде Генриха Кунова беспрестанно «доказывали»,—что еще не пришло время для социализма. Во-первых, потому, что процесс промышленной концентрации еще не достаточно расширился и развился. Во-вторых, потому, что социалистическое переустройство только тогда станет возможным, когда к нему приступят по крайней мере все капиталистические страны,—а это после победы антантовского капитализма является в глазах шейдемановцев чистейшей утопией. В-третьих, если бы даже до войны мир и созрел уже для социализма, то после войны Германия еще неспособна к нему, потому что ее производственные силы совершенно истощены. По этим всем основаниям шейдемановцы считают ближайшей исторической задачей, подлежащей теперь разрешению, национализацию наиболее концентрированных отраслей промышленности, которую проведет капиталистическое государство—

буржуазная республика!—для изыскания финансовых источников, необходимых, чтобы выплатить военные долги, оставляя в то же время менее концентрированные отрасли в ведении частной собственности до тех пор, пока «инициатива» капитанов индустрии не приспособит их в свою очередь к социализации. «Социалистическому» правительству даже и во сне не снятся действительно практические мероприятия для проведения социализма. Единственный путь к нему: создание фабрично-заводских комитетов в качестве контрольных органов промышленности, их слияние в промышленные советы, их развитие путем борьбы с буржуазией от контролеров в руководители промышленности, это — единственный путь, на котором массы могли бы практически научиться пользоваться средствами производства в интересах всего народа, — единственный, потому что социалистическое производство просто-на-просто немыслимо в силу одних только декретов, проводимых, напр., капиталистической бюрократией,—этот единственный путь представляется всем социал-демократическим бюрократам хаосом, русским хаосом, уничтожением промышленности. Именно для того, чтобы избежать его, они созывают Национальное Собрание. В Национальном Собрании буржуазия будет обладать большинством, а социал-патриоты образуют сильное меньшинство. Совместно с либеральным крылом буржуазии эти последние окажутся тогда в большинстве. Они будут находиться в правительстве, но вместе с тем они смогут указать на своих буржуазных партнеров и скажут: «Мы охотно устремились бы вперед, но нам приходится тащить за собой буржуазию. Имейте же терпение». Потом приступят к длительному обсуждению вопроса о национализации рудников, электрической промышленности, которые и всякому буржуазному правительству пришлось бы национализировать, и преподнесут все это пролетариату в качестве социализации. А если бы это не понравилось его революционной части, то к этому времени подоспеет новая «республиканская» добровольческая армия, пролетариат будет разоружен,—и они рассчитывают с ним справиться.

Эти планы эбертовского правительства настолько прозрачны, они до такой степени соответствуют всему направлению их политики, что мы можем их формулировать, нисколько не опасаясь того, что обстоятельства опровергнут нас. В одном только случае мы погрешили бы против истины, утверждая это: если бы,—что весьма возможно,—революционная буря смела социал-патриотическое правительство прежде, чем ему удалось бы приступить к осуществлению своих планов. Но эти планы, т.-е. характер социал-патриотического правительства, как телохранителя германского капитализма, определяют его политику с 9 ноября. Мы показали это на вопросе Национального Собрания. Мы поясним это на другом важном вопросе.

Для проведения социализма, когда для него созрели материальные предпосылки, играет решающую роль вопрос силы. Она является рычагом социализма. Правительство Эберта-Шейдемана называет себя рабочим правительством. Мы показали, что это является обманом и с

формальной точки зрения, ибо оно предоставляет важнейшие административные отрасли буржуазным политикам под видом министров-специалистов. Но это не самое главное. Рабочее правительство не может существовать, не располагая повсюду на местах рабочими органами власти, способными проводить его политику. Старая императорская бюрократия не сможет сделаться аппаратом рабочего правительства, только благодаря тому, что слово «императорская» будет стерто и на его место будет начертано: «республиканская», или она об'явит, что «становится на почву революции». Она не может стать на эту почву не только потому, что мыслит буржуазно, но просто потому, что власть рабочего правительства не представляет собою власти над рабочим классом,—подобно старой бюрократической власти,—а является властью самого рабочего класса, выражающейся в его собственных органах, на-ряду с которыми не должно существовать никакой другой власти. Правительство Эберта с первой минуты стремилось к тому, чтобы рабочие советы не вмешивались в работу бюрократии: они могут быть органами агитации, контроля, жалоб, но не органами государственной власти. Этим правительство Эберта помешало разгрому старых органов капиталистического государства: они еще существуют, и если бы буржуазии пришлось единолично овладеть властью, то ей достаточно будет только надавить на кнопку,—и пожалуй еще кое-где навести порядок да стереть пыль,—для того, чтобы все пошло, как по маслу. И все должно итти, как по маслу. Теперь, после победы 12 января, берлинские городовые даже сняли красные повязки и снова получают обратно свое оружие. Правительство Эберта сохраняет для капитализма его бюрократию.

Теперь мы знаем, ради чего правительство Эберта-Шейдемана победило в дни 5—12 января, чего ради оно мобилизовало против передовых отрядов пролетариата белогвардейскую офицерщину, золотую молодежь и пинкертоновцев, чего ради оно минами взрывало пролетарских повстанцев на воздух, почему оно натравливает на коммунистов хулиганов, допускает погромы пролетариата, предательские убийства его вождей. Наиболее развращенный из всех его сикофантов,—ибо развращенный духовно,—Фридрих Штампфер раскланивается в «Форвертсе» (от 13 января) перед революционной стремительностью, перед тягой к социализму пролетариата, разрываемого гранатами, обрабатываемого ружейными прикладами эбертовских молодцов или же расстреливаемого по военно-полевым законам, и заявляет, что именно вследствие этой большевистской стремительности, нарушавшей спокойную и методическую работу Эберта по социализации, нужно было обуздать пролетариев. Но этому молодчику, который вчера еще обзывал пролетарских повстанцев ворами и бандитами, у которого не нашлось ни одного слова осуждения против постыднейших расстрелов, не удастся обмануть ни одного пролетария. Каждое пролетарское правительство может очутиться в положении, при котором ему придется выступать даже с оружием в руках против пролетариев, если они оказывают помощь буржуазии; а оказывать ей помощь можно и чрезмерной стреми-

тельностью, слишком рано открывая бой и подвергая таким образом опасности поражения пролетарскую армию. Большевистское правительство разгромило левых социалистов-революционеров, за которыми наряду с мелко-буржуазными элементами стояли и честные пролетарские революционеры, когда они вопреки воле Съезда Советов попытались с помощью заговора втянуть советскую Россию в войну с империалистической Германией в такую минуту, когда это означало бы смерть для советской России. Но когда российское рабочее правительство поступило так, тогда все симпатии буржуазии были именно на стороне этих стремительных революционеров, бессознательно служивших буржуазной контр-революции. Российское пролетарское правительство, против которого ополчился весь буржуазный мир, могло спокойно выступить перед рабочим классом и сказать ему: в интересах целого мне пришлось покарать одного из членов нашей семьи. Убийцы с Вильгельмштрассе, геройство которых ныне снимают буржуазная пресса, которые расстреливают берлинских пролетариев, руками буржуазных хулиганов, под руководством офицеров Людендорфа, делают это в интересах капитала, по наущению и приказу буржуазии. Мы показали это, изложив их политику, и об этом лучше всего свидетельствуют июльские вопли капиталистической прессы.

Когда с возникновением войны началась «братоубийственная борьба», мы, коммунисты, об'явили пролетариям, что это—не борьба мнений, а борьба интересов, классовая борьба; мы показали им, что часть пролетариата—пусть даже временно—перебежала на сторону буржуазии, что социал-патриотизм является идеологией этой части пролетариата, сделавшейся предательницей общепролетарских интересов. Колеблющиеся фигуры социализма, Каутские, Лонге, Сноудены, Модильяни, называли нас фанатиками, когда мы называли Шейдеманов, Реноделей, Биссолати, Гендерсонов предателями социализма. Каутский радостно отмечал в начале войны то обстоятельство, что и у него и у Шейдеманов одно и то же мерило для оценки вопросов, связанных с войной. И за несколько дней до расстрелов Каверьяка-Носке он заявлял, что от спартакистов его отделяет принцип насилия, а с шейдемановцами соединяет принцип демократии. Он отличается от этих последних,—продолжал Каутский,—только темпом и методом. Мы не знаем, каким темпом Каутский приказал бы расстреливать сражающихся пролетариев или по какой методе он разряжал бы против них минометы, мы готовы даже допустить в его пользу, что и он сам и его слабосильные сотрудники гораздо лучше, чем как они сами себя рисуют, но каждому пролетарию западет глубоко в сердце следующий вывод из уроков гражданской войны в Берлине: социал-патриотизм—его классовый враг, готовый предательски умерщвлять его в интересах капитала. Если рабочий класс хочет положить конец капиталистическому строю, то он должен положить конец социал-патриотизму.

Спрашивается только: как? Одно не подлежит сомнению: во всяком случае, не бросаясь слишком поспешно в бой против врага. Говоря так, мы вплотную подошли к вопросу о гражданской войне в Берлине, так-

тическую сторону которой коммунисты должны хладнокровно взвесить, без прикрас и ничего не утаивая, дабы герои восстания пали не напрасно.

ЯНВАРЬСКАЯ НЕДЕЛЯ В БЕРЛИНЕ.

В ноябре власть выпала из онемевших рук юнкерской, капиталистической Германии и механически, без боя, досталась пролетариату. Но правительство, поднятое пролетариатом на щит, не хотело и не могло по своему существу использовать эту власть, как рычаг экспроприации класса капиталистов. Конечно, в один день нельзя этого сделать. Социализм не вопрос простого изменения права владения, а дело совершенной реорганизации производственных отношений и всего государственного строя. Социал-патриотическое правительство точно так же, как и его «независимые» оруженосцы, не думало ни о разрушении старого аппарата бюрократической власти, ни о создании новых органов пролетарской власти, которые одни были бы в состоянии ускорить процесс перехода капиталистических средств производства в общественную собственность и облегчить муки отмирания старого и нарождения нового общества. Социал-патриотическое правительство ничего не изменило в имущественных отношениях буржуазии и юнкерства и изо-дня в день призывало массы к возможно более почтительному отношению к этим святыням.

Правительственная проповедь умеренности встретила живейшее сочувствие среди буржуазии, интеллигенции, партийной и профсоюзной бюрократии. Но на фабриках широкая масса рабочих, следовавших за социал-патриотами, мало обращала внимания на покаянные проповеди Шейдемана и Эберта. Хотя квалифицированные рабочие военных предприятий и находились в лучшем положении, чем широкие слои народа, но четыре года войны все-таки успели и их доканать. Они предоставили правительству быть правительством, носили при демонстрациях картоны с надписью: «Мы поддерживаем правительство», но продуктивность их работы была та же, что и у наихудших из спартанистов. Хуже оплачиваемые, более эксплоатируемые слои рабочего класса переходили уже от такого рода пассивного возмущения к активному. По всей Германии прошла обильная стачечная волна. В первую очередь восстали горнорабочие массы Прирейнской Вестфалии и Верхней Силезии. Тут-то именно и обнаружилось, до какой степени действительное положение дела перевешивает, как движущая сила развития, значение идеологии. Рабочие Прирейнской Вестфалии и Верхней Силезии в духовном и политическом отношении принадлежат ко всего более отсталым. Эти области испокон веку были подвластны центру и христианским профсоюзам. Современное рабочее движение развивалось здесь всего более медленным темпом, а все-таки именно здесь разразилась в 1905 г. первая массовая стачка, а теперь, когда крушение империализма освободило рабочий класс от оков и развязало ему руки, он расправил свою спину и начал ожесточенную, бурную борьбу за свое освобождение. Не взирая на свои религиозные, национальные и поли-

тические разногласия, рабы угольных и железных баронов подали друг другу руки для совместной борьбы. Буржуазная и социал-патриотическая печать болтает о польских и большевистских агитаторах для того, чтобы как-нибудь об'яснить взрыв классовой ненависти пролетариата и стойкую выносливость его бойцов. Но эта агитация играет в действительности очень ограниченную роль. Если народные массы Верхней Силезии и Прирейнской Вестфалии так бурно воспрянули, то в этом сказывается только то, что они находились в гораздо более униженном состоянии, чем какая бы то ни было другая часть германского пролетариата. Если они теперь поступают довольно круто с фабрикантами и их представителями, то это лишь ответ на то, что недавние «господа в собственном доме» в течение многих лет обращались с ними самими, как с собаками. Если они теперь встрепенулись и выставили «неосуществимые» требования, то это потому, что они хотели бы одним прыжком выскочить из тех подземелий, в которых они прозябали без дневного света. И самая красноречивая проповедь не в состоянии втолковать им, каким образом существование рабочего правительства совершенно ничего не изменяет в условиях рудничной работы,—если не считать небольшой прибавки к заработной плате, с помощью которой надеются примирить рабов с их участью.

Когда правительство предлагает рабочим советам не вмешиваться в деятельность органов власти, то рудокопы смотрят на это, как на издевательство. Вчера еще эти органы травили их собаками по наущению рудничных капиталистов, мобилизовали против них войска, разгоняли их собрания. Убрать их!—вот первая мысль рудокопов, и они стремятся завладеть всей властью для рабочих советов. Они не останавливаются перед собственностью. Рабочие советы берут на себя руководство горным делом, а массы воспринимают это, как социализм.

В то время, как в решающих областях хозяйственной жизни—в угольной и железодобывающей промышленности—ноябрьская революция начинает превращаться в пролетарскую, в то время, как этот процесс в своей примитивной форме наблюдается почти на всех фабриках, выражаясь в быстром понижении интенсивности труда, т.-е. в нежелании рабочих масс беспрекословно подчиняться капиталу,—в больших городах он все больше приобретает характер сознательной политической борьбы против правительства. Во всех городах беспрестанно растет то меньшинство рабочего класса, которое выступает против социал-патриотического правительства. В столице, где это последнее всего больше должно обеспечить свой авторитет, дело доходит до массовых демонстраций, вызывающих наиболее жестокие репрессии нового правительства. Разгон демонстрации безработных пулеметным огнем 6 декабря, обстрел матросов в Берлинском дворце за то, что они отказались отдать честь новому Гесслеру—г. Вельсу, вызывают необыкновенное возмущение. Участники демонстраций против социал-патриотического правительства исчисляются уже сотнями тысяч.

Кто формирует это оппозиционное движение, кто придает ему политическое значение? Левое крыло независимой социал-демократии и

союза Спартака, который лишь 30 декабря формально отделился от независимой социал-демократии и об'единился с интернациональными коммунистами Германии в самостоятельную германскую коммунистическую партию. Что представляют собою левые независимцы? Это — рабочие массы, всерьез принявшие слова Гаазе о предательстве шейдемановцев, неспособные понять, каким образом их партийное правление добровольно соглашается брать на себя роль фигового листка эбертошейдемановской политики угнетения. Но эти массы не нашли еще собственного пути. Они не эмансипировались еще от партии, которая ведь не случайно смогла стать фиговым листком шейдемановцев. Это показывает, что они находятся еще в первом периоде возмущения, что им не ясны еще их цели и стремления. Эта неясность отчетливо сказывается на противоречивой идеологии их вождей, Рихарда Мюллера, Ледебура, Деймига. Отчасти они становятся на почву демократии, отчасти склоняются к советской системе, как к форме рабочей диктатуры. Они об'емлют не всю массу, следующую за ними, а схватывают по старому шаблону только ее верхушку, образуя вместо широко построенной организации левых рабочих советов, которая могла бы крепко держать массы в руках, организацию «революционных уполномоченных», кружок влиятельных рабочих, относительно которых никогда нельзя сказать, насколько велико их действительное влияние.

Союз Спартака выражает еще острее, чем левые независимцы, оппозицию народных масс. Он подхлестывает и подгоняет их вперед, но покамест он является скорее политическим направлением, нежели политической партией. Несмотря на то, что он родился в борьбе с лицемерной и худосочной оппозицией Гаазе-Каутского, несмотря на то, что его первое теоретическое пронунциаменто, 1 № «Интернационала», в первую очередь обращалось против Гаазе и Каутского, он в апреле 1917 г. все-таки об'единился в Готе с Независимой партией, отчасти, чтобы найти легальное убежище против полицейских преследований, отчасти в надежде на то, что ему, может быть, удастся придать независимцам, очень напоминающим восковые фигуры, более приемлемую форму. Полицейские преследования, обрушивавшиеся на этот мужественный авангард пролетариата, помешали ему образовать свою собственную, пусть небольшую, но зато отчетливо обрисованную партию. Партийное об'единение с независимыми укрепляло правое крыло союза Спартака, мешало ему перевести свою идеологию из состояния лозунга на положение определенной и обязательной программы.

Когда разражается ноябрьская революция, застающая большую часть спартаковцев в тюрьме, спартаки представляют собою союз отдельных революционных рабочих, за которыми нет массы. Крики буржуазии против Спартака является больше результатом угрызений ее совести, ее боязни пролетарской революции, чем ответом на действительную борьбу спартаковской группы, которая находится еще в процессе организации, образования своих органов. Конечно, ее влияние все-таки гораздо значительнее, чем сколько это замечается по

составу первого с'езда советов, ибо местные советы являются в большинстве скорее кружками вождей, чем представителями массы. Оно выражается в подталкивающем вперед действии спартаковской агитации. Но эта агитация еще не в состоянии создать прочную массовую организацию. Для этого не было достаточно времени. И союз Спартака был таким образом вынужден обратиться к суррогату. Он старается приобрести влияние на организацию революционных уполномоченных и использовать ее, как рычаг массового действия. Но подобно тому как при суррогатах вообще остается неизвестной действительная степень их питательности, так и союз Спартака, разумеется, не знает, насколько велико действительное влияние названных уполномоченных. И он неспособен определить, на какие массы он мог бы опереться самостоятельно.

Так обстояло дело, когда правительство Эберта-Шейдемана решилось в январе овладеть градоначальством, которое было с первых дней революции занято левым независимцем Эйхгорном и оппозиционными рабочими. Социал-патриотическое правительство стремилось приобрести таким путем в свои руки орудие власти над народными массами для того, чтобы противостоять их напору на Национальное Собрание. Этого было достаточно, чтобы оппозиционные рабочие Берлина встрепенулись. Партийное правление независимых, революционные уполномоченные и Ц. К. Коммунистической Партии стали во главе движения. Три дня под-ряд происходили по их призыву демонстрации сотен тысяч берлинских рабочих против социал-патриотического правительства. Часть овладела берлинским «кварталом печати». Какую цель преследовало это движение? Если бы оно стремилось к свержению шейдемановского правительства, то ему ничего не стоило бы в первые же дни, когда у этого последнего не было под рукой никаких сколько-нибудь серьезно вооруженных сил, завладеть канцлерским дворцом. Но не это было целью движения. В кругах спартаковцев никто не сомневался в том, что время для этого еще не созрело, движение рассматривалось, как движение протеста, способное при случае, если его поддержат рабочие во всей стране, заставить правительство отказаться от выполнения своих планов в отношении градоначальства. Но, повидимому, необозримые массы, переполнявшие 5, 6 и 7 января улицы Берлина, увлекли за собою Карла Либкнехта, остававшегося в эти дни благодаря необычайной стремительности событий без всякой связи со своими товарищами из коммунистического Ц. К., дальше, чем сколько это соответствовало холодной оценке положения дела. 6 января он подписывает совместно с левыми независимцами, Шульцем и Ледебуром, воззвание, в котором об'является о смещении правительства Эберта-Шейдемана и об установлении нового правительства, состоящего из него самого и только что названных левых независимцев. Это произошло без ведома коммунистического Ц. К. и явилось результатом преходящего преувеличения собственных сил. Товарищи Либкнехта по партийному Ц. К. обращают его внимание на неуместность этого шага. Но документ этот остается неизвестным широкой публике, и только 14 января его публикует

«Форвертс», как вещественное доказательство уголовного преступления. Как мало этот документ повлиял на действительную политику, показывает то обстоятельство, что руководители движения ни одной минуты не подумали о том, чтобы бросить вооруженных рабочих против правительства. Напротив, они дают им окопаться в зданиях газет, а сами принимают посредничество Гааза и Каутского для переговоров с социал-патриотическим правительством. Орган спартаковцев «Красное Знамя» горячо протестует против этих переговоров, требует от вождей, чтобы они действовали, а не договаривались.

Но он не указывает массам ни на конкретные формы, ни на ближайшие цели действия. Массы блуждают по улицам, демонстрируют против правительства. Но так как демонстрация только тогда может превратиться в действие, когда у нас есть определенная цель перед глазами,—а такого рода цели никто не намечал,—то рабочие массы в конце концов распыляются, и только небольшая их часть держится в захваченных помещениях газет и полиций-президиума. Оставленный рабочим классом и все-таки надеясь на него, этот небольшой отряд упорствует в оборонительной борьбе против все более тесно смыкающегося кольца правительственных войск, наскоро стянутых из провинции и организованных. Никто не призывает его прервать безнадежную битву, и он падает жертвой эбертовской солдатчины, сражаясь до конца.

Уже это краткое перечисление фактов показывает, куда должна направить свое внимание самокритика пролетариата. Не для бесцельного критиканства, а для того, чтобы вскрыть ошибки вождей и избежать их в будущем. До тех пор, пока этого не случилось, пока революционные рабочие в провинции считали берлинские события результатами преднамеренной тактики коммунистической партии, пока они были убеждены в том, что их партия стремится захватить власть путем заговора, они повторяли берлинские ошибки, вступали на дорогу вспышкопускательства, приводящую революционное рабочее движение к величайшим поражениям и дающую социал-патриотическому правительству возможность расправляться с восстающими рабочими по частям.

«Союз Спартака ни при каких условиях не примет правительственной власти иначе, как в результате ясного, недвусмысленного волеизъявления значительного большинства пролетарских масс Германии, не иначе, как в силу их сознательного согласия с целями, воззрениями и методами борьбы спартаковцев»... Каким образом эта точка зрения, которой завершается программа союза Спартака и которая должна быть руководящей мыслью пролетарской партии во время пролетарской революции, играла настолько незначительную роль в берлинской гражданской войне, что даже один из основателей союза Спартака на минуту позабыл о ней, а рабочие, вступившие в борьбу по призыву Спартака, в свою очередь не сознали ее?

Это об'ясняется молодостью коммунистической партии, отсутствием компактной коммунистической организации, в которой отстоялись бы тактические принципы, как результат длительной коллек-

тивной работы, и перешли бы массам в плоть и кровь. Тот основной принцип нашей тактики, согласно которому пролетарская партия только тогда имеет право захватить власть, когда за нее стоит большинство пролетариата, был высказан в брошюре союза Спартака, как результат теоретического убеждения его вождей. Но он не был результатом духовной самодеятельности его членов,—хотя бы уже потому, что организация коммунистической партии еще слишком молода и не успела еще приобрести никакого опыта массовой борьбы. Литература союза Спартака носила до сих пор, главным образом, агитаторский характер.

В качестве литературы меньшинства, не смеющего еще помышлять о завоевании политической власти, она занималась в первую линию тем, что подталкивала массы вперед. Она предполагала, что может покамест не обращать внимания на задерживающие моменты. Нигде мы не встречаем в ней указания на то обстоятельство, что большинство рабочего класса стоит еще на стороне буржуазии, нигде она не останавливается на значении и источнике этого факта. Нигде мы не встречаем в ней указания на то, что городской пролетариат никак не может победить, не создав повсюду в деревнях, по крайней мере, начатков организации сельского пролетариата. Нигде она не говорит о том, что, в отличие от положения в России, в Германии крестьяне и не демобилизованные или добровольно несущие военную службу солдаты должны быть отнесены к силам контрреволюции. Но не только агитаторский характер политики союза Спартака в первый период революции, когда нужно было прежде всего собрать передовые ряды пролетариата, и характер его деятельности должен был вызвать в коммунистах склонность к бунтарской тактике.

Коммунистическая Партия стоит на почве советской системы. Теоретически она усматривает в советах не только ту форму государственного устройства, к которой она стремится, но и дорогу к победе: рабочие советы, как органы борьбы пролетариата, являются для нее средством завоевания советской республики. Но это теоретическое убеждение оставалось до сих пор без всякого влияния на действия коммунистической партии. Нигде мы не видим планомерного и упорного стремления к завоеванию большинства в местных рабочих советах. С самого начала революции социал-патриоты взяли в свои руки образование советов, но не для того, чтобы организовать массы, а чтобы обмануть и успокоить их. Таким образом мы видим, как они теперь в большинстве городов составляют советы не только при посредстве выборов на фабриках, но и при помощи паритетного представительства партий. Мы видим, как они повсюду низводят советы до уровня прежних избирательных обществ, как они заставляют эти советы терять время в бесплодных прениях для того только, чтобы они не вздумали заниматься руководством экономической и политической борьбой, не говоря уже о государственных или муниципальных делах. Эта тактика вполне понятна с точки зрения социал-демократии: недаром она вместе с буржуазией считает рабочие массы

глупым здоровяком, о котором всего лучше могут позаботиться просвещенные профсоюзные и партийные бюрократы, ведя переговоры с представителями буржуазии. Рабочие депутаты с фабрик, которых товарищи имели бы право отзывать ежеминутно, служили бы выразителями массовых стремлений, тогда как рабочая бюрократия сама смотрит на себя, как на тормоз рабочего движения, и именно в этом смысле хотела бы влиять. Вот почему приказ Носке ограничивает деятельность солдатских советов и превращает их в кухонные советы, официальный проект новой конституции совершенно устраняет из нее рабочие советы. Это превращение рабочих советов в безвольных и бессильных манекенов соблазняет союз Спартака к тому, чтобы повернуться к ним спиною, вместо того, чтобы сделаться застрельщиком Советской власти. На первом с'езде советов фракция Спартака держится совершенно пассивной тактики. Нигде она не выступает самостоятельно, не противопоставляет свою собственную тактику тактике охолощения советов. Она не развертывает перед советами программу того, чем они должны быть. Когда с'езд советов, превышая свои полномочия, передает всю власть в руки эбертовской клики, тогда «Красное Знамя» в блестящей статье об'являет мобилизацию местных рабочих советов против такого рода самокастрации с'езда советов,—но этим все и ограничилось, мобилизация не была проведена.

Если социал-патриотическое извращение советов может служить об'яснением тому, что коммунистическая партия не обращает на них внимания, то это невнимание с своей стороны не могло не иметь очень пагубных последствий для коммунистической партии. Отказываясь от борьбы за приобретение большинства в рабочих советах, за расширение их задач, ее члены должны были потерять живое чутье соотношения сил. А этот оптический обман толкал их к самостоятельным выступлениям, далеко превышавшим их силы. Ничто так не вводит революционеров в заблуждение, как удачная демонстрация. Они видят позади себя массы, и один какой-нибудь лишний ноль не играет роли при определении их количества. Они забывают о том, что массы только тогда представляют собою прочную силу, когда они организационно связаны. В особенности в Германии, где организованность сделалась органом власти социал-патриотов, революционеру легко впасть в ошибку, не дооценивая значения организованности, как органа власти революции. Опираясь на массы, демонстрирующие под знаменем коммунизма, он хотел бы довести борьбу до конца силами одной только этой массы. Если бы коммунисты изо дня в день вели борьбу в Берлинском рабочем совете, будучи в меньшинстве, если бы они стремились к тому, чтобы стать в нем большинством, то они имели бы здесь почву для борьбы против покушений социал-патриотического правительства и не были бы принуждены превращать каждую частичную битву в борьбу за государственную власть прежде, чем для того созрело время. Заставляя рабочий совет высказаться по поводу правительственного нападения на рабочую демонстрацию, они могли бы апеллировать к фабрикам, обвиняя его, если бы он стал по

крывать правительство, и несомненно добились бы перевыборов в целом ряде фабрик. К моменту столкновения с матросами они были бы уже сильнее в совете, и при том сильнее давления, которое оказывали демонстрации 5 и 6 января, они несомненно смогли бы заставить рабочий совет заинтересоваться вопросом о градоначальстве. С каждым днем они все больше приближались бы к тому моменту, когда можно было бы противопоставить правительству организованную силу рабочего класса, наперед придавая своим собственным, самостоятельным действиям только характер демонстративных и агитационных выступлений, а во всем остальном неуклонно внушая массам то основное правило, что государственные перевороты можно производить только тогда, когда они поддерживаются организованной силой рабочего класса, рабочими советами. Таким образом они не попали бы против своей воли в положение, при котором им оказалась навязанной борьба за политическую власть в такую минуту, когда условия для нее еще не созрели, и не приняли бы на себя политической ответственности за эту борьбу.

Именно потому, что у коммунистической партии не было агитационной и фактической спаянности с советской системой, действующей как подталкивающая сила даже там, где она выступает в качестве тормоза, теоретическая уверенность руководителей Спартака в том, что время для захвата власти еще не пришло, осталась мертвой буквой. Несмотря на то, что известие об образовании временного правительства дошло уже 7 января до Ц. К. спартаковцев и он воспрепятствовал практическому вступлению в него руководящих деятелей берлинского движения, он все-таки недостаточно открыто посмотрел в лицо фактам. Как складывались обстоятельства с точки зрения сознательного стремления к ниспровержению правительства?

В этом случае предстояли только две цели: либо демонстрация противоречия между передовыми рядами берлинских рабочих и правительством, либо давление на это последнее для того, чтобы покончить со спорным вопросом. Первая цель была уже достигнута. Демонстрации уже спадали, ибо они, разумеется, не могли продолжаться без конца. А если так, то вместе с ними исчезали и средства, с помощью которых можно было производить давление, и надобно было при посредстве переговоров с правительством поскорее добиваться компромисса. Однако здесь расчеты Ц. К. спартаковцев были нарушены тем настроением, которое часто возникает в результате боевого положения, но вместе с тем является источником легко повторимых тактических ошибок, с которыми нужно покончить из практических соображений, в интересах будущего. Давление на противника предполагает желание договориться с ним, после того, как нажим произведен. Но противником было в данном случае не обыкновенное, буржуазное правительство, от которого можно ожидать всякой низости. Им было предательское рабочее правительство, низости которого причиняют каждый раз такую же боль, как если бы они были раскаленным железом. В подобном настроении союз Спартака перестал считаться с действительностью, предположив, что не имеет права дого-

вариваться с правительством предателей. В этом настроении его укреплял тот обманчивый образ действий, с помощью которого независимцы начали переговоры, превращая их из того, чем они должны были быть на самом деле,—из вынужденного обстоятельствами договора с врагом,—в пролог социалистического об'единения. Но отказ от ложного единства с социал-патриотами не должен был привести к отказу от понимания действительного положения. Социал-патриотическое правительство является капиталистическим правительством, как всякое другое, и, не обладая в данную минуту достаточной силой для того, чтобы его свергнуть, нужно с ним считаться, как с фактом, и, по мере надобности, договариваться с ним, как сила с силой. Если союз Спартака не хотел этого, то ему ничего другого не оставалось, как по-просту прекратить борьбу, открыто признать свое поражение и предложить красным рабочим и солдатам очистить занятые позиции, если, разумеется, Спартак втайне не рассчитывал еще на то, что независимцы заключат с правительством соглашение на свою собственную ответственность.

Если такого рода спекуляция, действительно, имела место, то она являлась попыткой уклониться от ответственности и взвалить ее на других, а партия с такими значительными видами на будущее, как партия коммунистов, не имела права так поступить. Партия, желающая руководить революционной борьбой масс, должна давать им совершенно ясный анализ положения, как бы печально ни было это положение в данную минуту. Попытка взвалить на чужие плечи ответственность за решение, которого она сама втайне желала бы, потому что оно является в данную минуту наилучшим, кажется очень хитроумным, но только повредило бы движению, ибо помешало бы ему понять, что до тех пор, пока нет достаточных сил для победы, надобно вступать в переговоры и с врагами.

Бунтарское настроение одной части революционного рабочего класса, легко об'яснимое молодостью германского революционного движения, вызовет, вероятно, в том или ином рабочем несогласие с только что сказанным. Они представляют себе революцию, как волну, постоянно стремящуюся вперед, и видят задачу революционного вождя в том, чтобы постоянно и слепо гнать ее вперед. В виду того авторитета, которым пользуются среди революционного рабочего класса Германии русская рабочая революция и ее вожди—и пользуются с полным правом,—надобно напомнить в этой связи об июльских событиях 1917 г. в Петербурге и о той роли, которую играла в них Российская Коммунистическая Партия. Четыре месяца прошло уже со времени мартовской революции. Экономическая разруха, бездействие правительства в вопросе о мире, беспрерывное соглашательство с буржуазией придали коммунистической партии большевиков громадное значение. Она была тогда гораздо сильнее, чем теперь, в январе 1919 г., коммунистическая партия в Германии. На ее стороне стоял весь петроградский пролетариат, весь петроградский гарнизон, четыре десятка газет влияли на провинцию, и все-таки партия считала преждевремен-

ным захватывать власть. Провинция была только в очень незначительной части на ее стороне.

Не иначе обстояло дело и на фронте. Крестьяне ожидали еще, что меньшевистско-эс-эровское правительство даст им землю. Поэтому, когда в связи с новым правительственным кризисом рабочие массы и гарнизон Петрограда вышли на улицу и окружили правительство, партия изо всех сил сопротивлялась попытке навязать ей власть, потому что знала, что ее легко будет отрезать от базы питания и раздавить войсками с фронта. А это означало бы гибель петроградского пролетариата и вместе с тем обезглавление революции. В «Правде» Ленин, Троцкий и Зиновьев очень энергично выступали против давления народных масс, а когда Керенский стянул свои войска и предстояло таким образом сражение между фронтовиками с одной стороны и петроградским гарнизоном и кронштадтскими матросами с другой, при чем не было никакой надежды на победу, вожаки коммунистической партии настаивали не только на прекращении борьбы, но даже и на выдаче оружия, поскольку этого нельзя уже было избежать. Плача и проклиная «предательство» коммунистических вождей, давали себя разоружать наши лучшие полки, отправленные потом на фронт. Но очень скоро они убедились, что руководители большевиков были правы, когда затормозили движение и избежали таким образом преждевременной потери всех зарядов. И неудача не только не подорвала доверия к этим вождям, но, напротив, доверие к ним с каждым днем все больше увеличивалось.

Мы убеждены в том, что Роза Люксембург и Карл Либкнехт первые помогли бы рабочим понять уроки берлинского поражения, если бы их не вырвали из рядов борющегося пролетариата солдафоны Эберта. Целый ряд исторических условий мог заставить этих подлинных революционеров, преисполненных воли к победе, однажды зайти дальше, чем позволяло положение, ошибиться в расчете или помешать им с полной энергией исправить допущенную ошибку, но они слишком критически относились к себе, слишком самоотверженно стремились к истине, чтобы затушевывать причину своих ошибок и самые эти ошибки, ибо они знали и постоянно учили, что пролетариат нуждается в самокритике и что основным принципом всякой революционной рабочей политики является уменье превращать поражение с помощью самокритики в источник новой силы. «Побежденные сегодня будут победителями завтра, ибо поражение является для них наукой»,—писал Карл Либкнехт в тот день, когда его настигла предательская пуля убийцы. Мы сделали попытку, рассмотрев события, ближе подойти к урокам, вытекающим из них. Теперь нам надобно положительно развить эти уроки, разумеется, не с педантизмом школьного учителя, имеющего в кармане готовый рецепт счастливой развязки революции, а при посредстве знакомства с об'ективной тенденцией развития революции и тех задач, которые она ставит перед рабочим классом.

ПУТЬ К ПОБЕДЕ.

Правительство Эберта-Шейдемана победило в берлинской гражданской войне. Оно, должно быть, справится теперь и с теми вспышками, которые возникают то в одном, то в другом месте Германии и приписываются коммунистической партии, хотя совершенно противоречат основному принципу ее тактики. Но на следующий день после своей победы оно убегает совместно с Национальным Собранием в Веймар и показывает таким образом, что не особенно уверено в победе. Но несколько дней после победы оно вынуждено об'явить, что большие города стоят перед опасностью остаться без угля, потому что у него нет средств обеспечить спокойное течение работ в рудниках. Но через несколько дней после победы оно приходит в конфликт с одной стороны с офицерским корпусом, рассматривающим указ его главнокомандующего, как документ бесправности, а с другой стороны—с солдатами, считающими, что этот самый указ головой выдает их старым героям зуботычин. О положении этого правительства можно сказать то же самое, что Гаррингтон сказал в 1659 г. о положении Англии: «При теперешнем положении Англии сторонники республики могут потерпеть поражение, если не сумеют с достаточной ловкостью защитить свое дело, но роялисты должны потерпеть поражение из-за отсутствия материальной почвы под ногами». Социал-патриотическое правительство должно погибнуть из-за отсутствия материальной почвы.

Весь смысл социал-патриотического правительства в том именно и заключается, что оно служит капиталу фиговым листком. Времена слишком суровы и бурны, чтобы капиталистическое господство могло представиться массам в неприкрытом виде. Даже наиболее терпеливые последователи шейдеманов, не доверяющие еще своим собственным силам, потеряли уже всякое доверие к буржуазии. Нельзя безнаказанно четыре года под-ряд заниматься убийствами, нельзя безнаказанно разрушать цветущее народное хозяйство. Социал-патриотическому правительству предназначено уверить массы в том, что они держат рукоятку государственного меча в своих руках, и в то же самое время помешать им действительно использовать свое господство. Такого рода политика была бы возможна в течение некоторого времени, если бы капитализм находился в упорядоченном состоянии. Если бы руки имели работу, а желудки пищу, то социал-реформаторский режим, мирно сожительствующий с капитализмом, имел бы шансы на некоторую долговечность, в особенности, если принять во внимание рабские привычки, унаследованные массами. Но при нынешнем положении дела в Германии ни социал-патриотическое правительство, ни его политика не имеют материальной почвы под ногами. В центре всех проблем, волнующих массы, стоят два вопроса: вопрос работы и вопрос хлеба. Ни той, ни другого социал-патриотическое правительство не может теперь дать массам, еще меньше оно в состоянии принудить их соблюдать спокойствие, голодая без работы.

Безработица вытекает из двух причин: во-первых, из полной хаотичности народного хозяйства, отсутствия какого бы то ни было другого регулирующего принципа, кроме интересов прибыли,—затем из отсутствия необходимого сырья. Во всем мире ощущается недостаток в сырье. Сообщения об изобилии этого сырья в странах Антанты являются легендой. Бурный темп экономического развития создавал уже перед войной нехватку сырья во всех странах, и одним из источников империалистического распространения была нужда в поставщиках сырья. Страны Антанты не меньше, чем центральные державы, пустили по ветру свои запасы сырья. И если ныне они не до такой степени обнищали, как центральные державы, то значительная стесненность господствует и у них. Она увеличивается еще нехваткой тоннажа, волною социальных битв, уже показывающейся в странах Антанты и препятствующей использованию оставшихся масс сырья. Весь мир теперь беднее, чем до войны, и ни одно правительство,—даже вполне революционное,—не в состоянии обеспечить массам немедленное благоденствие. А правительство Эберта-Шейдемана, как и всякое другое капиталистическое правительство в Германии, и вовсе уже не способно сколько-нибудь заметно облегчить положение. В ближайшее время безработица в промышленности будет расти механически. Использованные части машин не будут в достаточном количестве заменены новыми, транспортная разруха, вызванная четырехлетней войной, удесятеренная передачей немецких локомотивов и вагонов разбойникам Антанты, будет изо дня в день увеличиваться. Рабочая сила плохо питающихся и выбитых революцией из душевного равновесия рабочих масс заметно уменьшается. А в деревнях не хватает необходимейших рабочих рук. Около 2.000.000 крестьян и сельских рабочих пало на войне или вернулось искалеченными домой. Многие тысячи военнопленных, заменявших их в деревнях, исчезли. Сотни тысяч рабочих, которые из года в год являлись с востока и работали на сахарных плантациях и картофельных полях юнкеров, отсутствуют теперь. Правительство уговаривает городских безработных переселиться в деревни, отчасти, чтобы обеспечить погибающее земледелие рабочими руками, отчасти, чтобы избавиться от необходимости оказывать материальную помощь безработным. Но при господствующих в данную минуту в деревне условиях переселение в деревню означает для городского рабочего социальное падение, ибо там он находился бы под присмотром юнкеров, против самоуправства которых правительство выступало только на словах. Наиболее сознательные рабочие отказываются от переезда в деревню, потому что вполне справедливо видят в этом попытку контр-революционного правительства ослабить силы революции в городе. Если правительство попытается принудить их к этому, лишая их поддержки во время безработицы, то оно вызовет величайшие столкновения в городах. А если ему все-таки удастся насильственно переправить безработных в деревни, то вместе с тем оно насадит там пролетарскую революцию. Безработные займутся не столько сельским хозяйством, сколько организацией сельских рабочих.

Но растущая безработица является результатом не только недостатка сырья и нежелания пролетариата работать, но и нежелания буржуазии вкладывать свои капиталы в промышленность. Капиталисты вкладывают капиталы в индустриальное производство ради прибыли. Если прибыль остается под сомнением или недостаточно велика, то они меньше теряют, когда совсем не производят, чем если производят без прибыли при высокой стоимости сырья, дороговизне строительных издержек и заработной платы. Уже теперь можно ежедневно читать в коммерческих отделах больших газет о боязни капитала довериться бурному морю производительной деятельности. У классово-сознательных предпринимателей при этом играет еще роль желание скрутить рабочих, парализуя промышленность, при помощи голода и нищеты.

Рабочий класс обладает очень острым зрением по отношению ко всяким, даже самым тонким поползновениям буржуазии к саботажу, и там, где эти поползновения навлекают на него опасность безработицы, он попытается предупредить опасность, самостоятельно овладевая предприятием. Рабочие отдельных фабрик, заводов, рудников попытаются на свой собственный риск обеспечить своим предприятиям сырье, уголь и сбыт. А это поставит их перед вопросом о банковском кредите. В Прирейнской Вестфалии они пытались занять местные банки, но местные банки обладают только незначительной частью денежных средств. Местные выступления отдельных групп рабочего класса против безработицы, попытки их взять в свои руки предприятия очень скоро поставят их перед двумя вопросами общего характера: перед вопросом об управлении целыми отраслями промышленности и взаимном товарообмене и перед вопросом об общем банковском кредите, вопросом о транспорте. А оба эти вопроса именно и являются сообща основным и главным вопросом революции: вопросом о политической власти в государстве. Не подлежит сомнению, что правительство не будет в бездействии взирать на то, как рабочий класс по собственной инициативе по частям экспроприирует капитал. Местная борьба против безработицы приведет таким образом ко всеобщей борьбе за власть.

Такие же последствия будет иметь и недостаток хлеба. Не подлежит ни малейшему сомнению, что Германия не может обойтись собственными запасами зерна, даже если она оставит за собою и выкачает из деревень все наличное зерно без остатка. Но вместе с тем не подлежит ни малейшему сомнению и то, что значительные запасы зерна припрятаны и скрыты от учета юнкерами и сельскими богатеями. Этих запасов теперешнее правительство никак не сможет получить, ибо для этого нужна была бы решительная гражданская война с богатеями и юнкерами, вооружение рабочего класса и его готовность отправиться в деревню. На все это социал-демократическое правительство, разумеется, никогда не пойдет. Оно надеется на хлебную помощь Антанты. Но, по официальным сведениям из Вашингтона, для того, чтобы сохранить теперешний скудный хлебный паек в Германии, Австрии и Балканских странах, надобно пустить в ход не только зерновые запасы

Соединенных Штатов, но и запасы Канады, Аргентины и Австралии. Только тогда удастся получить необходимое количество бушелей зерна. Если принять во внимание трудности транспорта из Австралии и Аргентины, то станет ясным, что помощь Антанты придет слишком поздно и в недостаточном размере, даже при наличности у нее самых лучших намерений. Германия не может избежать ужасов голода. Они могут быть только смягчены решительной, бесповоротной гражданской войной против аграрных элементов Германии, с каждым днем все больше утаивающих зерно, и настолько же решительным об'единением всех пролетарских сил Германии и России, дабы использовать несомненно существующие громадные запасы зерна в России, которых русские рабочие не могут поднять самостоятельно. Контр-революционное германское правительство точно так же неспособно вести войну против германских аграриев, как оно неспособно обеспечить союз германского и русского пролетариата. Борьба с голодом будет борьбой против этого правительства, борьбой за пролетарскую власть. Социал-патриотическое правительство надеется укрыться от этой борьбы, зарницы которой уже блистают, спасаясь бегством в Веймар, где представители германской буржуазии и бюрократы, не обеспокоенные требованиями хлеба и работы, будут вырабатывать планы, как осчастливить немецкий народ, благословляемые духом Гете, этого контр-революционера, которого теперь цитирует «Форвертс», как специалиста по вопросам революции. Но может случиться, что германское правительство как раз к тому моменту закончит свои планы, когда поле его власти ограничится одним только Веймаром. Ибо в той борьбе, которую ему придется вести с бурлящими силами пролетарской революции,—а эту борьбу оно захочет и должно будет вести не только в веймарском духе, но и по старой потсдамской методе,—оно должно будет сложить оружие, потому что у него нет никаких материальных оснований успеха.

Победы могут ждать только две силы: либо капиталистическая контр-революция, либо пролетарская революция. Первая возможность заключается в том, что буржуазия, опираясь на богатое крестьянство, сломит пролетариат, ослабит его кровопусканием, заставит его работать, голодая, лишит его всяческих прав, закует в цепи и таким образом попытается железной рукой снова выправить вывихнутые члены капиталистического организма. Но возможно и противоположное. Пролетариат смыкается в железную фалангу; приведенный бедствиями и нищетой в отчаяние, он разбивает контр-революционные силы и до тех пор непреклонно прижимает их коленом к земле, пока ему не удастся при помощи средств пролетарской диктатуры начать постройку нового здания на развалинах капитализма. Первая возможность имеет чисто теоретический характер. Сельское население расколото, рабочий класс еще больше углубит то противоречие, которое существует между юнкерами и сельской буржуазией, с одной стороны, и мелким крестьянством и пролетариатом, с другой. Деревня распылена, а пролетариат концентрирован, и если сегодня в пролетариате тоже замечается раскол, то крушение иллюзий, надежд на мирное развитие неминуемо об'единит

пролетариат и вырвет почву из-под ног у социал-патриотов и у буржуазии. Подобно тому, как в этой войне германский империализм за короткое время с высоты величайших побед свалился в глубочайшую пропасть поражения, точно так же и социал-патриоты со своими 11 миллионами голосов превратятся за несколько месяцев в офицеров без солдат, а пролетариат выравняет единый боевой фронт. Молот революции расшатает и разобьет их оплот, заключающийся в наличности обеспеченного слоя рабочей аристократии. Пролетариат об'единится благодаря своей интеллигентности, благодаря своему организационному навыку, этому ценному наследию его полувековой деятельности, а об'единившись он будет господствовать в Германии, и его господство явится господством всего трудящегося германского народа, а не ничтожного меньшинства.

Это развитие произойдет не по одной какой-нибудь схеме, не по плану, выдуманному руководителями коммунистической партии в конспиративной комнатке. Оно выразится в стихийных действиях массы, в борьбе тенденций и попыток, которая покажется постороннему наблюдателю хаотическим сборищем диких актов насилия, бессмысленных экспериментов и опытов. В «Вальпургиевой ночи», романе Густава Мейринка, представляющем собою, подобно всем военным романам этого писателя, попытку понять и изобразить этот непонятный ему мир, напоминающий взбесившегося коня,—и уже одно название есть признание поэта в том, что он не понимает этого мира,—встречается одно замечание, в высшей степени характерное для пролетарской революции: «только тот понимает мелодию, кто умеет ее повторить». Пролетарскую революцию понимает только тот, кто участвует в борьбе и стоит в ее средоточии, через чью душу и мозг проносятся ее мелодии, в чьей душе и мозгу хаос звуков, наполняющих мир, сливается в гармонический хорал, в хорал стремящегося вперед народа. Коммунисты поют пролетарской революции только ее собственные песни. Они не создают революции по вольному плану, а выявляют только ее внутреннюю логику, они не изобретают маршрута революции, а только открывают ее собственные тенденции развития, опираясь на которые, они показывают массам цель и дорогу. И вот именно теперь-то и надлежит показать, каким образом сознательная часть пролетариата, коммунистическая партия, в состоянии, опираясь на собственные тенденции революции, сократить эту дорогу, сделать эту борьбу возможно менее хаотичной.

Борьба с безработицей повсюду приводит рабочих к попытке взять в свои руки контроль над производством. Рабочие были до сих пор рабами машин. Даже наилучше организованные части рабочего класса добивались до сих пор только профсоюзного рабочего договора, т.-е. того, чтобы чиновники профессиональных организаций имели право определять совместно с фабрикантами заработную плату и все прочие условия, с помощью которых капиталист выжимал из них прибавочную стоимость. Там, где капиталист считает невыгодным для себя продолжать производство, прекращается и требование рабочих. Они полу-

чают плату за две недели и должны при помощи собственных сбережений и при поддержке профсоюзной кассы держаться как-нибудь до тех пор, пока какой-нибудь другой капиталист пожелает воспользоваться их рабочей силой. Теперь суровая нужда делает для каждого рабочего ясным, что необходимо ознакомиться с запасами сырья, с условиями фабричной работы и положением капиталистического кредита. Когда капиталист хочет закрыть фабрику, то рабочие желают знать, не является ли это с его стороны актом классового саботажа. Когда он заявляет им, что их требования невыполнимы, они желают познакомиться на основании подлинных расчетов с действительным положением дела, а когда он покидает свою фабрику, тогда они, имея перед глазами бедствия безработицы, пытаются вести ее дальше собственными силами. Они не полагаются теперь на профсоюзных вожаков, которые так блестяще провалились в годы войны и революции. Они все хотят увидеть собственными глазами, дойти до всего собственным умом. Фабрично-заводские советы, представители рабочих в предприятиях находятся в неразрывной связи со своими товарищами по работе. После выборов они не переходят из мастерской в спокойное бюро профессионального союза, где они могут годами вести за бюрократической решеткой если не блестящее, то во всяком случае обеспеченное существование. Они остаются в мастерской, разделяют заботы своих классовых братьев и даже в том случае, когда они посвящают себя, при переходе фабрики в руки рабочих, делам правления, они непосредственно зависят от своих товарищей по работе. Рабочий совет предприятия является и останется клеточкой будущего социалистического общественного порядка, основной организацией борьбы за социализм. Прежде всего нужно заботиться о нем, ибо только при его посредстве удастся внести порядок в хаотическое бурление массы, взбудораженной пушечной канонадой мировой войны и гулом революционного вулкана. Если рабочий совет займется всеми вопросами фабричного дела, познакомится со всем, от чего зависит его развитие, то он заложит тем самым фундамент для дальнейшего руководства промышленностью. При помощи контроля над предприятиями можно будет даже в том случае, если управление будет еще находится в руках капиталистов,—а эта стадия будет в большинстве случаев продолжаться до тех пор, пока в руках капиталистов будет политическая власть,—подготовить тот человеческий материал, без которого не может существовать социалистический строй. Но рабочий совет какой-нибудь фабрики может пособить только своей фабрике, стало быть, конкурируя с другими фабриками, а иногда, может быть, и с рабочими советами других фабрик. Он будет стараться получить уголь, сырье, денежные средства только для себя. Он будет отвоевывать их у других. Таким образом снова возобновится конкуренция со всеми ее последствиями. Это поможет рабочим понять, что рабочий совет отдельного предприятия должен быть дополнен рабочим советом данной отрасли промышленности в целом, и заставит их сделать вопрос о рабочем контроле в своей промышленности предметом переговоров и борьбы с капиталистами данной местности, всего государ-

ства и, наконец, с государственной властью. Вопросы о приобретении сырья, полуфабрикатов, транспортных средств, необходимых для существования данной промышленной отрасли, об'единят не только отдельные фабричные советы, но и советы промышленной отрасли. Они свяжут рабочие советы целой местности, всей хозяйственной области и государства в единую контрольную инстанцию. Самые мелкие рабочие советы, бьющиеся теперь над ничтожнейшими вопросами, Центральный Совет Германских Р. и С. Советов, играющий теперь роль пятого колеса в телеге, призваны к тому, чтобы еще до того, как рабочий класс возьмет всю власть в свои руки, перейти упорным трудом от контроля кассовых книг какой-нибудь небольшой фабрики зонтиков к изучению вопроса о том, как добыть для германских текстильных фабрик пряжу, а для больных локомотивов смазочные масла, и не только ради изучения этих вопросов, но и для того, чтобы твердой рукой выдвинуть их, как об'екты борьбы против капиталистов и правительства.

Очевидно, что при создавшемся положении вещей рабочие советы являются организациями экономической борьбы во всей стране. В старых профсоюзах решающую роль играла касса. Профсоюзы стремились повлиять на положение рабочего класса на рынке труда, поддерживая безработных и помогая стачечникам. Уже до войны им приходилось достаточно туго, потому что кассы картелированной промышленности превосходили их собственные, а они сами охватывали только одну часть рабочего класса. А теперь их кассовая тактика стала совершенно бесполезной. Рабочие советы охватывают весь рабочий класс, а власть буржуазии сейчас настолько пошатнулась, что она принуждена сама выплачивать безработным поддержку. Если же рабочий класс вступает в решительный экономический конфликт, то он может рассчитывать на поддержку рабочего совета и у себя на месте, и в области, и во всей стране, а кассы не играют уже никакой роли. Это равносильно концу старых профсоюзов: рабочие советы должны взять в свои руки руководство экономической борьбой; но экономическая борьба теснейшим образом связана с борьбой политической. Правительство попытается пресечь стремления рабочих советов, направленные на контролирование всей промышленности. Его политика в продовольственном вопросе, его бессилие в борьбе против аграрных элементов может парализовать все попытки к поддержанию трудоспособности рабочего класса и производительности труда. Его попытки создать наемную армию для поддержания порядка укрепят капиталистов в экономической борьбе против рабочих советов. Если оно выбросит из своей конституции и из социал-политического законодательства роль рабочих советов, то это будет попросту означать, что оно стало на сторону предпринимателей. Таким образом рабочие советы, начиная с фабрично-заводского и кончая центральным советом, поставлены в необходимость шаг за шагом расширять свои функции в качестве контрольного органа всей политической жизни, принимать участие во всех политических столкновениях, противопоставлять силам контр-революции волю рабочего класса. Фердинанд Лассаль говорил немецким рабочим: «Спраши-

вайте всякого, приходящего к вам в качестве друга, стоит ли он за всеобщее избирательное право или против него,—тогда вы узнаете, действительно ли он ваш друг». Это было справедливо в то время, когда неокрепший рабочий класс добивался политического равенства, чтобы иметь возможность выйти на политическую арену, организовать свои ряды. Сегодня, когда дело идет не о том, чтобы показаться на политической сцене, а о том, чтобы создать органы рабочего класса, способные привести в порядок мир, доведенный до состояния дикого хаоса,—сегодня друзья рабочего класса познаются по тому, выступают ли они за или против этих органов.

Эти органы начинают с контроля общественной жизни. Это ясно; прежде чем рабочий класс не познакомился со всем механизмом общественной жизни, со всеми ее запасами, событиями и процессами, он не может браться за тяжелую задачу управления ими. Период контроля нужен не только потому, что буржуазия не выпустит управления хозяйством из рук без борьбы до тех пор, пока у нее в руках политическая власть,—а она обладает ныне этой властью в Германии,—но и потому еще, что рабочий класс только тогда созреет для такого рода управления, когда пройдет через стадию этого контроля. Не повсюду он останется на этой ступени развития вплоть до той минуты, пока ему удастся овладеть всей государственной властью. Во многих местностях, где классовые организации достаточно сильны, как, например, в горном деле, или где сами капиталисты покидают свои фабрики, или же где областные правления или местные правительства вынудят рабочий класс немедленно взять в свои руки управление делами, он не сможет отказаться от этой задачи, хотя не подлежит сомнению, что в одном каком-нибудь отдельном городе или одной отрасли промышленности нельзя провести социалистического хозяйства. Его борьба с трудностями положения, его поражения будут фактором дальнейшего развития вперед. Закаленный в борьбе, наученный поражениями, рабочий класс откроет бой по всей линии для того, чтобы превратить рабочие советы в те органы, в которых будет сосредоточиваться вся власть в деревне, в городе, на фабрике, в провинции и в государстве. Этот момент придет, когда рабочий класс всего государства укрепит свое единство беспрерывной борьбой, когда он повсюду сумеет превратить рабочие советы из ничего во все.

Какова должна быть политика коммунистической партии до этого момента?

Если она поставила себе целью рабочее советское правительство, то ясно, что она не имеет права стремиться к власти прежде, чем большинство рабочих советов не будет на ее стороне. Если бы она достигла власти каким-нибудь бунтовщическим способом, то она повисла бы в воздухе. Старая бюрократия саботировала бы ее, как она уже теперь в Куксгафене и Вильгельмсгафене занимается саботажем коммунистических элементов, нетерпеливо захвативших власть бунтарским путем. Но даже в том случае, если бы старая бюрократия не саботировала рабочего правительства, она все-таки не могла бы быть органом его го-

сподства, ибо для того, чтобы выполнить задачи, стоящие перед социалистическим правительством в городе и деревне, она должна была бы мобилизовать весь рабочий класс. Чтобы получить хлеб, она должна послать сотни тысяч рабочих в деревню, дабы они работали там, одновременно организуя сельский пролетариат и расправляясь с аграриями. Железнодорожники должны по первому ее требованию охотно напрячь все свои силы, чтобы преодолеть транспортные трудности. На фабриках рабочие должны уяснить себе, что они работают не на капиталиста, а на самих себя и что, стало быть, надлежит работать усердно, беречь машины и сырье. Если придется голодать, то рабочие должны знать, что это происходит не по вине правительства. Стало быть, без большинства в рабочих советах, т.-е. не имея на своей стороне большинства рабочего класса, коммунистам нечего даже и думать о захвате власти. А если это так, то тактика коммунистической партии становится вполне ясной.

Она должна прежде всего развить повсюду агитацию, показывающую рабочим, чем являются рабочие советы сегодня и чем они должны стать завтра. Повсюду она должна агитировать за роспуск всех советов, составленных на паритетных началах из представителей партий, а не избранных прямым и равным голосованием рабочими и только рабочими. Конституция рабочих советов должна установить, что избиратели имеют право во всякое время отозвать своего представителя из совета. Политические партии имеют в них право только совещательного голоса. Там, где такого рода советы существуют, коммунисты должны подчиняться их постановлениям, даже не будучи с ними согласны. Они обязаны выявлять свою собственную точку зрения с помощью устной и печатной агитации, с помощью демонстраций, должны пытаться оказывать влияние на советы. Они имеют право и обязаны стремиться на фабриках к тому, чтобы в совет выбирались только те, кто стоит на коммунистической точке зрения, но после того, как рабочий совет выносит свое решение по поводу какого-нибудь действия, его воля должна быть исполнена. Это может временно заставить более стремительную, наиболее передовую часть рабочего класса сделать шаг назад, наложить на себя узду, но это единственно верный путь, на котором мы можем овладеть массами. Вся наша политическая и экономическая борьба должна сделать рабочие советы центром наших усилий. Если в какой-нибудь местности буржуазия завладела всеми запасами бумаги и урезывает таким образом коммунистам возможность издавать газеты, то коммунисты должны показать рабочему классу, а, стало быть, и рабочему совету своей агитацией, что свобода пролетарской печати явится простым обманом, если рабочий совет не побудит местные власти к справедливому распределению бумаги или же не позаботится сам о том, чтобы рабочая печать получила потребное для нее количество бумаги. Если коммунистическая партия считает необходимым какое-нибудь действие,—будь то стачки или политические демонстрации,—то она обязана прежде всего с помощью агитации склонить на свою сторону рабочий совет. Только в том случае, если это ей удастся, ее

действие окажется полновесным. Если же рабочий совет будет против него, то оно наперед обречено на неудачу, и надобно от него отказаться. Коммунистическая партия является передовым отрядом рабочего класса, но рабочие советы являются органами ее борьбы. Только в той мере, в какой мы можем овладеть ими, расширяется поле нашей деятельности и растут возможности обострить нашу борьбу. Даже если мы благодаря этому медленно маршируем, судя по внешности, то мы зато маршируем тем увереннее, наши действия соответствуют действительному соотношению сил, и нам нечего опасаться того, что мы недостаточно скоро добьемся победы вследствие тяжести отсталой части рабочего класса. Рабочая масса тяжеловесна, но именно благодаря своей массивности она катится, как лавина, придя однажды в движение.

Не только тактика, но и организация коммунистической партии должна быть приноровлена к системе рабочих советов. Старая социал-демократическая партия служила для выборов и была поэтому организацией избирателей. Коммунистическая партия является организацией рабочих масс для завоевания политической власти. Рабочие советы — это тот орган, который должен завоевать политическую власть, и поэтому организация коммунистической партии должна быть построена точно так же, как и рабочие советы. Фабричные рабочие, голосующие за коммунистов, образуют ячейки коммунистической партии. Рабочие одной какой-нибудь местности, голосующие за коммунистов при выборах в местный совет, образуют местную коммунистическую организацию, к которой присоединяются еще те коммунисты, которые не работают ни в одном из предприятий. Коммунистические члены рабочих советов образуют коммунистическую фракцию и действуют в советах согласно с инструкциями своих избирателей. Эта организация выстраивается все выше вплоть до с'езда коммунистических избирателей в рабочие советы, с'езда коммунистической партии. На общем с'езде рабочих советов коммунистические депутаты выступают как слитная фракция под руководством Ц. К. коммунистической партии, выбранного на партийном с'езде. Это обеспечивает теснейшую связь между партией и рабочими советами; она приобретает твердую почву под ногами и избегает опасности гордого витания в облаках в то время, когда ноги болтаются в воздухе. Но в бурное время, переживаемое нами, борьба подхлестывает массы, как ураган, и требует от них уменья твердо стоять на почве действительности, протягивая вместе с тем руки к верхам политической власти. В эти времена, когда сама земля рождает в диких судорогах новые миры, коммунистической партии нечего бояться того, что она не сумеет, твердо укоренившись в землю, достать руками те звезды коммунизма, которые сияют над пролетариатом, указуя ему путь.

«Победа Спартака стоит не в начале, а в конце революции: она означает победу широких масс пролетариата». Потому, что это так, мы представляем собою пока только меньшинство пролетариата; потому, что это так, правительство, опирающееся на большинство рабочего класса, отважилось выступить против нас с оружием в руках; потому, что это так, оно смогло безнаказанно умертвить наших вождей. И мно-

гие из нас падут еще в борьбе прежде, чем это изменится. Но мы не можем приблизиться к цели, пытаясь перепрыгнуть через ямы и обрывы, ибо, только борясь на каждом шагу, только выполняя все требования дня, мы можем продвинуться вперед. Кто советует другое, тот следует только голосу своего сердца, а не разума. Во время революции не приходится жаловаться на медленность развития, оно стремится бешеными шагами вперед, и германский рабочий класс проделал за три месяца революции поистине достаточно длинный путь. Задача коммунистической партии состоит в том, чтобы страстной, неустанной агитацией и организацией облегчить рабочему классу понимание того пути, который он должен пройти, даже если это—мучительный путь. Она может теоретически опередить рабочий класс, может вынести вперед свое знамя, но не смеет оторваться от рабочего класса, ибо ее шествие через скалы и дикие чащи, через моря крови только тогда приведет к цели, когда у этой цели окажется не она одна, а весь рабочий класс. Слабая сегодня, коммунистическая партия будет с каждым днем крепнуть. Она завоюет доверие рабочего класса, ибо каждый новый день революции покажет рабочему классу, что только она одна, только коммунистическая партия сумела понять уроки мировой истории, преподанные рабочему классу в течение этих пяти бурных лет, пронесшихся над миром. И она придет к цели не одна. На своем пути она услышит приветственные возгласы рабочих других стран, ставших на ту же самую дорогу. Те, кто сегодня только посмеивается, когда мы утверждаем, что коммунистическая партия является предвестником грядущей мировой революции пролетариата, скоро разучатся смеяться. Сознание, что она не одна, что она уже сегодня борется совместно с Российской Коммунистической Партией в качестве застрельщика интернационального рабочего класса, который, быть может, завтра же последует за ней,—это сознание преисполнит коммунистическую партию волей к победе, железной энергией, а вместе с тем и ясной рассчетливостью. Дело коммунистической революции не зависит от случайности, от одного какого-нибудь дня, который завтра может безвозвратно улетучиться. Оно порождено такими страданиями мира, которых никто, кроме пролетариата, не может излечить. Уверенными шагами, железной энергией, неусыпной волей, но и твердым самообладанием проложит коммунистическая партия свой путь. В то бурное время, которое она переживает, ей несомненно не удастся выполнить всю необходимую организационную и агитационную работу, необходимую для того, чтобы рабочий класс достиг цели с наименьшими потерями. Часто окажется невозможным усмирить хаос, созданный разрушающимся капитализмом, многое возникнет и будет развиваться вне организующей воли коммунистической партии. Но чем яснее коммунисты видят открывающуюся перед ними дорогу, чем решительнее они ее защищают даже тогда, когда массам она кажется слишком длинной, а другим опять слишком короткой, тем более будет расти к ним доверие масс после каждого поражения. Социализм рождается на свет, как дитя, голым и в крови; мир лежит обессиленный, голодая и холодая, и часто только

чихорадка подталкивает его к безумствам. Старые боги умерли, единственным регулирующим принципом может быть только самостоятельное сознание пролетарского авангарда, коммунистической партии. Ей предстоит осуществить необозримую задачу. Она должна охватить всех голодающих и холодающих, всех, потерявших веру в старых богов и не видящих перед собой дороги, должна принести им не новую веру, а знание и волю, дабы они познали свою цель и возымели готовность добраться до нее. На развалинах капитала не сразу расцветает благоденствие, не возводятся одним махом гордые дворцы; рабочему классу придется сначала заново вспахать землю, ему придется на скорую руку сбить свои бараки, ему придется истекать кровью в новых боях, прежде чем его посев даст всходы, прежде чем он выстроит светлые жилища для нового человечества, прежде чем его ружья разгонят волков, мешающих его работе. Мы, коммунисты, хотим быть вождями в этой борьбе и поэтому мы должны зорко следить за своей целью, видеть дорогу, уверенно шагать, не уклоняясь ни вправо, ни влево, ни на одну минуту не позволяя отвлекать себя от выбранного пути. Он приведет нас к победе.

Эта брошюра не была напечатана, ибо манускрипт был захвачен при моем аресте 12/II 1919 г. берлинской полицией.

VII.

Развитие германской революции и задачи коммунистической партии.

Вопрос в том, следует ли,—и если следует, то в каком именно направлении,—делать целью борьбы революционного класса изменение политического положения, зависит, в первую очередь, от правильного понимания сущности этого положения. Для марксиста охарактеризовать политическое положение значит определить не настроения,—хотя пролетарскому тактику нельзя не принимать их во внимание, — а социальную сущность господствующего и подчиненного классов, соотношение их сил, точно так же, как и линию предполагаемого изменения, его движущую силу и т. п. Только после этого можно обратиться к определению «настроения», т.-е. степени уверенности отдельных факторов в своей силе, как обстоятельства, которое с своей стороны должно быть принято во внимание при об'ективном применении того или иного способа борьбы. Только таким образом пролетарская партия не превратится в игрушку случая.

Если начать с соотношения сил господствующего и подчиненного классов, то в Германии перед нами—**диктатура старых господствующих классов: юнкерства, промышленного и финансового капитала.** Это кажется агитационной фразой, но является, тем не менее, точно установленным политическим фактом. На авансцене сидят в качестве правительства представители социал-демократии и партии центра. Первая представляет рабочую аристократию, стало быть, ту часть пролетариата, которая добралась до мелко-буржуазных условий существования, вторую определяют, как партию мелкой буржуазии. Но уже это определение не совсем верно.

Социал-демократия, благодаря своей уверенности в том, что без помощи капитала Германия не в состоянии экономически оправиться,—чрезвычайно считается с интересами решающих капиталистических кругов: то, что Висселем пожертвовали, лучше всего выявляет это обстоятельство. **Центр** обладает сильным юнкерским и крупно-капиталистическим крылом.

Уже этот состав правительства является гарантией чисто-капиталистической политики, которая при теперешнем обострении противоречий не может быть ничем иным, как диктатурой, т.-е. политикой, непреклонно опирающейся на насилие. Но в действительности в коалиции, поддерживающей или даже ведущей за собою правительство,

принимают участие все капиталистические слои. Демократы, представляющие значительную часть торгового, промышленного и финансового капитала, вышли из правительства, чтобы не нести формальной ответственности за версальский мир, т.-е. чтобы оставить открытой возможность коалиции с националистическими и империалистическими частями буржуазии, юнкерства и офицерства. Но они поддерживают правительство и в парламенте, и во всей стране. Собственно правительственной прессой является именно демократическая печать. Вопрос о новом вступлении демократов в правительство является вопросом простого барышничества, которое ныне и происходит.

Но юнкера и капитаны тяжелой промышленности из немецкой национальной партии и часть тяжелой промышленности, представленная немецкой народной партией, находятся, ведь, в явной оппозиции к правительству и готовят костры для хулиганствующих центровиков Эрцбергеровского типа [1])! Эта парламентская оппозиция не мешает, однако, офицерской касте быть исполнительным органом диктатуры Эрцбергера!

Что это значит?

Юнкера оппонируют существующему правительству на словах, но поддерживают его кулаками. И то и другое имеет свои хорошие основания: кулаком они поддерживают правительство, потому что это есть правительство капитала против рабочего класса. Они витийствуют против правительства, потому что считаются с возможностью заполучить кормило правления прямо в свои руки и воздвигнуть диктатуру не в пользу капитала вообще, а в пользу специально аграрного капитала; во-вторых, потому, что надеются добиться с помощью такого рода парламентской оппозиции бо́льшего внимания к своим частным интересам, чем если бы они открыто принимали участие в правительстве. И сколько бы правительство Бауэра-Эрцбергера ни чувствовало дрожи в поджилках при одной мысли о том, что юнкера могут как-нибудь схватить его за шиворот, все-таки для него необыкновенно удобна театральная оппозиция юнкеров в качестве парламентариев, идущая рука-об-руку с фактическими услугами юнкеров в качестве наемников; ведь, гомерическая «борьба» юнкерской клики затемняет массам действительное положение дела: они не видят, что старый милитаризм жив еще, что прежний земский начальник (Landrat) крепко еще держится на ногах. Когда юнкера бранятся, офицеры брящают саблями, тогда массам говорят: контр-революция угрожает, демократия в опасности, собирайтесь вокруг демократического правительства! Пока что, юнкера не собираются положить конец этой игре. Они знают, что внешнее и внутреннее положение делают покамест невозможным их открытое господство. Рабочий класс так плохо переварил людендорфианство, что открытый захват власти известнейшими представителями милитаризма механически привел бы к его сплочению.

---

[1]) В подлиннике непереводимая игра слов: «Erzschelmberger» вместо: «Erzberger».

В берлинских политических кругах передают остроту, которую Людендорф будто бы обронил в кругу своих близких: «Я легко мог бы теперь прийти к власти, но не приехать к ней, потому что железнодорожники отпраздновали бы мое вступление в правительство забастовкой». Если это не верно, то хорошо придумано.

Изречение Рейнгардта, полковника берлинских наемников, что восстановление монархии «сейчас еще невозможно», тоже показывает, что эти герои шпор не окончательно утеряли способность понимать интернациональное положение.

Антанта точно также считается с настроением массы в центральной Европе. Она вела войну во имя демократии и ради наказания виновников войны. Значит, покамест она не может показать своим массам Габсбургов и Гогенцоллернов. Когда роялистский французский генерал Франше д'Эспре поставил эрцгерцога во главе контр-революции, он должен был с такой же быстротой убрать его, ибо из Парижа ему телеграфировали: «контр-революцию теперь можно делать только с социал-демократом во главе, долой Габсбурга, давайте сюда, Гарами!»

Это понимают и господа Людендорфы, вот почему они делают оппозиционную мину и подготовляют себе позиции для того, чтобы при случае вызвать в лагере контр-революции перестановку сил в свою пользу. Но они не торопятся. К торопливости у них, ведь, нет никаких оснований. Ибо в Германии господствует юнкерски-капиталистическая контр-революция, и перед лицом этого обстоятельства все раздоры между различными фракциями контр-революционного лагеря не имеют особенного значения, точно так же для них самих, как и для народных масс.

Контр-революция победила в Германии без боя, подобно тому как и революция победила без боя. В ноябре власть выпала из рук старого правительства, когда не предусмотренное им военное поражение на минуту парализовало его. Власть не была отвоевана у старых повелителей, она выпала из их рук, когда они дали тягу. Рабочий класс поднял ее на тротуаре. Но именно потому, что он ее не завоевал, пролетариат не знал, что с нею делать. Несколько недель он забавлялся игрою в советы рабочих и солдатских депутатов, предоставляя в то же время фактическую власть независимым и так-называемым социал-демократам. Шейдеманы и Гаазе знали законного владельца ее, будучи убеждены в том, что рабочий класс не способен господствовать самостоятельно, они разыграли из себя честных пай-мальчиков и побудили с'езд советов вынести с трогательным единодушием постановление о том, чтобы вернуть власть Национальному Собранию. Так как за ними, несомненно, стояло тогда большинство рабочего класса, то это означало ни что иное, как то, что большинство рабочего класса чувствовало себя неспособным к власти. И это было вполне естественно: чтобы господствовать, каждый класс должен обладать и волей к власти и достаточной силой для нее. И то и другое он может приобрести только в революционной массовой борьбе. Немецкий рабочий класс вел такую борьбу только в очень незначительной своей части, в ноябре видны

были только ее первые победы. Падение вильгельмовского правительства не было результатом пролетарского штурма, поэтому пролетариат мог, правда, извлечь из него некоторую пользу (несколько недель политической свободы, повышение заработной платы), но не мог образовать правительство. Правительство вернулось без боя, единственно благодаря голосованию с'езда советов, обратно в руки прежних владельцев, буржуазии и юнкерства, которые вынуждены были только изменить вывеску фирмы. **Теперешнее правительство есть продолжение правительства принца Макса Баденского,** таким оно и реставрировано при новых условиях после ноябрьского интермеццо. Если революция означает переход власти к новому классу, то в течение полутора месяцев в Германии была, правда, революция, потому что вплоть до постановления с'езда советов от 16 декабря власть находилась в руках рабочего класса. Но он очень ограниченно пользовался этой властью. Скоро все большие круги рабочего класса начали приходить к тому убеждению, что им необходимо снова приступить к борьбе.

Увеличивающаяся дороговизна подталкивала их к требованию повышения заработной платы, которое капитал вначале, с перепугу, удовлетворял, но которое он все упрямее отвергал по мере того, как испуг проходил. Повышение заработной платы, с своей стороны, служило предлогом для удорожания цен. В то же время возрастала безработица с ее финансовыми требованиями к обанкротившемуся государству. Падение продуктивности труда истощенных и изнервничавшихся масс показало буржуазии и ее социал-демократическим пособникам, что они очутятся на краю банкротства, если не взнуздают массы покрепче. Вот причина, почему шейдемановцы хотели еще до созыва Национального Собрания во что бы то ни стало разрешить военными средствами конфликт с матросами в конце декабря, столкновение из-за Эйхгорна в начале января, хотя могли мирно покончить с ним. Формальная передача власти из рук рабочего класса в руки буржуазии сама по себе была недостаточна. Чтобы снова начать там, где она остановилась в ноябре, буржуазия должна была господствовать над пролетариатом там, где оба они выполняют свои социальные функции: в мастерской. Нужно было заставить пролетариат усиленно работать. Только таким образом буржуазия в состоянии была бы получить товары для обмена, кредит за границей и возможность выплаты контрибуции победоносному капитализму Антанты из каких-нибудь других средств, помимо уже аккумулированного капитала.

Необходимо было, стало быть, создать органы власти, способные подогнать пролетариат к работе. Военное поражение разгромило старую армию; надо было образовать наемное войско. Только с его помощью можно было создать основу для будущей борьбы экономическими средствами локаута и голодухи.

Период после декабря есть период нового образования капиталистических орудий насилия в Германии. Наемное войско Носке, восстановление социального аппарата, создание конституции шли рука-об-руку с устранением всех остатков революционного междудействия: в первую

линию рабочих и солдатских советов, которые, будучи невинны в той форме, в какой они существовали весной, представляли собою величайшую опасность в качестве спорных пунктов приближавшейся революции, которую реставрированные повелители хотели предотвратить.

Процесс возобновления капиталистического правительства был уже одновременно процессом пробуждения революционных сил. Если в ноябре массы не знали, что делать с властью, выпавшей из рук Гогенцоллернов, то они начали соображать, что такое представляет собою власть, когда отдали ее буржуазии. Когда капиталисты снова зашевелились в мастерских, тогда пролетариат подумал, что можно с такой же легкостью снова вернуть себе власть, с какою она была потеряна. Январское восстание было несомненной вспышкой, бунтом, попыткой напасть на буржуазию оторопь. Извинением,—не для масс, которых нет надобности извинять, ибо в начале революции они не обязаны видеть все ясно, а для таких вожаков как Ледебур и Либкнехт,—может служить то обстоятельство, что внешне власть буржуазии была еще так слаба, что прямо-таки подстрекала к внезапному натиску. Чтобы отказаться от всякого захвата политической власти до тех пор, пока к ней сознательно не стремится значительная часть пролетариата, необходимо в совершенстве усвоить себе проблему социальной революции, которая заключается в одновременном разгроме капиталистического государственного аппарата и воссоздании нового, пролетарского. Рабочий класс не мог еще тогда понимать это, даже коммунистические вожди только в меньшинстве своем своевременно оценили эту проблему, несмотря на то, что она была отчетливо вычеканена в декабрьской программе Спартаковского Союза. Вот почему так слаба борьба коммунистической прессы против вспышкопускательской идеологии во время январских дней, тогда как после январского опыта это обстоятельство разрабатывается в агитации с полной ясностью. Однако, если достаточно было одного поражения для того, чтобы показать партии пролетариата, коммунистической партии, что путеводной звездой своей тактики необходимо сделать учение о том, что пролетарская диктатура невозможна, если позади нее не стоит железная и пламенная воля большинства пролетариата, то нужен был целый ряд кровавых уроков для того, чтобы и передовые ряды пролетариата убедились в зловредности местных вспышек и вооруженных столкновений с крепнущей капиталистической властью. Нужен был опыт **Бремена, мартовских волнений в Берлине и мюнхенская катастрофа,** чтобы положить конец вспышкопускательным наклонностям передовых отрядов пролетариата.

Поведение коммунистических групп в Хемнице и Гамбурге во время последних голодных беспорядков показывает, что сознательные части рабочего класса поняли уроки последних месяцев, даже при невозможности удержать просыпающиеся народные массы от подобных вспышек: они энергично и храбро стараются удержать массы от напрасного расточения своих сил. Если в январе коммунистическая партия в Берлине не захотела считаться с предостерегающими голосами, если в феврале бременские коммунисты сочли тов. Книфа, находившегося тогда

при смерти, чуть ли не дезертиром, когда он предостерегал от «провозглашения» в Бремене республики советов, если тормозящая роль Левине была, несомненно, трудна, то теперь хемницкая и гамбургская коммунистические организации единодушно стояли на том, чтобы помешать народным массам подставить себя под пулеметы Носке.

И потому, что дело обстоит таким образом, потому, что партия теперь настолько окрепла в духовном и организационном отношении, что может попытаться удержать массы от напрасной растраты сил, **неорганизованные, стихийные вспышки масс, с какими бы значительными жертвами** они ни были связаны, **являются только этапами на пути массового стремления к власти.**

Если в январе поражение повело к упадку, потому что партия, не выступавшая в январские дни в качестве тормозящего фактора, не смогла использовать уроки январских боев, то теперь доверие масс к коммунистической партии растет, когда выясняется, насколько она была права, предостерегая от напрасной траты сил. **Период местных бунтов от января до июля был периодом начала революционных боев за власть.** Вместе с тем произошла и стихийная мобилизация **горнорабочего пролетариата и железнодорожников.** И стали замечаться первые признаки пробуждения **сельского пролетариата и умственных рабочих,** этих двух в политическом отношении наиболее отсталых слоев рабочего класса.

И именно поэтому государственная власть буржуазии, возродившись, не смогла утвердиться в качестве простого господства капитала, она должна была возникнуть, как **насильственное господство,** как диктатура против растущей пролетарской революции. В настоящую минуту господствует, повидимому, временное «затишье». Берлинские рабочие спокойно выносят насильственные действия Носке по отношению к Исполнительному комитету. Усмирение восставших пролетариев Верхней Силезии прошло при молчании пролетариата других городов. Но правительство, тем не менее, очень хорошо знает, что ему угрожают немалые опасности, и подобно тому, как в свое время версальцы просили Бисмарка о скорейшем возвращении пленной французской армии для подавления Парижской Коммуны, точно так же Носке выпрашивает теперь у Антанты, чтобы она не сокращала числа его наемников, ибо зимой этот мясник надеется поработать во-всю.

Буржуазия недаром побаивается. Германия не имеет сырья, и не приходится рассчитывать на то, что в скорости удастся получить его из-за границы. Все «национальное достояние» в закладе у Антанты, и для того, чтобы получить долгосрочные кредиты в Америке или Англии, она не обладает никакими гарантиями. Разрушенная денежная система, в свою очередь, увеличивает стоимость всех товаров, получаемых из-за границы. Нонкическая революция, происшедшая с германскими рабочими и выражающаяся в их нежелании работать на капиталистов, еще больше повышает трудности кредита.

Но и независимо от этого, с каждым днем все больше выясняется, что и в англо-саксонских странах разрушение капитализма достигло гораздо больших размеров, чем даже мы, коммунисты, предполагали. Забастовочная волна в Англии и Америке, падение производительности в этих

странах и рост цен показывают, что их способность к экспорту в ближайшее время будет падать; вывоз угля в Англии уже парализован, а Американские Соединенные Штаты заявляют, что смогут предоставить Европе только половину обещанного зерна.

Чем дальше будет итти социальное разложение стран Антанты, — а на рост этого разложения рассчитывают все осведомительные круги этих стран,—тем меньше может капиталистическая Германия рассчитывать на то, что ей удастся восстановить свое хозяйство с помощью своих заграничных классовых друзей. А это означает растущую безработицу, голодание и холодание масс. И при том их нельзя будет,—подобно тому, как это делалось во время войны,—убеждать в том, что в этом виновата не капиталистическая дезорганизация вообще, а «враги». Контрабанда из оккупированных местностей и снятие блокады на минуту облегчили положение масс. Кусочек шоколада, апельсин, фунт сала, которых рабочие не видали годами, несомненно, смягчили немного кризис в Германии, тем более, что отечественные спекулянты, убежденные в предстоящем наводнении рынка товарами, понизили цены на свои собственные запасы. Но это скоро изменится. **Цены на все пойдут вверх**, подобно тому, как они идут вверх в Париже, Лондоне и Нью-Йорке теперь, когда военные запасы уже все распроданы, а новые производственные источники не дают еще достаточного изобилия. В том же направлении будет влиять снятие принудительного положения с разных отраслей торговли и промышленности.

Мы же думаем, что Коммунистическая Партия может сделать исходным пунктом своей политики предвидение новой революционной волны и ее разлива до пределов мировой революции.

Отсюда для партии возникает **обязанность неизменно придерживаться своих революционных целей, неуклонно стремиться к разгрому капиталистического общества, к завоеванию политической власти путем революционной массовой борьбы и к утверждению этой власти в форме пролетарской диктатуры, через господство Советов. Всякие попытки приспособить Советы к длительному периоду господства буржуазии, как это делают независимые, когда требуют «внедрения» мнимых Советов в конституцию,—должны быть отвергнуты, как оппортунизм.**

Однако, если мы и отрицаем возможность длительного укрепления господства буржуазии по причинам об'ективного характера, то это еще не значит, **что мы обязательно должны считать близкую победу единственной перспективой.** Для нас не подлежит ни малейшему сомнению, **что буржуазия не будет в состоянии упрочить свое господство,** вот почему мы отвергаем тактику оппортунистического приспособления к периоду ее отмирания. Но очень вероятно, что **революционная массовая борьба за пролетарскую диктатуру потребует долгого времени.** Необходимо рассмотреть причины этого, и вытекающие отсюда тактические вопросы в области как экономической, так и политической борьбы. Рассмотрев механизм этой борьбы, мы легко получим ответ на все спорные вопросы нашей тактики.

РАЗЛИЧИЯ В ТЕМПЕ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ.

Борьба за политическую власть продолжалась в России восемь месяцев. В Германии наша борьба длится уже скоро год и, повидимому, она потребует еще некоторого количества времени. Такую длительность периода борьбы на Западе **русские коммунисты постоянно предвидели,** когда речь заходила о проблемах западно-европейской революции.

«Победа досталась нам легко, но необычайно трудно будет дальнейшее строительство, — заявлял неоднократно Ленин, — а нашим западным товарищам будет труднее захватить политическую власть, но зато легче использовать ее для пролетарского строительства».

В **«Известиях В. Ц. И. К.» от мая 1918 г.,** этот вопрос подвергся внимательному рассмотрению. И вот с какими результатами: «Русская буржуазия представляла собою в экономическом отношении немногочисленный, плохо организованный класс, не имевший твердых точек опоры в народных массах. Русские помещики представляли собою класс феодальных паразитов, не игравших никакой роли в производстве. Среди крестьянских масс земельный голод преодолевал психологию капиталистического производителя товаров и собственника и подталкивал крестьянство в сторону пролетариата. Земельный голод и жажда мира делали крестьянина союзником пролетариата, чему стремилась воспрепятствовать буржуазия, об'единенная с помещиками через ипотечные банки. Русский рабочий класс был с самого начала предрасположен к революционности. Рожденный не только в цепях капитализма, но и в царском рабстве, он был до такой степени принижен, что капиталу не было даже надобности прибегать по отношению к нему к политике прословутого принципа: «разделяй и властвуй». Ему не было надобности привлекать к себе часть пролетариата уступками, чтобы расколоть его на двое: на рабочую аристократию, не склонную бороться за власть, и порабощенную массу, не способную бороться. Он имел возможность с помощью царизма господствовать над всем рабочим классом; вот почему слой довольных рабочих, подобный тому, на который могли опираться разные Шейдеманы, Ренодели и Гендерсоны, был до такой степени незначителен в России, что меньшевикам приходилось опираться скорее на рабочие массы мелких городов, не верившие вследствие своей малочисленности в диктатуру, чем на просвещенных рабочих, которых было слишком мало. Вот почему большевики так быстро смогли завоевать весь рабочий класс и присоединить к нему крестьянство. В Германии, Англии и Америке **рабочая аристократия гораздо многочисленнее и сильнее,** предательский социал-патриотизм пустил гораздо более глубокие корни в пролетариате. **Крестьянство** образует **капиталистически-мелко-буржуазную массу с преобладающими собственными интересами.** Обогащенная войной, она может откупиться от помещиков, гораздо больше нее страдающих от недостатка сельских рабочих. Пробуждение сельского пролетариата пойдет в Западной Европе медленным темпом. Если в России крестьяне являются союзниками пролетариев в борьбе за власть, то в Западной Европе они

представляют собою тяжелый резерв буржуазии в ее борьбе за сохранение своей власти. **А буржуазия, великолепно** организованная в синдикатах, глубоко укоренившаяся, благодаря акционерным кампаниям в широких слоях мещанства и господствующая над мелкой буржуазией, не в последней степени благодаря своей прессе, развьет более сильное сопротивление, чем в России. Победа пролетарской революции в старых капиталистических странах обеспечена тем обстоятельством, что пролетариат представляет **большинство населения.** Но захват власти в Западной Европе станет возможным только тогда, когда экономические последствия войны начнут **угрожать обеспеченному положению более зажиточных слоев пролетариата,** лишат рабочую аристократию ее преимуществ и, таким образом, вырвут политику социал-демократии с корнем. Ввиду отсутствия союза с крестьянством, ввиду своей изолированности, пролетариату придется итти путем **тяжелой борьбы** к власти, ему придется не только бить буржуазию **быстрыми и короткими ударами,** но и обрекать ее на медленное экономическое истощение, **парализуя промышленность в длительной позиционной борьбе».**

Эти строки были написаны в конце апреля 1918 г. Но они нисколько не потеряли своего принципиального значения при обсуждении вопроса о различиях в темпе и в формах социальной революции в России и на Западе. Теперь их можно в отношении Германии дополнить рассмотрением **конкретных обстоятельств германской революции,** ясно развернувшихся тем временем между нами. В то время, как борьба за мир продолжалась **в России** восемь месяцев и сплотила пролетариат против буржуазии, а мелкобуржуазные массы собрала вокруг пролетариата, исходным пунктом **германской** революции является капитуляция буржуазии, **ее отказ от дальнейшего продолжения войны.** Революция возникла в Германии, когда закончилась война. Наоборот: буржуазия месяцами имела возможность убеждать народ в том, что ее господство обеспечивает мир и хлеб, тогда как победа спартаковцев будто бы заставит Антанту продолжать войну. И даже после того, как господа Клемансо, Ллойд-Джордж и Вильсон показали в Версале немецким пролетариям, какого рода «мир» они уготовили для Шейдеманов и Эрцбергеров, пролетариат продолжал еще надеяться на сырье и кредит, которые удастся получить от Антанты для восстановления народного хозяйства Германии.

Мы уже вкратце показали, как отразилось на немецком пролетариате то обстоятельство, что он захватил политическую власть без борьбы. Теперь мы видим, что, под влиянием дороговизны и хозяйственной разрухи, угрожающей рабочей аристократии нищетою, **число последователей Шейдемана уже начало таять, но совершенно оно еще не прекратилось.** Социал-демократическая идеология слишком деморализовала пролетариат, и нельзя ожидать, чтобы она исчезла во мгновение ока. Это дает контр-революционному правительству время для **разоружения пролетариата,** для создания гвардии Носке, для вооружения крестьян в домовой охране. **Вооруженная борьба против правительства является, по крайней мере, в настоящую минуту безнадежной.**

Процесс хозяйственного распада требует, между тем, довольно значительного времени. Его успех обеспечен. Буржуазия, все меньше спо-

собная накормить пролетариат, обрекающая его на холодание, не сможет его заставить интенсивно работать. **Безработица, которая будет возрастать вместе с хозяйственной разрухой, явится тем порохом, который взорвет германский капитализм.** В России деревня могла впитать в себя безработных, причем надо принять еще во внимание то обстоятельство, что 35 проц. русских рабочих обладает клочком земли в деревне. В Германии безработных ожидает другая участь: **борьба на жизнь или смерть.** В этой борьбе массы сомкнутся в единую фалангу, но никто не может знать, **когда местные столкновения перейдут во всеобщую войну, когда отдельные стихийные столкновения сольются в единое море огня, в котором потонут и кони Носке и его всадники в шлемах**

К этому присоединяется еще один, в высшей степени важный фактор. **В России существовала, при возникновении революции, революционная партия большевиков с семнадцатилетней традицией и кадром организаторов, обладавших опытом революционной массовой борьбы 1905—1907 г.г. и закаливших свой характер на каторге и в ссылке. В Германии при революционном взрыве революционная партия представляла собою только теоретическое направление без партии, она была духом без тела.** И что еще хуже: масса образовала в период спокойной, профессиональной и парламентской борьбы партию, которую она считала революционной, но которая в действительности являлась главным орудием контр-революционного опутывания массы. В России юные **профсоюзы** были органами революционной массовой борьбы, в Германии они явились тем **молом**, о который разбивались волны революции.

Девять десятых политических и профсоюзных вождей, вышедших из рабочего класса, служили одурачению и порабощению масс. Германский пролетариат еще только должен был **образовать свою партию** в процессе революционной борьбы, находить себе вождей, прокладывать дорогу. Этот процесс задерживался тем, что между революционными и контр-революционными партиями пролетариата образовался **широкий слой колеблющихся элементов независимых**, наследников старой революционной социал-демократической фразы, которые, в бездействии, могли опошлить каждую революционную ситуацию, благодаря половинчатым решениям и половинчатым истинам, но в течение некоторого времени могли, вместе с тем, соблазнять пролетариат вирмостью своей революционной фразеологии

Итак, несмотря на то, **что положение в Германии чрезвычайно революционно, т.-е. несмотря на то, что классовые противоречия становятся вполне и окончательно непримиримыми, приходится все-таки считаться с возможностью затяжного революционного кризиса,** который затянет развязку, несмотря на наличность отдельных революционных столкновений. Развитие внешнего положения, события во Франции, Италии и Англии могут ускорить кризис, **но было бы громадной ошибкой, если бы мы построили свою политику на немедленном поражении врага.** Повторяем: **возможно, что мы его победим только путем осады в позиционной войне.**

Что следует отсюда в отношении методов нашей борьбы?

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Задача коммунистической партии в революции имеет двойственный характер: она должна помогать массам познать то, что есть, и помогать им вести борьбу за революционные цели, сознательно творить то, к чему объективно стремится жизнь, создавать те формы, которых она требует. В течение всей революции обе эти задачи идут одна после другой, период агитации нельзя отделить от действия, во-первых, потому, что действие является наилучшей формой просвещения и каждая просветительная работа ведет в свою очередь к действию, а во-вторых потому, что каждое действие вызывает новые вопросы, относительно которых массы нуждаются в просвещении. Однако, в зависимости от степени коммунистической сознательности масс и от объективного положения, преобладающее значение приобретает либо вопрос о подготовительной агитации, либо вопрос о непосредственном действии. Месяцы от ноября до начала осени этого (1919) года были по необходимости посвящены раз'яснению массам сущности пролетарской революции, ее целей и форм. Период агитации распадается на две части: от ноября до январского восстания и от этого последнего до конца лета; два периода, в течение которых наша агитация имела различный характер. До январских столкновений приходилось прежде всего разрушать сладкое опьянение большинства рабочего класса, его демократически-социально-реформаторские иллюзии. Необходимо было показать, что разгром монархического порядка сам по себе ровно ничего не означает, что буржуазная демократия является только новой формой господства буржуазии. Необходимо было привести массы к сознанию того, что без завоевания политической власти и без ее утверждения с помощью диктатуры нельзя и думать о проведении социализма, необходимо было показать им сначала путем агитации, что буржуазный парламентаризм не может быть органом проведения социализма, по той простой причине, что социализм не проводится через посредство сотни—другой представителей, а только при помощи самостоятельной работы миллионов пролетариев, которая может быть осуществлена лишь в рамках разнообразнейших рабочих Советов.

Пропаганда этой мысли не могла, разумеется, происходить в форме глубокомысленных рассуждений о «советской системе». Ее нужно было осуществлять в боевых действиях, остро противопоставляя революционный авангард рабочего класса большинству пролетариата, тому большинству, которое, будучи преисполнено иллюзий, поддерживало буржуазную, предательскую политику социал-демократии. Там, где речь шла о том, чтобы страстно срывать с предателей маски, чтобы бросать в массы великие лозунги, там, разумеется, нельзя было с равной силой указывать им задерживающий момент, текущее соотношение сил, невозможность скорой победы.

Когда агитация ноябрьского периода привела к образованию самостоятельной коммунистической партии, когда в части рабочего класса

сильнейшее негодование заняло место ноябрьских иллюзий и пробудилась воля к революционной борьбе, когда дело дошло до крупных стихийных событий первой половины 1919 года, тогда стало необходимым с полной ясностью выявить перед массами действительное соотношение сил, не взирая на обострение атаки против контр-революционного правительства, действовавшего со все большей откровенностью. И мы видим, действительно, что взбудораживающая агитация партии дополняется более глубокой пропагандой, больше того, что партия повсюду, даже в агитации, открыто показывает массам, какой далекий путь борьбы предстоит еще пройти, какие препятствия надлежит еще преодолеть.

Однако, в то время, как партия вынуждена удерживать массы от вспышек, она сама ставит пределы своему действию, она должна при каждом выступлении стараться не выходить из положенных границ. Это самоограничение и посейчас еще необходимо. Вот почему необходимо внимательнее рассмотреть здесь **единственный метод, с помощью которого можно, одновременно сдерживая, усилить активность пролетариата и концентрировать новые силы, метод, который, однако, не вся партия в равной мере усвоила себе и который, во всяком случае, применяется не вполне сознательно.**

Коммунистическая партия является авангардом пролетариата, его самой сознательной и самой решительной частью. Если она слишком удаляется от остальной массы пролетариата, то она идет навстречу неминуемому поражению. Это не значит, что она должна отказаться от борьбы до тех пор, пока последний рабочий не отвернется от шейдемановцев. **Правда, она не может победить до тех пор, пока большинство пролетариата страны не готово взять власть в свои руки. Но она может прибегать к помощи крупных пролетарских действий, к демонстрациям, и массовым стачкам, если в конкретных вопросах, живейшим образом затрагивающих интересы пролетариата, большинство пролетариата созрело для такого рода частичных действий, хотя бы оно и не сознало еще необходимости захвата власти в свои руки.** Воля к такого рода частичным действиям должна быть создана посредством агитации на фабриках и заводах. **Рабочий Совет является той почвой, на которой она должна быть выявлена и превращена в постановление.** Если удастся привлечь большинство какого-нибудь местного рабочего Совета к выступлению, то тогда можно надеяться на то, что оно окажется успешным и, даже в случае неуспеха, не изолирует коммунистическую часть рабочих от остальных рабочих. **Одна из главнейших задач нашей партии заключается в том, чтобы стремиться в рабочих Советах к длительному закреплению такого рода воли большинства пролетариата.**

От ноября до декабря, когда большинство рабочих в центре было еще преисполнено иллюзий, когда коммунисты являлись еще ничтожным меньшинством, они были вынуждены резко обособляться для того, чтобы, вообще, выявить свое лицо перед массами. Это неоднократно вело к выходу из Советов и к отдельным выступлениям, находившим оправдание в том обстоятельстве, что значительное большинство рабочих, было против всякой революционной борьбы. Кое-где в ра-

бочих Советах вообще не существовало отдельных коммунистических фракций. Со времени январьских волнений мы видим, что коммунисты организуются в рабочих Советах, **как самостоятельная фракция,** что они резко противопоставляют свою точку зрения всем остальным фракциям и что им часто удается об'единять большинство в рабочих Советах для солидарных действий. Это происходит не только благодаря нашей агитации, но и в гораздо большей степени благодаря влиянию **опыта,** который весь пролетариат приобретает в «демократическом государстве», где на бумаге господствует демократическая конституция, а в действительности—белый террор. Именно потому, что массы становятся все радикальнее, мы можем в тех случаях, когда они не в состоянии в данную минуту следовать за нами, несколько пережидать и должны отказаться от сепаратных массовых выступлений. Это, может быть, окажется трудным, но является необходимым: не имея за собою большинства пролетариата, мы не в состоянии проводить массовых выступлений, нам ничего другого не остается, как отказаться от них. Где существует рабочий Совет, регулярно избранный на демократических основаниях рабочими в предприятиях и отражающий,—благодаря праву отзыва,—настроение и степень подвижности пролетариата, там мы должны поставить себе за правило своей тактики, **по меньшей мере, при пролетарской массовой стачке отказываться от всяких разрозненных выступлений.** Прежде всего мы должны самым энергичным образом защищать свою точку зрения на фабриках и заседаниях рабочего Совета, пропагандировать выступления, кажущиеся нам необходимыми, обличать врагов, подгонять колеблющихся, если же большинство рабочих, находящихся ныне в состоянии сильного революционного брожения, не захочет следовать за нами, то мы должны отказаться от выступления, ибо только рабочий Совет является его призванным носителем.

Это мнение, как уже сказано, до сих пор не всегда и не везде утверждалось, а теперь оно натолкнется на еще большее противодействие, чем в период от марта до августа, когда коммунисты, разбитые в открытом бою, инстинктивно поняли необходимость самоограничения и подчинения постановлениям рабочего Совета. Тому есть две причины: **рабочие Советы ведут теперь зачастую только призрачное существование, кое-где они даже перестали представлять рабочий класс в целом.**

Первая из этих причин связана с тем обстоятельством, что коммунистическая партия еще не научилась делать советскую организацию центром своей политики, несмотря на то, что советская идея овладела уже широкими массами пролетариата. Вторая есть отражение того обстоятельства, что Советы, несмотря на всю свою нынешнюю слабость, представляют все-таки значительную опасность для социал-демократии большинства, опасность, которой она надеется избегнуть с помощью бегства из Советов. Причины, по которым коммунистическая партия не сумела сделать Советы центром своей борьбы и вдохнуть в них таким образом новую жизнь, по которым она, например, в Берлине предоставила руководство левым независимцам Деймигу и Мюллеру (а куда они «ведут»

Советы, об этом говорится дальше), вполне очевидны. С тех пор, как представительство коммунистической партии в Советах многочисленнее, она стала либо наполовину, либо вполне нелегальной. Руководящие силы партии, «не попавшие» в Совет, не имеют возможности выступать открыто. Агитация протекает с помощью прокламаций. Независимые же, напротив, обладают монополией легальности. А между тем все значение работы в Советах обнаруживает срыв Берлинского Исполнительного Комитета социалистами большинства. Они вызвали этот срыв потому, что, несмотря на всю фракционную муштру, их представители все-таки не могли не поддаться под влияние нападок на правительство. Во многих вопросах они голосовали против правительства, и если даже они не делали из этого немедленных выводов, если они не выходили из партии, то они все-таки разлагали ее и не в состоянии были противостоять коммунистической агитации и агитации независимых. Таким образом, Советы сделались **основоположниками противоправительственного равнения пролетариата**, не потому, что Советам присуща об'единяющая сила, как утверждают всевозможные мистики, желающие заменить партии Советами, а потому, что Советы представляют собою почву, на которой встречались представители различных партий и должны были занять какую-нибудь определенную позицию по отношению к очень недвусмысленной политике правительства. Какой-нибудь Штампфер может сотни раз «доказывать» в «Форвертсе» что буйства гвардейцев Носке против бастующих рабочих являются необходимостью с точки зрения интересов пролетариата, ему, может быть, даже удастся опурманить рабочего, который читает «Форвертс» дома, но когда дело заходит о том, чтобы открыто проголосовать в рабочем Совете за или против осадного положения, тогда каждый рабочий из «социалистов» большинства будет голосовать против. **Единение пролетариата против буржуазии и ее социал-демократических клевретов, является проблемой революции.** Оно не может быть достигнуто искусственно, путем компромиссов и слащавых фраз об единстве, оно произойдет только мало-по-малу, под влиянием тех ударов, которые градом сыпятся на пролетариат. Работа в Советах является могучим фактором об'единения пролетариата. Вот почему коммунистическая партия должна в гораздо большей степени, чем до сих пор, сделать работу в Советах центром своей политической деятельности. Она должна изо всех сил бороться на фабриках **против взрывания Советов социалистами большинства**, она должна предлагать рабочим лишить саботажников права говорить от имени предприятий и выбирать новых представителей, стоящих **на почве об'единения рабочих Советов.** Это удастся только в том случае, **если Советы, несмотря на все затруднения, будут занимать определенную позицию по всем вопросам общественной жизни без исключения, а не избегать преследований, стараясь казаться, как можно более «невинными».** Занимать же такую позицию значит действительно освещать вопрос, находить ясные, по существу дела неотразимые формулировки для партийных требований. **Политика коммунистических фракций в Советах должна быть самым тщательным образом**

подготовлена партийным центром, а молодых представителей партии надо поддерживать соответствующим материалом.

Однако, как бы важна ни была наша работа в Советах, как в представительных учреждениях всего пролетариата, **было бы все-таки непростительной ошибкой, если бы мы принципиально об'явили, что они являются единственным представительством, в котором можно развернуть знамя коммунизма.** К сожалению, в партии замечается тенденция **к возведению в принцип бойкота государственных, областных и муниципальных представительных органов.** Эта тенденция обнаруживается и в левом крыле независимых. Ее можно рассматривать, как показательный симптом того разочарования масс в буржуазном парламентаризме, которое нужно очень ценить, как признак революционной уверенности рабочих масс, но тем не менее **принципиальное нежелание коммунистической партии отказываться от тактики бойкота по отношению к парламентским представительным учреждениям может оказаться очень вредным, а при случае даже непоправимым.** Требование отказа от парламентской деятельности подкрепляется принципиальными и тактическими аргументами. Говорят, что не парламенты, а диктатура Советов является почвой, на которой может быть проведен коммунизм, откуда делается тот вывод, что парламенты надо бойкотировать. Предпосылка правильна, но вывод из нее совершенно неверен. Из того обстоятельства, что представительство всех классов не является подходящим инструментом для проведения социализма, ибо даже при наличности социалистического большинства в парламенте капиталистическое меньшинство будет бесконечно затягивать каждое социалистическое мероприятие, ибо—и это еще более важно,—проведение социализма, требует работы представительства рабочих и специалистов, а не охраны представителей рабочих,—из всего этого следует только одно: что пролетариат должен после своей победы, захватив политическую власть, укрепить ее в форме диктатуры Советов.

Однако, **из того обстоятельства, что только Советы можно рассматривать, как подходящий инструмент для проведения социализма, отнюдь нельзя делать того вывода, что они являются единственным средством нашей борьбы за политическую власть.** Существует большая разница между ролью Советов после завоевания политической власти и их ролью в стадии борьбы за эту власть. Это ясно уже из того, что после завоевания власти Советы могут свободно делать все, что им заблагорассудится, являясь органами этой власти, **тогда как вплоть до победы они сами являются об'ектами насильственной политики правительственных органов капитализма.** В какой мере Советы в настоящую минуту вообще в состоянии вести борьбу против правительства,—это зависит не только от нас, но и от контр-революционной политики правительства. Бауэры и Носке стараются на каждом шагу сократить власть Советов, и не исключена возможность, что они попытаются вообще отправить их на тот свет. Но надолго это им не удастся сделать, — ведь, они не могут «запретить» революцию! Удар, направленный про-

тив Советов, может дать нам случай действительно превратить их в пункт сосредоточения революционной энергии, призвать весь пролетариат к активному отпору, от которого носкевщам не поздоровится. Но, во-первых, было бы бессмысленно утверждать, что пролетариат уже готов к такого рода отпору. Какие бы глубокие корни Советская идея ни пустила в массах, **все-таки нельзя утверждать, что существующие Советы настолько дороги пролетариату, чтобы можно было быть уверенным в том, что он ради них все будет готов поставить на карту.** Но даже и в этом случае—кто сможет поручиться, что напор пролетариата окажется успешным? **Контр-революции может удаться на месяцы разрушить революционные организации пролетариата, задавить его прессу.** И чем более обостряются противоречия, тем более вероятно то, что контр-революция будет именно подобным образом играть ва-банк. Конечно, пролетариат мог бы принять борьбу и без организаций и без печати, ибо сами фабрики являются революционными организациями, которые никакой Носке не сможет «запретить». **Но, тем не менее, твердая уверенность в правящую силу пролетариата все-таки не должна вести к тому, чтобы его представители затрудняли ему победу, пренебрегая хотя бы самыми незначительными средствами борьбы.** В революции могут наступить обстоятельства, когда многое будет зависеть от того, удастся ли собраться представителям пролетариата из разных местностей, смогут ли они бросать в него лозунги с трибуны, издалека заметной всему пролетариату. **Даже в течение кратчайшего времени свобода передвижений и неприкосновенность пролетарских депутатов могут иметь большое значение.** Хорошо,—скажут нам,—но неужели буржуазия споткнется о такую соломинку, когда вопрос будет поставлен ребром? В последнем счете, конечно нет,—и история германской революции, отнюдь не зависит от неприкосновенности пары-другой коммунистических депутатов. Мы приняли бы бой и без парламентских выступлений **Либкнехта** в 1914—1916 г.г. Кто имеет, однако, право забывать о тех услугах, которые он нам оказал с помощью одного только своего парламентского мандата, прежде чем буржуазия решила отнять у него возможность пользоваться им? «Партия, выступавшая в борьбу за установление пролетарской диктатуры, не может одновременно **поддерживать парламентскую систему**, становясь на ее почву и участвуя в ее действиях, — так утверждает резолюция наших гамбургских товарищей. Это верно: кто борется за диктатуру пролетариата, тот не смеет «поддерживать» капиталистическую «демократию» и становиться на ее почву. **Но неужели мы делаем это, когда мы при случае предостерегаем в нашей предвыборной агитации рабочих от всякого доверия к парламенту и призываем их выбирать коммунистов, которых «парламентские действия» именно в том и будут заключаться, чтобы срывать маску с капиталистической «демократии», пользуясь парламентской трибуной?** Смеет ли кто-либо утверждать, что если бы Роза Люксембург и Карл Либкнехт были в Веймаре, то они крикнули бы

массам с трибуны Национального Собрания словами Шиллера: «Мы желаем быть единым народом братьев»? Столь же плохо обстоит дело и с другим фактическим аргументом наших гамбургских друзей: «Партия, снова принимающаяся за парламентскую деятельность, однажды начав борьбу за пролетарскую диктатуру, тем самым отказывается от борьбы за пролетарскую диктатуру. **Она об'являет пролетарскую революцию законченной или отложенной и становится на почву сотношения сил, господствующих в данную минуту».** Что касается до «отказа» от борьбы, то на этот аргумент мы уже ответили. А утверждение, что, участвуя в выборах, мы об'являем революцию законченной или отложенной, является по-просту комическим. Если мы говорим рабочим, что нужно принимать участие в выборах, потому что враг еще силен, потому что он стесняет нас в других областях и мы, стало быть, должны искать его в парламенте и там бороться против него, то мы говорим массам, **что революция находится еще только в начале,** а вовсе не что она окончена.

Ну, а отложить революцию нельзя: это не дискуссия и не партия в карты. Что же касается до упрека, что таким образом мы становимся на почву господствующего в данную минуту соотношения сил, то он является аргументом только в **пользу** участия в выборах. **Ничто не является более пагубным для революционной, как, впрочем, и для всякой другой политики, чем нежелание стать на почву господствующего соотношения сил.** Кто ударяет головой в реально проезжающий в эту минуту трамвай, тот повреждает не этот трамвай, а свою собственную голову. А это вряд ли будет способствовать его здоровью, даже в том случае, если он является самым твердокаменным коммунистом.

Вопрос о том, какие средства нам надлежит применять в своей борьбе, является именно вопросом правильного учета господствующего **в данную минуту** соотношения сил.

Мы подчеркиваем слова: «в данную минуту». Революция знаменуется быстрыми переменами декораций, соотношение сил может, в виду катастрофического хозяйственного положения, очень быстро меняться. Хотя мы по вышеизложенным причинам склонны считать более вероятным затяжной характер социального кризиса, но было бы все-таки ошибкой рассчитывать только на эту перспективу и наперед решиться участвовать в выборах в рейхстаг, что было бы обязательным, если бы была исключена возможность более быстрого развития событий. **Именно потому, что никто не может предвидеть ход событий, нужно откладывать тактические решения до того времени, когда они станут непосредственно на очереди дня. Но было бы непростительной ошибкой, если бы партия поступилась свободой своих решений, прежде чем для них созрело время.**

Мы закончили изложение ближайших политических задач коммунистической партии. Читатель, который подразумевал под коммунизмом дико-романтическую политику с громом и молнией, будет, вероятно, разочарован. Но делать гром и молнию не является задачей для пар-

тии, если только она не состоит из Кавказов с их жестянками и канифолью. Только элементарные силы вызывают штурм; задача партии проще, скромнее: управлять посреди бури своею ладьей, не дать ей разбиться о подводные скалы и вывесить флаг, указывающий дорогу. Однако, политические возможности и средства борьбы, которые коммунистическая партия имеет право предлагать массам, ограничены не только вследствие той по существу скромной роли, какую играют партии в революцию в течение периода, предшествующего решительным боям.

Надо принять еще во внимание особый характер германской революции, как революции пролетарской, как составной части развертывающейся мировой революции международного рабочего класса. Пролетарский Прометей скован цепями экономического порабощения. Его судьба решится не в парламенте, не в рабочем Совете, но там, где его нот превращается в золото, на фабрике, в сфере экономических отношений. Именно здесь—самые сложные вопросы коммунистической тактики, и к ним нужно теперь обратиться.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ, КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И РАЗГРОМ КАПИТАЛИЗМА.

Лево-радикалы проповедывали задолго до войны необходимость революционной массовой борьбы, но их агитация не имела никакого успеха, несмотря на то, что она была только отражением обострявшихся экономических противоречий. Теперь нас окружает крупная, постоянно тиновь прорывающаяся массовая борьба, так что мы в такой же мере, как буржуазия, сознаем, что находимся в периоде революции. Как же возникла пролетарская революция, течение которой нас увлекает?

До войны мы призывали рабочий класс к революционной массовой борьбе, указывая на то, что рост концентрации и трестирования капиталов все более ухудшает предпосылки изолированной борьбы отдельных профсоюзов, что растущая дороговизна все более сводит на нет все завоевания профессиональной борьбы, что об'единение буржуазии в парламенте, являющееся результатом ее экономического слияния под руководством финансового капитала, вызывает парламентский блок, направленный против всякого социал-политического прогресса, что стоимость империалистического милитаризма поедает средства ко всем социальным реформам. Наша агитация основывалась на понимании хозяйственных тенденций, под влиянием которых даже в Англии—этой стране «социального мира»—началась революционизация рабочих масс. Обострение этих классовых противоречий даже без войны привело бы к революции. Но, во-первых, эти тенденции медленно укреплялись и еще медленнее достигали до сознания рабочего класса, а, во-вторых, мощь буржуазии была в полном расцвете и парализовала в пролетариате, благодаря своей кажущейся непреодолимости, веру в возможность победы, а вместе с ней и волю к борьбе.

С тех пор прошло четыре года войны с ее экономическими последствиями. Потребности военного хозяйства и ограниченность сырья необыкновенно ускорили процесс **капиталистической концентрации.** Даже в Англии, где по историческим причинам тресты и картели были мало развиты, они победоносно укрепились. Рабочий класс противостоит теперь повсюду настолько сконцентрированному капиталу, **что изолированная профессиональная борьба была бы совершенно невозможной,** даже если бы капитализм пережил теперешний социальный кризис. Ограниченное предложение рабочих рук,—пролетарская кровь была так же необходима для ведения войны, как и пролетарский пот,—растущая дороговизна всех продуктов не в одной только блокированной Германии повели к повышению заработной платы во время войны. Но в то время, как вздорожание отдельных товаров поднимается очень медленно, а стоимость других и теперь еще повышается и должна повышаться,—«защитники отечества» возвратились и очень быстро превращаются в рабочий скот. Теперь начинается **борьба между рабочими и работницами,** которых война загнала на фабрики, **между здоровыми и полукалеками.** Если бы сейчас же после войны наступил пышный промышленный расцвет, он поглотил бы всех безработных. Однако, хотя опустошенная земля прямо таки вопиет о товарах, все же виды на скорый хозяйственный расцвет минимальны. Не только в восточной и центральной Европе чувствуется нехватка в необходимом сырье, но и в Западной Европе дело обстоит таким же образом. Не говоря уже о том, что обыкновенно преувеличивают запасы сырья в Америке,—ведь, в течение четырех лет их расстреливали на воздух,—в Европе нет даже средств для того, чтобы приобретать их. Побежденным странам придется отдать сотни миллиардов,—на какие же средства они смогут закупить заокеанское сырье? Если же побежденным странам придется отдать в качестве «вознаграждения» свое сырье и фабрикаты, то они перестанут быть **рынком сбыта** для товаров победоносных государств. Изнуренные, истощенные, перебитые в войне народные массы страдают болезнью, для которой английская пресса придумала особое название: «postwaritis» (послевоенная лихорадка), **исчезновение рабочей силы, падение производительности** являются интернациональным явлением. Оно повышает дороговизну. Все государства наводнены **бумажными деньгами,** благодаря ужасным военным расходам. А это, в свою очередь, способствует вздорожанию. Это наводнение достигло в разных странах различной степени, условия денежного обращения в разных странах до такой степени выбиты из нормальной колеи, **что разрушен всякий базис для нормального интернационального товарообращения.** При таких условиях имущие классы всех стран должны разделываться с военными долгами, что было бы возможным только в том случае, **если бы они могли приговорить пролетариат на десятки лет к рабству** или же подвергнуть самих себя конфискации. В то время, как эти последствия войны ставят буржуазию перед необходимостью **удлинить рабочее время** пролетариата, превратить его труд, благодаря утонченным нототонным методам, в форменную каторгу и понизить заработную плату,—сам пролетариат

отчасти отучен войною от работы, отчасти обессилен и обладает **в чрезвычайно повышенной степени сознанием своего социального могущества.** Четыре года судьбы могущественнейших держав лежали в его руках, они зависели от его усилий в окопах и на фабрике. Посреди ужасов войны пролетариат разучился бояться. В восточной и центральной Европе он видел, как старые твердыни капитализма рушились подобно карточным домикам. Во Франции, Англии и Америке он видит, как его повелители трепещут перед призраком большевизма, т.-е. пролетарского восстания. **Тогда как капитал вынужден для того, чтобы поддержать свое господство, накладывать ярмо на пролетариат, дабы он заново перестроил мир для своих эксплоататоров, пролетариат всего мира верит, что пробил час, когда он имеет право потребовать взамен четырехлетней дани крови и пота — человеческих условий существования.** Повсюду пенятся волны стачек, спадая сегодня для того, чтобы завтра еще бешенее заплескать.

Об'ективно весь капиталистический мир находится в состоянии разложения; он даже не способен сытно прокормить своих рабов и обеспечить им работу, а они требуют от него—этой воплощенной бесчеловечности—человеческих условий жизни. **В Германии и немецкой Австрии** положение в тысячу раз хуже. В то же самое время, как массы пред'являют свой счет буржуазии, к ней обращается победоносная буржуазия Антанты в свою очередь с достаточно-таки крутопосоленным счетом. Немецкая буржуазия должна **вдвойне эксплоатировать** всего более истощенный и в то же время, вследствие крушения габсбургской и гогенцоллернской монархий, всего более «дерзкий» пролетариат: для себя самой и для буржуазии Антанты.

Это положение является источником обширной, все увеличивающейся борьбы пролетариата. Вокруг чего она вертится? Передовые ряды пролетариата убедились в том, **что дело идет не об улучшении их положения при капитализме, а о превращении капиталистического общественного порядка в социалистический.** Отсталые слои пролетариата, несомненно, неясно представляют себе эти вопросы. Они не знают, что мир так обнищал, вследствие войны, что необходимо прекратить бессистемный, работающий на капиталиста способ хозяйствования в хозяйство трудящихся для того, чтобы добиться самых скромных жизненных условий, и что даже при такого рода хозяйстве, не питая трутней, придется тяжело работать. Остальные рабочие массы, подгоняемые дороговизной, безработицей и ростом уверенности в своих силах, пред'являют требования, **которых капитализм вовсе не в состоянии осуществить,** и ведут за них бешеную борьбу. Социал-демократы предполагают, что они срывают эту борьбу и преуменьшают ее значение, когда говорят, что ее ведет бессознательная, неорганизованная масса, зачастую даже принадлежавшая ранее к желтым союзам. Эти социал-демократы, оторвавшиеся от массы, не понимают, что их аргумент только показывает, **какие глубокие корни пустила революция.** Даже массы, до сих пор лишенные организованности и сознания, вследствие своей слабости поддерживавшие капиталистическую эксплоатацию, проснулись под громовыми ударами

войны и ее последствий и предъявляют счет за все свои страдания: за десятилетия эксплоатации и порабощения. Чем больше была эта эксплоатация, чем тяжелее рабство, тем ожесточеннее возмущаются теперь массы и тем стремительнее бросаются они в борьбу. Они наталкиваются на «non possumus» (отказ) буржуазии, на ее заявления, что она не в состоянии удовлетворить пробудившуюся в них жажду к человеческим условиям существования, и говорят ей: в таком случае убирайся прочь. Каким образом должна коммунистическая партия действовать в этом элементарном потоке пролетарского возмущения? По поводу криков разных Легинов, Бауэров и Каутских о работе и производстве нам нет надобности распространяться. **Работа и производство «вообще»** существуют только в их фантазии. Они требуют **работы на капиталистов** и называют это спасением общества. Если бы пролетариат, устрашенный ужасами голода и безработицы, пошел на то, чтобы восстановить хозяйство для того, чтобы «потом» социализировать его, то он на долгие десятилетия обрек бы себя на рабство у капитализма, того самого капитализма, который только-что показал ему в кровавом четырехлетии войны, что он не в состоянии обеспечить ему даже спокойное существование вьючного животного.

Коммунистическая партия стоит всеми фибрами своего организма на стороне пролетарского восстания против капиталистического хозяйства, она считает всякую пропаганду производства «вообще» преступлением перед пролетариатом, всякую пропаганду в пользу беспрерывной борьбы против подневольного труда ради интересов капитала — само собою разумеющеюся обязанностью. Все те тяготы, которые приносит с собою пролетариату процесс слома принудительного хозяйства капитализма, ничего не значат по сравнению с медленным умиранием под ярмом восстановленного капитала. Если бы пролетариат снова нацепил на себя капиталистическую ярмку из страха перед голодом и нищетой, то это значило бы, что напрасно пали миллионы пролетариев. И все-таки пролетариат не избавился бы от страданий, потому что победоносный капитал взвалил бы на него бремя восстановления капитализма, не говоря уже о том, что в будущем ему все-таки пришлось бы снова вступить на тернистый путь борьбы за социализм.

Первой задачей коммунистической партии является, стало быть агитация, направленная к превращению смутного стремления масс к коммунизму в ясное понимание существа капиталистических сумерек, в ясное представление процесса социалистической революции. Понять этот процесс, значит вместе с тем и ответить **на вопрос о том, каковы средства этой гигантской борьбы, каковы ее организованные формы.** Правильный путь можно отыскать, только исследуя тенденции этой массовой борьбы, а вовсе не стараясь из головы выдумать какую-то «наилучшую форму».

Вместе с капитализмом возникли **профессиональные союзы**, как организации экономической борьбы пролетариата. Эта борьба вертелась до сегодняшнего дня, до эпохи социальной революции, начавшейся с войною, вокруг улучшения положения рабочего класса в рамках ка-

питалистического общества. Подобно тому, как фабрикант и купец искали наилучших условий для сбыта своих товаров, точно так же и рабочие стремились достигнуть с помощью профессиональных союзов наиболее выгодных условий для продажи единственного товара, которым они располагали: своей рабочей силы. Профессиональные союзы хотели достигнуть улучшений условий продажи рабочей силы, как товара, с помощью урегулированного предложения. Оказывая помощь для передвижений, они стремились противодействовать скоплению товара на местах, где в нем замечался избыток и где поэтому цены—заработная плата—падали. Страхованием от безработицы они помогали рабочим переждать трудные времена, они клали товар впрок для того, чтобы он не продавался по-дешевке; с помощью коллективных рабочих договоров они стремились выравнять, закрепить заработную плату. Повышая культурный уровень рабочих, они делали попытку повысить издержки производства этого товара, т.-е. его цену; наконец, при посредстве стачек, при которых поддержка безработных из взносов, собранных между рабочими, давала возможность выдерживать забастовку, они надеялись сломить сопротивление капитала. Профсоюзам нужно было, стало-быть, играть в капиталистическом обществе чисто реформистскую роль. Они не могли переступить об'ективных пределов своей деятельности, даже в тех случаях, когда они, подобно синдикалистским профсоюзам, суб'ективно ставили себе целью разгром капиталистического общества. Так как это было невозможно, то синдикалистским союзам,—не взирая на всю свою фразеологию,—приходилось выполнять ту же самую работу, что и либеральным и социал-демократическим немецким союзам. Идеология профсоюзов приспосабливалась в разных странах к духовному уровню рабочего класса, но под различными флагами повсюду был один и тот же товар.

Старые методы профсоюзов стали частью недостаточными, частью вообще неприменимыми больше. По вычислениям Гувера, американского руководителя продовольственной комиссии Антанты («Таймс» от 13-го августа), в Срединной и Западной Европе имеется пятнадцать миллионов безработных. Где профсоюзные кассы, которые смогли бы тут пособить горю? Капиталистические государства, сами стоящие перед финансовым банкротством, должны были взять на себя заботу об этих массах для того, чтобы удержать их от отчаяных выходок. Теперь капиталисты, конечно, горой стоят за коллективные договоры, ибо дело идет, ведь, о том, чтобы удержать массы от «диких» стачек, от все учащающихся требований. Но разве тарифные договоры могут служить своей цели—обеспечению равномерности заработной платы теперь, когда скачкообразные изменения цен, стоимости денег во всем мировом хозяйстве делают невозможной какую бы то ни было калькуляцию? Пусть руководители профсоюзов сколько угодно беснуются по поводу того, что рабочие массы нарушают заключенные ими тарифные договоры. **Никакая сила в мире не может удержать рабочих от нарушения священного тарифа, если теперь цены в течение нескольких недель так идут вверх, как они раньше не повышались за несколько лет.** Долгосрочный тарифный договор потерял всякий смысл. Грандиозные

стачки возникают беспрестанно. Искусство профессиональной борьбы заключалось до сих пор в том, чтобы по возможности избегать одновременных больших стачек, дабы не истощить сразу кассы. Вырабатывалась стачечная механика, не менее сложная, чем вычисления генерального штаба перед военной мобилизацией. Где руководители профсоюзов, которые в состоянии рассчитать, в нынешнем социальном потрясении, какие рабочие отряды должны по порядку появиться на арене борьбы? Кто может диктовать **законы движения** этим только-что пробудившимся массам? Какой профсоюз сможет победить с помощью своего пролетарского **денежного сундука** при нынешней дороговизне жизни? Рабочие кое-как справляются с голодом и добиваются того, чтобы им выплатили заработок за пробастованное время. Они борются, когда должны бороться, а не тогда, когда руководители профсоюзов отдают приказ. Жалобы руководителей профсоюзов на **«дикие» стачки** показывают только, что эти вожаки рабочих совершенно не понимают, о чем идет речь. Они доказывают рабочим неисполнимость их требований и не замечают, что они доказывают невозможность капитализма.

Условия, при которых до сих пор происходила профессиональная борьба, исчезли; ее цель: «улучшение положения рабочего класса в рамках капитализма», стала утопией. Либо порабощение пролетариата, либо борьба за социализм: таково положение.

Но не стали ли профсоюзы излишними при таком изменении условий экономической борьбы пролетариата? Не обречены ли они вообще на исчезновение? Руководители профсоюзов отвечают на этот вопрос, предлагая революции убраться к чорту и не мешать их стародавней, систематической, спокойной работе по улучшению положения пролетарита в рамках капиталистического общества. Однако, революция вовсе не думает о том, чтобы исчезнуть. Наоборот: она только еще начинает свое железное шествие.

Многие революционеры требуют в ответ на это от имени оскорбленной революции от профсоюзов, чтобы они убрались по-добру по-здорову с дороги, и осыпают проклятьями эти контр-революционные организации. Но что же выходит? Пробужденные революцией массы отправляются сплошной фалангой в те самые профсоюзы, руководителей которых они покрывают бранью. **Около четырех миллионов новых членов профсоюзов со времени ноябрьской революции—вот ответ масс на вопрос о том, необходимы ли профсоюзы.** Ни один революционер не смеет пренебрегать этим ответом.

Однако, хотя факты и заставляют признать рост профсоюзов во время революции, все-ж таки некоторые коммунисты хотели бы не считаться со смыслом этих фактов, с их уроками. Профсоюзы нужны, заявляют они, но руководители профсоюзов—изменники, они надувают массы и удерживают их от борьбы. Так образуем же новые профсоюзы, которые будут опираться на предприятия, а не на профессии, союзы, которые не станут уклоняться от революционной борьбы. Все надежды на изменения нынешних профсоюзов с их контр-революционными вожаками являются иллюзиями, потому что вожаки представляют собою

централизованную бюрократию с контр-революционным настроением, которая может теперь опираться еще и на государственный аппарат. Значит: прочь от профсоюзов, и образуем «промышленные унионы» (союзы)! Так гласит лозунг гамбургских товарищей, увлекших за собою некоторую часть членов нашей партии.

Другая группа влиятельных товарищей отвергает выход из профессиональных союзов, который привел бы к распылению части массы и предоставлению другой ее части непререкаемому влиянию контр-революционных профсоюзов. Эта группа защищает лозунг раскола профсоюзов и об'единения отколовшихся местных организаций или их частей либо в промышленные рабочие унионы (союзы) по типу промышленных союзов (опирающихся на организации предприятий), либо в цеховые союзы.

Рассмотрим оба лозунга. **Они оба покоятся на том убеждении, что профсоюзы не сыграли еще своей роли в революции, что союзы должны стать теперь органами борьбы для разрушения капитализма, в то время, как до сих пор они служили лишь улучшению положения рабочих в рамках капитализма.** Эта предпосылка вполне правильна. Если правда то, что шесть миллионов пролетариев, организованных теперь в немецких профсоюзах, должны революционно бороться, то их об'единение означает об'единение для революции. **Профсоюзы должны будут видоизменить свои функции.** Контр-революционные вожаки профсоюзов противодействуют этому. Коммунисты не верят в обращение старых профсоюзных вожаков, — и они правы. Эти вожаки—попросту рутинеры старой профессиональной борьбы в рамках капитализма, которого защитниками они мало-по-малу стали. Но из этого следует только одно: долой этих профсоюзных вожаков из правления, надо приспособить профсоюзы к новым функциям. Это не удастся,—заявляет часть товарищей,— эти ребята — прожженные негодяи, они окапываются за параграфами государственной власти и обманывают массы. Но что же, повидимому, те же самые массы, относительно которых наши товарищи убеждены, что они не дадут обмануть себя буржуазному миру, что они будут вести борьбу не на жизнь, а на смерть за социализм, ибо не могут не вести ее, что они не остановятся перед новоиспеченной конституцией веймарского театра и армии Носке,—эти же самые массы прямо таки обречены, по мнению этих же товарищей, до конца дней своих попадаться в ловушку одной части пособников капиталистического мира. **Достаточно сопоставить это коммунистическое убеждение в железной необходимости нашей победы с уверенностью в непобедимости Легинов и Баузров, чтобы увидеть, что либо это убеждение, либо эта уверенность неосновательны.** Понимая, что **вера в возможность победы над капиталистическим миром предполагает и уверенность в победе над его защитниками,** другая часть коммунистов заявляет: конечно, победить вождей профессионального движения возможно, но только борьба против них будет продолжаться слишком долго. Революция требует, чтобы мы теперь

уже взяли на себя руководство профессиональной борьбой. В таком случае нужно извлечь следующие за нами массы из старых профсоюзов и образовать новые союзы, которые явятся той осью, вокруг которой будет происходить процесс кристаллизации этой борьбы по отраслям промышленности или профессиям (смотря по обстоятельствам). В этом указании на ограниченность времени сказывается, во-первых, понимание тех трудностей, с какими сопряжена борьба против традиций старого движения и их представителей, а, во-вторых, желание избегнуть подобного расточения сил. Мы имеем здесь дело с революционным нетерпением, которое приводит в экономической области к вспышкопускательству, после того как партия на горьком опыте сумела избавиться от политического вспышкопускательства. Сущность вспышкопускательства заключается в том, что ему хочется срывать несозревшие плоды. В политической области оно хочет завоевать политическую власть тогда, когда еще не вся масса пролетариата за нас. Здесь, в области профессиональной борьбы, оно заранее назначает срок для революции и об'является, что ему некогда ждать ее предпосылок, т.-е. того, чтобы массы обнаружили свою готовность к борьбе. Оно желает образовать новые профсоюзы, которые скорее выдестиллируют эту волю к борьбе. Но, разумеется, из этого ничего не выйдет. **Революция не может притти раньше, чем она может притти, и, насколько мне известно, не существует медицинских учебников, устанавливающих срок беременности капиталистического общества.** Короче говоря, результатом поспешности будет только **профсоюзный выкидыш.** И это вот почему: миллионы рабочих устремляются в профсоюзы не потому, что над их помещениями имеется вывеска с надписью: «профсоюз», а потому, что они придерживаются уже существующих **крупных** организаций, которые они считают организациями борьбы. **Лозунг раскола только оттолкнет их,** ибо они заметят, что им нарушается та цель, ради которой эта рабочая масса вступила в профсоюзы: об'единение. Лозунгу выступления или раскола последуют только коммунистические рабочие, и мы добьемся возникновения отдельных коммунистических профсоюзов, как второго издания наших политических организаций. Это будут организации небольшого революционного авангарда, способные служить центрами агитации, но не центрами об'единения. Экономическая организация без масс есть бессмыслица, и поэтому лозунг раскола настолько же **реакционен** в области профессионального движения, насколько он **революционен в политической области с 1919 г.** Необходимо было расколоть германскую социал-демократию для того, чтобы рассеянные в ней революционные элементы развязали себе руки для классовой борьбы. На экономической почве классовая борьба свирепствует теперь, несмотря на все ухищрения Легинов и К°. Она уже превращается в гражданскую войну. **Теперь надобно собрать силы, штурмующие капитализм, а не раскалывать их.**

Как сделать это? Без всяких лозунгов раскола или раскольнических намерений вести в местных профсоюзах борьбу за экономические

выступления, необходимые по существу дела и требованиям момента! Выставлять за дверь тех профсоюзных чиновников, которые противодействуют выступлениям, требуемым массами, которые воочию воплощают перед массами консервативный характер старых вожаков! Не обращайте внимания на запреты контр-революционных центровиков там, где дело идет об интересах ваших собственных выступлений! Если центральное правление попытается исключить местную организацию, то она должна самостоятельно управлять собою, завязать сношения с другими организациями, испытавшими ту же участь, но бороться против исключения перед лицом всего профессионального союза. **Таким образом массы убедятся, что дело идет вовсе не об «извне занесенных» политических противоречиях, а что тут происходит борьба за осуществление тех самых задач, ради которых они вступили в союз.** Таким образом раскол, вызванный вождями профессионального движения, изолирует их от наиболее активной части массы, тогда как вызванный нами раскол, напротив, изолировал бы нас. Благодаря такой упрямой борьбе, в профсоюзы проникает дуновение нового духа, они приспособляются к новым задачам, новые вожаки подготовляются, ведется революционная экономическая борьба. В ее процессе проводятся и новые организационные перегруппировки, и поскольку профсоюзы должны в этой борьбе превратиться из организаций по профессиям в организации по предприятиям,—это сможет показать только практика.

Агитация за промышленные союзы, исходящая из Гамбурга, является доктринерской попыткой перенести в Германию «Industrial Workers of the World». Она забывает, что главной причиной, по которой эти организации в Америке имеют форму организации по предприятиям, является то обстоятельство, что они охватывают, благодаря контр-революционному характеру английских рабочих Америки, организованных в Федерации Труда (Federation of Labour), только иноземных, неквалифицированных, одинаково плохо оплачиваемых рабочих. Пока в Германии существуют сильные различия в заработной плате рабочих различных профессий одного и того же предприятия, до тех пор будет трудно сразу заставить рабочий класс позабыть о своих особых профессиональных интересах и организоваться в промышленные об'единения. Опыт России показывает, что рабочие даже после завоевания политической власти не сразу забывают о своих групповых интересах. Для того, чтобы противодействовать профессиональному распылению рабочих и содействовать их об'единению в предприятиях для совместной борьбы, профсоюзы найдут уже подходящие формы, если только будут преисполнены духом революционной борьбы. Этого не может сделать политическая партия, которая, правда, должна быть, благодаря своей теоретической выучке и планомерности своей программы, революционной вдохновительницей профсоюзов, но которая не обладает способностью диктовать за зеленым столом формы сложного, зависящего от конкретных условий экономической борьбы профессионального движения.

В этой агитации в пользу промышленных об'единений, замечающейся в рядах коммунистической партии, сказывается на-ряду с влиянием J. W. W. и сознание, что необходимо найти такую организацию, которая прямо опиралась бы на массы, как их сгоняет капитализм в предприятиях, и была бы могущественным средством не только борьбы против капитализма, но и борьбы за социализм. Это чувство всего более сильно в передовых рядах пролетариата, которые понимают, что борьба ведется теперь за социализм и которые стремятся образовать органы такого рода борьбы. В этом обстоятельстве коренится идея фабрично-заводских советов все более укрепляющаяся в массах.

ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИЕ СОВЕТЫ И БОРЬБА ЗА СОЦИАЛИЗМ.

Разбирая и отвергая план организации фабрично-заводских советов, исходящий от Берлинского Исполнительного Комитета и предложенный независимцами Деймигом и Мюллером, бременский «Коммунист» писал: **«Разрушение капитализма на экономической почве, а не какое бы то ни было организационное строительство—вот цель теперешней деятельности Коммунистической партии».** Если это должно было означать, что во время борьбы за политическую власть до победы невозможно создавать готовую организацию хозяйственной жизни, соответствующую интересам рабочего класса, и закрепить ее с позволения контр-революционного правительства в контр-революционной конституции, к чему, повидимому, стремятся планы и деятельность деймигианцев и что, кстати сказать, изобличает их, как представителей **ново-прудонистских** тенденций,—если это должно было означать, что мы, вообще, не в состоянии выдумать какой-либо готовый, окончательный план советского хозяйственного устройства, что мы такого рода устройство можем определить только в процессе борьбы,—то бременский «Коммунист» был бы прав. Но он идет дальше: он низводит революцию до степени простого землетрясения, разрушающего здание капитализма, после чего только может начаться новое строительство. А это — грубое, механическое понимание пролетарской революции.

Пролетарская революция является **одновременно разрушительным и глубоко созидательным процессом.** Рабочий класс, вообще, не может разрушить капитализма, не пытаясь одновременно заложить фундамент новой жизни. Ведь он разрушает капитализм не из простого удовольствия, разрушение причиняет несказанные страдания прежде всего ему самому. Разрушительная революция является отпором против бессмыслия капитализма, который в зените своего развития уничтожает тысячи миллиардов ценностей и миллионы человеческих жизней, который создает посреди богатств голод, посреди разрушенной, взывающей к труду земли — безработицу, который хочет превратить в безгласных рабов миллионы возвратившихся с войны людей, принужденных рисковать ради него своей жизнью. Разрушительная сила революции заключается в том, что рабочий класс восстает против капитализма, перевернувшего все вверх дном, стало быть в том, что он борется за реорганизацию тех

элементов общественной жизни, которые при капитализме превратились из благодеяния в пытку, по слову Гете. Рабочий класс стремится сбросить иго капиталистического рабства, но его лучшие элементы понимают, что без дисциплины они погибнут в полнейшей анархии. Таким образом, они пытаются образовать новый порядок, чтобы воспитать свои органы. Этого нельзя сделать сразу, но ни одного дня нельзя ждать с образованием нового порядка, с борьбой против индивидуалистических тенденций самостоятельной удали каждого отдельного рабочего. Одновременно с тем, как рабочие в революции лишают капиталиста права декретировать распорядок работ на фабрике и берут в свои руки прием и увольнение товарищей, они кладут начало новым фабричным порядкам. Чтобы выбить их из колеи, капиталисты стараются саботировать производство. Они хотят создать безработицу, чтобы либо сопнуть рабочих в три погибели, либо принудить их с помощью государства к уважению капиталистического порядка. Но рабочие не доверяют капиталисту, когда он заявляет, что он должен из-за недостатка сырья или капитала закрыть фабрику. Они знакомятся с состоянием фабрики, ее запасов и т. д. Они стараются спасти себя от безработицы. И тут опять-таки разрушение старого порядка означает созидание нового. Рабочие стараются помочь себе в рамках одной фабрики. Но скоро они замечают, что это невозможно. Им приходится получать полуфабрикаты от других фабрик, уголь от соответствующего распределительного органа. **Фабричный совет является верховным органом нового порядка, стихийно возникающим на определенной ступени борьбы против капитализма, сначала для контроля над промышленностью, затем для борьбы против капиталистического саботажа управления промышленностью.** И потому, что каждая фабрика связана тысячью нитей со всей хозяйственной жизнью своей местности, области, государства, рабочим приходится в ту минуту, когда их борьба за увеличение заработной платы и понижение рабочего времени превращается в борьбу за контроль и управление промышленностью, **переходить от советов в изолированных фабриках к образованию связной сети фабричных советов.** План советского хозяйствования становится из академического умствования вопросом необходимости, он вырастает из борьбы, которая все больше расширяется и обостряется. То, что наш бременский партийный орган привязывает к позорному столбу в качестве противодействия «шутов и контр-революционеров» (пусть Деймиг утешится: это говорит не сердце, а язык),—оказывается попыткой внести в хаос некоторый порядок.

Вопрос о фабричных советах является злободневным вопросом. Контрреволюция обнаруживает это, стараясь наперед парализовать надвигающуюся волну законом о фабричных советах. Закону о фабричных советах, внесенному правительством в Национальное Собрание, предназначено, с помощью поверхностных уступок, отвлечь пролетариат от борьбы за контроль над промышленностью. Он дает пролетариату право участвовать в обсуждении вопроса о **распорядке труда.** Не говоря уже о том, что последнее слово по поводу вытекающих отсюда недоразумений предоставляется согласительным комиссиям, в которых буржуазия обеспечено большинство, он к тому же вполне передает в руки капиталистов

управление промышленностью. Правда, правительство обещает издать впоследствии **другой закон**, который должен будет урегулировать **представительство фабричных советов в управлении фабриками**, но и это является надувательством. Закон о фабричных советах мог бы быть готов, в лучшем случае, зимою. Закон об участии представителей фабричных советов в управлении—значительно позже. Тем временем надеются справиться с революцией, после чего можно будет благосклонно выслушать протест капиталистов против допущения рабочих к управлению предприятиями. Но даже и независимо от этих уловок, фабричное правление вовсе не является единственной решающей инстанцией по управлению производством. Оно редко собирается и представляет собою скорее средство для надувания акционеров, чем действительный контроль над дирекцией. **Если пролетариат действительно хочет познакомиться с деловыми операциями, самостоятельно проводить контроль, то его представители должны непосредственно участвовать в управлении и иметь возможность ежедневно контролировать его.** Только тогда они узнают, как капиталисты расточают производительные силы общества, как они жертвуют всеобщими интересами ради своего барыша, только таким путем рабочие смогут противопоставить общественные интересы — частно-капиталистическим. **Вот почему борьба против правительственного закона о фабричных советах,** если только стихийная и бурная борьба ближайших месяцев не свергнет это правительство вообще, **должна сделаться центром обширной кампании, которая, исходя от отдельных предприятий, должна об'единить рабочих всего государства в могущественном политическом и экономическом выступлении, превращающем вопрос социализма в предмет непосредственной революционной борьбы.** Вопрос о переходе средств производства в руки общества есть вопрос о завоевании политической власти пролетариатом. До тех пор, пока господствует буржуазия, не может быть социализма, и то, что обыкновенно называют социализацией, есть огосударствление. Если бы капиталистическое государство было достаточно прочно, то такая «социализация» только укрепила бы его. Но оно трещит по всем швам, оно вынуждено приступить к вопросу об огосударствлении не только по фискальным соображениям, но и потому еще, что в рабочем классе все растет отвращение к работе на частного капиталиста. Чтобы сделать для рабочего класса приемлемой работу на государственный капитализм, этому последнему дают название «социализация». Но рабочие обнаруживают белые нитки этого узора и заявляют: без нашего участия в управлении промышленностью не может быть никакой «социализации», а будет только бюрократически управляемое государственно-капиталистическое предприятие. Даже при наличности рабочего контроля буржуазия снимает прибыльные пенки с промышленности до тех пор, пока она господствует в государстве. Но все-таки мы готовы до той поры, пока не завоюем государственной власти, удовлетвориться правом контроля, участием в управлении, чтобы подготовиться к предстоящему нашему самостоятельному управлению промышленностью. **Завоевание права контроля над промышленностью фабричными советами есть единственный подготовительный шаг, который может сделать рабочий класс для позднейшего перевода средств производства в**

руки всего общества. До тех пор, пока не наступит минута захвата политической власти, борьба за контроль над промышленностью является центральным вопросом. **Поэтому было бы ошибкой, если бы пролетариат спокойно позволил навязать себе мошеннический закон правительства о фабричных советах, чтобы затем, благодаря своей мощи, взять на некоторых фабриках всерьез правительственные заигрывания и выйти за пределы закона.** Надо постараться провалить закон и организовать революционную сеть фабричных советов, которым придется в борьбе завоевывать свои права. План Деймига может быть при этом положен в основу, и представители революционного рабочего класса должны быстро притти к какому-нибудь соглашению для того, чтобы согласно начать борьбу. Дело идет о громадной агитационной кампании, которая выяснит рабочим массам, чего правительство добивается своим законом и к чему стремимся мы, настаивая на революционных фабричных советах. Дело идет об отказе участвовать в выборах в правительственные советы фабрик и заводов и о проведении выборов в революционные фабрично-заводские советы, не взирая ни на какие препятствия, которые правительство будет воздвигать на их пути. Дело идет о начале действия промышленных групп и фабричных советов. Эту борьбу надо вести с величайшей энергией. Если согласная работа всех революционных элементов в этом вопросе всколыхнет массы, **то мы сможем осенью начать обширное политическое наступление на правительство.** Речь идет не о «делании» революции. Речь идет / том, чтобы связать себя с могучими тенденциями самой революции, о наиболее жизненных интересах рабочего класса, сделать эти интересы центральным пунктом борьбы и концентрировать на них всю энергию пролетариата в данный момент. **Всякие частные виды борьбы против безработицы, против угольного, квартирного и транспортного голода могут быть связаны воедино, в одно могучее движение, ибо без рабочего контроля невозможно никакое облегчение предстоящих бедствий.** От того, сумеем ли мы сосредоточить сознание и энергию пролетариата на этом вопросе, будет зависеть, какие размеры и какую остроту примет борьба, будет ли она состоять только из агитационной и демонстративной кампании, или же закончится борьбой за власть. Эхо, которое наша агитация вызовет в массах, покажет степень достигнутой пролетариатом зрелости. Этот масштаб должен быть основанием всех наших дальнейших усилий. **Однако, как бы велика или мала ни была степень зрелости рабочих масс для такого рода сосредоточенного, организованного выступления, наша работа будет, во всяком случае, иметь самые плодотворные результаты.** Даже, если не удастся превратить эту борьбу в борьбу за власть и централизованно организовать советы, то все-таки удастся, по меньшей мере, показать широким массам в процессе борьбы, чего мы добиваемся в ближайшее время на практике. Таким образом, удастся организационно внести больше единства в революционные ряды, не подвергая их риску быть без труда разбитыми организованной государственной властью. Если мы окажемся вынужденными отказаться от лобовой атаки, то мы будем в состоянии гораздо успешнее повести борьбу за изменение и обход закона о фабричных советах, который нам, может быть, все-таки успеют тем временем навязать, ибо массы будут

знать, какого рода уступок следует добиваться от капиталистов в процессе дальнейшей борьбы на отдельных фабриках. В борьбе за революционные фабричные советы Коммунистическая Партия не будет изолирована, левые независимцы, во всяком случае, поддержат ее. В виду этого практического союза необходимо с полной откровенностью, без обычного партийного лицемерия высказываться о нашем отношении к ним.

СОБИРАНИЕ ПРОЛЕТАРИАТА.

Рабочий класс образует в Германии компактное большинство. Если бы он обладал единой революционной волей, то он победил бы уже, ибо он господствует над центрами промышленной жизни нации и над их путями сообщения. Он оказал бы очень большое притягательное влияние на сельский пролетариат, сломил бы с его помощью противодействие богатых мужиков и помещиков, привлек бы к себе мелких хозяйчиков, оказывая им экономическую поддержку, и господствовал бы таким образом в качестве представителя подавляющего большинства трудящегося народа Германии. Его правительство не было бы диктатурой меньшинства, а правительством народного большинства, которому пришлось бы прибегать к насилию только против попыток восстановления диктатуры капиталистического меньшинства. Но рабочий класс не был единодушен и не является таковым посейчас. Уже одновременное существование свободных и христианских профессиональных союзов, точно так же, как довоенных разногласий внутри социал-демократии, показывали, насколько велика разобщенность рабочего класса. События военного времени подтвердили это. Причиной раскола рабочего класса являлись различия социального положения различных его частей. Вообще говоря, рабочий класс разделялся на пролетариев, которые надеялись, худо ли, хорошо ли, просуществовать при господстве капитализма, и таких, положение которых заставляло их вступить в борьбу против самого существования капиталистического общества. К тем, кому капитализм обеспечивал более или менее сносную жизнь—рабочей аристократии,—присоединились те слои, которые, будучи истерзаны и обессилены капиталистической эксплоатацией, не видели возможности восстать против нее, или, живя изолированно в деревне или местечках, были духовно совершенно подавлены мелкобуржуазной средой. Примыкали ли эти массы к христианскому, либеральному или социал-демократическому знамени, их политика была по существу одной и той же: она основывалась на вере в то, что положение их довольно сносно и может быть улучшено на почве капиталистического общества. Все содержание социал-патриотической политики во время войны заключалось в убеждении, что победа врага ухудшит положение рабочего класса, тогда как победа «отечества» его в сильной степени повысит. Еще посейчас социал-демократы указывают на катастрофические последствия поражения и говорят: вот видите, мы были правы. Но бедняжки забывают, что одновременно они стремились доказать пролетариату стран Антанты (см. брошюру Парвуса)—и на этот раз с полным правом,—что одна Германия не

в состоянии будет вынести стоимость «вознаграждений», что за них придется расплачиваться пролетариату стран победительниц точно так же, как и германскому пролетариату, и что порабощение германского пролетариата должно поработить и пролетариат Антанты вследствие того, что оно будет держать его под угрозой конкуренции дешевого немецкого труда. Значит не поражение приводит немецкий пролетариат к окончательной нищете, и не победа спасает пролетариат Антанты от экономического порабощения, а хозяйственные последствия войны оказываются, напротив, для пролетариата всех стран в равной мере губительными. Война загубила столько ценностей, что капитал не в состоянии восстановить мир, не накладывая повсюду на большинство народонаселения, т.-е. на пролетариат, тяжелого бремени. Пролетарии, предполагавшие, что в этой войне они защищали нечто большее, чем свои цепи, должны теперь накладывать на себя новые оковы. Во всем мире положение пролетариата ухудшается под влиянием последствий войны: дороговизна, конкуренция женского труда, необходимость необычайного усиления податных тягот,—все это—факторы, которые стремятся подравнять положение пролетариата к низу, к уровню вьючного животного. Мы только в начале этого процесса, развитие которого постепенно уничтожает источник раз'единения пролетариата и подготовляет его об'единение. В странах, потерпевших в мировой войне поражение и которым победители навязывают военные издержки, разрушительные последствия войны обнаруживаются, конечно, всего более ярко. Правда, благодаря разгрому старого правительственного аппарата, сопровождавшему поражение, рабочим даже удалось временно улучшить свое положение, но с восстановлением этого аппарата начинается противодействие буржуазии и вместе с тем проявляются общие результаты: мировая хозяйственная разруха.

Рабочую аристократию связывало с капитализмом **чувство уверенности** в своем положении, хотя она поистине вынуждена была питаться лишь крохами с барского стола. Это чувство уступает теперь место чувству **полной неуверенности.** Все классы чувствуют, что катятся под гору, и их охватывает глубокое беспокойство. Отсюда—**движение работников умственного труда,** которые впервые за всю историю Германии вовлечены в революционное движение, отсюда **радикализация** до сих пор реформистски настроенных слоев **рабочего класса,** отсюда пробуждение таких частей пролетариата, которые никогда и не помышляли до сих пор о возможности борьбы против капитализма. Так как капитализм в том периоде развала, в котором он ныне находится, угрожает всем слоям пролетариата, то он действует на него как об'единяющий фактор. Буржуазия стремится ослабить эту об'единяющую тенденцию хозяйственного развития с помощью старой политики: «разделяй и властвуй». Но это ей мало поможет, потому что массы слишком велики, чтобы их можно было подкупить, необходимые уступки слишком значительны, чтобы их можно было сделать. Конечно, на короткое время можно успокоить железнодорожников или горнорабочих салом, а прочие слои пролетариата—**искусственным удешевлением** продуктов. Но завтра же придется им все-таки пред'явить за это

счет. Гораздо значительнее влияние социал-демократии, **которая является теперь самым значительным орудием раскола пролетариата в интересах буржуазии.** Именно социал-демократия, вооруженная авторитетом своего звания рабочей партии, располагающая могущественной прессой, внушает массам недоверие к собственным силам, страх перед революцией и веру в спасительную силу капиталистического порядка. Она покрывает собственным телом капиталистический строй в каждую критическую минуту, старается ввести массы в заблуждение уступками и сотлашениями. Если это ей не удается и если даже ее собственные последователи вступают в борьбу, то она выжидает первых затруднений, чтобы создать панику и поколебать веру ненадежных элементов в возможность победы. Если она не в состоянии предотвратить революции путь, то она олицетворяет в ее рядах вкрадчивую измену. С тех пор, как социал-демократия в период от ноября до января спасла капитализму жизнь и потом стала откровенно действовать в качестве оборонительной армии капитализма, с тех пор, как Носке превратился в символическое воплощение социал-демократии, она с каждым днем все больше теряет свое влияние на массы. Но было бы ошибкой предполагать, что предстоит ее полное и окончательное разложение. До тех пор, пока она участвует в правительстве и располагает могущественным аппаратом, она постоянно будет представлять собою организационную силу. Своих приживалок и клиентов она будет черпать из чиновников, поддерживающих ее, как правительственную партию, из стариков-рабочих, доставшихся ей по наследству от реформистской эпохи,—и сумеет поддержать, таким образом, видимость партийного организма. Отстраненная радикализированными массами, она снова воскреснет, когда после победы пролетариата наступят неизбежные затруднения, когда надо будет утвердиться, вопреки громадным трудностям положения. Вот тут-то социал-демократия и окажется наиболее опасным врагом.

Опасность социал-демократии, как фактора раскола в нынешний период собирания всех сил, как равно и после победы, нужно считать тем более действительной, что мы имеем дело не с одним, а с двумя изданиями социал-демократии; рядом с правительственной социал-демократией — социал-демократию оппозиции, **независимую социал-демократию, которая, однако, до сих пор в лице своих вожаков в самые решительные моменты оказывалась разной своему противоположному полюсу.**

Мы ни одной минуты не сомневаемся в искренности предводителей независимой социал-демократии, считающих себя наилучшими и наиболее разумными революционерами. Но мы с другой стороны убеждены и в том, что большинство руководителей социал-демократии вообще убеждено в том, что служит рабочему классу. Мы допускаем даже, что Носке при каждом новом походе против рабочего класса тяжко вздыхает по поводу печальной обязанности бродить в пролетарской крови и утешает себя, быть-может, тем, что врач тоже должен проливать кровь, чтобы спасти больного. Если для моральной оценки человека важны мотивы, то в политике они не имеют никакого

значения. **В политике, являющейся ни чем иным, как оппыткой изменить общественные отношения людей, решающее значение имеют действия и их влияние на массы.** Если мы, стало быть, отвлечемся от Гаазе и К-°, как от людей, и обратим внимание только на действия части немецкой социал-демократии, то мы убедимся в следующем:

1. **До войны,** в то время, когда надлежало уяснить массам об'ективное обострение классовых противоречий (дороговизна, политический застой, опасность мировой войны), чтобы побудить их к массовым действиям, которые, быть может, и не предотвратили бы мировой войны, но предотвратили бы разгром рабочего класса, позднейшие независимцы, тогда так-называемый центр партии, **радикальный на словах, соединился на практике с ревизионистами для союза с буржуазией в Германии** (избирательное соглашение в 1912 г.) и для совместного действия с либералами всего капиталистического мира, ради устранения военной опасности, но вместе с тем и для предотвращения массовых стачек.

2. **Когда началась война,** часть вожаков социал-демократов центра была **против** принятия военных кредитов (Гаазе, Ледебур), часть **за** принятие (Диттман). Но и те и другие защищали свою точку зрения только во фракции, а не публично. И те и другие старались скрыть от масс глубину разногласий и изо всех сил боролись против всяких поползновений к расколу. Когда растущая оппозиция масс принудила их к парламентской оппозиции против войны, они старательно избегали призывать массы к борьбе, а вокруг этого и вертелся весь вопрос, потому что война держалась, разумеется, только с помощью масс. И когда массы, подгоняемые нуждой, самостоятельно вступили в движение, независимцы удерживали его на уровне частичной борьбы за половинчатые требования и питали иллюзиями относительно дружественных намерений чужеземного капитала.

3. **Когда началась революция,** независимцы об'единились под лозунгами демократии и вильсоновским флагом, иными словами они выдали пролетариат головою германской буржуазии и раз'единили его с русским пролетариатом, после чего продали капиталу Антанты.

4. Когда растущая оппозиция собственных сторонников заставила их **выйти из правительства,** они сдерживали борьбу просыпавшихся рабочих масс лозунгом закрепления советов в конституции, т.-е. компромисса с контр-революцией, они облегчали процесс подчинения германской буржуазии под начало буржуазии иностранной. Вместе с тем они содействовали международному примирению буржуазии, благодаря тому, что совместно с открытыми агентами германского капитала, Вельсами и Мюллерами, стремились к примирению социал-патриотов всех стран и к пересмотру Версальского мира.

Этот краткий обзор истории независимой социал-демократии свидетельствует о двух обстоятельствах: **большинство ее вождей приходит в решающую минуту к той же самой политике на практике, что и социал-демократия большинства; вынужденная своими собственными разочарованными сторонниками отделиться от большинства, она под-**

готовляет, благодаря своим компромиссным лозунгам, благодаря запутыванию масс, новый компромисс с зависимыми, когда эти последние под давлением обстоятельств в свою очередь поворачивают влево. В то время, как большинство руководителей независимых является плотью от плоти и кровью от крови социал-демократии и разделяет с вожаками зависимых недоверие к силам революции, массы, на которых опираются независимцы, представляют собою борцов за революцию, все быстрее следующих за коммунистическим ее авангардом. Эта срединная фаланга образовала за последнее время своих собственных вожаков. Это—Ледебур, Дейниг, Мюллер, Курт Гейер, Кеннен, короче: левые независимые. Они очень несамостоятельны по отношению к правому крылу партии, Гаазе, Дитманам и т. д. После того, как они в последние годы войны, вопреки желанию партийного правления, основательно поработали над революционизированием массы, они после революционного взрыва предоставили руководство правому крылу, допустили, не раскалывая партии, совместное участие правого крыла с независимыми в правительстве. При разрешении вопроса: Советы или Национальное Собрание? —они дали Гаазе возможность совместно с независимыми головой выдать германский пролетариат буржуазии. Они отказались фигурировать на одних и тех же избирательных бюллетенях с вожаками правого крыла, но не покинули вместе с коммунистами независимую социал-демократическую партию Германии. И после того, как такого рода отказом от совместного участия в выборах они выразили правому крылу, Гаазе и К°, самое резкое недоверие, Дейниг снимает на партейтаге свою кандидатуру при выборах в правление партии в пользу того же самого Гаазе, другими словами: предает партию в руки Гаазе. Левые независимцы лучше всего обнаруживают свою духовную несамостоятельность вспышкопускательно-бланкистскими тенденциями в январе, точно так же, как и прудонистскими тенденциями летом. После того, как в конце декабря условием своего об'единения с союзом Спартака они поставили отказ от бунтарства, никто иной как Ледебур об'явил в своей мужественной речи перед судьями, что целью январских волнений был захват политической власти. Дейниг правильно усмотрел в этом бунтарство, потому что массы еще только начали приходить в движение. Но антибунтарство Дейнига и Мюллера выявилось очень скоро, как прудонизм. Их очень полезная работа по вовлечению берлинских рабочих в советы выродилась в веру в возможность спокойного строительства советской системы посреди бушующей контр-революции, не делая это строительство об'ектом революционной борьбы. Связанные своей утопией, Дейниг и Мюллер вынуждены для предохранения своей постройки, которая без революционной борьбы является карточным домиком, принять обманчивый лозунг «внедрения советов в конституцию», вышеченный главным поваром на кухне компромиссов независимой социал-демократии, Гильфердингом. В тридцати номерах «Рабочего Совета», в брошюре Мюллера: «Чем рабочие советы хотят и должны быть?» перед нами, на более высокой ступени развития 1919 г., политика прудонистов 1848 г., работа Люксембургского дворца. Всего ярче

выступает наружу мелкобуржуазный характер этих вожаков, когда мы читаем иеремиады Мюллера по поводу угрожающей гибели народа, по поводу «необходимости труда». При чтении этих речей прямо-таки виден рабочий, испугавшийся трудностей, противодействующих его освобождению, и начинающий пятиться назад. Но ему некуда податься, ибо нищета, ожидающая его под ярмом капитализма, еще более тягостна, он должен стремиться вперед.

Пусть наша политика собирания революционных сил основывается именно на том, что массы, стоящие за независимых, должны будут итти вперед и идут вперед. Мы не можем об'единиться с независимой социал-демократией, точно так же, как мы не можем об'единиться с социал-демократией большинства. Добродушный Криспин, который об'явил недавно, что коммунисты не выступили бы теперь из Н. С. П. Г., если бы не действовали слишком поспешно в декабре 1918 г., так плохо понимает роль Коммунистической партии в революции, как плохо он понимает свою собственную роль в качестве фигового листка Гаазе, этого фигового листка Шейдемана, этого фигового листка буржуазии. Коммунистическая партия представляет ту часть пролетариата, которая совершенно отделилась от буржуазии. Кадры Коммунистической партии, левые радикалы, и до войны, и во время войны идейно подготовляли германский пролетариат к революции. В ноябрьскую революцию, посреди опьянения народных масс и предательства всех социал-демократических вожаков, от **Шейдемана** до «революционного» независимца **Барта,** они собирали первую атакующую колонну социальной революции. Они откололись от Н. С. П. в ту самую минуту, как Н. С. П. откололась от партии большинства, вполне ясно сознавая, что только теперь начинается та политика Н. С. П., которая вводит массы в заблуждение. **Задача Коммунистической партии в том именно и заключалась, чтобы образовать незыблемый полюс пролетарской революционной политики.** Коммунистическая Партия может ошибаться в отдельных лозунгах и решениях, она в известные минуты может слишком предупреждать события, но одно вполне непреложно в ее основном направлении и строительстве: **она олицетворяет историческую инициативу германского пролетариата,** является бродильным элементом, все больше подгоняющим его по дороге к конечной цели. Н. С. П., как целое, состоит из вожаков, которые, вследствие своей колеблющейся и нерешительной природы, будут постоянно служить контр-революции, и из рабочих масс, которые постоянно будут инстинктивно искать революционного выхода и в конце-концов найдут его. С Н. С. П., как целым, не может быть никакого об'единения или хотя бы даже союза до тех пор, пока во главе ее стоит Гаазе, Дитман и Гильфердинг. После того, как Н. С. П., помогая шейдемановскому лозунгу Национального Собрания овладеть массами, выдала пролетариат буржуазии, она признала советы органом пролетарской диктатуры, но потребовала «покамест» их «внедрения» в конституцию в качестве боевых органов пролетариата. Другими словами, она об'явила диктатуру пролетариата в ближайшее время неосуществимой (конституция, ведь, не устанавливается на один или два года). После опыта рабочих масс с эбертовской конституцией, после того, как Носке «внедрил» в них шты-

ки, ближайший конгресс независимых, надо полагать, вычеркнет параграф о «внедрении» из программы действия независимых и выскажется за чистую диктатуру советов. Но точно так же, как в оперной увертюре опытное ухо различает ее лейт-мотив, так слышен был такого рода лейт-мотив на последней общегосударственной конференции Н. С. П., из уст Рудольфа Гильфердинга, недавнего главного ментора Эберта и Шейдемана, а теперь Гаазе. Господин Гильфердинг предостерегал от московского терроризма. **Диктатура пролетариата без готовности защищать ее когтями и зубами — таков будет лозунг этих господ.** Практически это приводит к тому, что мы испытали в Мюнхене и Будапеште.

В **Мюнхене** независимцы прокламировали Советскую республику, не взирая на предостережения коммунистов. При первой же опасности они начали торговаться и пытались сделать невозможной какую бы то ни было борьбу. Когда нужно было об'единить весь пролетариат, подавить контр-революционные происки, тогда лирические юноши потеряли всякую охоту продолжать дело, которое представлялось им раньше гораздо более красивым и моральным.

В **Будапеште** независимые социал-демократы, Кунфи, Вельтнер, Варга, сами обратились к коммунистам с предложением совместного об'явления Советской Республики, когда уже не в состоянии были справиться с положением, образовавшимся в результате их совместного с буржуазией господства. Они даже предложили коммунистам, вождей которых они незадолго перед тем бросили в тюрьму, об'единиться в одну партию. Наши товарищи полагали, что не имеют права отвергнуть предложение венгерских независимцев, в виду того, что те полностью принимали коммунистическую программу. Они не только образовали совместно с независимыми Советское правительство, но и слили обе партии. В то время, как об'явление Советской республики было неизбежно, в виду полного банкротства буржуазно-социал-демократического правительства и непрерывного волнения рабочего класса (мы утверждаем это вопреки противоположной точке зрения, высказываемой, например, в ганауской «Фрейхейт»), если Коммунистическая партия не хотела остаться безучастной зрительницей отчаянной попытки масс избежать ярма Антанты,—шатубной ошибкой было то, что она пошла навстречу предложению примирить обе партии. Если существовала какая-нибудь возможность удержаться, вопреки трудностям, то только в случае энергичной, неуступчивой политики. Ведь было ясно, что независимцы не в состоянии превратиться в 24 часа в коммунистов, даже если бы они подписали и клятвенно признали три коммунистических программы, и Коммунистическая партия должна была, не взирая на совместное участие в правительстве, сохранить свою самостоятельную организацию, чтобы с помощью увесистой дубинки выпрямлять становой хребет своего союзника при каждом новом колебании. Когда Коммунистическая партия пошла на об'единение с независимцами, благодаря тому, что они приняли коммунистическую программу, она отказалась от единственного средства, бывшего в ее распоряжении, против саботажа независимых шатунов: образовав общую партию, коммунисты не могли производить давление масс на независимых. Таким образом, всякие Кунфи и Вельтнеры получали возможность саботировать

работу правительства диктатуры. Теперь, после того, как правительство свергнуто при их содействии, свергнуто, благодаря подкопам и уловкам вожаков профсоюзов и независимцев, вносивших колебания в массу, господа независимцы получают от руководителей большинства — в роде Гаазе — свидетельство благонадежности и возвращаются, после трехмесячного маневрирования под коммунистическим флагом, в единонаправляющее лоно социал-демократии, готовясь принять участие в контр-революционном правительстве, если только оно удалит Габсбурга. **Если немецкие пролетарии хотят знать, что означает диктатура без «терроризма», то пусть они изучают историю мюнхенских и будапештских событий. Эти события говорят нам: до тех пор, пока во главе Н. С. П. стоят люди, в роде Гаазе, Дитмана и Гильфердинга, и обладают поддержкой массы независимой партии, до тех пор они смогут в решительную минуту сбить эту массу с толку, даже если бы они клятвенно приняли каждую букву московских предначертаний.** До тех пор, пока рядовые независимцы не разгадали этих своих вожаков и не удалили их, до тех пор не только невозможно какое бы то ни было об'единение с Н. С. П., но даже и общее соглашение ради общей цели. **По отношению к Н. С. П., как целому, необходимо придерживаться решительнейшей критики, разоблачения всех ее двусмысленностей, выявления ее предательств.**

Но этим не исчерпывается наша задача по отношению к Н. С. П. **Рабочие массы,** на которые она опирается, вели в больших центрах в первые месяцы революции борьбу против собственного партийного правления. Одним из наиболее характерных моментов ноябрьско-декабрьского периода было то обстоятельство, что союз Спартака, который не мог иметь при осадном положении военного времени собственных организаций, вел борьбу против правительства **Эберта-Гаазе,** опираясь на организацию революционных представителей (revolutionäre Obleute), состоявшую на $^{9}/_{10}$ из независимцев. Потом массы, принадлежавшие к Н. С. П., благодаря ее монополии легальности, храбро принимали участие во всех битвах. Эти массы не порвали еще с Н. С. П. Они берут всерьез ее революционную фразеологию, еще не разгадали ее сущности, тем более, что независимые, работающие в массах, Ледебуры, Дейнгеры, Мюллеры, Брассы и во время революции и до нее честно стремились к дальнейшему подталкиванию революции, к превращению ее в пролетарски-социалистическую. **При каждом выступлении необходимо в первую очередь иметь в виду соглашение с независимыми рабочими массами. При этом нельзя будет обойти левых вожаков независимых.** Каждое подготовляемое нами выступление должно быть систематически обсуждено с руководителями Н. С. П., нужно итти навстречу их возражениям и вносимым ими изменениям, поскольку они совместимы с характером предстоящего выступления, дабы собирать воедино революционную волю масс. Если левые вожди независимых будут противодействовать выступлению, потому что не захотят порвать с правым крылом своей партии, или же по-просту испугаются борьбы, то надо будет самым резким образом разоблачать их перед лицом рабочего класса, надо будет апеллировать к их собственным массам. **Делами должны ответить левые вожаки независимых на вопрос о том, что им важнее: един-**

ство с революционными массами или об'единение с многократно обанкротившимися вожаками правого крыла независимых. Такого рода борьбу нельзя вести, свысока угощая левых независимцев кличкой «шутов» и тому подобными любезностями партийной борьбы. Такого рода метод борьбы неоснователен и поэтому он отталкивает массы, которые, зная многих левых независимцев, как честных собратьев по борьбе, высоко ценят их. Нужно критиковать всю недоговоренность и двусмысленность их позиции, нужно облегчить им, из которых многие являют собою тип социал-демократа, только постепенно, эмпирическим путем приходящего к коммунизму, этот процесс самопознания.

Такова же приблизительно наша обязанность к **синдикалистским элементам.** Численно они не представляют значительной силы. Но среди них есть много необыкновенно ценных элементов, верно служащих делу пролетарского освобождения. Наша партия была совершенно права, когда она закрывала перед ними свои двери, поскольку они стояли на почве «антигосударственности», т.-е. отрицали необходимость пролетарской диктатуры и разлагали революцию на ряд местно-профессиональных экспериментов. В коммунистической партии не место для принципиально противоположных элементов. Но она обязана принципиальной борьбой против синдикализма, в которой надлежит разобрать его учение при свете опыта русской и германской революции, попытаться привлечь к себе здоровые пролетарские элементы синдикализма. Во всех тех случаях, когда наша партия будет стремиться к организационному использованию всех пролетарских элементов в интересах борьбы, нельзя будет обходить синдикалистские организации.

Эта политика собирания пролетарских сил не имеет ничего общего с **фразами об единстве,** которые стремятся с помощью **затушевывания** противоречий создать фиктивное единство. **Она основывается на определенном подчеркивании принципиальных и тактических принципов коммунизма.** Но она агитирует за них не в сектантской обособленности от тех частей пролетариата, которые, еще не примкнув к коммунизму, уже принимают участие в революционной борьбе пролетариата. Опыт этой совместной борьбы будет наилучшим агитатором коммунистических идей. Но эта политика об'единения только тогда принесет плоды, когда будет упорна и выдержана, не даст себя запугать неудачами, а, наоборот, на каждую неудачу будет отвечать удвоенными усилиями в области организации, пропаганды и активных выступлений.

НАШИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ.

Коммунистический Интернационал, членом которого является Коммунистическая партия Германии, отличается от II Интернационала (не говоря уже об его трупных отложениях) не одной только социально революционной программой, в противоположность реформистской. Он отличается от него и тем еще, что является Интернационалом пролетарского дела, а не слов. Членами Коммунистического Интернационала могут быть только партии, которые отвергают всякие компромиссы

с буржуазией и ее социал-демократическими лакеями и всеми средствами, допускаемыми степенью развития данной страны, подготовляют массы к мировой революции, выступающей во всех капиталистических странах на сцену. Должны ли они при этом прибегать еще к парламентским средствам (как это, разумеется, может случиться не только в нейтральных странах, но и в странах Антанты), или же должны отвергать эти средства там, где рабочий класс уже завоевал власть или находится в процессе непосредственной борьбы за нее,—все это **вопросы ситуации: решающее значение имеет вот что: стремятся ли данные партии углубить и обобщить каждую политическую и социальную массовую борьбу, обострить социальный кризис капитализма и всеми силами подготовить рабочие массы к предстоящим битвам, представляя им в качестве целей переживаемой нами эпохи захват политической власти, ее конституирование, как диктатуры рабочего класса в форме советов, для проведения социализма.** Если они делают это всеми средствами, находящимися в их распоряжении, то они работают ради того дня, когда исчезнут все границы, когда центральные советы рабочего класса всех столиц мира подадут друг-другу руки, когда **место Коммунистического Интернационала пролетариев всего мира заступит Интернациональная Федеративная Социалистическая Республика Советов, а вместо пролетарских партий, борющихся повсюду за политическую власть, мы увидим союз пролетарских государств.**

Еще мы далеки от нашей цели. Борьба будет продолжаться еще долгое время, много пота, слез и крови утечет в море прежде, чем мы победим в интернациональном масштабе. Эта борьба узнает блестящие победы, от которых быстрее забьются сердца пролетариев всего мира, но узнает и поражения, когда белый террор тысячами будет косить пролетарские жизни,—а коммунистические пролетарии других стран не сразу смогут притти на помощь своим истязуемым собратьям. Не все задачи можно обозреть сегодня, многое станет ясным только с течением времени, хотя, напр., очевидно, что победа пролетарской революции в Германии механически вызовет ее союз с русской Советской республикой. **Нужно не опьяняться великими задачами будущего,** а выполнять то, что выполнимо сегодня.

Уже теперь Коммунистическая партия Германии может вдесятеро интенсивнее, чем до сих пор, ополчать немецкий рабочий класс **против всех видов помощи, которую оказывает германское правительство русской контр-революции.** Когда Гайнау, палач революционной Италии, появился в Лондоне, лондонские пролетарии дали ему весьма ощутительно понять, что они думают об его геройстве. В **Берлине** генералы русского царя и их немецкие лакеи в офицерской форме занимаются вербовкой для русской контр-революции, издается **«Призыв»,** газета русских царистов (для коммунистических немецких газет не хватает бумаги). **Немецкие железнодорожники транспортируют снаряды для немецких и русских контр-революционных войск в Прибалтике, из Гамбурга выходят в море корабли с солдатами для Деникина,** а германский пролетариат в бездействии созерцает это. Русское Советское Правительство оказывает помощь немецким **военнопленным,** которых

оно освобождает теперь в **Сибири** от колчаковского рабства и возвращает на родину, в то время как в Германии с русскими военнопленными обращаются, как с рабами, и распродают оптом и в розницу русским контр-революционерам. Почему коммунисты не устраивают на местах **демонстраций жен военнопленных** (при поддержке всего рабочего класса) под лозунгом **возобновления сношений с Советской Россией,** которая нуждается в помощи немецких техников, чтобы восстановить железные дороги, по которым надобно перевозить десятки тысяч военнопленных? Русское Советское Правительство предлагает **работу немецким квалифицированным рабочим и техникам,** с которыми, как с безработными, здесь расправляются отряды Носке. Дело идет не только о том, чтобы помочь русскому пролетариату в его героической борьбе, содействуя восстановлению его хозяйства, но и о том, чтобы создать таким путем резервуар сырья для будущей социалистической Германии, которую Антанта будет, быть может, блокировать. Где демонстрации, которые бурно требовали бы под лозунгом: Работа для безработных! возобновления сношений с пролетарской Россией? Наша интернациональная солидарность с пролетарской Россией должна выражаться не в газетных статьях, а **на живом деле.** На государственной конференции независимых, их «руководящий» (в болото) теоретик, г. Рудольф Гильфердинг, предложил подождать немного с вступлением в Коммунистический Интернационал. Он-де тожествен с Москвой, в таком случае надобно посмотреть, не является ли **он тонущим судном.** И независимая социал-демократия выжидает, а тем временем принимает участие в гальванизации трупа II Интернационала. Если коммунизм победит, то она его «признает». Коммунистические рабочие не имеют ничего общего с этой недостойной политикой спекулянтов революции. Она показывает им только, что Н. С. П. является лишь **паразитом, а не передовым отрядом мировой революции.** Для коммунистических пролетариев Германии Коммунистический Интернационал не Москва: Коммунистический Интернационал—это революционная борьба, возникающая повсюду на развалинах войны. Русские рабочие являются застрельщиками в этой борьбе, но немецкие рабочие желают быть в ней соратниками по собственному разумению. Мы не желаем в бездействии созерцать, как борются московские рабочие. Надлежит принять участие в их героической борьбе, сознавая, что даже временное поражение Советской России означало бы вместе с тем и поражение немецкого пролетариата.

На Западе процесс революционизирования рабочих масс еще только начинается. Социал-демократия большинства выговаривает им за то, что они не помогли «германской революции» в версальские дни: той самой «германской революции», которая десятки раз предлагала капиталу Антанты союз против русской революции, той самой «германской революции», которая разоружает рабочих и травит их белыми бандами. Зато независимцы преклоняются перед представителями западно-европейского пролетариата. Даже лакей Клемансо—Ренодель—и г. Гендерсон, который поспешил по поручению Ллойд-Джорджа в Петербург, чтобы помешать русской революции стеснить победу капитала Антанты,—даже в этих господах Гаазе и К° видят союзников, не

говоря уже о **Лонге** и **Макдональде**, этих двойниках независимцев на французской и английской почве. Мы должны сказать германскому пролетариату правду: наши сознательные сотоварищи по борьбе в странах Антанты: **Лорио, Монат, Маклин и Дебс**, еще очень слабы. Только в **Италии** мы имеем сильного, организованного союзника. И мы не поможем вождям мировой революции тем, что сядем за один стол с предателями пролетариата Антанты или с его колеблющимися руководителями, и не приобретем сочувствия пролетариата Антанты, умоляя его о помощи в ту самую минуту, когда он еще только начинает бороться за свои собственные интересы. Он сможет нам помочь только тогда, когда сам освободит себя от ярма собственной буржуазии, а мы можем оказать ему помощь, только показывая ему дорогу в своем качестве более передового отряда. Русская рабочая революция глубоко завладела сердцами западно-европейского пролетариата, несмотря на то, что не только его социал-патриотические, но и его независимые вожди изо дня в день бичуют ее. В то время, как всевозможные Гаазе, несмотря на свои заигрывания, являются для него мертвыми именами, Роза Люксембург и Карл Либкнехт показывают ему путь пролетарского ученичества, на котором падают тысячи, но который ведет к победе.

Коммунистическая партия Германии должна изыскивать все способы для того, чтобы практически показать пролетариату Западной Европы—точно так же, как и России—пути борьбы и ее цели (а также теоретически осветить их). Если бы борьба за власть должна была продолжаться дольше, чем это предполагает германский пролетариат, если бы германские пролетарии оказались вынужденными, несмотря на свои вполне законные протесты, отправиться на подневольную работу во Францию и Бельгию, чтобы убрать развалины, оставленные германским империализмом, то задачей коммунистической партии будет через их посредство словом и делом проводить коммунистическую революцию во Франции и в Бельгии, чтобы перебросить таким образом мост от немецкого коммунизма к французскому, от германского пролетариата к пролетариям Франции. Это будет наилучшей помощью, которую мы в состоянии оказать ему при восстановлении его страны, дабы она действительно стала его родиной, а не родиной богачей.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ.

Мы вкратце наметим здесь главнейшие ближайшие задачи партии:

1. Привлечение к борьбе **новых слоев**, без которых пролетарская революция не может победить: с одной стороны **сельско-хозяйственного пролетариата и мелкого крестьянства** с другой—**работников умственного труда.**

2. **Распространение уроков революции: диктатура советов, как цель**, планомерное завоевание **большинства рабочих** для этой цели, **никакого вспышкопускательства, никакого отказа от каких бы то ни было средств**, помогающих нам вооружать пролетариат, ни от парламентских, ни от профсоюзных: и парламенты и профсоюзы надо превратить из органов

контр-революции в орудия революции. В качестве главного средства— **организация политических и фабрично-заводских советов**.

3. Решительная борьба против С.-Д. П. Г. и Н. С. П. Г., но об'единение всех революционных рабочих сил, хотя бы через переговоры с левыми Н. С. П. и синдикалистами ради совместных выступлений, из которых самым неотложным является борьба против правительственного закона о фабричных советах, борьба за революционные фабрично-заводские советы, как органы контроля над промышленностью.

4. Активная поддержка русской Советской республики, влияние на пролетариат Антанты силой примера, силой дела.

Многим эта программа покажется слишком бедной, потому что она не заявляет, что мы завтра же должны захватить власть. Вера движет горами,—но только в области веры: пролетарская партия должна считаться не только с наиболее благоприятными возможностями, но и с самыми сильными превратностями судьбы, и она вооружается для конечной победы, если оказывается вооруженной даже на случай тяжелых и длительных боев. Другие сочтут эту программу слишком обширной, слишком богатой для молодой, только-что сформированной партии. Но во время революции партия должна уметь удесятерять свои силы, потому что революция пред'являет к ней величайшие требования.

Мы ничего не выдумывали произвольно, мы только определили те задачи, которые развитие ставит перед партией. Она должна будет управиться с ними. Сегодня она **еще не в состоянии сделать это.** Еще года не прошло, как она возникла посреди мировой революции из революционных элементов, оставленных германской социал-демократией: союз Спартака и левые радикалы северо-запада Германии. Борьба до и во время войны оставила этим организациям в наследство общие директивы для эпохи революции, которые теперь обогащены великим опытом русской революции. Когда германская революция провела свои первые крупные сражения и надо было извлечь из их опыта конкретные уроки для тактики в особых условиях Германии, тогда жертвами этой борьбы пали величайший ум германской революции **Роза Люксембург,** великий агитатор **Карл Либкнехт,** железный организатор **Лео Иогихес;** скончался **от потрясений этой борьбы Франц Меринг,** историк германского социализма, скончался в руках наемников Носке **Иоган Книф,** молодая, самонадеянная сила, которая много могла бы сделать для германского пролетариата. Другие вожди сидят в тюрьмах или прячутся от руки убийцы. А юная партия должна прокладывать себе дорогу почти лишенная руководителей, под осадным положением, чрезвычайно затрудняющим всякое выяснение вопросов, посреди революции, которая ежедневно возбуждает новые недоразумения. Русской революции был дан **Ленин**—революционный вождь, какие рождаются веками, соединяющий величайший энтузиазм и отвагу с хладнокровнейшим расчетом, вооруженный всем знанием своего времени. Она располагает агитатором вулканической силы Львом **Троцким,** десятками блестящих теоретических и организаторских сил. Похоже на то, как если бы история хотела возместить пролетариату его молодость, недостатки его формальной образованности. Более старый немецкий пролетариат должен самостоятельно про-

биваться. Он идет ощупью; только научённый опытом, он отказывается от своих ошибок. Эти ошибки вытекают из того обстоятельства, **что он еще не научился постоянно иметь в виду всю площадь борьбы, а обращает внимание только на отдельные ее части.** Тот, кто замечал только военное бессилие буржуазии, оправлявшейся от ноябрьских ударов, склонялся **к бланкистскому бунтарству.** Тот, кто недовольный этим учением, возвращался к праматери революции, на фабрику, видел только в строительстве фабричных советов или фабричных организаций дорогу к цели, склонялся **к новомодному прудонизму.** Надеясь быстро об'единить весь пролетариат на вопросах его экономических страданий, **они начинают недооценивать задачи пролетарской партии.** Другие видят силы, содействующие банкротству буржуазии, и, думая, **что победа близка и обеспечена, пренебрегают старыми средствами борьбы,** которые, напротив, признают необходимыми для пролетариата те, кто не теряет из вида трудностей борьбы, возможности частичных поражений. Таким образом трудности положения вызывают разногласия, но процесс развития устраняет их. Политическое вспышкопускательство умерло. Неопрудонизм откажется от своей односторонности, как только выяснится,— а это выяснится очень скоро,—что революционные фабричные советы можно организовать только в процессе революционной массовой борьбы. Гамбургский неосиндикализм американской окраски очень скоро убедится в том, что массовые новообразования пролетарской борьбы не возникают из ничего, но что надлежит, напротив, приспособлять существующие организации к потребностям борьбы. Если всколыхнется и победит могучая революционная волна, то она смоет всякие парламентские средства и вместе с ними спор по их поводу. Если она не придет или снова разобьется, то и революционным пролетариям придется пользоваться каждым средством пропаганды и агитации.

Мы спокойны за участь юной коммунистической партии Германии. Дитя революции, она вместе с революцией будет расти и крепнуть. И это произойдет тем быстрее, чем спокойнее и основательнее наиболее зрелые элементы партии будут обдумывать **все положение,** а не только отдельные его стороны, и знакомить с ним рабочих. Коммунистическая партия должна быть не сектой между сектами, а партией революционного пролетариата, вот почему она должна охватывать все поле битвы, принимать в расчет все средства, даже самые незначительные. Только тогда ей удастся собрать германский пролетариат под коммунистическим знаменем. В виду того, что все партийные разногласия протекают на **почве коммунизма и преодолеваются развитием, каждый участник борьбы может подчиняться решениям партии.** Не всегда будет возможно проводить все эти решения демократическим путем, потому что осадное положение, нелегальность партии делают часто невозможными выборы или же делают невозможным для товарищей, которых работа и мнение имеют для партии величайшее значение, участвовать в выборах. Во время периода керенщины в России, Центральный Комитет часто принимал самые важные решения, и хотя в партии находились товарищи, возмущавшиеся по поводу «генеральства», но никто не брал их всерьез. И партия придавала часто такое же значение суждению «чиновника», получав-

шего в месяц 500 рублей жалованья и ежедневно рисковавшего головой, как и мнению правильно избранного представителя нескольких тысяч пролетариев. Каждому было ясно, что если в мирный период вожаки представляли собою опасность, которую можно было преодолеть только величайшей демократичностью партии, то лишь потому, что в мирную эпоху было легче и выгоднее представлять партию в парламенте, чем теперь в тюрьме или под облавой. Апелляция к партийной демократии тоже исчезнет, как аргумент, едва только практика научит наших товарищей в тяжелой борьбе, которую мы ведем, сложному искусству соединения легальной и нелегальной работы.

Над всеми разногласиями и мелочами борьбы соратников подымал мысль о величии нашей задачи. Дело идет не только о том, чтобы выковать меч германского пролетария, вести колонны германских пролетариев в бой, не взирая на то, будет ли победа быстрым штурмом, или же трудной позиционной войной. Дело идет и о том, чтобы перебросить мост от русской революции на запад, а Коммунистическая партия должна быть его самым прочным устоем. Она должна, в качестве застрельщицы мировой революции, все больше углублять борьбу, влиять на весь мир примером, повторяя и развивая опыт русской революции в социально гораздо более передовой среде. Германские рабочие должны это сделать сами, сами достигнуть этого. Кто из них будет колебаться—в сознании этой великой задачи,—даже если придется напрячь все силы своего тела и духа, кто позабудет из-за мелких разногласий о великих целях и путях, об'единяющих нас?

Наши враги могут ликовать по поводу каждого нашего разногласия, говорить о путанице. Они еще не надивятся мощи, которую будет представлять наша партия, ясности, которую она приобретет в неутомимой открытой борьбе точек зрения, закаленная в горниле опыта.

15-го сентября 1919 г.

VIII.

К тактике коммунизма.

(Письмо октябрьскому с'езду Германской Коммунистической партии).

Дорогие товарищи!

К сожалению, я не могу принять участие в вашей конференции и выполнить мандат, данный мне Центральным Комитетом Российской Коммунистической Партии, т.-е. помочь германской коммунистической партии своим советом на основании опыта русской революции. Но все-таки я не могу не изложить вам письменно своей точки зрения на положение и на тактику, которой должно придерживаться. Разумеется, я не ссылаюсь при этом на авторитет Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии. При трудностях сообщения, осведомленность русских товарищей сильно хромает. Да они и сами остерегутся при недостаточной информации из Германии занять какую-нибудь твердую позицию по поводу ваших спорных вопросов до моего возвращения. Вы сами должны искать свою дорогу, и если я считаю своей обязанностью принять участие в этих ваших поисках, то меня побуждают к этому следующие обстоятельства: более, чем кто бы то ни было другой из русских товарищей, я связан с идейными спорами, повлекшими за собой основание германской коммунистической партии. За вашими спорными вопросами я мог следить из печати. Наконец, я думаю, что как-раз мое пребывание в тюрьме дает мне возможность высказать спокойное суждение по существу дела, ибо я не участвую в борьбе, в которую и личности и организации вовлекают политические разногласия. Я предоставляю вам счесть мое мнение заслуживающим внимание или отвергнуть его.

В определении **направления политического развития в партии нет разногласий.** В течение года после своей победы капитал Антанты не был в состоянии ни устранить наличные **территориально-политические конфликты,** ни сколько-нибудь смягчить социальные противоречия. **Положение срединной Европы революционно.** Если немецкая буржуазия снова окрепнет, то она должна будет сделать попытку вырваться из Версальского мира. **Германская Австрия не может ни жить, ни умереть,** она должна превратиться в очаг революции. Польша, подгоняемая Антантой, как вал против большевизма, ко все большему рас-

ширению, вынужденная держать 500,000 человек под ружьем, и это при остановившихся фабриках и блокаде городов крестьянами,—стоит перед революцией. В остзейских провинциях теперь борются не только латышские крестьяне против немецких баронов за землю, состязается не только английский милитаризм с немецким за обладание воротами в Россию, но и сражается еще сверх того русская контр-революция против английского империализма, желающего там утвердиться. На Ближнем Востоке два миллиона болгар попадают между государствами Сербии и Румынии, которые сами раздираются противоречиями. Одновременно **итальянский империализм** ополчается против **Сербии** и старается вооружить против нее болгар. В **Турции**, которую Антанта хочет разбить на куски, при чем английский империализм вступает в борьбу с французским из-за **Сирии**, а итальянский с греческим из-за западного побережья **Малой Азии**, растет движение национального сопротивления. Младотурецкие военачальники сумели образовать армии, которые противодействуют расчленению Турции. Антанта, не знающая как поделить Турцию, должна будет, чтобы делить ее, пустить в ход войска, которых она теперь никак не может собрать. На Дальнем Востоке растет противоречие между **С.-А. С. Штатами** и **Японией** из-за эксплоатации Китая и вместе с тем протест народных масс в больших городах против всякой эксплоатации. Короче говоря, Антанта не в состоянии обеспечить своим подвременным народам необходимые политические предпосылки развития. Ее победа означает хаос в побежденных ею областях, **необходимость, неизбежность** новых войн народов. И в то время, как Антанта идет навстречу таким войнам, она все больше **запутывается в борьбу с Советской Россией**, в борьбу, в которой капитализм Антанты может быть уверен в неминуемом поражении, потому что Советская Россия вовсе не ограничивается теперешним Советом Народных Комиссаров в Кремле, не означает даже существования теперешнего большевистского правительства. Даже если Антанте удастся опрокинуть Советское правительство, то капитал Антанты и русская контр-революция изойдут кровью в борьбе с русскими рабочими массами, которым она не может дать ни работы, ни хлеба, которых она отдаст только на растерзание белому террору. **Интернациональное положение после победы Антанты еще революционнее, чем раньше,** ибо народные массы обнищали и исчезла **великая пацифистская иллюзия**, вера в то, что эта ужасная война приведет к справедливому миру. Кровавые **ужасы войны** сменились **ужасами мира:** голодом, жилищной нуждой, безработицей.

Подобно тому, как капитал не в состоянии был за целый год после войны хотя бы только приблизить разрешение территориально-политических вопросов, точно так же он не смог подготовить почву для смягчения классовых противоречий. Через год после победы Антанты **цены на продукты** держатся на более высоком уровне, чем перед концом войны, не только в Берлине и Вене, но и в Риме, Париже, Лондоне, Нью-Йорке. **Производительность труда** в горнорабочей и железодобывающей промышленности падает во всем мире. Английские и американские **порты** забиты. Антанта надеется спастись, **грабя** Германию, Австро-

Венгрию и Россию (если победит ее), но эта надежда—не что иное, как большая иллюзия. Побежденные страны, которых капитализм Антанты раздевает до-гола, выбывают из ряда бойцов за Антанту. Это должно привести к застою английского и американского производства и сделается, таким образом, источником революции в этих странах. Центральные державы обанкротились в финансовом отношении, но никто не изобрел еще средства, с помощью которого можно было бы спасти победителей от банкротства. Хозяйственная жизнь стран Антанты не являет ни одного признака увеличивающейся организованности, растущего хозяйственного оздоровления. Капитализм стран-победительниц находится в таком же состоянии разложения, как и в побежденных странах, и сейчас не видно ни одного фактора, который мог бы задержать процесс этого разложения. Мировой капитал держится благодаря иллюзиям масс, которые в Германии, точно так же, как и во Франции и Англии, все еще убеждены в том, что дело идет о малых реформах, об увеличении заработной платы, о кое-каких свободах, а не о самом существе капиталистического способа производства. Однако, все большие массы приходят к сознанию необходимости полного ниспровержения капитализма, коммунистической революции. Авангард этих масс, Коммунистическая партия, **должна повсюду держать курс на мировую революцию и довериться ее подымающейся волне.** Всякого рода политика, стремящаяся будить в пролетариате убеждение в том, что на этом пути освобождения могут еще быть остановки, когда он сможет **мирно** устроиться, укрепляя свои завоевания с помощью компромиссов с буржуазией, всякая такая политика,—в роде той, которой придерживается независимая социал-демократия,—следует за **блуждающим огоньком оппортунизма.** Ее нужно самым решительным образом отвергнуть. Но из того обстоятельства, что мировая революция развивается, не следует, что мы будем шествовать от одной победы к другой. В мировой революции не будет побед, после которых мы в безмятежном спокойствии сможем почить на лаврах. Если мы победим, то нам придется изо всех сил защищать завоеванную позицию, как это должен делать русский пролетариат, **которого якорем спасения является меч. Но если только оппортунистическая иллюзия может предполагать, что после победы можно успокоиться в мире, то революционной иллюзией оказывается представление о непрерывном шествии вверх, о непрерывном поступательном движении революции.** Мировая революция есть очень длительный процесс, в течение которого приходится испытывать не одно поражение. **Больше того: для меня не подлежит ни малейшему сомнению, что во всех странах пролетариату неоднократно придется переживать падение своей диктатуры и ее новое восстановление, пока он не победит окончательно.** А если это так, то было бы непростительной ошибкой, если бы Коммунистическая партия принципиально пренебрегла хоть одним каким-нибудь средством, которое могло бы помочь ей использовать период поражения для воссоздания нового боевого фронта. **С этой точки зрения я считаю большой ошибкой стремление части нашей партии заставить партию принципиально отвергнуть использование парламентаризма.** Я ни одной минуты не сомневаюсь

в том, что III Интернационал, разбирая этот вопрос, скажет международному пролетариату: Через **выборы** в парламент, через завоевание большинства в парламенте **пролетариат не придет к власти.** Если даже он захочет при случае использовать парламентское большинство для проведения социализма, то капитал сойдет с почвы так называемой демократии, чтобы укрыться в бронированных автомобилях. **Путь к социализму ведет через установление временного самодержавия пролетариата, формой которого является республика рабочих советов.** Но до тех пор, пока мы не настолько сильны, чтобы установить **пролетарскую диктатуру,** мы пользуемся всеми средствами, какие предоставляет нам даже самая карикатурная демократия, в зависимости от того, что нам полезно в данную минуту. Находясь среди острейших боев, в борьбе, открывающей виды на скорое завоевание власти, мы не пойдем в парламент, ибо для чего нам парламентская трибуна, если на улицах гремит поступь рабочих батальонов. Но даже в этом благоприятном положении генеральный штаб революционного пролетариата, коммунистическая партия, не имеет права категорически давать зарок, что после возможной неудачи, когда утомленные массы будут, может быть, истекать кровью, когда наша печать будет, может быть, подавлена, наши организации разгромлены, она не попытается ввести коммунистов в парламент, дабы они помогли массам собраться с силами после поражения.

Коммунистическая Партия Германии **стоит перед великими битвами, которые может принести с собою эта зима.** Но, во-первых, это не безусловно неизбежно: народные массы очень выносливы и не сразу возмущаются. Во-вторых, эти битвы не обязательно должны окончиться победой. Рабочая масса в Германии чрезвычайно расщеплена, тогда как буржуазия об'единена против нее и располагает наемной армией. Не исключена возможность, что стихийные битвы, которые, быть может, принесет с собою зима, окончатся еще поражением пролетариата, после которого наша партия, быть может, будет терять кровь из тысячи ран, а обескураженные массы пассивно будут все переносить. Кто в здравом уме и твердой памяти способен отрицать такого рода возможность? А признав ее, кто будет отрицать, что для партии было бы в высшей степени полезно, если бы она имела в парламенте **парочку или даже хотя бы одного только Либкнехта?**

Если бы сегодня предстояли выборы, то было бы, вероятно, правильно, не принимать в них участия. Но никто не знает, не будет ли такого рода участие нашей обязанностью **весною.** Поэтому **долой всякие попытки связать партии руки. Мы не являемся ни принципиально парламентарной партией, как социал-демократия, ни принципиально антипарламентарной партией, как анархисты.** Мы—члены Коммунистического Интернационала, который в каждой стране и в каждом положении применяет в борьбе за мировую диктатуру именно те средства, которые оказываются всего более полезными в данную минуту.

Положение Германии, после некоторого облегчения летом, когда случится приток долгожданных товаров будет становиться все более напря-

женным. Угольный голод в союзе с растущим недостатком продуктов и безработицей, по всей вероятности вызовет зимою сильные стихийные **массовые движения.**

Задача коммунистической партии по отношению к такого рода стихийным движениям заключается в том, чтобы вносить в них величайшую степень **организованности и целесознательности,** т.-е. попытаться достигнуть цели с наименьшими затратами силы и богатств. В виду такого положения партийная оппозиция совершает две ошибки: она вступает в профессиональном вопросе на дорогу, которая угрожает отрезать ее, коммунистическую партию, от массы, и попадает в вопросе **о фабрично-заводских советах** в тупик, в тихий уголок, в котором там будто бы удастся «без помехи» провести революцию. Рабочие массы стремятся в старые профессиональные союзы, чтобы вести с помощью этих **больших организаций** экономическую борьбу. Там их предаст **профсоюзная бюрократия.** В противовес этому партия должна помогать рабочим массам, жаждущим борьбы, собираться с силами. Она должна помогать им преодолевать трудности предстоящего пути. Контр-революционная профсоюзная бюрократия создает затруднения. Где она сопротивляется и разоблачает себя подобным сопротивлением, надобно помочь массам выгнать бюрократию из профсоюзов. Если она забаррикадируется за уставом, будет стараться выжить противоречащие массы из профсоюзов, то мы поможем этим массам, об'единяя их в новых организациях, **после того, как контр-революционная бюрократия профсоюзов расколет их в интересах капитала.** К этому сводится руководство массами в борьбе, как она фактически проходит.

Вместо того оппозиция надеется избавить массы от этой борьбы, заранее создавая конкурирующие организации. Рабочие юнионы, за которые оппозиция стоит горой, обладают, быть может, всеми возможными преимуществами, но и у них есть один недостаток: они еще не существуют, как массовые организации. Правда, они называются рабочими униями (союзами), но рабочих в них еще нет. **Напрасны всякие надежды на то, что можно удержаться с такого рода высосанными из пальца организациями против больших организаций.** Новые пролетарские организации экономической борьбы могут быть образованы только тогда, когда мы об'единим части профсоюзов, откололившиеся от старых профсоюзов в процессе борьбы против профсоюзной бюрократии, а не с помощью пропаганды новой непогрешимой и патентованной организационной формы рабочих юнионов. Что касается до самой этой организации, то она так же стара, как и революционное движение пролетариата. Так как во времена крупных социальных кризисов руководители масс явственно ощущают необходимость организации, которая охватывала бы весь класс, то возникает идея «one big union», **одного большого униона** (союза), как говорили в эпоху чартизма. Но идея эта разбивается о то обстоятельство, что капитализм дифференцирует рабочих, разбивает их по профессиям, заставляет работать в различных условиях. До тех пор, пока экономическая борьба ведется на фабриках, она гораздо чаще вертится вокруг интересов отдельных групп и профессий рабочего класса, чем вокруг его интересов, как целого. Вот почему потребность в профессиональных

организациях сильнее и больше пробивается наружу, чем потребность в организации по предприятиям. Это может измениться, если процесс мировой революции будет развиваться настолько медленно, что пролетариат совершенно уравняется в нищете. **Пока идея организаций по предприятиям, как будничных организаций борьбы за улучшение положения рабочих,—а для широких масс именно это, а не социализм, является непосредственным об'ектом борьбы,—оказывается утопической идеей.** Постольку, поскольку эта идея сводит пролетариат с широкой дороги исторического развития и заводит его в тупик, ще скромно расцветает цветочек рабочих юнионов, постольку эта идея вредна и на практике контр-революционна. Не наше дело изобретать для пролетариата организационные формы, а ковать из железа мечи мы должны, пока оно горячо. **А это-то и представляют собою профсоюзы.** Только участвуя в их рядах в качестве безусловных представителей массового стремления к улучшению своего положения, мы можем вырвать профсоюзы из лап контр-революции или извнутри разрушить их, как Бастилии контр-революции, при чем останется еще строительный материал для новых революционных крепостей. На пути, который избирает оппозиция, можно создать чахоточные рабочие юнионы, **которые отделят наилучших коммунистических рабочих от массы и растратят их силы в глубокомысленных размышлениях над единоспасающей формой организации.** Принципиальный отказ от парламентских средств борьбы был бы большой ошибкой, потому что в некоторых положениях он может лишить нас весьма важных средств борьбы. **Но тактика оппозиции в вопросе о профсоюзах прямо-таки гибельна.** Она сможет помешать коммунистической партии выполнить свою роль фактора, организующего стихийное движение рабочих масс. В то время, как наша задача заключается в том, чтобы плыть к цели, доверившись мощному течению, оппозиция хочет отвести часть потока в маленькие каналы, для того, чтобы они лили воду на ее великолепные, патентованные в Америке мельницы. Коммунистическая партия не позволит превратить себя из **организаторши живой массовой борьбы в устроительницу всякого рода экспериментов.**

На-ряду с организационными задачами коммунистической партии об'ективно даны и цели борьбы в стихийном развитии движения. Целью, для которой зимний кризис будет этапом,—мы не знаем только, последним ли,—является диктатура пролетариата. Каким образом мы можем притти к этой диктатуре? Только с помощью революционной массовой борьбы, которая есть борьба за власть. Какими средствами? Всеми! Во время зимних и весенних месяцев рабочие массы многих городов попробовали завоевать власть силой. Их разбили при этой попытке и не могли не разбить, **потому что они представляли только незначительное меньшинство пролетариата.** Вспышкопускательство заключалось не в апелляции к насилию, а в апелляции к насилию в такую минуту, когда подавляющее большинство рабочего класса было против пролетарской диктатуры и за сотрудничество с буржуазией. Даже если бы бунт увенчался тогда в некоторых случаях успехом, он все-таки привел бы к поражению, ибо советское правительство немыслимо без активнейшей под

держки рабочего класса. Поражения в январе и марте заставили часть партии искать **такую дорогу, на которой поражения вообще невозможны:** эту дорогу обеспечивают, по его мнению, **революционные фабричные советы.** Их изображают непобедимыми потому, что Носке, с легкостью побеждающий на улице, не может проникнуть на фабрики и заводы. Это последнее утверждение справедливо, буржуазия не в состоянии поставить рядом с каждым фабричным рабочим архангела в мундире и не может повысить его трудоспособность силой. Но это свидетельствует только о том, что пролетариат незаменим и что буржуазия не может укрепить свое господство, если он утвердится в своей революционной воле. Но если буржуазия не в состоянии **надолго** сломить решительное, стойкое сопротивление пролетариата на фабриках, то она может ломать его **временно** и даже **неоднократно.** Она может занять важнейшие предприятия отрядами штрейкбрехеров из **«технической самопомощи»,** может отрезать пролетариат от **подвоза продуктов питания.** Если воля пролетариата к борьбе достаточно велика и он сам об'единен, то борьба неминуемо перенесется на улицу, на пути железнодорожного сообщения. Хотя буржуазия теперь гораздо сильнее, чем во время от января до марта, когда гвардия Носке еще только организовалась, но по сравнению с силой об'единенного пролетариата эта сила кажется стеклом перед гранитом. Когда железнодорожники бастуют во всей стране, когда замирают предприятия в Рурской области и в Верхней Силезии, когда рабочие больших городов единодушно выходят на улицу, тогда четыреста тысяч зверей Носке совместно с домовой охраной ничего не могут поделать. **Но победа будет достигнута не в предприятиях через фабричные советы, а в прямом столкновении силы пролетариата с силой буржуазии, при котором пролетариат будет бороться всеми средствами, какие только сможет завоевать.**

Это теоретическое убеждение очень важно, хотя пока-мест мы и не можем предпринять никаких практических шагов в этом направлении.

Утверждение, что политическая революция умерла и только экономическая может победить, оказывается **при свете этой перспективы** неправильным в обеих своих частях. Кто говорит, что политическая революция умерла, тот бессознательно становится на почву буржуазной демократии. Политическая революция может быть мертвой только для того, для кого целью рабочего класса является «буржуазная демократия», установленная ноябрьской революцией. Тот же, кто понимает, что политической целью рабочего класса может быть только Советская республика, не сможет об'явить политическую революцию мертвой. Экономическая революция, т.-е. сопротивление рабочего класса в предприятиях,— от частичной забастовки до всеобщей стачки,—вообще, не может победить изолированно, даже если мы будем обладать революционным советом в каждом предприятии. Либо она сломится в экономической борьбе, либо она приведет к столкновению обоих борющихся классов, к борьбе класса против класса не на живот, а на смерть. **Победа будет означать политическую революцию: захват власти рабочим классом.**

В пропаганде революционных фабричных советов, как ее ведет оппозиция в коммунистической партии и группа левых независимцев под

руководством Деймига, бессознательно сказывается «революционная» форма **бегства от революции.** Но это не значит, что партия должна оставить борьбу за революционные фабричные советы. Наоборот: **эта борьба является исходным пунктом борьбы за государственную власть.** В чем заключается задача фабричных советов? Они являются прежде всего органами **контроля** над промышленностью, а потом ее **перевода** в **общественную собственность.** Без развитых фабричных советов мы можем иметь только государственный капитализм. Промышленность, национализированная капиталистическим государством из фискальных соображений, будет управляться бюрократически. Пролетарское государство должно предоставить управление предприятиями самим рабочим в сотрудничестве с техническим персоналом. Строительство советов означает строительство будущих хозяйственных органов пролетарского государства. Вопрос только вот в чем: как нам строить эти советы? Деймигианцы и наша оппозиция думают, что мы можем достигнуть этого пропагандой. Это, разумеется, невозможно, ибо одной только пропагандой нельзя вовлечь массы в действительную борьбу за социализм. **Нужно вовлечь массы в эту борьбу маневрированием, расширяя и углубляя их уже существующую, все обостряющуюся классовую борьбу** против нищеты. Если не хватает угля и в этом обвиняют угольщиков, то мы должны показать им путь борьбы: пусть угольные рабочие образуют заводские советы, которые исследуют в каждом цехе и во всем промысле причины падения производительности и проконтролируют запасы.

Пусть рабочие других важнейших отраслей промышленности проконтролируют через посредство своих заводских советов угольные запасы предприятий и завяжут сношения с советами угольной промышленности. Если не хватает сырья, то пусть рабочие данной отрасли промышленности изберут фабричные советы, которым надо будет рассмотреть не занимаются ли капиталисты саботажем. **Этой зимой всякое бедствие будет поводом для того, чтобы рабочие каждого предприятия об'единялись и выбирали фабричные советы, которые проведут контроль своего предприятия от погреба до чердака, познакомятся по конторским книгам с его положением и выяснят, занимается ли данное предприятие спекуляцией, служит ли капиталистической роскоши, или работает на голодающие массы Германии.** Не абстрактной пропагандой, а выставляя контроль фабричных советов над промышленностью, как цель великой борьбы против увеличивающейся нищеты, мы можем пояснить массам нашу борьбу против надувательского закона правительства о фабричных советах, можем привлечь их к борьбе за революционные фабричные советы. Если нам этой зимой удастся хотя бы только образовать революционные фабричные советы во всех важнейших отраслях промышленности и внедрить их в революционном сознании рабочего класса, то мы сделаем первый крупный шаг в борьбе за власть. Эти фабричные советы будут органами, об'единяющими массу, ее крепостями в каждой фабрике, центрами дальнейшей борьбы, которые будут превращать каждый отдельный конфликт в борьбу за овладение фабрикой. Не саботаж производства, который только возложит на нас ответственность в глазах бессознательной массы за все бедствия, а контроль промышленности через

фабричные советы, которым придется в согласии с интересами общества наблюдать за тем, чтобы интерес капиталистического барыша не парализовал умышленно производительные силы,—вот наш лозунг.

Великой, злободневной задачей коммунистической партии является организация предстоящих крупных битв, их устремление к целям, облегчающим нужду, а вовсе не разложение капиталистического хозяйства без всякой положительной работы. Эта задача требует от партии большой теоретической ясности, т.-е. понимания направления развития,—вместо всяких попыток самовольно поставить ему какую-нибудь предопределенную цель. Партийная оппозиция хочет частью сократить и упростить дорогу (отказ от парламентаризма), частью закончить борьбу искусственным образом (отделившиеся от профсоюзов рабочие унионы вместо борьбы за овладение профсоюзами), частью уклониться от борьбы (революция в надежных предприятиях). Все это—результат теоретической неясности оппозиции, живущей обрывками чужих мыслей: американским синдикализмом (рабочие унионы, как копия Industrial Workers of the World); прудонизмом (победа в предприятиях); анархизмом (принципиальный антипарламентаризм). Эта теоретическая неясность соблазняет часть руководителей оппозиции к готовности непосредственно и совершенно пожертвовать партией. Они говорят: пусть не партия будет представительницей интересов рабочего класса, а скорее революционные фабричные советы. Как будто борьба за революционные фабричные советы возможна без коммунистической партии, которая является носительницей этой борьбы, и как будто, после образования такого рода советов, они могут без коммунистической партии, несомненно собирающей передовые отряды пролетариев во всей стране, оказаться чем-нибудь более ценным, нежели части неодухотворенного тела. Другие вожди оппозиции непосредственно жертвуют партией, предъявляя к ней требования, которые невыполнимы. Кто во время гражданской войны при осадном положении требует от партии, чтобы она принимала все свои решения на демократических основаниях, чтобы партия не состояла из «самодержавных генералов», а только регистрировала волю членов партии, тот практически растворяет партию на ряд местных групп, в которых всякого рода местные божки мелкого калибра, под предлогом выполнения воли местных организаций, смогут льстить своей собственной теоретической неясности и безголовости. Во время гражданской войны осуществление полной демократии точно так же невозможно в партии, как и в государстве. Партийное правление, состоящее из наиболее зрелых и решительных коммунистических элементов, часто должно, в пределах общих коммунистических директив, принимать быстрые решения, определять курс партии, намечать лозунги.

Анархо-синдикалистскую неразбериху надо преодолеть, или же партия разложится на ряд конкурирующих между собою групп, которые будут об'единяться вокруг изобретателей всякого рода патентованных организационных форм и средств борьбы. Если кто-либо из товарищей импортирует из Америки рабочие унионы, то завтра кто-нибудь другой привезет из Индии в качестве новейшего открытия индивидуальный террор, а третий захочет играть теперь в Германии в Красную армию, по-

тому что в России есть Красная армия, которая ведет борьбу. Где покидают демаркационную линию революционной классовой борьбы, там каждый начинает об'езжать своего любимого конька. Анархо-синдикалистскую путаницу и неразбериху надо преодолеть, партия должна об'единить и выравнять свой фронт для предстоящей борьбы. Только тогда она сможет привлечь к себе левое крыло Н. С. П. и сделаться застрельщиком всего революционного пролетариата Германии. Она должна им сделаться, потому что на ней покоится великая ответственность за германскую революцию, за мировую революцию. Она призвана проводить на Западе идеи русской революции. Идеи оппозиции не являются идеями русской революции, как бы бурно они ни проявляли себя. Коммунистическая партия России должна была бы, по моему мнению, очень определенно и энергично отмежеваться от этой окрошки из анархизма и синдикализма. Ибо в этих блужданиях мы, несомненно, имеем дело с блужданием революционных товарищей, неспособных разобраться в направлении развития, и поэтому приписывающих ему самовольные цели, что постоянно будет невыполнимым предприятием.

Я уверен, что после нескольких месяцев блуждания по путям Гамбурго-Американской линии партийный корабль возьмет правильный курс. Но марксизм для того и существует, чтобы помочь нам сделать это немедленно. Партия не является массой «бессознательных коммунистов», которые только под палочными ударами способны набираться ума-разума.

Несмотря на все сделанные ошибки, политика Центрального Комитета представляет в общем и целом именно это сознание целей и путей коммунистической партии. Открыто заявляя об этом, я действую не из чувства товарищества по отношению к инстанции, к которой я отправлен Центральным Комитетом Российской Коммунистической Партии. Когда в январе Ц. К. под руководством незабвенных основателей коммунистической партии в Германии, Розы Люксембург и Карла Либкнехта, вследствие тогдашней организационной слабости партии недостаточно определенно протестовал против вспышкопускательства, я выступил против него. Теперь, напротив, Ц. К.—хоть и без товарищей Люксембург и Либкнехта,—прав в своем отношении к оппозиции. Я считаю своей обязанностью открыто высказать это свое убеждение. Ведь Центральный Комитет Р. К. П. послал меня к вам, будучи уверен в том, что теоретическая ясность, подтвержденная и подтверждаемая борьбой русской революции, позволит мне быть не бесполезным для вас советчиком и что я буду обладать достаточным мужеством для того, чтобы во всякое время открыто высказывать вам мое мнение.

Делая это со всей определенностью, я хочу все-таки подчеркнуть, что всего более мне чуждо желание обострять противоречия в партии. Я знаю, что в оппозиции находятся прекрасные товарищи, и я желал бы, чтобы конференция привела путем дружественного обсуждения к единству в партии, которое позволит ей противопоставить миру окружающих нас врагов единый, сомкнутый фронт. Да буду я избавлен от необходимости сообщить по своем возвращении в Москву русским пролетариям: я имел счастье присутствовать при крестинах коммунистической партии, и

сожалению, она не преодолела еще своих детских болезней. Ее раз'едает внутренняя борьба, она растрачивает силы, блуждая по окольным дорогам. Я надеюсь, что смогу принести героически борющемуся русскому пролетариату в Москву известие о том, что коммунистическая партия Германии идейной борьбой в своих собственных рядах нашла свой революционный путь.

С братским приветом **Карл Радек.**

Член Центрального Комитета Р. К. П.

IX.

Внешняя политика Германского коммунизма и Гамбургский национальный большевизм.

Манифест гамбургской «оппозиции».

Уже во время переговоров о Версальском мире в некоторых буржуазных кругах Германии замечалось известное течение, пропагандировавшее сближение с Советской Россией из национальных соображений. Чтобы иметь возможность оказывать противодействие Антанте, оно готово было продать душу даже чорту—большевикам. Но, так как чорту люди обыкновенно продаются неохотно, то всевозможные представители этого «национального большевизма» старались доказать, что этот Вельзевул вовсе не так плох, что пролетарскую диктатуру можно во всяком случае поддерживать таким манером, чтобы сделать ее приемлемой даже для респектабельных людей. Поскольку это течение не было дипломатической игрой провалившихся политиков, а честными поисками спасения не национальных преимуществ, а немецкой культуры, постольку коммунистическая партия обязана была не относиться к нему с одним только чистым отрицанием. Она была обязана протянуть руку честным элементам, мужественно отказывавшимся от буржуазных преимуществ для спасения национальной культуры, но одновременно заявить им, что коммунизм не является зонтиком, который можно раскрыть во время дождя, чтобы потом снова захлопнуть, ни тем более вашей, температуру которой можно по желанию понижать или повышать. Интеллигенты приходят к коммунизму разнообразными дорогами: через философию, религию, и даже через эстетику. Национальная боль тоже может явиться дорогой к коммунизму. Но сам коммунизм представляет собою цель борющегося за свое освобождение рабочего класса, и у него есть его собственные законы и необходимости развития. Если рабочий класс не имеет никаких оснований отвергать людей, приходящих к нему по различным мотивам из буржуазного лагеря, то он все-таки обязан не подчинять их предрассудкам и частным целям этих элементов, а заставлять приходящих к нему либо усвоить себе сокровеннейшую сущность коммунизма, либо не входить в партию. С национальным большевизмом коммунистическая партия может в будущем иметь при известных условиях практические пункты политического соприкосновения. Так, например, он может облегчить национально настроенным, честным офицерам в Германии дорогу к добровольной честной службе в германской Красной армии. Но для национальных большевиков **нет места в большевистской партии**, еще менее может она залушевать свою пролетарскую, интернациональную

точку зрения, чтобы заняться национал-большевистской ловлей простачков. Точно так же не может она терпеть в своих рядах направление, которое под маской коммунистического радикализма превращает коммунистическую внешнюю политику в националистическую. Источником этого течения неожиданным образом оказывается гамбургская оппозиция. Ее вожаки **Вольфгейм** и **Лауфенберг** опубликовывают обращение к рабочему классу Германии, в котором защищают **националистическую внешнюю политику как в смысле целей, так и в отношении методов.**

Как бы незначительна ни была эта группа, ее манифест все-таки необходимо обсудить, потому что он дает возможность установить различие между коммунистической и националистической мировой политикой и очень хорошо разоблачает мелкобуржуазность гамбургского направления. В таком глубоком перевороте, как тот, который мы теперь переживаем, социальные группы и слои часто меняют свое положение в зависимости от хода событий. Не исключена возможность, что некоторые, пролетаризированные исходом войны, части интеллигенции, офицерства, мелкой буржуазии будут развиваться в направлении пока еще слабого национального большевизма. Очень может быть, что и вожаках так называемой гамбургской оппозиции мы имеем дело с направлением, в котором синдикалистская шумиха играет совершенно незначительную роль, а главное значение имеет национальный большевизм. В начале революции никогда нельзя знать, наблюдая индивидуальные выходки отдельных интеллигентов, имеешь ли дело с **персональной путаницей**, или же с началами нового партийного образования. По отношению к такого рода эмбриональным явлениям задача партии, стоящей на твердой почве, заключается в том, чтобы **явственно отграничить эту почву от новых течения.** Вот почему настоящее исследование имело бы значение даже в том случае, если бы Лауфенберг и Вольфгейм завтра же отказались от национального большевизма для того, чтобы заниматься—ну, скажем: буддистской пропагандой. Дело идет не о них лично, а о том политическом направлении, которое в них манифестируется.

УРОКИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Для нас, коммунистов, дело идет теперь не о том, чтобы влиять на внешнюю политику капиталистических держав, как перед войной, когда мы приступали к обсуждению вопросов внешней политики. Существование Российской Советской Республики ставит перед нами вопрос о внешней политике пролетарского государства, и этот вопрос играет очень большую роль при обсуждении условий победы пролетариата в Германии и других государствах Европы. Какое положение займут пролетарские государства посреди капиталистической государственной системы, спрашиваем мы, исходя из той предпосылки, что пролетариат победит не сразу и не одновременно во всех государствах.

С тех пор, как международные сношения настолько развиты, что положение одного государства влияет на все остальные, каждая революция

приобретает интернациональное значение и имеет интернациональны последствия. И перед буржуазными революциями, побеждавшими при феодальной государственной системе в одной стране за другой, вста вал вопрос о том, какую усвоить себе позицию в своем качестве новообразований по отношению к окружающему их феодальному ми ру. Так было с английской революцией XVII, с французской—XVIII столетия, так было с революцией 1848 г. Так как английская ре волюция представляла собою процесс развития до тех пор отсталого английского капитала к меркантильному империализму, то она при вела к войне с республикой Голландии, являвшейся тогда наиболее мощной в экономическом отношении державой, и с абсолютистской Францией, переходившей при Кольбере к меркантилизму. Французская революция имела против себя коалицию капиталистической Англии и феодальной срединной и восточной Европы. В то время, как для Англии войны против Франции были в первую очередь войнами ради окончательного разгрома колониального и торгово-эксплятиче ского врага, для немецких государств они являлись войнами про тив буржуазной революции. Революции 1848 года были сломлены в равной мере штыками русского царизма и золотом капиталисти ческой Англии. Таким образом, уже период буржуазных революций показывает, что реакции, следовавшие за каждой буржуазной рево люцией, **сводятся к разнообразным социал-политическим моментам,** а не только к противоречию общественно-политической структуры воюющих между собою в результате революции государств. Не толь ко буржуазная революция и феодальная реакция стояли друг против друга,—это противоречие часто скрещивалось с борьбою капиталисти ческих стран между собою.

Пролетарские государства, возникающие теперь, не могут всту пать в противоречие друг с другом: их интересы солидарны. К счастью, они могут покамест рассчитывать на борьбу между ка питалистическими государствами, которая, несомненно, облегчит их возникновение.

Русская революция, первенец мирового переворота, ускоренного мировой войной, стояла в первый же год своего бытия между дву мя враждебными капиталистическими лагерями, которым взаимные противоречия, вытекавшие из их одинаковой империалистической сущности, мешали сделать антагонизм к русской пролетарской рево люции **единственным** определяющим фактором своей политики. Не обыкновенно интересно и забавно следить по мемуарам Людендорфа, Гельферихa, Чернина, как правители центральных держав постоян но колебались в своем отношении к русской революции между боязнью ее международно-пролетарского характера и желанием заключить мир на Востоке. Но так как и с прекращением— война не исчезла, а только продолжается другими средствами, то да же и теперь еще Антанта не в состоянии сделать свое желание уничтожить пролетарскую революцию единственной путеводной звез дой своей политики по отношению к России. Вопрос о том, какое

положение займет контр-революционная Россия по отношению к Японии или Германии, начинает все больше беспокоить американский и английский империализм, и возможно, что такого рода соображения в гораздо большей степени влияют на политику этих обоих, самых значительных империалистических государств, чем нам это в действительности известно.

Всеми этими обстоятельствами уже об'ясняется (есть тут еще и другие моменты, о которых речь впереди) почему внешняя политика Российской Советской Республики никоим образом не являет того однообразного характера, которого ожидали от нее революционные схематики. В противоположность стремлениям социал-патриотов и центровиков к «демократическому миру на основах соглашения», большевики, совместно с партиями Циммервальдской левой, постоянно указывали на то, что мир без эксплоатации и порабощения народов станет возможным только тогда, когда народы сами освободят себя от капиталистического ярма, т.-е. **после мировой революции.** Путь к всеобщему миру,—говорили они,—ведет через революцию в каждой капиталистической стране. Когда социал-патриоты вопрошали: что нам делать, если революция победит в одной стране, тогда как в других у руля будут еще стоять империалисты и продолжать войну?—большевики отвечали: тогда пролетарское правительство должно все сделать для того, чтобы опубликованием тайных договоров и т. п. укреплять движение в пользу мира в других странах. Оно должно будет попытаться заключить с противниками честный мир и, если это не удастся, **организовать революционную самозащиту.**

В марте 1917 г. царизм пал, победила революция в России. Но власть попала на первых порах не в руки рабочего класса, а представителей передовых помещиков (князь Львов), промышленного и банковского капитала (Гучков, кадеты) и мелкой буржуазии (социалисты-революционеры и меньшевики). Связанные с капиталом Антанты, они не опубликовали разбойничьих договоров империализма, не вели борьбы за мир, а, напротив, организовали по приказу Антанты новое наступление. Армия, утомленная войной, все неохотнее продолжала воевать после того, как революция убила ее веру в цели войны, и стремилась как можно скорее разойтись по домам для того, чтобы отнять у помещиков землю, обещанную ей «революционным» правительством. Миллионы солдат дезертировали, остальные неохотно сидели в окопах. Когда правительство Керенского пало, потому что оттолкнуло от себя один слой народа за другим, тогда Россия держала, правда, под ружьем миллионы людей, но не имела армии. Транспорт был совершенно разрушен, продовольствие городов и армии окончательно дезорганизовано. Что было делать большевикам?

Опубликованием тайных договоров, агитацией, они стремились поддержать движение в пользу мира во всех воюющих странах, они пригласили все правительства приступить к мирным переговорам,

Когда правительства Антанты отказались принять участие в мирных переговорах и Советское правительство встретилось один на один с представителями германского империализма за зеленым сукном в Брест-Литовске, тогда оно могло бы добиться лучших условий мира, если бы согласилось помочь германскому империализму выдать его разбойничий мир за «мир на основах соглашения». Но, сознавая свои международные обязанности, оно **сорвало маску** с германских империалистов и прервало мирные переговоры, когда обнаружило их подлинную природу, во-первых, чтобы еще раз воздействовать на рабочий класс, во-вторых, для того, чтобы заставить германский империализм,—если германские рабочие не смогут его сдержать,—открыто приставить револьвер к груди, ибо оно могло подписать этот разбойничий мир только под прямым давлением германского наступления. То, **что по положению в России революционная самозащита была невозможна,** признавали все. Та часть большевиков, которая боролась против подписания Брестского мира, предлагала сдать страну до Волги и обосноваться на Урале, как базе предстоящей войны, когда германский империализм ослабит себя, сражаясь с рабочими и крестьянскими массами России, когда он истечет кровью на западном театре войны. Большинство партии во главе с Лениным возражало на это, что необходимо выиграть время, чтобы твердой ногой укрепиться в массах центральной России, превратить пролетарскую революцию из схемы в действительность: путем советского строительства и экспроприаций. Уступки, которые необходимо было сделать германскому империализму, не позволяли приступить к длительному социалистическому строительству, но, ведь, пока что война продолжалась. Германия, говорили они, все больше истощается, тогда как Советская власть будет все больше крепнуть и приобретет возможность в том случае, если в Германии не победит революция, принять бой в более благоприятную минуту. Точка зрения Ленина одержала победу. И история показала, что он был прав. В несколько месяцев удалось образовать первые корпусы новой, Красной армии, которые оказывали сопротивление чехо-словацким наемникам Антанты, когда они попытались с востока «покарать» Россию за заключение мира. Через восемь месяцев после Брестского мира германский империализм лежал разгромленный на земле. Советская власть глубоко укоренилась в народе,— и когда Антанта, чтобы поразить своего последнего врага, начала образовывать с помощью своих денег и подвоза своего снаряжения армии из контр-революционеров всех национальностей, населяющих Россию, Советская Россия была уже в состоянии вести революционную оборонительную войну. Теперь на всех фронтах России сражается Красная армия в 1½ миллиона человек против контр-революционных войск эстонцев, литовцев, поляков, украинцев, против Юденича, Деникина, Колчака.

Но вместе с тем советское правительство не пропускает ни одного дня без того, чтобы не попытаться притти к какому-нибудь миру с Антантой и ее бандитами. Для этой цели оно готово на все жертвы. Оно готово даже признать военные долги царизма, — а безмозглые «левые» социалисты-революционеры клеймят его за это предателем. Больше того: его «оппортунизм» доходит до того, что оно готово пре-

доставить союзникам на известных условиях концессии в России — для того только, чтобы получить мир.

Делает ли оно это из пацифизма? Оно признает революционную войну и организует ее! Делает ли оно это из оппортунизма? Оппортунизм, как метод рабочего движения, означает стремление подготовить путем компромиссов с буржуазией медленное развитие к социализму, без свержения буржуазного господства,—Советское правительство, напротив, возникло в процессе свержения буржуазного господства, оно экспроприировало буржуазию и защищает рабочую диктатуру всеми средствами. Но одно дело оппортунизм, а другое дело — считаться с фактами. А решающие факты, с которыми должна считаться внешняя политика Советской России, заключаются в следующем: во-первых, революция в Америке и Западной Европе развивается медленно, пройдут десятилетия, пока она окончательно победит. Она не во всех странах победит одновременно. Социалистическое государство долго еще будет существовать рядом с капиталистическими. Война иссушает народы, которые ведут ее. Она требует, чтобы все экономические силы, которые в противном случае служили бы социалистическому строительству, улучшению положения народных масс, непроизводительно расстреливались на воздух. Отсюда результат: проблема внешней политики Советской России, а также всех остальных стран, в которых победит рабочий класс, если только мировая революция не будет развиваться гораздо быстрее, чем до сих пор, заключается в том, чтобы притти к какому-нибудь modus vivendi (способу сожительства) с капиталистическими государствами, который мог бы снять с пролетарских государств, даже ценою очень тяжелых жертв, бремя войны и освободил бы их от опасностей блокады.

Но является ли это иллюзией? Могут ли капиталистические и пролетарские государства жить в мире и заниматься товарообменом? Если бы все совершалось по воле и желанию капиталистических государств, то они задушили бы и задавили бы каждое пролетарское государство, как они это сделали с советской Венгрией, территория которой была слишком мала, военные силы слишком незначительны, чтобы она могла продержаться самостоятельно. Но с Советской Россией это было не так просто. Франция послала собственные войска на юг России. Возмущение этих войск в Одессе заставило французское правительство отозвать их. Англия имела собственные войска на севере, подле Архангельска. Протест английских рабочих заставил английское правительство отозвать эти войска из Архангельска. Антанта финансировала русских контр-революционеров, снабжала деньгами и снаряжением контр-революционерам в окраинных государствах. Одна только Англия выбросила на это миллиард фунтов стерлингов. Это не может продолжаться без конца, принимая во внимание все более катастрофическое положение финансов Антанты. Чем сильнее будет без сомнения увеличивающееся, рабочее движение в странах Антанты, тем скорее должна будет буржуазия отказаться от подобной политики, если захочет избежать катастрофы. К этому присоединяется еще то, что с заключением мира спадает националистическое настроение народных масс. Становится все более

трудным натравливать рабочих против рабочих. И, наконец, если, например, Советская Россия нуждается в промышленных товарах Антанты, то эта последняя в свою очередь испытывает нужду в ее сырье и хотела бы сохранить для себя этот рынок. Так, боязнь завоевания русского рынка германским капиталом, нового укрепления этого противника, благодаря завладению русским рынком, играет большую роль в политике английского и американского торгового капитала. В этом отношении характерно то, что «Manchester Guardian» и «Daily News», представляющие английский торговый мир, являются вместе с тем представителями мирной политики по отношению к России.

Возможность мира между капиталистическими и пролетарскими государствами не является утопией. Подобно тому, как столетиями рядом друг с другом существовали феодальные и капиталистические государства, обстоятельства заставят государства, оставшиеся еще капиталистическими, усвоить себе мирную политику по отношению к странам, ставшим уже социалистическими. Это будет еще в меньшей степени «вечным миром», чем те отношения, которые до сих пор существовали между капиталистическими государствами, ибо каждое пролетарское государство является самым фактом своего существования постоянным подстрекателем к революции для пролетариев еще капиталистических стран. Если капиталистические правительства будут в состоянии сломить пролетарским государствам голову, то они во всякую минуту охотно сделают это. Что они будут упорно пытаться создавать пролетарским государствам затруднения, не подлежит ни малейшему сомнению. Каждому пролетарскому государству придется, вплоть до окончательной победы мировой революции, быть озабоченным сохранением боеспособности пролетариата, оно, может быть, неоднократно принуждено будет браться за оружие. Но война явится и для него ultima ratio (последним поводом), и оно должно будет стараться достигать своих целей в отношении капиталистических государств мирными средствами. Это потребует жертв. Уступки, которые пролетарское государство вынуждено будет делать капиталистическим, могут во многом мешать проведению его коммунистической программы. Но война мешает ему в еще большей степени, и до тех пор, пока мировая революция не победила в главнейших капиталистических странах, коммунизм не может быть безупречно проведен на изолированных оазисах.

Вот уроки, напрашивающиеся всякому мыслящему коммунисту из двухлетнего существования Советской республики. Они показывают, что положение пролетарского государства вовсе не таково, чтобы оно зависело исключительно от немедленной победы мировой революции или ее крушения. В нем заключаются возможности мира с капиталистическими государствами, которых, разумеется, прежде всего нужно суровой борьбой убедить в том, что пролетарское государство не легко одолеть. Советская Россия находится еще в стадии такого рода борьбы. Но уже есть признаки того, что ей будет дана новая передышка. Передышка 1918 г. выпала на долю Советской России благодаря столкновению обоих империалистических лагерей между собою. Теперь возникает возможность новой передышки, в равной мере как благодаря увеличившейся мощи Совет-

ской России, так и вследствии наличности дальнейших империалистических противоречий и, наконец, в виду начинающегося конечного столкновения между пролетариатом и буржуазией в стане вчерашних врагов. Пользуясь всеми этими противоречиями, политика советского правительства является точно таким же примером для вновь образующихся пролетарских государств, как она во всех остальных областях указывает им пути будущей государственной политики пролетариата. Коммунист, который захотел бы до конца продумать проблемы внешней политики, как они представляются, например, германскому пролетариату в случае его победы, не смеет пройти мимо уроков русской Советской республики. А именно этим последним в полной мере грешат наши гамбургские национальные большевики, как мы сейчас увидим.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНСКОЙ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ И РЕВОЛЮЦИИ.

Свою брошюру: «Между первой и второй революцией», которая, по-видимому, должна быть не агитационной речью, а историческим исследованием, Лауфенберг начинает с главы о «Задачах ноябрьской революции». Он выдает ей свидетельство в том, что она не выполнила поставленных ей им задач. Покойная ноябрьская революция могла бы ответить Лауфенбергу: Почтеннейший историк, как может быть ученый человек до такой степени глупым! Я была только формой крушения германского империализма, а не под'ема германского пролетариата. Падающая буржуазия не может, разумеется, разрешить задачи, встающие перед подымающимся пролетариатом.

Но и не говоря уже об этих причудах школьного учителя, его изложение кишит замечаниями, которые прямо-таки бьют по лицу фактическую действительность. Если Лауфенберг утверждает, что в ноябре Германия могла еще обороняться, могла быстро «образовать Красную армию с революционным офицерством во главе», которая «сделала бы войска страшным противником для Антанты», если он утверждает далее, что социальная революция немедленно сделала бы массы в Бельгии и во Франции пламенными друзьями Германии, то все это представляет собою либо определенную неправду (оценка военного положения Германии), либо фантастические иллюзии, являющиеся исходным пунктом фантастической политики, которую Лауфенберг хотел бы в будущем навязать германской коммунистической партии. Дело идет для него вовсе не о том, чтобы понять причины внешней политики германской контр-революции. Такие вещи интересуют марксиста, сознающего, что революционная политика коммунизма должна исходить из фактов. Мелкобуржуазный националист Лауфенберг проходит мимо фактов или попросту фантастически выкраивает их, ибо ему важна не революционная политика, а национальная шумиха, националистическое обличение. Что Германия в ноябре прошлого года не могла продолжать борьбы, это признает ныне не только каждый, кто следит видящим оком и мыслящей головой за событиями и за связанной с ними военной литературой, это знал и в ноябре прошлого года всякий, кто видел, как зрийя и ра-

бочие массы охвачены одной только мыслью: мыслью о мире. Наши русские товарищи, которые находились, ведь, дальше от Германии, чем Лауфенберг, не питали в ноябре прошлого года ни малейших иллюзий относительно возможности дальнейшего продолжения войны Германией. Если «Фоссова Газета» и «Форвертс» утверждают, что Лауфенберг только продолжает ту политику, которую товарищ Радек защищал на учредительном с'езде Коммунистической партии в декабре прошлого года, призывая германских пролетариев к войне против Антанты, то это—сознательная ложь контр-революционной прессы. Перед нами стенограмма речи Радека, снабженная написанным в январе предисловием, и она ясно показывает, что русским товарищам даже и во сне не снилось предлагать столь фантастическую политику [1]). Они требовали не войны с Антантой, а такого рода политики, которую могло бы принять даже буржуазное правительство, если бы оно не захотело длительно отдать Германию на милость и немилость Антанты. Они настаивали на обеспечении сообщения с Россией при посредстве передачи власти в областях, очищенных тогда Германией, рабочим советам, так как было ясно, что белогвардейцы, вооруженные немецкими генералами, станут на сторону Антанты и образуют разделительный вал между Германией и Россией. Если бы сообщение между обоими странами осталось открытым, если бы они поддерживали друг друга в экономическом отношении, то это укрепило бы положение немецкого правительства при мирных переговорах и дало бы нам возможность в случае возникновения революционных движений в странах Антанты, оказывать сопротивление этому душительному миру. Но даже если бы это и оказалось невозможным немедленно, то была бы создана возможность такого рода сопротивления в будущем. Правительство народных уполномоченных, из социалистов большинства точно так же, как и из независимых, оказалось неспособным к подобной политике, которая была приемлема для всякой буржуазной, более или менее дальновидной партии: социалисты большинства из страха перед всяким соприкосновением с Советской Россией, независимые, деморализованные верой в Вильсона, с головой выдали Германию на милость победителя. Они надеялись, что полным отказом от какой бы то ни было возможности обороны в будущем, или даже за помощь при постройке вала между русской и германской революцией, им удастся получить более выгодные условия мира. В Версале они в такой мере были вознаграждены за свою политику, что небо показалось им с овчинку. **Версальский мир делает для Германии в равной мере невозможным как собственное капиталистическое, так и собственное социалистическое хозяйство.** Он отдает Антанте в заклад большую часть производительных сил Германии, делает германские народные массы рабами капитала Антанты.

Ясно, что коммунистическая партия не могла взять на себя ответственность за этот мир. Но так же мало она могла взять на себя ответственность за войну под руководством германской контр-революции, так как это была бы только война для защиты германского капитала.

---

[1]) См. в настоящем сборнике статью «Русская и германская революция и мировое положение», стр. 63.

Однако, в своих тезисах о мире (июнь), являющихся образцом сознательной революционной мысли, Центральный Комитет остерегся взять на себя обязательство при всех обстоятельствах начать войну против Антанты в случае посылы рабочего класса. Показав, в какой мере победа германского пролетариата укрепит положение пролетарского правительства по отношению к Антанте и откроет возможности лучших условий мира, Ц. К. заявлял в своих тезисах:

«Для Советской республики как принятие, так равно и отклонение пред'явленных ей мирных условий будут иметь совершенно различные последствия. Решение вопроса о принятии или отклонении мирных условий зависит для Советского правительства от конкретной ситуации, в которой ему пришлось бы заключать мир или отвергать его».

Так тонкий революционный и реалистический ответ Ц. К. даже в такую минуту, когда на захват власти вовсе не приходилось рассчитывать, с революционной добросовестностью остерегавшегося подписывать векселя, которые он, может быть, не был в состоянии оплатить. Иначе поступают гамбургские дематоги. Во имя коммунизма они проклинают войну и Антанту, прорыв через Прибалтику и Польшу, соединение с Сов. Россией, как вопросы непосредственного и немедленного захвата власти германским рабочим классом, и заявляют, что они «одним взмахом» сбросят версальское иго голода и нищеты. Национализм всегда ведет к шовинизму. Его репрезентанты-горлодеры Лауфенберг и Вольфгейм хотят «поразить» Антанту об'явлением войны, вот почему они теперь уже об'являют эту поразительную войну. До какой степени бессовестны эти обещания, лучше всего видно, если обратить внимание на Францию, с которой Советской Германии пришлось бы иметь дело в первую очередь. Революционное движение в этой стране пока слабее, чем в Англии, хотя во Франции революционная печать распространеннее, а контингенты, говорят гораздо более левым языком, чем представители «Labour Party» в парламенте и гораздо мужественнее, чем эти последние, защищают русскую революцию. Опыт 12 июля показал, насколько слабым себя еще чувствует французский рабочий класс. Это связано с его сравнительно незначительной ролью в экономической жизни Франции (большее значение сельского хозяйства, меньшая концентрация производства), с разрушением промышленного Севера, с большими потерями рабочего класса и т. д. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что надежды французских народных масс на военную контрибуцию со стороны Германии, на ее сотрудничество в восстановлении северной Франции, успокаивают их тем приятным сознанием, что «Германия за все заплатит». Еще не стала ненависть к Германии, являющейся в глазах широких народных масс Франции, единственным виновником войны. При таких условиях об'явление Францией войны, наступление на Польшу было бы для французских народных масс доказательством того, что проклампирование Советской республики в Германии означает нечто иное, как комедию, придуманную с целью перегрузки невероятных тягот войны на плечи французских народных масс. А это, разумеется, погнало бы их прямехонько в об'ятия националистов. Если гамбургские иллюзионисты ду-

мают, что встретят на Рейне только белогвардейские французские банды, то им придется испытать жестокое разочарование.

Если рабочий класс Германии захватит власть прежде, чем рабочая революция во Франции и Польше—пусть не победит, но будет близка к победе, то внешняя политика германского рабочего правительства должна будет направиться не на войну, не на срыв, а на медленный подрыв Версальского мира. Она должна будет, прежде всего, признать все обязательства по восстановлению северной Франции и обязаться по возможности выполнить все остальные условия мирного договора, при чем главная задача революционной дипломатии Германии будет заключаться в том, чтобы практически показать французским народным массам, какие именно условия версальского договора невыполнимы. Ликвидация сможет происходить только шаг за шагом, по мере того, как будет подыматься революционная волна в Польше и во Франции, укрепляться Советская республика в России, с тем, чтобы эта последняя, оказывая при случае давление на националистическую Польшу, не позволила ей играть по отношению к Германии роль французской цепной собаки. Задачей внешней политики германского Советского правительства,—если оно возникнет раньше, чем французское,—будет заключаться в том, чтобы выиграть время для укрепления Советского строя в Германии, разгрома буржуазии, приобретения доверия пролетарской заграницы. Эта политика будет тем более необходимой, что, в противоположность России, германское советское правительство не будет иметь площади для отходных маневров, ибо без союза с польским рабочим классом оно окажется лишенным угля и снаряжения, в случае оккупации французами Рурской области.

Большую роль в этой сознательно кунктаторской (медлительной) внешней политике немецкой Советской республики будет играть то обстоятельство, что до тех пор, пока не начнет исчезать барьер между Советской Россией и Советской Германией и не удастся восстановить русский транспорт с помощью немецких рабочих и обеспечить, таким образом, довольствие Советской России и Советской Германии, обе страны живейшим образом заинтересованы в том, чтобы завязать торговые сношения с англосаксонскими государствами, но вовсе не в том, чтобы пресекать их «поразительными» об'явлениями войны. Кто не обращает внимания на все это, тот ведет не революционную внешнюю политику, а трактирную политику, соответствующую либо революционному, либо националистическому нетерпению, либо тому и другому вместе. Надо, впрочем, прибавить, что неуменье выжидать, вообще, принадлежит к самым характерным чертам мелкобуржуазной политики.

Что при этом для Лауфенбергов и Вольфгеймов дело идет именно о националистической политике, видно из их собственных слов: «В первую очередь важно не то, хотим ли мы коммунистической организации хозяйства и какая часть народа в ней непосредственно заинтересована, а важно то, что весь народ в целом должен получить ее, чтобы не погибнуть, как народ, как целое». Интересы целого, т.-е. нации, являются источником политики Лауфенберга и Вольфгейма, и они определяют цель этой политики так: «Изыскать в пределах народ.

ного целого пути для того, чтобы гарантировать всему народу возможно лучшее существование». Если германская коммунистическая партия придерживалась до сих пор того мнения, что она существует именно потому, что нет «народа, как целого», а есть расщепленное войной капиталистическое общество, ведущее путем борьбы одной части общества против другой к преодолению капитализма, к образованию коммунистического народного целого, то Лауфенберг и Вольфгейм исходят из предпосылки **национальной солидарности и приходят к естественной солидарности в войне против Антанты, т.-е. к национальному большевизму.**

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ МИР.

Для контр-революционной, националистической политики характерно то, что она исходит из так называемого примата внешней политики, т.-е. из точки зрения, формулированной Ранке, по которой задачи внешней политики определяют политику внутреннюю. Контр-революционность этого учения заключается в том, что задачи внутренней политики гораздо легче вывести, а в сущности софистицировать на основании внешней политики, потому что народ гораздо легче уговорить в том, что все классы общества имеют одинаково общие интересы по отношению к иностранным государствам и из этой мнимой общности иностранных интересов вытекает как-будто и общность внутри-политической заинтересованности. Маркс и Энгельс показали, что отношение к иностранным государствам зависит, наоборот, от внутренних классовых взаимоотношений наций, что внешние задачи вырастают из внутренних, а затем, в свою очередь, разумеется, влияют на эти последние. Если уже, стало быть, необходимо устанавливать какой-нибудь примат, то для нас, марксистов, существует примат внутреннего положения. Конкретно говоря: тождественны ли интересы всех классов германской нации по отношению к Антанте? Это утверждение бессмысленно. В то время, как пролетариат намерен совершенно экспроприировать германскую буржуазию и юнкеров, Антанта хотела бы отнять только часть их имущества и сохранить их, как сторожевых псов капиталистической эксплоатации в Германии. С помощью всякого рода темных делишек с заграничными капиталистами, немцы по большей части могут спасти свои капиталы и продолжать свои предприятия под чужими фирмами. Вот почему крупный капитал недолго кричал по поводу предателей, и недолго продержалось его национальное возмущение, вот почему до сих пор совершенно изолированы честные националисты, как Эльцбахер, которые из негодования на Версальский мир проповедуют сближение с Советской Россией, так называемый национальный большевизм. **Германская буржуазия, несомненно, даже открытую оккупацию Германии Антантой предпочла бы диктатуре Советов. Из этого следует, что рабочий класс Германии ни в коем случае не может рассчитывать на германскую буржуазию в своей борьбе против капитала Антанты.**

Если германский рабочий класс победит и приступит к социализации производства, то ему на каждом шагу придется сталкиваться с

тем, что германская буржуазия станет прятаться за спиною капиталистов Антанты, чтобы спастись от ударов германского пролетарского правительства. Если бы германский пролетариат оказался вынужденным вести войну против Антанты, то он имел бы против себя на стороне правительств Антанты буржуазию, юнкеров и большинство офицерства.

Война, которая сама по себе потребовала бы уже обострения диктаторских мероприятий, ибо обнищавшая страна не могла бы вести ее, не отбирая у имущих последней пары сапог для армии, окончательно привела бы, благодаря предательскому поведению буржуазии, к полному уничтожению этого класса. Об этом говорит простой анализ классовых соотношений.

Лауфенберг и Вольфгейм, наперед прокламирующие войну, выводят из нее, как доминирующей внешней задачи, необходимость соответствующей внутренней политики: гражданского мира. «Именно в ту минуту, когда дело идет о том, чтобы возобновить войну против чужеземцев, как раз господствующий класс, рабочий класс главным образом, заинтересован во внутреннем мире. И при условии, что буржуазия без оговорок признает захват власти, проведенный пролетариатом, **пролетарская диктатура была бы не меньше заинтересована в возобновлении революционного гражданского мира на время внешней войны, чем при противоположных условиях покойный Вильгельм II**»,—говорится в гамбургском манифесто. Выходит, стало быть, что буржуазия должна примириться с диктатурой пролетариата для того, чтобы он мог спокойно вести войну против мирового капитала! Не безумно ли это? Да, но в этом безумии есть система. **Ибо как представляют себе Лауфенберг и Вольфгейм пролетарскую диктатуру?** Какие классы должны осуществлять ее? Ее должны осуществлять классовые организации, «в которые оно (советское правительство) включит не только те части народа, которые до сих пор обыкновенно называли рабочими, но и всех вообще трудящихся, независимо от того, к какой общественной сфере они принадлежали до сих пор». Что это значит? Быть может, гамбургцы имеют при этом в виду только умственных рабочих? Нет! Они имеют в виду **все крестьянство**, «независимо от позднейшего урегулирования сельских имущественных отношений», **стало быть, и зажиточное крестьянство.** Манифест предоставляет отдельным членам буржуазии свободно «примкнуть к пролетарским классовым организациям», другими словами, буржуазия может при пролетарской диктатуре проделывать ту же самую комедию, что и в ноябре, когда «она стала на почву фактов» и делала, что хотела. Коротко говоря, **чтобы вести войну, Лауфенберг стремится, под покровом пролетарской диктатуры, к компромиссу с обанкротившейся буржуазией, подобно тому, как граф Карольи предлагал то же самое венгерскому пролетариату от имени буржуазии.**

Круг гамбургских мыслей замыкается, несмотря на всю путаницу, без изъяна: от воплей по поводу якобинской диктатуры коммунистической партии, т.-е. от воплей по поводу пролетарской диктатуры, через расхваливание всеобщей революционной организации (сапоги в смятку)—к открытой пропаганде гражданского мира при мнимо-проле-

тарской, **в действительности же состоящей под контролем буржуазии псевдодиктатуре!** И все это в интересах **национальной** войны. Германский народ ныне пролетаризирован во всех своих слоях,—заявляет Лауфенберг,—пролетарским организациям нет надобности исключать кого бы то ни было. Если пропаганда Лауфенберга будет иметь успех, то мы **находимся накануне образования мелко-буржуазно-националистически-революционной партии, которая в своем развитии от персональной путаницы двух литераторов к партии точно так же откажется от синдикализма, как она уже давно отказалась от коммунизма.**

Кто еще сомневался в том, что Лауфенберг и Вольфгейм не являются попутчиками для германских коммунистов, тому мы рекомендуем познакомиться с их брошюрой, в которой они окончательно порывают с коммунистической партией.

Какой путь придется избрать германскому пролетариату в борьбе против капитала Антанты в день после победы и установления пролетарской диктатуры,—этого нельзя сейчас предвидеть. Это будет зависеть от конкретного мирового положения, которое теперь изменяется быстрее, чем когда бы то ни было. **Но одно не подлежит сомнению: он будет бороться совместно с пролетариями всех стран, а не с германской буржуазией.**

Декабрь 1919 г.

(„Интернационал", научный орган К. П. Г.)

X.

Диктатура рабочего класса в коммунистической партии.

ДОЛОЙ КУМИРЫ

Когда гамбургские пророки раскола, выставившие незадолго перед общегосударственной конференцией лозунг «Долой этих мародеров революции (т.-е. Центральный Комитет партии) из рядов коммунистической партии» («Коммунистише Арбейтер-Цейтунг» от 16 октября 1919 года), когда эти суровые пророки раскола, выброшенные оттуда грубой рукой, очутились вне зала партийной конференции,—они стали искать знамени, на коем можно было бы написать: «Сим победиши». Это не мог быть принципиальный антипарламентаризм, коль скоро в данном положении и Ц. К. ничуть не будет отстаивать участия в выборах; к тому же в данный момент этот вопрос вообще не злободневен. Рабочие союзы, как лозунг в большей части государства — между прочим в Берлине,— совершенно неизвестны. Итак, в качестве девиза для знамен пророка, в качестве лозунга, объединяющего всю оппозицию, в качестве нового «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»,—остался лишь боевой клич: «Долой кумиры!».

Если это не будет иметь успеха, то тогда Лауфенберг Вольфгейм и т. д. вообще ничего не стоят.

Однако крик: «Долой кумиры», имеет также свое но. Ибо кто поручится, что завтра этот клич не будет изрыгаем против Лауфенберга и Вольфгейма; ведь Лауфенберг уже однажды лицезрел массы, собравшиеся под лозунгом «Долой кумиры», подстрекаемые правыми социалистами против него, тогда председателя Гамбургского Совета Р. и С. Депутатов. Ну, есть рецепт также против этого. Покойный русский поэт Алексей Толстой сказал: «Есть мужик и мужик. Если он не пропьет урожаю, я того мужика уважаю». И вот, есть вожди и вожди. Есть вожди, провозглашающие упразднение института вождей— и те хороши. Но есть также вожди, которые подобное упразднение — на словах — института вождей называют демагогией, которые открыто говорят рабочему классу, что до тех пор, пока капитализм насильственно держит народные массы вдали от источников образования, убивая этим самодеятельность в одной их части,—самые энергичные, самые просвещенные пролетарии должны объединяться в партию, что в этой партии, опять-таки, самые энергичные, самые просвещенные больше творят, больше служат общему делу и посему признаются вождями, и вот эти товарищи, открыто называющие вещь по имени и не льстящие массе,—они, по терминологии гамбургских пророков, плохие вожди.

Крик демагогов можно бы свести на-нет указанием, что **они ведь сами**, когда их исключили из конференции, **сейчас же собрались, чтобы, не запрашивая свои организации, подготовить образование нового Ц. К.** (См. воззвание «Комм. Арб.-Цейт.» от 25 октября), **что они в тайном собрании сами себя произвели в вождей еще не существующей партии.** Но мы хотим не только сорвать личину с демагогов, но поставить несомненно важный вопрос **об отношении партии к рабочему классу в пролетарской революции и организации советов, а равно об отношении вождей к партии в этом периоде борьбы.**

МАССЫ И ВОПРОС О ВОЖДЯХ ДО ВОЙНЫ.

До революции вопрос об отношении вождей к массам играл большую роль в возникновении **лево-радикального направления,** из которого впоследствии народилась коммунистическая партия, и как раз воспоминание об этих разногласиях дает, даже в дисциплинированных рабочих кругах, благодарную почву для демагогической болтовни о **движении вождей.** Как ставили этот вопрос лучшие умы лево-радикального направления? Тогда как реформисты говорили массам, что социализм осуществляется-де **мирным** путем посредством медленного, но победоносного прогресса пролетарских организаций—врастания в социализм,— **революционные** марксисты заявляли: «Нет, социализм может быть осуществлен лишь в результате периода революционных схваток, когда он выйдет победителем над капитализмом». Из различий между этой идеологией реформистского и революционного флангов социализма вытекают различия в оценке роли массы и вождей. Для тех, кто видел путь к победе в мирных переговорах рабочих организаций (партия и профессиональный союз) с капитализмом, вожди играли решающую роль **Тарифные переговоры** профессиональных союзов велись не массой, а вождями. **Парламентская борьба** была руководима не массой, а вождями. Массам следовало бы спокойно стоять на заднем плане и ожидать в достодолжном порядке, не окажется ли для укрепления позиции вождей необходимым по их зову перейти к действию, и опять-таки вождям предоставлялось решить, когда массам надо отойти в сторону. Напротив того, мы, левые радикалы, утверждали: «Классовые противоречия обострялись все больше и больше. Если усилились профессиональные союзы, то еще больше—синдикаты промышленников и тресты. С кассами объединенного капитала профессиональные союзы не в силах бороться. Путем переговоров можно выторговать лишь все меньше и меньше. Не касса против кассы, но класс против класса — вот объективное положение дела. Поэтому теперь уже решающую роль играет, прежде всего, не изворотливость вождей, но боевая сила масс, т.-е. их самостоятельность, сознательность, способность к жертвам. В парламенте представители капитала все больше объединяются против рабочего класса. Вожди рабочего класса все меньше могут рассчитывать на то, что им удастся использовать противоречия между представителями среднего сословия, аграриев и промышленного капитала, эти противоречия исчезают все больше и больше. К уступкам капитал можно принудить

лишь давлением масс, а посему парламент, как почва для компромисса, теряет значение по сравнению с массовым действием, как средством пролетарского давления на класс капиталистов. И окончательная победа не приобретается на парламентском паркете, но завоевывается в массовых схватках на фабриках и улицах.

Так представлялся для нас, левых радикалов, вопрос о вождях и массах до войны. В ближайшей эпохе революционных схваток мы переложили **центр тяжести борьбы на массы**, которым предстоит довести борьбу до конца. Так как реформистские вожди, частью из-за идеологической отсталости, частью из-за интереса к мирной эволюции, обеспечивавшей им спокойную и достопочтенную жизнь, были против становившегося все более и более необходимым обострения классовой борьбы, — то мы потребовали, чтобы решение о моменте и средствах борьбы было передано из келейного собрания вождей на собрание членов партии и профессиональных союзов. Мы спрашиваем берлинских рабочих, в рядах которых за эту идею боролась Роза Люксембург, и бременских товарищей, имевших в своих рядах Паннекука и Радека, требуют ли **теперь эти вопросы** разрешения. Кто в рядах коммунистической партии станет утверждать, что исторический ход революции получит свое решение в парламенте, либо что капиталистов можно экспроприировать переговорами о тарифах? **Никто.** Но мы утверждаем вот что: хотя решение получится не в парламенте, но на улице и на заводе, все-таки оно может быть **подготовлено деятельностью коммунистов в парламенте**, тем, что мы используем парламентские трибуны для агитации, коль скоро использование других средств для нас затруднено капиталистической диктатурой.

Мы утверждаем еще, что хотя и нельзя добиться никаких длительных результатов при посредстве профсоюзов, хотя старое маневрирование и потеряло всякое значение, все же профсоюзы, как массовые организации пролетариата, могут быть использованы в его революционной борьбе. Эти вопросы не имеют ничего общего со старыми — касательно отношения вождей к массам. **Это не вопросы об отношениях масс и вождей, но вопросы о** средствах борьбы, которые масса должна применять во время революции.

СУЩНОСТЬ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ.

Хотя старые вопросы о массах и вождях, составлявшие до войны одну из исходных точек коммунистических направлений, теперь умерли для всякого революционера, все же революция ставит вновь при совсем новых условиях вопрос об отношении массы и вождя — в виде вопроса **об отношении коммунистической партии к рабочему классу.**

Коммунистическая партия не имеет никаких других интересов, кроме интересов рабочего класса, единственный всеобщий интерес которого есть освобождение от капиталистического ига. Коммунистическая партия не добивается приобретения каких бы то ни было привилегий для какого бы то ни было слоя, а лишь низвержения капитализма, освобождения рабочего класса, социалистической организации общества. Для достиже-

ния этих целей, во время борьбы, пока сопротивление буржуазии еще не сломлено, необходимо установление пролетарской диктатуры. То-есть, пока буржуазия оказывает сопротивление побеждающему рабочему классу, чтобы вновь поработить его, надо во что бы то ни стало сломить это сопротивление всеми средствами насилия. Если независимые, как Гильфердинг и, наконец, Ледебур, заявляют, что они хотят диктатуры, но без терроризма, без насилия, то этим они доказывают, что они как раз не хотят диктатуры рабочего класса. Когда видишь, как в Германии буржуазия расточает все ужасы белого террора против борющегося за свое освобождение рабочего класса, как она в Англии и Америке организует белую гвардию против забастовок, то кто станет сомневаться, что, даже если бы рабочему классу удалось захватить власть, буржуазия не прекратит борьбы, но пока еще у нее будут хотя бы самые незначительные перспективы вернуть себе власть, использует эти перспективы со всей энергией. Диктатура без готовности к терроризму, это—нож без клинка. Чтобы победить, эта диктатура должна быть рабочей диктатурой, диктатурой рабочего класса. Что это значит? Ну, прежде всего то, что она ставит интересы рабочего класса на первое место и может руководствоваться только ими. Во-вторых, что она может быть проведена только через рабочие организации. Если бы, напр., Георг Ледебур захватил, как он надеялся на это в январе, бразды правления, то он с бразды вместе повис бы в воздухе. Профсоюзы были тогда в своем большинстве — не только вожди, но и массы — против пролетарской диктатуры. Рабочие советы то же. Чтобы удержаться, пришлось бы Ледебуру устроить господство независимой бюрократии, которой, как лишенной опоры в больших рабочих организациях, пришлось бы либо лопнуть в течение двух дней, либо проявить жесточайший террор. Поэтому попытка захвата власти, прежде чем большие массы пролетариата, господствующие в главных отраслях и центрах промышленности, сознательно будут стремиться к диктатуре, и прежде чем они создали себе массовые организации, это — авантюра.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И РАБОЧИЕ МАССЫ В БОРЬБЕ ЗА ЗАХВАТ ВЛАСТИ.

Коммунистическая партия—противница авантюр. Она не добивается никакой другой диктатуры, кроме такой, за которую стоят самые решительные массы пролетариата и которая может осуществляться только через большие рабочие организации (прежде всего через рабочие советы). Но мы знаем, что даже еще и теперь большие группы рабочего класса отклоняют идею диктатуры (таковы христианские и либеральные рабочие, а равно сторонники социалистов большинства), либо не хорошо понимают условия пролетарской диктатуры, хотя и стоят на ее стороне: таковы независимые рабочие, внемлющие болтовне Ледебура, о диктатуре без терроризма. Может ли коммунистическая партия подчинять свою политику несознательным рабочим массам, даже если они составляют большинство массовых организаций, в которых мы видим грядущих носителей диктатуры? Нет, ни в коем случае. Коммунистическая партия

есть партия сознательных революционных рабочих. Пока она не имеет в массовых организациях пролетариата, советах и профсоюзах, большинства на своей стороне, ей приходится отказываться от всякой попытки захвата власти, ибо для этого необходимо большинство. Ей приходится отказываться от действий, неосуществимых без этого большинства. Однако, ей следует сохранить за собой не только свободу своей особой пропаганды и агитации, но и свободу **особого** политического действия. Там, где масса в своем большинстве еще несознательна и из-за несознательности изменяет своим интересам, коммунистическая партия, сознающая эти интересы, должна выдвинуть и выяснить их путем агитации, подчеркнуть их подходящими выступлениями, даже если бы эти выступления кончались поражением. Авантюрой будет, если меньшинство в рабочем классе пытается захватить власть; но если бы, напр., в виду осады Мюнхена полчищами Носке, коммунисты других городов, проявляя солидарность с мюнхенским пролетариатом, частичными забастовками и пытались бы создать правительству самые большие затруднения, чтобы облегчить положение мюнхенцев, то это была бы не авантюра, а в будущем приносящий плоды акт пролетарской борьбы за освобождение, уже не говоря о том, что он, может быть, спас бы мюнхенский пролетариат от кровавой бани. Коммунистическая партия не должна погрязнуть в несознательной и полусознательной массе пролетариата: она должна своей политикой отличаться от этой массы. Коммунистическая партия должна играть роль вождя всего рабочего класса, итти впереди его, распрaвлять перед ним знамя пролетарской революции, даже если за ней не следует большинство.

Подчеркнуть это обстоятельство составляет прямую обязанность, в виду оппортунистических тенденций, свирепствующих под маской последовательного проведения «Советской системы» как в лагере независимцев, так и в нашей партии. Левые независимцы и коммунисты гамбургского толка заявляют, что рабочие советы готовят «старым» партиям конец, что классовые организации, как советы, имеют первенство перед партиями и т. д. Если вопрос ставится о том, кто может быть органом власти рабочего класса—партия или классовая организация, то, несомненно, это—советы. Только они могут составлять прочный аппарат господства рабочего класса, хотя, как мы увидим это позднее, коммунистическая партия составляет его душу. Но пока советы в своем большинстве не стоят еще на платформе пролетарской диктатуры, политическая инициатива остается при партии. И, право же, смешно приписывать советам высшую «объединяющую» силу. Они являются новой почвой для совместных выступлений представителей рабочего класса. Если он расколот, то и они расколоты. Всякая попытка соединить их для «чистой» рабочей политики—в противоположение к коммунистической партийной политике—ведет к оппортунистическому затушевыванию противоречий, кончающемуся поражением как раз радикальной части пролетариата. Это испробовали уже апостолы идеи о первенстве рабочих советов в Гамбурге.

Там Лауфенберг после ноябрьской революции попробовал оттенить «интересы партии» перед лицом «рабочего единства», пытаясь в гамбург-

ском рабочем совете и на первом съезде советов выдумать политику, которая должна была объединить весь рабочий класс, прежде чем эта масса отрешилась от мещанских иллюзий. Результат был такой, что он оттенением острой борьбы против социалистов и независимцев усилил их, они же, укрепившись на своих позициях, уделили ему со всей его «рабочей политикой» здоровый пинок. И так будет всегда: кто предполагает, что переложил решение нашей политики из рук коммунистической партии в руки всеобщих революционных рабочих организаций, тот на самом деле перекладывает его в руки несознательных, а в силу этого находящихся под влиянием буржуазии масс и задерживает их развитие тем, что выключает толкающую вперед силу партии.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И МАССА ПОСЛЕ ЗАХВАТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ.

Без понимания роли коммунистической партии, как души авангарда революции, невозможна последовательная коммунистическая политика, даже после захвата политической власти. Диктатура рабочего класса не противоречит диктатуре коммунистической партии, ни диктатуре коалиции коммунистической партии с другими партиями, которые следуют ее руководству. Тот, кто здесь создает какое-то противоречие, не имеет ни малейшего понятия об условиях пролетарской революции. Коль скоро коммунистическая партия не есть клуб для дискуссий, но действительно сочетание активнейших элементов пролетариата, то само собой разумеется, что именно этот пролетариат достигает власти, учреждает свою диктатуру, которая одновременно будет осуществлять диктатуру коммунистической партии. Важнейшие боевые посты побеждающий пролетариат поручит коммунистам, ибо они—беззаветнейшие борцы, а коммунистическая партия будет сознательно стремиться к тому, чтобы важнейшие боевые посты пролетарского правительства сконцентрировать в своих руках. Она это будет делать не из-за особых партийных, но из-за всеобщих пролетарских классовых интересов, ибо она знает, что только она, и лишь она, всего яснее продумала условия пролетарской диктатуры и обладает решительностью делать то, что нужно. Обстоятельства могут заставить коммунистическую партию образовать правительство диктатуры, совместно с другими партиями, которые сильно представлены в рабочих массах и стали на платформу диктатуры рабочего класса. Но факт, что большие группы пролетариата видят свое представительство не в коммунистической партии, а в других, доказывает, что они еще не вполне восприняли условия революционной борьбы, ибо эту борьбу последовательно ведет лишь коммунистическая партия.

Если рабочий класс, несмотря на это незрелое духовное состояние, берет власть в свои руки, коммунистическая партия принуждена принять участие в **коалиционном правительстве.** Но тогда для нее больше чем когда бы то ни было выдвигается лозунг: **сомкнуть ряды!** Горе ей, если она предается иллюзии единства, если она в коалиции видит больше, чем только переход, если она забывает, что в этой коалиции только ее единение может послужить гарантией того что коалиция не

превратит диктатуру в комедию, в диктатуру без диктатуры. Пример венгерского Советского правительства, в котором коммунисты за пределами коалиции объединились с независимыми, в то время как независимые в действительности не стали коммунистами, должен послужить вечным предостережением для пролетариата.

После завоевания власти коммунистическая партия отнюдь не растворится в массах и их органах борьбы. Она тесно объединит своих членов, лучших представителей диктатуры, она с ними всегда будет обсуждать, какие меры должны быть проведены в органах власти пролетариата. Коммунистическая партия, как единодушная власть, будет итти во главе масс и их организации, чтобы обеспечить диктатуру. **Так как нельзя завоевать диктатуру пролетариата одним ударом раз-навсегда, до окончательной победы ее приходится ежедневно завоевывать сызнова.** Рабочая масса, состоящая сегодня из слоев, боеспособных в разном масштабе, в процессе развивающейся пролетарской революции должна проникаться всеобщей боевой решимостью для того, чтобы пролетарская диктатура была вообще возможна. Но эта всеобщность только относительная. Все еще части пролетариата при установлении диктатуры будут враждебно или безучастно стоять в стороне. И масса, которая в день победы будет ликовать, может дрогнуть в дни больших трудностей, в дни поражений; да, она может отчаяться в победе и подумать о капитуляции. Пролетарская революция не несет с собой немедленного смягчения бедствий, при известных условиях она может принести даже временное ухудшение положения пролетариата. Этим пользуются противники пролетариата для того, чтобы свергнуть рабочее правительство, и поэтому перед ним должна стоять сильная централизованная коммунистическая партия, владеющая всеми орудиями борьбы пролетариата, **готовая в течение известного времени**, если условия борьбы не улучшатся и дух массы не поднимется, отстоять власть, даже как партия революционного меньшинства. Конечно, если большинство рабочего класса, в обманчивой надежде, что ему в оковах капиталистического рабства будет лучше житься, чем в борьбе за освобождение, станет активно выступать против пролетарской диктатуры при тяжких для нее обстоятельствах и ей постоянно будет мешать, то коммунистическая партия не будет в состоянии отстоять свою позицию. Но, пока есть надежда на улучшение положения, она должна не падать духом, а пытаться защищать позиции. Снова улучшатся условия, снова за коммунистическую партию станет рабочий класс, и она сможет довести борьбу до окончательной победы. Освобождение рабочего класса может быть только делом его рук, делом воюющего большинства пролетариата. Но в ходе освободительной борьбы могут быть ситуации, когда революционное меньшинство рабочего класса должно взять на себя всю тяжесть борьбы, когда рабочая диктатура временно может держаться только как партийная диктатура коммунистов. Таково иногда было положение в России.

В течение времени с марта до октября 1917 г. рабочие шаг за шагом оттесняли и побеждали меньшевиков. В ноябре 1917 г., после завоевания власти большевиками, рабочий класс стоял за ними в реши-

тельном большинстве. Когда летом 1918 г. продовольственные затруднения были огромны (Украйна была в руках немцев, Приволжье и Сибирь были в руках чехо-словацких наемников, англо-французского империализма, контр-революция организовала повсюду восстания деревенской буржуазии), часть рабочих перешла опять на сторону меньшевиков, и пролетарское правительство с помощью коммунистических рабочих масс, стройно централизованных в коммунистической партии, должно было воевать против того, чтобы колеблющаяся часть пролетариата не вызвала поражения рабочей диктатуры. Когда после урожая питание улучшилось, когда вместе с немецкой революцией дух масс поднялся,— весь пролетариат до такой степени приветствовал рабочее правительство, что меньшевики стали искать сближения с ним. Если бы в России не было коммунистической партии с ее стройной централизацией, с ее энергией и неустрашимостью, то Советское правительство, может быть, было бы уже побеждено врагами.

Если Лауфенберги возражают, что это—якобинские воззрения, то они этим доказывают: во-первых, что можно прочитать целые библиотеки книг об истории французской революции и не понять ее, во-вторых, что оппортунизм везде и повсюду приводит те же самые аргументы, даже если он прикрывается самой революционной шкурой. Якобинский аргумент так же стар, как **стары возражения оппортунистов против диктатуры пролетариата вообще.**

Уже Бернштейн упрекал Маркса в том, что его мысль о диктатуре пролетариата принадлежит Бланки, который под влиянием книги Филиппа Буонаротти о Гракхе Бабефе позаимствовал ее у якобинцев. И Мартынов, духовный отец меньшевизма, еще четырнадцать лет тому назад упрекал большевиков в том, что они — сторонники якобинской партийной диктатуры, и в своей брошюре «Две диктатуры», изданной им в прошлом году снова, он пытался представить рабочую диктатуру в России, как якобинскую. Старый меньшевистский пророк, наверно, не думал, что его упрек в якобинизме появится на страницах «коммунистической» рабочей газеты. Но вследствие того, что Лауфенберги и Вольфгеймы присваивают себе аргументы вождей европейского оппортунизма против коммунизма, эти аргументы не становятся более верными. В чем состояла суть **диктатуры якобинцев,** в чем состоял зародыш ее распада? Она была диктатурой буржуазной: якобинцы стояли на почве частной собственности. Но они опирались на пролетарские и полупролетарские массы Парижа, которыми руководили коммунисты французской революции, «enragés»; Робеспьеры и Сен-Жюсты должны были опираться на массы, если они хотели победить в войне буржуазного республиканизма против феодальной контр-революции. Но так как они были буржуазными политиками, они, при всех посягательствах на частную собственность, которых требовала война, должны были остаться на почве капитализма, на почве частной собственности [1]). Для пролетарских масс

---

[1]) Более того, они сами создали новую буржуазию раздачей военных поставок и продажей поставщикам имений и земель, конфискованных у контр-революционеров.

якобинцы были слишком умеренны, и поэтому якобинцы должны были подвергать руководителей этих масс, «enragés», казни и бороться против организаций масс, секций и Парижской коммуны. После того, как с помощью масс феодальная контр-революция была побеждена, буржуазия хотела спокойно властвовать: она хотела быть гарантированной против посягательств якобинцев на частную собственность и прибыли. После того как якобинцы своей борьбой против коммунистов французской революции оттолкнули рабочие массы, они, оставшись без поддержки, пали под топорами термидористов, партии буржуазных спекулянтов.

Это—историческая правда о диктатуре якобинцев, как **диктатуре буржуазии над пролетарскими и мелко-буржуазными массами.** Что можно сказать о так называемых коммунистах, которые упрекают коммунистическую партию в якобинизме, на том основании, что коммунистическая партия заявляет, что в пролетарской революции могут быть ситуации, когда революционное меньшинство пролетариата, организованное в коммунистическую партию, должно защищать и отстаивать рабочую диктатуру, даже если большинство рабочего класса, установившее эту диктатуру, временно колеблется? Коммунисты, пользующиеся оппортунистическим доводом якобинизма, просто дураки и невежды, которые неспособны защищать свою путаницу собственными мыслями и должны хвататься за всякую оппортунистическую глупость.

ОРГАНИЗАЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

В борьбе против капиталистической диктатуры, которую мы ныне ведем, как и в борьбе за проведение пролетарской диктатуры, коммунистическая партия будет душою борющегося пролетариата. Ее зрелость есть зрелость пролетариата, и мощь революционного пролетариата будет ее мощью. Связанная с революцией на жизнь и смерть, **коммунистическая партия является в своем строении, в своих организационных условиях верным отражением условий развития пролетарской революции.**

И еще тогда, когда пролетарская революция **перед войной** медленно созревала в недрах народа, коммунистическое течение в социал-реформистской социал-демократии проповедывало **наибольшую самостоятельность местных партийных и профессиональных учреждений** против центральной партийной и профессиональной бюрократии, которая пыталась подавить революционные тенденции пролетариата в интересах мирного развития, т.-е. в интересах спокойного пищеварения бюрократии и ее компромиссов с буржуазией. Но, будучи сама во власти иллюзии, что социал-демократия действительно есть революционная партия и что только меньшинство этой партии настроено оппортунистически, коммунистическое направление отстаивало **наряду с революционной (местной) самостоятельностью масс централистское обуздание и зашнурование оппортунистических вождей путем резолюций партийных съездов, за проведением коих должен был следить президиум партии,** который впоследствии оказался рабом оппортунизма.

Во время войны, загнанное в подполье диктатурой империализма, коммунистическое направление в лице Спартаковского Союза само создавало себе **стройную централистическую организацию** (так называемое «бременское течение» коммунистов носило л шь характер пропагандистского отдела, почему и не поняло практически значения централизации в борьбе. Поэтому еще и ныне призыв федералистической самостоятельности может встретить сочувствие среди товарищей, вышедших из недр бременского течения). Централистическая организация позволила Спартаковскому Союзу сплотить свои разрозненные силы, и он употребил эти силы на то, чтобы повсюду, **где только было возможно, призывать массы к самостоятельным революционным выступлениям.** Когда с крушением германского империализма Спартаковский Союз освободился от своих оков и могуче воспрянул в течение нескольких недель, то лишь тогда коммунистическая партия начала создавать свою организацию. Но вскоре **воссоздание капиталистического государства создало совершенно своеобразные условия для ее существования.**

Это капиталистическое государство неодинаково сильно во всей стране, поэтому оно лишь в некоторых своих частях может загнать в подполье коммунистическую партию своими преследованиями, между тем как в других местах партия может сравнительно свободно действовать. Отсюда следует, что в то время, как в одной части государства коммунистические рабочие собираются свободно и свободно обсуждают вопросы организации и тактики, в других местах это является затруднительным. В этих местах, стоящих под беспощадной диктатурой буржуазии, доступ в коммунистическую партию возможен не для всякого рабочего. Кроме того, в тех местах, где сегодня еще свободно дышит коммунистическая партия, вдруг появляется по приказу центрального правительства какой-нибудь генерал Меркер, обрекающий коммунистов на нелегальное существование. Отсюда вытекает, что **хотя коммунистическая партия и не преследует целей, которые следует скрывать, ее руководители и местные организации зачастую должны оставаться тайными,** дабы агитация, пропаганда и организаторские связи партии не могли быть расстроены при всякой перемене ситуации. Тайное партийное руководительство не может пребывать в непрерывно тесной связи с организациями, как это было бы желательно. Насколько эти организации пользуются свободой, они хотят строго-демократически решать вопросы всей партии в каждой стадии. Как бы желательно это ни было для партии, оно не всегда возможно. И не только потому, что нелегальное положение не только центральной, но и большинства партийных организаций исключает публичное обсуждение организационных вопросов, но и по другим причинам.

Революция распахивает почву пролетариата до ее глубочайших недр. К коммунистической партии приходят не только **марксистски** воспитанные рабочие, но и те, которые еще вчера, придавленные капитализмом, стояли вдали от борьбы, сегодня же, **встряхнувшись, приходят к ней с честными намерениями, но без глубокой сознательности.** Привлеченные ее мужественной борьбой, к ней пристают элементы, еще вчера бывшие **анархистско-синдикалистскими.** Они являются, не отре-

шившись от своих старых мелко-буржуазных суеверий. Для всех этих борцов она должна там, где действует легально; раскрыть свои ряды, не вдаваясь в их внутреннюю оценку. В мирное время она может всех их преобразовать, переварить, переубедить своей пропагандой; они даже могут учиться в ее рядах на собственных ошибках. Но все это невозможно во время гражданской войны, где **любая ошибка может стоить сотни голов. Убийство заложников,** совершенное непросвещенными элементами в Мюнхене, стоило жизни ста коммунистическим рабочим и дало белому террору во всем государстве наилучший повод для самых грубых преследований партии.

Пропаганда саботажа со стороны нескольких неуравновешенных людей в Берлине, не знающих, что такое коммунизм, и пропагандирующих свой анархизм под флагом партии, возлагает в глазах непросвещенных масс ответственность за причиненные капитализмом разорения и бедствия на единственную творческую партию в Германии. При таких обстоятельствах **ядро коммунистической партии, ее надежные, испытанные борцы должны обладать гораздо большими полномочиями, чем могли бы требовать коммунистические партийные вожаки в «мирное время». При условиях же гражданской войны** коммунистическая партия, всюду призывающая рабочие массы к самостоятельности, должна строго сплотить свои организации. Она должна предоставить Центр. Комитету право лишать отдельные организации до созыва партийной конференции права говорить от имени партии и ее компрометировать, исключать отдельных товарищей и самостоятельно определять свою позицию по отношению к отдельным вопросам, если невозможен созыв партийной конференции.

Кто в этом усматривает противоречие между характером коммунистической партии и самостоятельностью масс и при этом ссылается на демократические требования, которые мы когда-то предъявляли в социал-демократической партии, тот забывает о двух «пустяках»: о разнице между мирной эпохой рабочего движения и условиями гражданской войны, а также о различии между социал-демократическими и коммунистическими вождями. О первом обстоятельстве мы уже говорили. Теперь два слова о втором. Социал-демократические вожди стояли за свои интересы безмятежной жизни вопреки революционным тенденциям пролетариата. Им улыбались парламентские кресла и другие буржуазные почести. Защищать против них права демократической партийной организации означало защищать права революционного движения против враждебных ему интересов обуржуазившейся рабочей бюрократии. Коммунистические же вожди, затравленные, как дикие звери, обреченные ежедневно на аресты, даже казни, защищают исключительно интересы пролетарской революции. Защищать же наряду с нею демократическую организационную форму означает прекратить усилия к централизованному собиранию революционных сил, короче говоря, отказ от существования коммунистической партии. Если мы во время глубочайшего мира требовали, чтобы партийные вожди при каждом важном вопросе предоставили организациям время и возможность выявить свое мнение путем долгих дискуссий, если мы ревниво оберегали независимость

местных организаций от партийных вожаков, то мы делали это не только потому, что имели все основания не доверять оппортунистической бюрократии, но и потому, что этот медленный путь был возможен. Раз в год уютно собирался партийный съезд, дискутировали до чортиков, за несколько недель до и после него.

Тогда история еще не ставила нас каждые две недели пред лицом серьезнейших тактических решений. Мы имели время. Кто ныне требует, чтобы соблюдались те же условия при партийных решениях, как до войны, тот требует, чтобы партия, как таковая, вообще ничего не решала. Не может же она устраивать в каждом месте полдюжины дискуссий для выяснения каждого положения и публично допустить в течение целой недели заседания партийного съезда. Тогда остаются одни только местные организации, в которых сближаются товарищи, легче влияя друг на друга. Тогда каждая из них будет говорить свою чепуху на свой страх и риск. Такое состояние уже осуществили гамбургские защитники демократизма партии, начав строить рабочие объединения прежде, чем партия могла высказаться по поводу этой позиции. Под маской демократии должно быть построено господство мелких соглашательств местных вождей, которые, опираясь на личное доверие членов местных организаций, на свой страх ведут коммунистическую политику, при чем в одном месте коммунистической политикой считается коалиция с социалистами большинства (не правда ли, тов. Лауфенберг?), а в другом — выход из рабочего совета (не правда ли, тов. Рюле?). Это, конечно, невозможно. Коммунисты должны создать во всем государстве **единую партию**, ведущую **единую**, установленную партийными конференциями политику, обладающую **стройным** руководительством, на обязанности коего лежит решение политических вопросов партии и организационных, если не могут собраться представители местных организаций.

Но ведь это есть «**движение вожаков**», а мы, коммунисты, всегда были за «движение масс», доносится с портовой полосы.

Неподвижные «вожди», выкрикивающие на весь свет эти пустые слова, опять упустили самое главное. А именно, что партия, судьбой коей действительно распоряжаются вожди, мыслима лишь тогда, если массы не распоряжаются вождями, т.-е. в период неподвижности масс. Вожди старой немецкой социал-демократии и профессиональных союзов раньше могли решать политику, ибо решения принимались в парламенте и во время прений, где присутствовали представители, но не массы. Но то, что выдвинуто теперь историческим процессом и подлежит решению, а именно вступить ли массам в великую хозяйственную борьбу или нет, в чьих руках должна быть государственная власть, короче говоря, все революционные решения теперь принимаются самими массами, но отнюдь не вождями коммунистической партии. Роль коммунистической партии и ее вождей заключается вовсе не в принятии решений для масс, но в истинном понимании направления массового развития и уяснении массам смысла их действий. Даже облеченный величайшими полномочиями Ц. К. коммунистической партии не в состоянии создать «движение вождей», он может лишь вести движение

масс, скорее и яснее фиксируя то направление, по которому массы пошли под гнетом событий. Правда, рабочая масса может ощупью искать верный путь, может блуждать; коммунистическая партия, с Ариадниной нитью исторического материализма в руках, легче может найти выход из лабиринта. Она указывает массам этот путь. Часто они отказываются по нем итти, ибо им недостает исторического опыта, который подсказал бы им, что коммунистическая партия—хороший путеводитель. И все-таки коммунистическая партия должна указывать им этот путь. Тем больше будет к ней доверия, если массы впоследствии убедятся, что она была права, предостерегая от блужданий. Но чтобы она была в состоянии это сделать, она должна, опираясь на опыт всей прежней истории классовой борьбы, вооружения светочем марксизма, словно маяк, освещать путь пролетариату. Она должна централизовать авангардные ряды пролетариата в смысле ориентирования их политики не по степени местного усмотрения, а согласно с общим положением, она должна иметь сильных центральных руководителей, не вертящихся по ветру.

Само собою разумеется, что такая партия и с такими вождями рождается не в один день. Пятнадцать лет революционной борьбы имела за собой большевистская партия, как организация. Ее вожаки, из которых некоторые борются уже тридцать лет, имели достаточно времени, чтобы завоевать доверие организации, не считающей умалением своих демократических прав, если она во время бури вручила руль в руки Ленина. Коммунистическая партия Германии лишена своих старых вождей. В борьбе, в самых тяжелых условиях она создает свою организацию, свою тактику и своих вождей. Этот процесс порождает трения и стычки. Но они должны быть и будут доведены до конца. Теперь надлежит взять твердый курс, объехать подводные камни и поплыть к цели.

Эти камни преткновения суть сектантское разобщение с великими исторически возникшими рабочими организациями, с профессиональными союзами. Сектантский отказ от полезного боевого средства, каким при известных условиях может явиться парламентская борьба, есть организаторский федерализм. Задача настоящего момента—сплочение правильно мыслящих рабочих в рядах коммунистической партии, **завоевание массовой организации пролетариата,** т.-е. руля пролетарского корабля. Цель—объединение всех революционных пролетарских боев для завоевания политической власти. Твердо держа курс в предвидении цели и не давая своему кораблю наткнуться на подводные скалы, Коммунистическая партия завоюет доверие масс и станет их действительным вождем. Она просто пошлет к черту тех сектантов, которые кричат о насилии над демократией, когда партия отказывается переменить курс во имя их ложных путей. Дискуссиям о направлении пути должен настать конец. Надо тронуться, надо плыть вперед!

Декабрь, 1919 г.
„Спартакус", берлинский орган К. П. Г.

XI.

Пролетарская диктатура и терроризм.

ОСЕННЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ КАРЛА КАУТСКОГО НА СОВЕТСКУЮ РОССИЮ.

Английский генерал, представляющий в Прибалтике «демократию» милостью Сити и Уолл-стрит, [1]) организующий крестовый поход английского империализма **против Рабоче-Крестьянской России**, предвещал наступление 14 языцей, но ожидавшиеся «языцы» блеснули отсутствием, генералы русской контр-революции частью разбиты на голову, и лондонским рабовладельцам, надо думать, не удастся сломить Советскую Россию, несмотря на свои танки и ядовитые газы, несмотря на бомбардировку русских незащищенных городов и все прочие способы осуществления 14 параграфов вильсоновской благой вести о всеобщем рае. Но если ожидавшиеся повелителями мира отряды рабов не прибыли к бою и сочли излишним содействовать реставрации царизма, то зато Антанта получила помощь с совершенно неожиданной стороны. В ту минуту, когда русские рабочие героической борьбой защищают свое господство, господин **Карл Каутский**, теоретик покойного второго Интернационала и до сегодняшнего дня член Независимой Германской Социал-Демократии, больше того: ее доверенное лицо на интернациональных конференциях, долженствующих восстановить единство рабочего класса, спешит на помощь международной контр-революции. В то время, как перед колчаковскими войсками выступают длинные ряды попов с кадилами и иконами для того, чтобы поколебать мужество крестьянских парней, сражающихся в Красной армии, Карл Каутский показывает пролетариям России и Европы в одной руке образ чудотворной демократии, а в другой—ужасный лик пролетарского деспотизма [2]). Его книга называется: **«Терроризм и Коммунизм»**, а не **«Терроризм и Капитализм»**.

Она не рассказывает о том, как американские тресты в «самой свободной демократии мира» в течение десятилетий старались при посредстве открытого насилия (вспомните Колорадо!) надеть на рабочий класс ярмо рабства, подобно тому, как это в несколько другой форме делалось до войны во всех остальных «демократических» государствах. Она не рассказывает о том, как капиталистические клики втянули мир в пятилетнюю бойню, нигде даже и не справляясь о желаниях и мнениях народа. Она не говорит ни одного

---

[1]) Сити—деловой квартал Лондона, где сосредоточена вся его финансово-капиталистическая жизнь. Уолл-стрит — улица в Нью-Йорке, на которой помещаются банки и биржа.

[2]) Каутский «Терроризм и Коммунизм». Берлин, 1919 г. Изд.: «Союз Нового Отечества».

слова о том, что во время мировой войны повсюду была установлена **империалистическая диктатура,** стоившая пролетариату миллионов жертв на полях сражений и обрекавшая его тысячами на голодную смерть в городах. Она не упоминает о том, что правительство Керенского по приказу парижской биржи тысячами гнало людей на убой на фронте, чтобы провести июльское наступление 1917 г. История терроризма нашей революционной эпохи начинается для него с большевиков. **„Первыми начали большевики в России", а г. Носке,** защищающему германский капитализм против немецких рабочих пулеметами и минометами, Карл Каутский выдает с небывалым бесстыдством удостоверение в том, что он **„храбро идет по стопам Троцкого".** Но Носке не удостаивается чести стать объектом «исторических» исследований Каутского, ибо такого рода исследование могло бы **вскрыть кое-какую зависимость между издыхающим и защищающим свою власть капитализмом и терроризмом.** А это, ведь, не интересует Каутского, которому необходимо **написать книгу не против капитализма,** а против коммунизма. Книга эта уже возбудила энтузиазм не только какого-нибудь Фрица **Штампфера или Франкфуртской Газеты,** но даже **Локаль-Анцейгера** Этого было бы достаточно для того, чтобы спокойно отложить ее в сторону, но она так хорошо обнаруживает **духовное оскудение** достопочтенного теоретика так называмого II Интернационала, что на ней стоит несколько остановить свое внимание. Тем более, что чудесный исторический обзор Каутского, употребляя выражение Гаазе, без устали повторяется не только социалпатриотами, правыми независимцами (как **Гильфердинг, Штребель),** но даже и такими людьми, которые, подобно **Ледебуру,** пользуются еще репутацией революционных политиков. Вопли против терроризма, **лозунг диктатуры без терроризма** являются последней попыткой внести сумятицу в ряды рабочего класса, после того как борьба против идеи необходимости диктатуры обнаружила свою полную безнадежность на пролетарской почве. «Диктатура без терроризма» — это последнее прибежище противников пролетарской диктатуры. Их оружие — книга Каутского. Но его нетрудно сломать. Это—картонный меч.

ТЕРРОР ЯКОБИНЦЕВ.

В качестве человека ученого, Каутский, разумеется, очень хотел бы проследить историю терроризма с сотворения мира. Но сия чаша нас, к счастью, миновала. Мы узнаем только, что наши первобытные предки, обезьяны, точно так же как дикие звери вообще, не занимались диктатурой. Они питались, главным образом, растительной пищей, которую «изредка дополняли мелкими животными, гусеницами, червяками, рептилиями, при случае неосторожными птенцами». Млекопитающих они не умерщвляли. «Обезьяна не делает ничего подобного»,—заявляет Каутский к нашему успокоению и для вящшего посрамления большевиков, приступивших теперь, как известно, к такого рода уничтожению капиталистических млекопитающих. Но им предшествовали еще якобинцы 1793 г., и так они понесли за это наказание, то Каутский уделяет им в своем исследовании больше места чем нашим почтенным предкам, обезьянам.

Его суждение об якобинцах, этих прямых предшественниках большевиков, можно изложить теми же самыми словами, которыми Каутский излагает мнение французских прудонистов об якобинцах. «Они (прудонисты) **распознали иллюзии, приведшие к господству террора, обманувшие пролетариат, повергшие его в кровавое одичание, но нисколько не приблизившие его освобождения»** (стр. 72). Каутский обосновывает это суждение следующим образом: Робеспьера его правительство хотели быть партией, представляющей интересы пролетариата и мелкой буржуазии (стр. 35). Захватив власть, они и стоявшие за ними пролетарские массы стремились использовать государственную машину для того, чтобы «установить то царство всеобщего равенства, которое было им обещано буржуазными мыслителями» (стр. 27). «Благодаря этому парижская беднота вступила в растущее противоречие с крестьянами, торговцами, финансистами, с теми элементами, которые тогда больше всего выигрывали от частной собственности на средства производства, уничтожение которой невозможно было при господстве мелкого производства» (стр. 4). «Не имея возможности видоизменить характер производства, они пытались насильственными способами изменить распределение результатов этого производства, теми же самыми способами, с которыми мы более чем достаточно успел ознакомиться в наши дни: твердые цены, принудительные займы, приблизительно соответствовавшие нашему военному обложению, и тому подобные меры, которые тогда еще меньше были в состоянии противодействовать нищете, чем ныне, если принять во внимание тогдашнюю раздробленность производства, недостаточность статистики, бессилие центральной власти по отношению к общинам. Противоречие между политической властью пролетариата и его экономическим положением обострялось все больше. А при этом становилась все более назойливой и военная неурядица. Тут-то властелины пролетариата и начали хвататься за все более отчаянные средства, обратились к кровавому ужасу, к террору» (стр. 27). «Но так как на почве частной собственности за время войны с ее грандиозными поставками и т. п. образовалась новая буржуазия, а война и нищета истощали массы, то политика террора неминуемо должна была привести к термидорскому поражению». Стало-быть повторим: «иллюзия», будто возможно «ввести всеобщее благоденствие», привела пролетариат и его вождей к политике террора, «обманувшей пролетариат, приведшей его к одичанию», «ничуть не приближая его освобождения»,—таково «чудесное» освещение эпохи якобинского террора, даваемое руководящим теоретиком второго Интернационала.

Но как обстояло дело в действительности? Прежде всего, Робеспьер, Сен-Жюст и весь руководящий кружок «Горы» никогда не представлял собою пролетариата и вовсе не должен был представлять его. Партией пролетариата, пролетарского мещанства были *«бешеные»* (enragés), в лице Ру, Варле, Доливе, Леклерка и других носителей коммунистической агитации, которых направление Робеспьера именно вследствие их коммунистических тенденций ожесточенно преследовало и отправило, в конце-концов, на гильотину. В умеренной форме пролетарские интересы защищала парижская комиуна под руководством Шометта, которого Робеспьер точно также отправил на гильотину. Робеспьер и его правительство

определенно стояли на почве буржуазной частной собственности, как это видно из конституции 1793 г., в которой, между прочим, значится следующее: «**Право собственности** разрешает каждому гражданину по своему усмотрению пользоваться продуктами своего труда и своей деятельности и распоряжаться ими». Или в другом месте: «Даже **самые ничтожные части его собственности** неприкосновенны, за исключением случаев, когда закон устанавливает соответствующую повинность, но и то только при условии справедливого вознаграждения». **Робеспьер был представителем буржуазного республиканства.** Не больше и не меньше. Волна пролетарски-мелкобуржуазного движения вынесла его к власти после того, как три года французской революции не сумели уничтожить ни феодализма ни монархии. Обманутые фельянтинцами и жирондистами, т.-е. представителями конституционного дворянства и крупного капитала, народные массы передали власть в руки буржуазной демократии, т.-е. Горы. Против ее радикально-буржуазных мероприятий,—действительного уничтожение феодальных повинностей (4 августа 1879 г. они были уничтожены только на бумаге), проведения демократии (уничтожение цензуры и т. д.), обезглавления короля,—с бешенством ополчилась феодальная контр-революция в союзе с Англией, Пруссией и Австрией. Началась война против армий коалиции на всех границах, одновременно с борьбой против внутренней контр-революции. В стране господствовала величайшая нужда. У революционных армий не было сапог, не было одежды, не было пропитания. Страна, разрушенная феодализмом, страдавшая от четырех неурожайных лет, нуждалась во всем. Что было делать радикальному правительству буржуазии? Если бы оно было знакомо с Эрфуртской программой Каутского, то оно, может быть, отказалось бы от своих «иллюзий», бросило бы борьбу и сдало бы страну феодализму. Но так как оно, по счастью, ничего не знало еще о кастрированном марксизме, то оно и не подыскивало «статистических» аргументов для прекращения борьбы, а продолжало ее изо всех сил, не останавливаясь перед террором против спекулянтов и контр-революционных предателей, и победило войска контр-революции. В сколь малой степени оно было подвержено иллюзиям, показывает его борьба против коммунистических течений, стремившихся к глубоким, но по тому времени неосуществимым реформам. Когда силы феодальной контр-революции были сломлены, тогда задачи буржуазно-террористического правительства были выполнены. И сама буржуазия не захотела переносить его дольше. Вот причина 9 термидора, свержения Робеспьера.

Это понял уже **Минье**, несмотря на то, что он писал свою историю французской революции почти сто лет тому назад, на языке реставрации. «Растущие победы республики,—говорит он в своей книге,—которыми она была обязана **своим энергичным мероприятиям, либо своему высокому воодушевлению, сделали излишними насилие. Комитет Спасения был именно тем органом, который сильной и страшной рукой сдерживал Францию внутри и в то самое время открывал новые источники помощи, создавал армии, находил полководцев и одерживал победы, благодаря которым было, в конце-концов, обеспечено торжество революции над Евро-**

пой. **Улучшившееся положение не требовало уже прежнего напряжения, и его задача была разрешена, ибо самой существенной задачей такого рода диктатуры является спасение страны и своего дела. И обыкновенно она гибнет в процессе этого спасения»** (стр. 359 изд. Реклама). Противоречие, в которое вступил якобинский террор по отношению к своему основанию, буржуазной частной собственности, означает для Карла Каутского только банкротство одной иллюзии. Но не безызвестный **Фридрих Энгельс** писал следующее: «Даже для того, чтобы буржуазия сорвала только те плоды, которые тогда созрели, необходимо было, чтобы революция пошла значительно дальше своих собственных целей, **совершенно как в 1793 г. во Франции и в 1848 г. в Германии. Повидимому это, действительно, один из законов развития буржуазного общества»** (Фридрих Энгельс, « Об историческом материализме», «Нейе Цейт» 1892-1893, т. I, стр. 43—44). Для того, чтобы уничтожить феодальные стеснения собственности и вырвать, таким образом, почву из-под ног феодальной реставрации, буржуазная революция должна была прибегнуть к террору, не останавливаясь даже перед буржуазной частной собственностью. Конечно, именно об это она должна была, в конце-концов, разбиться, **но без терроризма было немыслимо осуществление ее исторической задачи: разрушение феодализма.** Кто утверждает, что она этим «путала» пролетариат и повергала его в «одичание», «нисколько не способствуя его освобождению», тот утверждает, что освобождение пролетариата возможно без свержения феодализма и абсолютизма. Такой господин, правда, остается верным высокому образцу наших предков, обезьян, которые «питались, главным образом, растительной пищей» (пережевыванием марксистской азбуки), «дополняя ее изредка мелкими животными, гусеницами, червяками, рептилиями, при случае неоперившимися птенцами» (убой социал-реформаторских профессоров и ревизионистов), но революции ему никогда не понять. И притом даже буржуазной, не говоря уже о пролетарской.

С Каутским дело не всегда обстояло таким печальным образом. Еще во время своей полемики с **Эйснером,** после амстердамского конгресса, он писал следующее об эпохе якобинского террора: «В борьбе 1789—90 г.г. народные массы, в особенности в Париже, узнали свою силу. Они победили, но плоды победы достались имущим классам. Низы не могли на этом остановиться. Они должны были стремиться дальше вперед по пути свободы и равенства, чтобы выйти из нищеты и угнетения. Но так как буржуазия изо всех сил противодействовала этому, то отчаянная борьба между обоими классами стала скоро неизбежной. Противоречия еще больше обострились, благодаря той войне, которую вели объединенные монархии Европы против революционной Франции. **В этой войне Франция могла победить только с помощью чрезвычайного напряжения всех своих сил, а для этого нужно было опереться на ту беспощадную ненависть к частной собственности, которая воодушевляла народные массы. Теперь (1792 и 1793 г.г.) монархия была окончательно уничтожена, объявлено всеобщее избирательное право, распущено постоянное войско, введено всеобщее вооружение народа. Теперь богатства имущих начали**

служить питанию армии и бедных. Но все это произошло во время эпохи террора, в эпоху устрашения буржуазии...» (К сожалению, у меня нет под рукой оригинала, появившегося в «Нейе Цейт» за 1904—1905 г., и я принужден переводить статью Каутского с польского перевода). Стало-быть, в 1905 г. терроризм Робеспьера до такой степени «обманул» Каутского, поверг его в такое «одичание», что он видел в уничтожении феодального абсолютизма, постоянной армии и т. д. завоевания, накладывавшие на эпоху терроризма печать исторической прогрессивности. Тогда «марксизм» не препятствовал ему еще понимать историю, он еще не был кастрирован. Только приближающаяся эпоха социальной революции пролетариата сломала в руках Каутского оружие марксистской исторической критики, потому что он вообще отказался от того, чтобы скрещивать какое бы то ни было оружие с буржуазией. Поэтому он не мог ограничиться отказом от всего великого, что было в буржуазных революциях. Он начал искать сверх того еще достоинства пролетарских революций как раз в том, что было их недостатками, ошибками и причиною их слабости. Он расхваливает их, когда они позволяют умертвить себя. Одним словом, мы подошли к воззрениям Каутского на **Парижскую Коммуну 1871 года**, изложенным во второй главе его «чудесного обзора», так восхитившего Гаазе.

ОБРАЗЦОВАЯ ДИКТАТУРА.

Когда версальцы раздавили парижскую Коммуну в крови, когда мировая буржуазия начала дикую пляску клеветы над трупами мертвых революционеров, когда респектабельные английские тред-юнионы под влиянием этой клеветы задрожали и отстранились от первого Интернационала, тогда Карл Маркс покрыл истерзанные тела парижских коммунаров знаменем Интернационала. Несмотря на то, что каждое проявление солидарности с Коммуной повергало в величайшую опасность слабый и молодой первый Интернационал, Карл Маркс все-таки поступил так. А между тем он очень скептически относился к восстанию Коммуны и лучше, чем кто бы то ни было другой, видел ее убийственные ошибки. Он поступил так, потому что сквозь чащу трагикомических заблуждений коммуны, сквозь туман ее непрояснившихся еще мыслей, сквозь развалины ее половинчатых дел он гениальным историческим предвидением заметил очертания нового времени, которому она бессознательно служила. Маркс сразу понял, что пожарища Коммуны преподали пролетариату два существенных урока: первый заключался в том, что пролетариат, завоевав власть, не может попросту воспользоваться старым государственным аппаратом, а должен уничтожить его, сломать и построить новый. Второй урок заключался в том, что этот аппарат должен в корне своем отличаться от буржуазного парламентаризма, с его отделением законодательных функций от исполнительных, а напротив, должен объединять их обе в единых представительных учреждениях, самостоятельно осуществляющих свои законы. Эти уроки коммуны имели величайшее значение для Маркса и Энгельса, потому что на них они познакомились с сущностью пролетарской диктатуры. Все остальное было для них только частными эпизодами, преходящими явлениями Коммуны,—здесь было общее, было ее «учение», было

то, что делало Коммуну 1871 г., невзирая на все ее слабости, громадным шагом вперед, хотя непосредственными ее результатами и были развалины, отбросившие французское рабочее движение на добрых пятнадцать лет. Каутские и Бернштейны, которым пришлось в 90-х годах продолжать дело Маркса и Энгельса, ничего не сумели предпринять с этим учением. Плеокаясь в водах зачинавшейся эпохи парламентаризма, откапывая на ее отмелях дождевых червяков, они не понимали этих учений и не знакомили с ними пролетариат. Но посмотрим, во что превращаются в руках Каутского уроки Коммуны теперь, когда на-лицо есть опыт русской и германской революции.

Он посвящает Коммуне 40 печатных страниц. На этих сорока страницах он стремится изобразить ее образцом такой диктатуры, которая ему, выше поименованному г. Каутскому, по сердцу. С Парижской Коммуной он готов примириться: она была избрана на основе **всеобщего избирательного права**, стало быть, она чиста перед священными заповедями демократии. Господин Каутский торжествует: **А все-таки**, Энгельс писал 18 марта 1891 года, в день двадцатой годовщины Парижской Коммуны:—Вы хотите знать, господа как выглядит диктатура пролетариата? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это—диктатура пролетариата!» Как видно, ни Маркс, ни Энгельс не понимали под этой диктатурой уничтожение всеобщего равного избирательного права или демократии **вообще**. Гром победы раздавайся, торжествует Карл Каутский. В другом месте он цитирует мое введение к бухаринской программной брошюре, где я показываю, что, абстрактно говоря, можно было бы предоставить буржуазии избирательное право даже при диктатуре пролетариата. «Но революция в том именно и заключается, что она является гражданской войной, а классы, сражающиеся друг с другом с помощью пушек и пулеметов, не признают словесных дуэлей в духе героев Гомера». Эти мои замечания, написанные летом 1918 г., показывали, что и русские коммунисты **отнюдь не видели в уничтожении избирательных прав буржуазии признака диктатуры пролетариата.** Они были убеждены только в том, что в период гражданской войны борьба пролетариата и буржуазии принимает настолько острые формы, что исчезает общая почва демократического избирательного права, парламент. О чем свидетельствует в этом отношении Парижская Коммуна? Г. Карл Каутский умалчивает о том, что она была **восстанием против результатов всеобщего избирательного права во Франции.** Именно на основании этой **каутскианской** панацеи создалось французское Национальное Собрание 1871 года, в котором заседало 400 монархистов и 200 республиканцев (и что за республиканцев!). Оно было верным зеркалом реакции, господствовавшей в деревнях и провинциальных городах. Национальное Собрание не только заключило мир с Бисмарком, но и подготовляло войну против революционного Парижа. И что же? Париж восстал против Национального Собрания. «Париж не имеет права восставать против Франции, он должен, наоборот, вполне признать верховную власть Национального Собрания»,—так усовещивал Париж один из его депутатов и мэров, господин... **Клемансо**, теперешний «тигр». А социалистический предок Каутского, **Луи-Блан**, сказал представителям Коммуны: «Вы бунтуете против Собрания, выбранного наиболее свободным образом». А г. **Тьер** заявлял: «Правитель-

ство предало бы Собрание, Францию и цивилизацию, если бы потерпело рядом с законной, опирающейся на всеобщее избирательное право властью образование коммунистических и революционных наслоений». **Господин Каутский начисто утаивает всю эту принципиальную контроверзу, в которой не только контр-революционеры, как Тьер, но и буржуазные радикалы и социалисты, как Луи-Блан и Милье, упрекали Коммуну в том, что она изменяет демократии.** Коммунары защищались, указывая на то, что Национальное Собрание не имеет права существовать после подписания мира, ибо было только для этого выбрано. Но этот полемический довод бил мимо цели, ибо Коммуна возмутилась, ведь, не для проведения новых выборов, а для завоевания особых коммунально-государственных прав Парижу (выборы собственных чиновников, национальная гвардия и т. д.), чтобы спасти Париж и другие крупные города от версальской реакции, опиравшейся именно на всеобщее избирательное право. Потому-то один из членов Коммуны и возражал на вышеприведенные замечания Клемансо так: «Что до Франции, то мы вовсе и не думаем о том, чтобы предписывать ей законы,—мы достаточно долго стонали под ее законодательством,—но мы не хотим больше терпеть **комедиюн ародных голосований, инсценируемую землевладельческими зубрами.** Дело, видите ли, вовсе не в том, чтобы обсуждать, чей мандат (т.-е. коммунаров или депутатов Национального Собрания) более законен. Мы говорим вам: у нас революция, но мы не узурпаторы. Мы хотим призвать Париж к назначению своего собственного представительства». Каутский, предварительно стыдливо утаивший подлинный характер Коммуны, как восстания против «демократического» Национального Собрания, изображает всеобщие выборы в Коммуну манифестацией ее демократического характера, источником ее силы. А на самом деле этот поклон Коммуны в сторону демократии в Париже, после того, как она возмутилась против «демократии» зубров в обще-государственном масштабе, лишен всякого принципиального значения.

Тактический маневр Коммуны был совершенно ясен.

Реакция, против которой восстала Коммуна, рекрутировала свое большинство не в Париже, не в больших городах, а в сельских местностях. В Париже, где пролетариат и радикальное мещанство обладали большинством, в Париже, откуда контр-революцинеры ударили, признание всеобщего равного избирательного права не имело ничего общего с демократией «вообще». Оно означало союз с пролетарски-мещанскими народными массами, на которые Коммуна опиралась.

Из того обстоятельства, что Парижская Коммуна не имела на своей собственной почве врагов, контр-революционеры и контр-революционные войска сбежали в Версаль,—вытекала возможность избежать применения насилия в пределах Парижа. Недаром Каутский сам говорит, что враг, который становился для Коммуны опасным, стоял вне стен ее общины и был недосягаем методам терроризма (стр. 79). Выходит, стало быть, что добродетель Коммуны заключалась в том, что она подражала добрым нюренбергцам, которые, как известно, никого не вешали, если не изловили его пред-

варительно. Товарищ Дзержинский, столь презираемый руководитель Московской Чрезвычайной Комиссии, несомненно не расстрелял никого из опаснейших врагов Советской России, поскольку они находились вне пределов советского общежития и не были досягаемы методам терроризма. **Коммуна оборонялась не с помощью терроризма, а при посредстве войны с версальцами.** Эту войну вела Коммуна таким образом, что сама на многие месяцы ускорила свое падение. Армии контр-революции существовали только в качестве рассеянных остатков разбитых и деморализованных наполеоновских войск. В военном отношении все преимущества были на стороне Коммуны: что до человеческого материала, снаряжения, народного воодушевления, то на ее стороне был рабочий класс всех крупных городов Франции. Она не использовала этих сил, распылила их, не искала встречи дрожащим и еще только собиравшим свои силы врагом, а, напротив, дала ему возможность напасть на себя врасплох, стремясь к смертной схватке, а не к организации войны. Даже Каутский не решится утверждать, что этим она дала пример пролетарской диктатуры, заслуживающий подражания.

В чем же причины этого полного крушения Коммуны? У нее было достаточно офицеров, добровольно предложивших ей свои услуги. В лице поляка Домбровского она обладала великолепным военачальником. Народные массы были исполнены самопожертвования, что они и доказали своей безнадежной борьбой с версальцами, когда те ворвались в город.

Причиною того отсутствия наступательного настроения в Коммуне, без которого невозможна энергия самозащиты, **являлось отсутствие у Коммуны ясных целей.** А это в свою очередь было результатом того обстоятельства, что Коммуна могла стать только преходящим **историческим эпизодом.** Франко-русская война закончила эпоху буржуазных революций и открыла период «спокойного» развития консолидированных государств западной и срединной Европы. В соответствии с низкой ступенью промышленного развития не только рабочий класс представлял собою повсюду меньшинство народонаселения, но и сама промышленность не была ни централизована, ни концентрирована. Хозяйственной незрелости капитализма соответствовала разрозненность, духовная незрелость пролетариата, который питался социалистическими настроениями, но **ни в одной стране** не обладал сколько-нибудь значительной частью, способной указать пути социалистического освобождения. Передовые ряды пролетариата были расколоты на две части. Одна стремилась к социальной эмансипации с помощью мирной организации за спиной капиталистического общества, другая надеялась достигнуть того же захватом политической власти, не представляя себе, однако, конкретно социальных форм этого захвата.

Когда 18 марта Париж восстал против правительства, он не задавался широкими целями: рабочие и пролетарии защищали свои пушки, правильно почувствовав, что Тьер хочет украсть их для того, чтобы разоружить Париж, эту республиканскую крепость, и открыть ворота перед социальной и политической реакцией. Правительство удрало. Пролетарии и мелкая буржуазия Парижа радовались совместно со всеми «партиями» тому, что могут теперь выбрать свою коммуну и даже не догадывались о том, что бегство правительства было равносильно объявлению войны не на живот, а на смерть.

Они могли бы разгромить Версаль, но не сделали этого, ибо вне Парижа у них не было цели, к которой они стремились бы. Они хотели свободно устроить свою жизнь, избавить бедноту от квартирной платы, от задолженности ростовщикам и казенным ломбардам и надеялись, что провинция сама последует благородному примеру Парижа. Но они даже не развили никакой агитации в провинции. Когда началась версальская осада, то и тут они не сумели приступить к политике более общего характера—за отсутствием всеобъемлющих целей [1]). На социальной почве не только недостаток времени—Коммуна просуществовала всего 72 дня—мешал ей приступить к дальновидной политике творческого перехода от капитализма к социализму,—и не одни только потребности самозащиты. Ввиду того, что переход к социализму был невозможен при распыленном, мелко-буржуазном характере парижской промышленности, социализм Коммуны должен был ограничиться социально-реформаторскими мероприятиями, вообще остался социализмом бедноты. Если Каутский заявляет, что **марксов метод социализации**, столь похожий на метод Коммуны, и по сегодня является жизненным, то по этому поводу остается сказать только одно: даже под центрифугальным прессом ученая мумия достопочтенного пророка марксизма не могла бы объяснить нам, в чем именно заключается этот марксов метод социализации.

Быть может, он имеет в виду предложенные Марксом в 1848 г. переходные мероприятия, но они имеют такое же отношение к политике Коммуны и к 1919 году, как ублюдочное выражение «социализация» к проблемам социалистической революции. Марксов метод социализма существует, это—марксизм, но рецептов для конкретных экономических мероприятий во всех ситуациях социальной революции Маркс и не думал намечать. Восхищение Каутского перед «методом социализации» Коммуны оказывается расшаркиванием перед пустым местом. И точно таким же местом является собственная «социализация» г. Каутского, которую он измышлял совместно со своим выучеником Гильфердингом по распоряжению Эберта и Шейдемана, пока не заметил, что работает для сорной корзины. Каутский открыл в Коммуне следующие добродетели: она не повесила ни одного контрреволюционера, не пойманного ею, не социализировала и, в-третьих, обнаружила терпимость, не подавляла одну пролетарскую фракцию ради другой, в противоположность злым большевикам. Но чувствительный старец забывает об одном: прудонисты, бланкисты, интернационалисты очень ожесточенно боролись друг с другом во время Коммуны, при чем их воззрения, как это теперь вполне очевидно, представляли собою различные разно-

[1]) Не мешает припомнить в этой связи то, что Маркс писал 12 апреля 1871 г. Кугельману. Выразив свое восхищение Коммуной («История не знает еще другого примера подобного героизма!»), он прибавляет: «И если они падут, то *виновно будет в этом только их «добродушие»*. Нужно было сейчас же итти на Версаль, после того как Винуа, а затем реакционные части парижской гвардии сами очистили поле. Настоящий момент был упущен благодаря нашей скрупулезности. *Не захотели начать гражданскую войну*, как будто этот злобный выродок Тьер не начал уже сам этой войны своей попыткой обезоружить Париж». Итак, то, что в глазах Маркса в 1871 г. было непоправимой ошибкой Коммуны, превращается под пером „марксиста“ Каутского в образец ее добродетелей. Недурной поворот. Это—не ревизионизм. Это—хуже ревизионизма!

видности одной и той же путаницы понятий. Но все они проливали свою кровь **ради Коммуны**, ради господства пролетариата. Когда накануне поражения Верморель, принадлежавший к меньшинству Коммуны, встретил, транспортируя обоз со снарядами, перед ратушей Ферре, представителя большинства, он заметил ему с улыбкой: «Ну что же, Ферре, и члены меньшинства сражаются».—«Члены большинства исполнят свой долг»,—ответил Ферре. И коммунар Лиссагарэ прибавляет: «Какое великодушное состязание обоих этих мужей, столь преданных народу, обреченных на столь благородную смерть!» А социалисты, которые, подобно Луи-Блану, оставались в Версали с зубрами и не пикнули даже, когда коммунаров расстреливали у них на глазах, вошли в историю,—как предатели пролетариата. Недурно говорит один социалистический историк о Луи-Блане: «Выбранный в Париже в Национальное Собрание. он остался в Версали, когда Национальное Собрание объявило Парижу войну. Он поддерживал борьбу правительства против Коммуны. Его иллюзии относительно возможности совместной работы с более благородными и передовыми частями буржуазии окончились совместной работой с наиболее свирепыми, наиболее реакционными юнкерами ради удушения пролетариата. При этом его воззрения и симпатии мало изменились. **Но классовые противоречия сильнее благочестивых пожеланий. Кто, приходя от буржуазии, не обладает достаточным мужеством и самопожертвованием для того, чтобы без оговорок примкнуть к борющемуся пролетариату и сжечь свои корабли, тот при всех своих симпатиях к пролетариату станет в решительную минуту на сторону его противников».** Эти слова принадлежат Карлу Каутскому, который как бы предвидел свою собственную карьеру. Спокойный, тепленький кабинет ученого—вот мост, соединяющий его с буржуазией, у него не было мужества вступить на мученический путь Розы Люксембург,—и вот мы видим его теперь в Версале в качестве преемника Луи Блана. И если он прославляет, как величайшую добродетель Коммуны то, что социалисты в ней не преследовали социалистов, то мы можем сказать ему: эти похвалы являются в равной степени оскорбительными как для большинства, так и для меньшинства Коммуны, которая состояла из соратников по борьбе, не имевших нужды преследовать друг друга. Но вы напрасно извращаете историю; если в Германии победит пролетарская революция, то вам, г. Каутский, нечего бояться, хотя объективно вы и являетесь предателем, как бы хороши ни были ваши намерения. Вы настолько безвредны, что революция может позволить себе роскошь и обеспечить вас необходимым пайком гусениц и неоперившихся птенцов, дабы Вы и впредь могли питаться по способу наших отдаленных предков; вы получите даже сколько нужно бумаги и чернил. Но все-таки мы отомстим: мы заставим ваших почитателей, Шейдемана, Гильфердинга и пр., читать ваши произведения, которые они теперь только делают вид, что читают.

ДЕМОКРАТИЯ, ОБЛАГОРАЖИВАЮЩАЯ НРАВЫ.

Как это обыкновенно делается в просветительных фильмах, г. Каутский приводит в поучение немецким читателям два примера: якобинскую диктатуру насилия, которая должна была кончиться поражением, потому

что с помощью насилия стремилась осуществить иллюзии и таким образом вводила протетариат в заблуждение, в одичание; этой темной картине он противопоставляет светлый пример моральной диктатуры, демократической диктатуры Коммуны 1871 года, «глубоко вкоренившейся в сердцах всех, жаждущих для человечества освобождения, в значительной степени потому, что она была исполнена тем **духом гуманизма**, который воодушевлял рабочий класс XIX столетия». Мы показали уже, что просветительная фильма Каутского является по-просту фокусничеством. Парижская коммуна 1793 г. представляла собою не пролетарскую, а буржуазную диктатуру, она не «разбилась» о невозможность осуществить пролетарские иллюзии, а, напротив, выполнила свою грандиозную историческую задачу: разгром феодализма. Наоборот, пролетарская Коммуна 1871 года разбилась уже после двух месяцев своего существования о путаницу своих вождей, преисполненных иллюзий и не понимавших и не сумевших вынести борьбу за пределы городских стен Парижа. **То, что Каутский называет «духом гуманности, являлось в действительности слабостью руководителей Коммуны, свидетельствовало об их нерешимости по отношению к ожесточенному врагу.** В противоположности между Коммуной 1793 и 1871 годов сказывается не противоположность между насилием и демократией,—ибо теоретически коммуна 1793 г. точно так же стояла на почве демократии, как и Коммуна 1871 г., а эта последняя точно так же сошла с нее практически, как и коммуна 1793 г.,—а противоположность заключается в упорной борьбе класса, время которого пришло, господство которого является исторической необходимостью,—а такой именно характер и носило господство якобинской буржуазии в 1793 г.,—и в путанице и бессилии класса, еще неспособного к господству и не решающегося бороться за него всеми средствами: таково было положение рабочего класса во Франции в 1871 году.

Если Каутский утверждает, что Коммуна 1871 г., благодаря своей гуманности, глубоко внедрилась в сердца всех, жаждущих освобождения человечества, то этот старец смешивает свое обабившееся сердце с железным сердцем пролетариата. Она сделалась символом пролетарских стремлений не вследствие своих слабостей, которые он называет гуманностью, а вследствие того, что представляла собою первую попытку пролетариата захватить власть.

Что представляет собою этот дух «гуманности», который будто бы господствовал в Коммуне и столь дорог сердцу Каутского, он стремится выяснить с помощью своих пресловутых безжизненных абстракций, показывая, как человечество становится с одной стороны все более диким, с другой—все более мягким и как то дикость, то мягкость попеременно побеждают. Нам нет надобности останавливаться на всех этих ужимках школьной премудрости, потому что Каутский не выходит из рамок лубочных картинок, на которых набили себе руку всевозможные «гуманитарные философы культуры», не проливая, однако, ни малейшего света на действительное течение исторических событий всеми этими рассуждениями о мягкости, которую они расхваливают, и дикости, которая сама в себе носит свое наказание. Каутский становится конкретнее, когда утверждает, что демократия, ясно выявляющая соотношение классовых сил, удерживает,

классы от слепого стремления к конфликтам и что марксизм действует на пролетариат в таком же точно направлении, так как пролетариат, благодаря марксистской точке зрения, научился понимать, что его победа может быть только результатом медленного, постепенного развития, то социалисты постоянно имели в виду, что в каждую данную минуту нужно приступать только к таким задачам, которые разрешимы при данном соотношении сил и при данных материальных условиях. И, действуя таким образом с полным знанием дела, социалисты избегали крушения своих предприятий или попадания в безвыходное положение, способное толкнуть их к кровавому терроризму противоречащему духу пролетариата и социализма. «И, действительно, с тех пор как марксизм господствует в социалистическом движении, это последнее **вплоть до мировой войны** почти не знало сколько-нибудь значительных поражений, и мысль о необходимости террористических методов совершенно исчезла из его рядов» (стр. 100). Вот рассуждения титулярного профессора. **Вплоть до мировой войны** демократия и марксизм давали такие прекрасные плоды. Но почему демократия, обнаруживающая подлинное соотношение сил и облагораживающая нравы, не предотвратила войны, этого наиболее дикого способа взаимного уничтожения? Мы убеждены, что г. Каутский торжественно возразит, что это произошло потому, что Гогенцоллерны, Габсбурги и Романовы в недостаточной дозе приняли его демократическое лечебное средство. Но, не говоря уже о том, что, не взирая на все дипломатические документы, содержащие необыкновенно тяжелый обличительный материал о роли этих династий в возникновении мировой катастрофы 1914 г., марксист не имеет права забывать всю социально-политическую историю возникновения войны. Не подлежит, ведь, сомнению и то обстоятельство, что и у демократии должно же было существовать твердое намерение всеми, даже самыми зверскими, средствами защищать интересы капитала Антанты против разбойничьих поползновений германского империализма, если Габсбургам и Гогенцоллернам удалось вызвать войну. И неужели Каутский ничего не знает **о постыдной войне западных демократий против Советской России и Советской Венгрии?** Больше того: выясняется, что этот своеобразный марксист даже летом 1919 г. был еще преисполнен всяческих иллюзий относительно решимости капитала бороться всеми насильственными способами против освободительных стремлений пролетариата. Он цитирует из моего предисловия к бухаринской работе следующее место: «Чем сильнее развит капитализм в какой-нибудь стране, тем ожесточеннее будет его самозащита, тем более кровавым путем пойдет пролетарская революция и тем беспощаднее будут те мероприятия, с помощью которых победивший рабочий класс покорит побежденный класс капиталистов». Этому г. Каутский противопоставляет сначала то замечание, что я **превращаю «полуторалетнюю практику большевизма»** во всеобщий закон развития и что я напрасно мотивирую эту практику «беспощадностью ио зверелостью капиталистической самозащиты». «Такого рода озверелость не замечалась в ноябре 1917 г. ни в Петербурге, ни в Москве, и еще менее недавно в Будапеште». Эти замечания бесплатного агента буржуазии показывают только, что он не замечает того, что неудобно для него и для капитализма. Он не заметил катомб жертв, павших во время любезного его сердцу режима Керенского,

демократических меньшевиков и социалистов-революционеров только из-за того, что русский капитализм ни перед чем не останавливался, лишь бы задержать победу пролетариата. Он ничего не слышал о ноябрьском восстании в Москве 1917 г., когда нужно было в многодневных тяжелых боях сломить сопротивление капиталистической гвардии. Он ничего не слышал о тридцати тысячах жертв белых в Финляндии, ничего не слышал о лесе виселиц на Украйне, воздвигнутых при громких рукоплесканиях буржуазии всей России, ничего не слышал о десятках тысяч убитых пролетариев на Кубани и Дону, ничего не слышал о колчаковском режиме, ужас которого описывает теперь представитель американского правительства **Джошуа-Розетт**, ничего неслышал обо всех контр-революционных заговорах, оплаченных Антантой и старавшихся парализовать положительное строительство Советской России. Он не слышал о пятнадцати тысячах мертвецов, которых г. Носке успел уложить в теперешней подготовительной стадии германской революции в честь германского капитала. Он ничего не слышал о циркулярахг. Черчи лля, «демократического» военного министра Англии, свидетельствующих о том, что английская олигархия ни на одну минуту не остановится перед тем, чтобы подавить в крови всякую попытку английского пролетариата к восстанию, подобно тому, как она, чего г. Карл Каутский не заметил, теперь, во время заседаний мирной конференции и образования союза народов, расстреляла в Каире 1000 (тысячу!) человек в ответ на демонстрации туземцев, а в Индии так расправляется с движением в пользу независимости, что **Рабиндранат Тагор,** несомненно отнюдь не дикий большевик, отказывается от пожалованного ему английским королем рыцарского звания и поясняет этот свой шаг тем, что «тяжесть наказаний, налагаемых на несчастный народ, и способ их выполнения не имеет ничего подобного в истории цивилизованных народов, если не считать далекие, давно прошедшие времена». Это было напечатано в номере «Manchester Guardian» от 7 июня, т.-е. в то время, когда г. Каутский как раз закончил свое изучение терроризма. Г. Каутский точно также еще не заметил кровавой расправы г. Клемансо с парижскими рабочими, воспользовавшимися 1 мая своим «демократическим правом» демонстрировать в честь Советской России. И мы уверены, что когда выйдет второе издание его последней брошюры, после широковещательного распространения ее Союзом борьбы против большевизма, то мы найдем в ней собрание всех ужасов, распространяемых капиталистической прессой по поводу Советской Венгрии, но десяти тысяч пролетариев, которых венгерские магнаты с помощью Антанты отправили на тот свет в священной борьбе за капитал и демократию, г. Каутский так-таки и там не заметит.

За всей его теорией о «демократии, облагораживающей нравы», скрывается одно очень простое обстоятельство: в период от 1871 до 1918 г.г. европейский пролетариат нигде, за исключением России, не делал попытки свергнуть буржуазию. **Пролетариат подчинился господству капитализма,** старался улучшить свое положение в рамках капитализма. **Вот почему буржуазия могла отказаться от применения грубых методов насилия против пролетариата,** если, разумеется, не считать небольших побоищ, в которых отводили себе душу капиталистические прихвостни во Франции

и Италии, Австрии и Северной Америке. В колониях, где пролетаризированные крестьяне по своему незнанию марксизма все-таки осмеливались восставать, с ними расправлялись по всем правилам военного искусства. Смягчение нравов заключалось в том, что буржуазия не убивала пролетариев, потом которых она жила, ибо это не только не было ей нужно, но даже определенно вредило интересам ее прибыли.

Марксизм выражал только практический опыт рабочего класса, предостерегая его от «бунтарства». То, что в данном случае решающую роль сыграло его собственное сознание своей слабости, а вовсе не влияние марксизма, лучше всего подтверждается тем обстоятельством, что даже в странах, где влияние марксизма было очень слабо, как в Италии, Франции и Англии, не происходило за последнее десятилетие никаких бунтов. Если рабочий класс до войны нигде не пытался захватить власть, если он нигде не сталкивался на практике с вопросом о применении насилия и о границах этого насилия, то это было результатом объективного соотношения сил, образовавшегося после 1871, а еще больше после 1890 года, в период укрепления капиталистических государств и их экономического распространения.

Марксизму совершенно не приходилось сталкиваться с вопросом о насилии на практике, и если г. Каутский расхваливает его, как тормоз рабочего движения, то эти похвалы расточаются им добродетели, существующей только в его фантазии. Хотя, с другой стороны, надобно признать, что марксизм его собственной масти действительно очень боялся насилия, постоянно руководился в своей политике принципом: «товарищи, не поддавайтесь на провокацию!»—и действительно стал таким образом тормозящим фактором во время последних десятилетий, когда империалистическая политика поставила рабочий класс перед проблемами насилия. Мировая война сделала эти проблемы насущными вопросами рабочего движения. Но наш пророк Второго Интернационала служит наглядным доказательством того, что у этого поколения, выросшего в период «спокойного развития» капитализма, нет ни малейшего реального исторического чутья бурной революционной эпохи. Мы видели это на примере изложения Каутским величайшей буржуазной и первой пролетарской революций, и эпохи так называемой «демократии», мы увидим это в особенно отталкивающей форме на его отношении к великой русской рабочей революции.

РУССКИЕ СОДОМ И ГОМОРРА.

Начнем с непреложных фактов. В период от марта до ноября 1917 г. господство русской буржуазии день за днем подтачивалось обстоятельствами. Буржуазия хотела продолжать войну, рабочие и крестьянские массы хотели во что бы то ни стало закончить ее [1]).

[1]) Если г. Каутский даже теперь, после немецкого опыта ноября 1917 г., бросает большевикам следующий упрек: «Они всеми мерами добивались развала армии, не заботясь о том, как это отразится на вожделениях германской военной автократии», то он упрекает большевиков только в том, в чем немецкие генералы упрекают его собственную партию. «Если она (военная автократия) не победила, то виною тому по-истине не они (большевики)»,—другими словами, г. Ка-

Крестьяне хотели завладеть феодальным землевладением. Буржуазия, совместно с помещиками, противодействовала этому. Рабочие не хотели переносить дольше господство буржуазии, разрушившей страну и неспособной снова восстановить ее. Все оружия буржуазного насилия оказались бессильными перед лицом пролетарски-крестьянского большинства армии. К тому же в промышленных и правительственных центрах рабочий класс был хозяином положения. В ноябре 1917 г. дело буржуазии было окончательно проиграно. Что было делать марксистам, представителям рабочего класса, в этом процессе распада капиталистической власти? Друзья Каутского, русские меньшевики, считающие себя марксистами,—впрочем, и Каутский выдает их за таковых,—в подавляющем большинстве говорили: «Русский пролетариат слишком слаб для того, чтобы взять власть в свои руки, он должен итти совместно с буржуазией, поддерживая ее господство; а так как русская буржуазия не хотела отказаться от войны, то они требовали, чтобы пролетариат верно служил знамени антантовского капитала.

Г. Каутский никогда не спорил против этой политики, он видел в Церетели представителя марксизма. Но русские крестьяне и рабочие прогнали и Церетели и Керенского к чорту. И, делая это, они являлись громадным большинством народа. **Ни одно демократическое правительство не опиралось на столь сплоченные массы, как большевики от ноября 1917 г. до марта 1918 г.** Ни один историк не сможет отрицать того обстоятельства, что большевиков вынесло к власти громадное большинство населения. Противоположное впечатление создавалось отчасти благодаря тому, что небольшая часть буржуазии и интеллигенции имела в своем распоряжении всю прессу, отчасти благодаря тому, что Учредительное Собрание вследствие отсутствия соответствующего политического аппарата в деревнях, неумения мужиков членораздельно выражать свою волю, представляло извращенную картину действительного положения дела. Но только тот, кто

утский считает отцом германской революции маршала Фоша. Этот единственный марксист чувствует себя в германской революции приблизительно так, как человек, попавший в дикую драку и только по недостатку мужества не решающийся назвать ее несчастием. Поэтому мы видим в его утверждении, что русская революция не оказала никакого благотворного влияния на возникновение германской, только трогательное доказательство того, что г. Каутского временами одолевают христианские чувства и он стремится избавить даже большевиков от геенны огненной. Так да здравствуют же Фош и Вильсон, отцы германской революции, освобождающей народы, и ее пророк Каутский! Но шутки в сторону. Установив на стр. 111 непричастность большевиков к германской революции, Каутский пишет на стр. 158: «Как бы ни относиться к большевизму, но то обстоятельство, что пролетарское правительство смогло не только стать у власти в великодержавном государстве, но и почти в течение двух лет удержать ее при необыкновенно трудных условиях, подымает самосознание пролетариев всех стран. Для действительной мировой революции большевики сделали этим чрезвычайно много, гораздо больше, чем их эмиссары, которые больше повредили делу рабочего класса, чем содействовали революции». Какой, с божьей помощью, оборот! Подарим Каутскому его выпад против большевистских «эмиссаров», с деятельностью которых он имел возможность знакомиться только из полицейских рапортов, и заметим лишь его признание, что господство большевиков в России сделало чрезвычайно много для действительной мировой революции. Это противоречие объясняется тем, что короткая память точно так же является признаком старческой дряхлости, как и желчное злопыхательство.

примет во внимание, что большевики взяли власть в качестве представителей решающего большинства народных масс, поймет, каким образом они продержались до образования Красной армии почти без всякой вооруженной силы в феврале и марте 1918 года и почему разгон Учредительного Собрания нигде не вызвал движения против большевиков.

Власть перешла таким образом к рабочим и крестьянам в силу стихийного исторического процесса, сломившего господство буржуазии и ее меньшевистских пособников. Крестьяне не имели собственного партийного представительства (левые социалисты-революционеры хотели им быть, но не были им: они представляли только часть интеллигенции с очень незначительными связями в крестьянстве). Пролетариат, господствовавший над путями сообщения и городами, обладавший органами власти в лице профсоюзов, советов, партии большевиков, был политически хозяином положения. Что было ему делать? Г. Каутский, враждебно относившийся к захвату власти русским пролетариатом,—он, впрочем, умалчивает об этом в своей книге,—мирится с этим фактом, как с неизбежностью, и дает русскому пролетариату следующий совет:

«Ни один класс не отказывается добровольно от завоеванной власти, при каких бы условиях он ни пришел к рулю. Было бы нелепо требовать такого отказа от венгерского или русского пролетариата вследствие отсталости этих стран. **Но партия, действующая в духе подлинного марксизма, приспособила бы задачи, открывающиеся перед победившим пролетариатом, к тем материальным и психологическим условиям, которые ей даны, не потребовала бы без всяких оговорок** (ohne Weiteres) **немедленно полной социализации** (Voll-sozialisierung) **в стране со столь неразвитой капиталистической промышленностью, как Россия»** (стр. 106). Со стороны Каутского очень любезно признать, наконец, что русский пролетариат не мог отказаться от власти. Его прошлогодняя брошюра о **«Демократии и диктатуре»**, напротив, рекомендовала русскому пролетариату снова восстановить демократию». Прошло больше года со времени появления этой брошюры, и война Антанты и русской контр-революции, повидимому, научила Каутского тому, что падение советской диктатуры привело бы к диктатуре антантовской контр-революции, во главе с царскими генералами. Исходя из этого, он говорит: вы пришли к власти, чорт бы вас побрал, хоть это и не произошло демократическим путем. Ну, так, по крайней мере, раз этого нельзя уж изменить, пользуйтесь же властью с толком: приспособляйтесь к условиям, не делайте невозможных прыжков, не увлекайтесь «полной социализацией», невозможной в такой капиталистически-неразвитой стране, как Россия.

Что такое **полная социализация?** Если это слово имеет какой-нибудь смысл, то оно может означать только немедленный переход всех средств производства в собственность и управление всего общества, попытку одним ударом отменить капитализм. Утверждать, что программа коммунистической партии требовала такого рода полной социализации, что русское рабочее правительство из доктринерства стремилось осуществить ее, значит совершенно не знать действительного развития русской революции.

Во время керенщины коммунистическая партия добивалась контроля фабрично-заводских комитетов над промышленностью, прекрасно понимая

именно то, что пролетариат должен ознакомиться с управлением, научиться пользоваться им, чтобы постепенно взяться за руководство промышленностью. Если Каутский говорит: «Пролетариат должен предварительно выработать в себе качества, необходимые для управления производством, а потом уже брать его в свои руки» (стр. 117), то это есть не что иное, как педантически упрощенное понимание в высшей степени сложного исторического процесса. Разумеется, нельзя руководить делом, которого не понимаешь. В капиталистическом обществе не только масса рядовых фабричных рабочих, но даже и умственные пролетарии (техники, инженеры) лишены способности управлять промышленностью. Они все—только участники, колесики сложного механизма. Управление сосредоточено в руках двух-трех директоров, тщательно оберегающих свои секреты (рыночные условия, соотношение сил). Пока господствует капитал, он стремится всеми силами отстранить пролетариат от управления производством. Но когда пролетариат берет власть, то ему, даже лишенному способностей управлять промышленностью, все-таки приходится браться за такого рода управление. Не только потому, что борьба за власть воспитала в нем волю к самостоятельному распоряжению своей судьбой, но и потому, что в этой борьбе за власть капиталисты всемерно вредят промышленности, саботируют ее для того, чтобы таким образом затруднить положение рабочего класса. Как же выйти из этого положения? Г.г. Каутские, Гильфердинги, Бауэры предполагали, что выход—в ученых комиссиях, в которых не было ни одного пролетария и которые изучали «вопросы социализации». Там они намеревались совместно с представителями капитала и учеными профессорами по порядку обсудить, как можно поочереди социализировать угли и сельди, не вредя этим «производству». И пришли к тому выводу, что нужно не дать повода капиталистам для саботажа и гражданской войны, отвесив им солидное вознаграждение. Потом, когда все образуется, можно будет помаленьку отобрать у них это вознаграждение. Одновременно с постепенной национализацией наиболее концентрированных индустрий, всего легче поддающихся государственному управлению, предполагалось превратить их правление из чисто капиталистического в смешанное: наряду с капиталистами в них должны были быть представлены: государство, потребители, рабочие. Таким образом были бы достигнуты две цели: рабочие мало-по-малу знакомятся с порядком управления, и вместе с тем обеспечивается непрерывность производства.

Прежде чем обратиться к вопросу о развитии революции в России, мы позволим себе спросить: оправдалась ли эта точка зрения в Германии и немецкой Австрии? По известному выражению, карась любит, чтобы его жарили в сметане. Точно так же и Каутский с компанией были убеждены в том, что буржуазия любит, чтобы ее помаленьку экспроприировали. Но они должны были убедиться в том, что буржуазия предпочитает совсем не подвергаться экспроприации. Она предоставила г Каутскому с прочими профессорами в Берлине, г. Бауэру в Вене «изучать» вопрос, а тем временем восстанавливала свое потрясенное в ноябре могущество, после чего песенка социализации оказалась спетой. Если теперь правительство в своем законопроекте о фабрично-заводских советах хочет предоставить рабочим одно место в заводских правлениях,—против этого все промышленники подняли бучу, и судьба правительственного законопроекта еще не решена,—то вио

только декорация: рабочие знакомятся с условиями и задачами управления не по «бумагам» предприятия, а из ежедневного участия в управлении предприятием. А это показывает, что метод Каутского выходить сухим из воды, является чистейшей утопией. Действительное развитие, как оно шло в России и как оно в основных чертах своих будет повторяться и в других странах, порядком затрудняет пролетариату знакомство с управлением промышленностью и делает процесс перехода от капитализма к социализму очень болезненным. Как же он происходил в России?

Рабочие требовали контроля фабрично-заводских комитетов над промышленностью. Они требовали этого не из доктринерства, не только под влиянием коммунистической пропаганды, а под давлением необходимости. Капиталисты часто хотели закрывать фабрики, потому что рост цен на сырье, на машины, на рабочую силу угрожал их военным прибылям. Выгоднее было спасти эти прибыли и парализовать на время промышленность. В других случаях капиталисты стремились к параличу промышленности, чтобы принудить рабочих к сокращению своих требований. Иногда, наконец, потому, что действительно не в состоянии были получить необходимое сырье. Во всех подобных случаях рабочие старались избежать безработицы, бурно требуя контроля над промышленностью, дабы иметь возможность убедиться в том, действительно ли неизбежно прекращение производства, действительно ли требования рабочих невыполнимы и т. д. Контроль над производством был в различных местностях России в разной степени завоеван, повсюду он был объектом ожесточенной борьбы, и часто рабочие были вынуждены вывозить на тачках своих господ директоров из завода, чтобы вообще проникнуть в контору. Что на этой ступени развития не интересы всего общества, всего рабочего класса выступали на первый план, что рабочие каждой фабрики боролись, главным образом, за свои частные интересы, что в этой борьбе было разрушено много ценностей,—все это не подлежит сомнению. Если, однако, Каутский считает нужным поучать в своей брошюре «**Демократия и диктатура**» о том, что захват рабочими какой-нибудь фабрики не есть еще социализм, то это свидетельствует только о тупоумии господина профессора. Пока нет органа, представляющего интересы целого, пока начинают образовываться только органы отдельных борющихся групп пролетариата, до тех пор объект этой борьбы не может быть всеобщим. Советскому правительству, взявшему власть в ноябре (октябре по ст. стилю) 1917 года, пришлось иметь дело и с борьбой отдельных групп пролетариата против своих собственных эксплоататоров и с индивидуалистическими тенденциями к смягчению своего отдельного, групового положения. Что было ему делать при таких условиях, какие задачи развертывались перед ним?

Прежде всего ему приходилось опасаться того, что капиталисты попробуют спасти то, что можно спасти, стараясь ликвидировать свои текущие счеты и сбыть запасы товаров спекулянтам. Необходимо было, стало-быть, овладеть банками, объявить фабрики с находившимися в них запасами собственностью нации и передать фабрично-заводским комитетам контроль над ними. После этого предстояло предупредить продажу рабочими отдельных фабрик сырья и запасов продуктов в свою пользу. Наконец, пришлось приступить не только к продолжению производства вообще, но и к управлению им в интересах общества, т.-е. к производству того, в чем общество нуждалось

больше всего. Каутский не имеет ни малейшего представления о той колоссальной работе, которая выполнялась в этой области с первого же дня ноябрьской революции, несмотря на то, что борьба за мир, германское нападение, борьба с немедленно объявившимися покушениями военной контрреволюции, стихийная демобилизация, строительство примитивных органов государственной власти ставили пролетариат и его партию перед задачами, о которых этакий профессор, привыкший к своему ученому кабинету с размеренными рядами книжных полок, не имеет ни малейшего представления. Но из речи Ленина о задачах Советской власти, вышедшей в апреле 1918 года на **пятый месяц революции**, каждый мыслящий человек может увидеть, что дело здесь шло не о высосанных из пальца размышлениях олимпийца, а об отношении великого пролетарского вождя к вопросам, с которыми тогда уже, в первые недели революции, приходилось считаться на практике всей Советской России. Брошюра Ленина—произведение насквозь полемическое. Она направлена против левого крыла Российской Коммунистической Партии, группировавшегося тогда вокруг журнала «**Коммунист**», выходившего в Москве под редакцией Бухарина, Радека, Осинского, Ломова и Смирнова. Вся партия была согласна с тем, что вопрос об организации производства играет решающую роль в революции. Оба крыла сходились на том же самом, что Каутский преподносит теперь коммунистам в качестве самоновейшей премудрости: что «без участия интеллигенции социализм неосуществим на нынешней ступени производства» (стр. 127).

Русские коммунисты никогда не внушали рабочим, что они могут управлять производством без специальных познаний или что эти специальные познания могут быть быстро приобретены ими, что они смогут пренебречь духовным капиталом общества, интеллигенцией. Если бы они придерживались такого мнения, то они, ведь, попросту не обращали бы никакого внимания на саботаж мелко-буржуазной интеллигенции. Противоречия возникали по совершенно другим поводам. Ленин исходил из того, что с разгромом Каледина окончился период открытого контр-революционного сопротивления буржуазии, что можно купить ее наилучших, испытанных руководителей промышленности, чтобы с их помощью развить производство. «Мы, коммунисты и рабочий класс, никогда не управляли фабриками, мы должны еще научиться этому и можем научиться только у организаторов трестов. Плату, которую мы заплатим им за эту выучку, мы сторицей вернем себе»,—заявлял Ленин. И его заявления были только отголоском серьезных переговоров с целым рядом крупных промышленников об образовании больших смешанных предприятий на Урале, в прибылях которых должны были участвовать промышленники, а управление которыми должно было сосредоточиться в руках промышленников и представителей государства и рабочих. Самоновейшая мудрость Каутского была таким образом знакома русским коммунистам, а левое крыло их точно так же не считало этих опытов Ленина прегрешениями против принципов, никто не утверждал, **что коммунизм нужно провести с одного маху, что возможно немедленно устранить капиталистические элементы в коммунистическом обществе**. Принципиально можно было вполне согласиться с предложенным Лениным путем, но левые коммунисты считали его план практически неосуществимым. Они указывали на

то, что сопротивление контр-революции нельзя считать окончательно сломленным. А если буржуазия не отказалась от него, то невозможно привлечь ее руководителей к работе, даже делая им в переходное время всякого рода уступки. Либо они совершенно отклонят всякое сотрудничество с Советской властью, надеясь на ее близкое падение под давлением европейской контр-революции и стараясь ускорить это падение, либо они заключат только притворный компромисс с советским правительством для того, чтобы превратить предоставленные им позиции в бастион против рабочей революции. Напротив, левые коммунисты совершенно соглашались с Лениным в том, что умственных рабочих, техников, инженеров и т. д. нужно поставить в возможно более выгодные условия, чтобы приобрести сотрудничество этих элементов, по своему материальному положению не контр-революционных. История, оправдавшая внешнюю политику Ленина, политику уклонения от немедленного столкновения с германским империализмом, показала, что попытка развить производство, привлекая к нему капиталистов, была по тому времени невыполнимой. Передышка, которую дала революции его внешняя политика, позволив ей организоваться, была вместе с тем передышкой и для контр-революции, организовавшейся под крылышком германского империализма на Украйне, под защитой Антанты в Сибири для все более ожесточенных нападений на Советскую Россию. Вместо того, чтобы заключить компромисс с матадорами капитала для поднятия промышленности, пролетарское государство было вынуждено бороться против них всеми мерами террора, дабы защитить власть рабочего класса, эту фундаментальную предпосылку всякой социализации. А это предписало определенные методы социализации. Приходилось считаться с непреложными фактами, с железной необходимостью, а не с абстрактными комбинациями.

Война отрезала Советскую Россию от железа и угля Донецкого бассейна и Кавказа, от бакинской нефти; со времени чехо-словацкого восстания—от уральских металлов, от туркестанского хлопка. Такое положение вынуждало к учету каждого атома сырья. Приходилось по-просту останавливать фабрики, неспособные работать полным ходом, передавать их машины и сырье предприятиям, способным выполнить работу полностью, пришлось остановить производство всех излишних и даже многих необходимых продуктов и подчинить промышленность интересам самозащиты революции. Пролетарское государство должно было твердо сконцентрировать в своих руках все предприятия. **«Полная социализация»—за исключением ремесл и т. п.—не была результатом коммунистической доктрины. Она явилась результатом оборонительной войны революции.**

Это обстоятельство требовало применения новых методов в области управления промышленностью. За долгие месяцы революции русские рабочие очень многому научились в сфере экономических отношений. Буржуазные корреспонденты, являющиеся сплошь врагами социализма, различные Олберги, которые вкрались в доверие Советской власти под маской друзей, чтобы иметь возможность в течение нескольких недель под маской объективности рассылать свои «живые картинки» Советской России, не имеют, разумеется, никакого понятия о той работе, которая была совершена русским пролетариатом при самых неблагоприятным условиях. Кто в противовес этому ссылается на речи советских вождей, на статьи советской прессы, тот

забывает о целях и задачах того пессимизма, который зачастую господствует в советской прессе. Советская Россия борется не на живот, а на смерть. Она сможет победить только в том случае, если напряжет все свои силы, продержится несмотря ни на что и во что бы то ни стало. И советским вождям точно так же, как и советской прессе, приходится указывать на каждую слабость, чтобы призывать к новому напряжению сил. Даже там, где в осечках виноваты объективные трудности, необходимо все-таки во что бы то ни стало пришпоривать массы. В то время, как буржуазная и социал-демократическая пресса Германии стремится скрыть и замолчать каждый случай разложения государственного организма, советская пресса бесстрашно вскрывает все недостатки своей государственной машины. Она беспощадно нападает на советских чиновников, разоблачает все слабые места советского механизма, но вместе с тем нападает и на рабочие массы, когда они оказываются не на высоте положения. Все-таки **Осинский**, один из лучших знатоков экономической политики советского правительства, был совершенно прав, указывая свыше года тому назад на то, что производительность труда зависит в первую очередь от объективных условий и является результатом длительного трудового процесса. Там, где работа постоянно прерывается недостатком угля и сырья, производительность труда на голову и в час падает. К этому надобно еще присоединить, что массы недостаточно питаются, чего нельзя избегнуть, потому что приходится в первую очередь производить для военных надобностей, а для обмена товаров на продукты питания только в очень ограниченном количестве. Наконец, наиболее энергичные пролетарии, выучившиеся управлению промышленностью, находятся на фронте, они—душа Красной армии. При таких обстоятельствах невозможно дожидаться, пока пролетариат понемногу разовьет свои способности руководителя производством. В этом процессе укрепления коллективной самодеятельности, коллективного чувства ответственности приходится действовать очень резко и грубо, приходится зачастую предоставлять более интеллигентным физическим и умственным рабочим прямо-таки диктаторские полномочия. Каутские видят в этом банкротство коммунизма, отказ от советской идеи. В действительности же, такого рода преходящие диктаторские эпизоды являются только результатом войны, не позволяющей советскому строю преодолеть свои детские болезни, усилить самодеятельность масс. И эти диктаторские эпизоды ведут к преодолению заминок только потому, что за ними стоят Советы, пользующиеся доверием масс и выясняющие этим последним смысл и необходимость таких мероприятий.

Мы видим таким образом из этого описания внутреннего развития Советской республики, какие трудности ей приходится преодолевать, не только вследствие молодости русского пролетариата, не только вследствие преимущественно аграрного характера России, но в первую линию благодаря тому, что русская революция возникла прежде чем восстал пролетариат капиталистических стран. Ей приходилось бороться не только с собственной контр-революцией, но и с мировым капиталом, который сначала пытался подавить ее для того, чтобы снова получить необходимое для него пушечное мясо, а теперь неистовствует против нее, как против очага мировой революции. Натиск контр-революционных армий мирового капитала, заговоры, составляемые им на русской почве, помощь, которую он постоянно снова

оказывает русскому капиталу, — все это питает его новыми надеждами на возможность победы над русским рабочим классом. Все это неизбежно должно было в высшей степени обострить характер борьбы русской революции. Когда русский рабочий класс достиг власти, он стремился избегать всяких жестокостей, не взирая на те дикие преследования, которые ему приходилось претерпевать во времена керенщины. Революционные рабочие защищали собственными телами арестованных министров Керенского, они прощали контр-революционных генералов; пройдя школу коммунистической партии, они понимали, что дело идет не об уничтожении отдельных личностей, а о преобразовании социальных условий. Если и были случаи дикого самосуда, то их виновниками оказывались одетые в солдатскую форму крестьянские парни, а не организованные рабочие. За исключением московских боев, октябрьская революция победила почти безболезненно. **Политический террор развился в полной мере только тогда, когда русская буржуазия под прикрытием немецких штыков на Украйне ополчилась огнем и мечем против рабочих, когда она весною 1918 г. спряталась в центральной России позади германского правительства** и стала с помощью чиновников этого последнего переправлять в Германию значительные доли достояния обедневшего русского народа, когда она начала **на английское и французское золото** устраивать заговоры, организовывать покушения на вождей русского пролетариата и, наконец, вооружать в Сибири и на Кавказе целые армии наемников против Советской России. Здесь не место входить во все подробности одичалого террора белых, о котором можно прочитать в донесениях **Джошуа Розетта**, представителя американского Красного Креста в Сибири. Каутский заявляет, что вожди контр-революции, обращаясь к террористическим средствам, не изменяют себе, потому что они слишком дешево ценят человеческую жизнь, которая является в их глазах только средством для их собственных эгоистических целей. «Противники не нарушают своих принципов, бросаясь человеческими жизнями для того, чтобы сохранить свою власть, а большевики, **поступая так, неминуемо изменяют своим принципам о святости человеческой жизни, которые они сами провозгласили и оправдали»** (стр. 139). Вслед за учителем и г. **Гильфердинг**, младший представитель фирмы под названием «кастрированный марксизм», твердит теперь, что терроризм **абсолютно безнравственен**, а бравый **Георг Ледебур** витийствует с пеной у рта по поводу безнравственности большевистского террора. Георг Ледебур может в свое оправдание сослаться на то, что во время керенщины он на стокгольмской конференции циммервальдовцев с большой энергией выступал против терроризма правительства Керенского. Но г.г. Каутский и К° не могут даже сослаться на гуманитарную расхлябанность, как на смягчающее их вину обстоятельство. Они молчали, когда русских солдат, мужиков и рабочих с помощью самого дикого террора гнали на войну в интересах капитала Антанты. Они молчали, когда правительство Керенского бросало в темницы революционных крестьян, организовавшихся для того, чтобы отобрать землю у помещиков, когда оно рассылало против этих крестьян карательные экспедиции на защиту помещиков, когда оно строжайшим образом преследовало тысячи рабочих за больше-

вистскую пропаганду. Абсолютную безнравственность терроризма эти апостолы нравственности разглядели только тогда, когда возник вопрос о том, должен ли пролетариат зубами и когтями защищать свою власть, возможность своего освобождения. Тут-то эти марксисты, которые до сих пор проповедывали пролетариату, что абсолютных истин, абсолютных нравственных законов вообще не существует, впервые надумали, что пролетариат только тогда имеет право на победу, когда он может победить без человеческих жертв. Если они так заботятся о человеческих жизнях, то почему они видят только жертвы чрезвычайных комиссий, а не замечают тех масс, которые должны голодать из-за того, что русская буржуазия с помощью капитала Антанты взрывает железнодорожные мосты, чтобы дезорганизовать транспорт, ибо русская буржуазия предпринимает наступление на Советскую Россию даже в том случае, если они совершенно безнадежны в военном отношении, только для того, чтобы уничтожить посевы и принудить голодом народные массы к капитуляции. Но если обвинения в безнравственности, которые бросают «нравственные» Каутские, Гильфердинги, Ледебуры молодому, борющемуся рабочему классу, бессмысленны, то это еще не исчерпывает проблемы терроризма, его перспектив и целей.

Не подлежит сомнению, что даже сильнейший террор не мог бы надолго спасти русскую революцию, если бы капитализм победоносно преодолел военный кризис и укрепился. Тогда контр-революция могла бы добиться своего, по-просту заставляя Советскую Россию производить только на военные надобности. Если Советская республика в более или менее близком будущем не переведет свою промышленность на мирное положение, чтобы получить от крестьян продовольствие в обмен на товары, то ясно, что слабый слой рабочего класса, в конце-концов, исчезнет и изойдет кровью даже в победоносных походах. Но эта возможность должна была бы для каждого западного социалиста, для которого слово «социализм» не является пустым звуком, стать стимулом величайшего напряжения своих усилий, дабы встряхнуть европейский рабочий класс и повести его на борьбу против капитализма, а вовсе не привести к тому, чтобы требовать от русских революционеров сдачи контр-революции оружия во имя человеческих прав. Ибо если Каутский еще в своей прошлогодней брошюре о «Демократии и диктатуре» высказывал надежду, что демократия сменит в России большевистскую диктатуру, то теперь не только русским меньшевикам, но даже их обалдевшим европейским повторяльщикам, тем же самым Каутским и Рудольфам Гильфердингам, стало ясно, что если русская рабочая диктатура со своим террором будет сломлена, то на ее место придет не демократия, а белый террор Колчака и Деникина. **Вынужденные выбирать между пролетарской диктатурой с терроризмом и голым терроризмом белой диктатуры, они умоляют пролетариат:** будь кроток, услужлив и добр,—и обещают поставить русскому пролетариату надгробный памятник, на котором будет значиться: «Пал, предательски умерщвленный белым террором, потому что был благороден и следовал голосу человечности, питался преимущественно растительной пищей, которую изредка дополнял мелкими животными, гусеницами, червяками, рептилиями, при случае неоперившимися птенцами. Он не умертвил ни одного млекопитающегося, чтобы

пожрать его. Он остался верен нашим отдаленным предкам, обезьянам. Слава его памяти!»

Но русский пролетариат не послушается этих советов,—и единственная их хорошая сторона заключается в том, что благодаря им пролетариат **в последнем Гильфердинге и Ледебуре** научится распознавать Шейдемана.

ИЛИ—ИЛИ.

Какое значение имеет вопрос о терроризме для западно-европейского рабочего класса? Каутский, Отто Бауэр, Гильфердинг стремятся объяснить терроризм, который они замечают только в русской рабочей революции, тем обстоятельством, что рабочий класс в России является в процентном отношении только очень незначительной частью населения. Только поэтому, говорят они, ему приходится держаться насильственными мерами. А европейскому пролетариату не пришлось бы прибегать к таким мерам, потому что он представляет большинство населения. Выступают же против большевистского террора они только потому, что взяли на себя обязательство омыть социалистический щит от всей той крови, которою его запятнал большевизм; но усердие, проявляемое всеми этими Каутскими, Штребелями, Гильфердингами и Ледебурами в этом вопросе, показывает, что здесь речь идет не только о том, могут ли эти великие представители социализма взять на себя ответственность за бедную, маленькую русскую революцию. Когда русская рабочая революция победила в ноябре 1917 года, когда перед пролетариями всего мира от Берлина и Вены до Нью-Йорка и Сан-Франциско взвилось советское знамя, как знамя их будущей борьбы и победы, тогда первый бой колеблющихся элементов социализма **был дан идее пролетарской диктатуры.** Штребели и Каутские на перегонку с открытыми лакеями буржуазии стремились уговорить пролетариат, что Маркс понимал под диктатурой не что иное, как господство пролетариата, начавшееся после того, как он нотариальным порядком установил, что большинство населения стоит на стороне социализма. И то только после того, как он взял на себя юридическое обязательство вознаграждать бравую буржуазию до второго колена за то, что у нее было отнято прирожденное право на эксплоатацию, и не иначе, как обеспечив ей, кроме пожизненной ренты, еще приятную возможность организовываться под знаменем демократии против пролетариата. Но все-таки идея рабочей диктатуры овладела рабочим классом Западной Европы, завоевывала все большие массы пролетариата, не только благодаря влиянию борьбы русской Советской республики, к которой стремились сердца пролетариев всего мира, но в первую линию благодаря тому опыту, который рабочий класс всех стран проделал с буржуазной диктатурой. После того, как германские рабочие в ноябре 1918 г. позволили провести себя за нос Гаазе, Штребелям, Гильфердингам, Дитманам, Каутским, которые выдали доставшуюся им власть буржуазии, они быстро познали буржуазных демократов по делам их. Между Национальным Собранием и Советами не существует принципиального противоречия,—утверждал вожак независимых Гаазе на первом конгрессе советов, и защищал созыв Национального Собрания. Буржуазия показала пролетариату, что ему приходится выбирать между «или—или». Чтобы получить в свои руки действительную власть, чтобы

превратить Национальное Собрание в увенчание действительно буржуазной власти, буржуазия приступила немедленно после конгресса к удушению рабочих, лишению рабочих советов прав, разоружению пролетариата. В период от января до марта вера пролетариата в чудотворную силу демократии и Национального Собрания разлетелась, как дым, и он начал бурно высказываться в пользу диктатуры и советской власти. С величайшим трудом Гаазе и Гильфердингу удалось на мартовском съезде независимой германской социал-демократии уверить рабочих в том, что с помощью давления на буржуазию в буржуазном Национальном Собрании можно будет если не добиться Советской власти, то, по крайней мере, участия рабочих в правительстве, обеспечить им политическую инициативу. Принципиальные противники советов не решались уже показываться в рядах независимой социал-демократии. Только в буржуазных газетах и в книгах, издаваемых буржуазными издателями, Каутские и Штребели осмеливаются выступать против идеи пролетарской диктатуры. Но с каждым днем положение в партии становилось для них все безнадежнее, и врагам пролетарской диктатуры ничего другого не осталось, как отступить на другие позиции, концентрироваться на лозунге **диктатуры, которая вовсе не есть диктатура!**

Сигнал подал Рудольф Гильфердинг, старый «советчик» Шейдемана—Эберта, радикал в теории, вышедший из австрийской школы компромиссов, человек половинчатых истин и законченной лжи. Он высказался на сентябрьской конференции независимых за диктатуру, но за такую диктатуру, которая и пальцем не тронет буржуазии, которая является лезвием без клинка, одним словом он высказался за диктатуру, принципиально отвергающую террор. Он объявил, что терроризм не только должен быть отвергнут с этической точки зрения, но и вовсе излишен в Западной Европе, где рабочий класс является большинством и может достигнуть власти и укрепить ее без всякого насилия. Все темные оппортунистические элементы уцепились за эту лазейку. Она стала якорем спасения для тех слоев независимой партии, которые благодаря своему социальному положению не в состоянии окончательно разорвать с буржуазией, отчасти же привыкли уже к безмятежному житию парламентского вождя, протестующего и демонстрирующего, но не подвергающего себя риску. За этот якорь уцепились все те элементы, которые пришли к социализму вследствие банкротства буржуазной демократии. **Лозунг диктатуры без терроризма стал одновременно лозунгом политических дельцов и гуманитарно-демократических иллюзионистов.** Никто из них не мог без оговорок стать на точку зрения пролетариата и участвовать в его борьбе, считаясь только с требованиями положения, не ставя истории никаких условий, не переругиваясь с ней, не убеждая ее в том, что она должна позволить пролетариату пройти сквозь море капиталистической грязи и крови, оставшись притом чистым и незапятнанным, как Антигона. Лозунг «диктатуры без терроризма» есть последнее прибежище буржуазии.

Прежде всего: каким образом мы придем к государственной власти. Сможем ли мы точно установить, что за нас—большинство населения, даже в том случае, если оно будет за нас? Несомненно, что это нам не удастся; когда для пролетариата приходит время объявить свое господство, то это

выражается в обостренных революционных битвах, в которых и буржуазия и пролетариат разрушают демократическую форму, напрягая все силы в борьбе. Приходу пролетарской диктатуры буржуазия противопоставит белый террор. Она закроет рабочую печать, распустит рабочие организации, попытается вызвать пролетариат на преждевременные выступления, чтобы раздавить его. Почти невероятно, чтобы можно было с помощью каких-нибудь выборов установить, на чьей стороне большинство. **Точно так же очень сомнительно, чтобы сознательно стремящийся к власти пролетариат когда-либо до захвата власти имел позади себя большинство населения.** Пока существует капитализм, рабочие находятся под влиянием не только буржуазной печати и школы, под влиянием привитых предрассудков, но и под **влиянием и гипнозом буржуазной мощи.** Наиболее угнетенные или духовно наименее развитые элементы рабочего класса освобождаются от этого влияния только в процессе революции. Значительному большинству пролетариата вера в свои способности к власти, в свои силы приходит только с первыми действиями революционного рабочего правительства, вырастает из их собственной борьбы, собственного опыта. Но даже если бы вокруг коммунистического авангарда и собралось большинство, которое можно было бы установить математически, **то и тогда не пришлось бы надеяться на то, что буржуазия подчинится большинству. Буржуазия вообще не подчинится, ее надо подчинить.** Пока на-ряду с социалистическими будут существовать капиталистические государства, буржуазия будет постоянно обольщать себя надеждой еще раз победить пролетариат; однажды разбитая, она будет сызнова организовывать сопротивление. **Пока процесс революции не закончен, пока социалистический порядок не заступил место капиталистического разложения, пока наглядные примеры не убедили массы в благотворности новой власти, буржуазия будет находить в колеблющихся частях пролетариата и мелкой буржуазии элементы, которые можно уговорить в том, что под господством буржуазии они избавятся от всех тягот и суровостей периода борьбы.** На Западе, в капиталистически развитых странах, где буржуазия лучше всего организована, где она имеет в рабочей аристократии гораздо более широкую опору, чем в России, бои за власть примут, вероятно, гораздо более ожесточенный характер, чем в России; гораздо более значительной мощи буржуазии пролетариат с своей стороны должен будет противопоставить гораздо более значительную силу.

При таких обстоятельствах болтать о диктатуре без терроризма значит **только усыплять массы.** Это поведет единственно к тому, что они пойдут в **бой,** не сознавая опасности, и **тем легче падут жертвой буржуазии.** Нельзя утешать себя тем, что рабочая масса не сантиментальна и сумеет ответить на суровые факты столь же непреложными фактами. Рабочий класс, как всякий класс, стремящийся вперед, представляющий будущее и олицетворяющий стремление ко всему великому и прекрасному, от природы великодушен, его легко усыпить, в особенности если сонный порошок ему преподносят люди, пользующиеся его доверием, выдающие себя за сторонников диктатуры. Рабочему классу угрожает опасность, что он достигнет власти через махинации людей, которые никоим образом не сожгли своих кораблей

которые ослеплены честными и добродетельными чувствами и которые будут некоторое время воздерживаться от применения насилия даже там, где оно необходимо. И тогда рабочему классу придется наверстывать потерянное с несравненно большими жертвами.

Да, пролетариату угрожает опасность даже **больших временных неудач**, вызванных махинациями различных ненадежных вождей. Кто знает историю **венгерского**, а также **мюнхенского** советского правительства, тот знает, какую роковую роль сыграли в их падении лирические юноши (юноши независимо от различия в возрасте); и поэтому влияние, оказываемое книгой Каутского на некоторую часть независимых вождей, **является предостерегающим сигналом. Оно предостерегает пролетариат от доверия бумажным заверениям в преданности.** Независимые рабочие массы знают, что недостаточно вырвать у вождей признание диктатуры: **необходимо на узловых пунктах пролетарской железнодорожной сети расставить представителей революционного пролетариата, взор которых не ошибется, рука которых не задрожит.** Советская диктатура с вождями, которые внутренне не окончательно порвали с капиталистическим миром, не готовы сделать все, чего потребует необходимость, такая диктатура будет только призрачной диктатурой, т.-е. верным поражением. Пролетариат не жаждет крови, он знает из исторического опыта, что насилие и террор нигде и никогда не создавали новых производственных отношений, если почва для них не расчищена экономическим развитием. Пролетариат знает, что насилие не добывает ни угля, ни хлеба, не строит железных дорог, что для этого нужен добровольный труд миллионов людей; но вместе с тем пролетариат знает, что если он хочет спуститься в шахты, чтобы извлечь оттуда уголь для своих жилищ и заводов, **то он должен предварительно отвоевать их в тяжелой революционной борьбе, стоять перед ними на страже с мечом в руке, чтобы их не разрушили белогвардейские банды.** Пролетариат знает, что он не заставит насилием крестьян возделывать свои поля, что это случится только тогда, когда крестьянин убедится в том, что при господстве пролетариата ему лучше живется, чем при господстве буржуазии. Но сначала нужно разгромом буржуазии показать крестьянам, что не она одна только способна господствовать. А чтобы добиться этого, придется зачастую воевать не только с буржуазией, но и с зажиточным крестьянством. Кто изучал историю революции не по книгам Каутского, а по первоисточникам,—пусть даже реакционным и буржуазным,—тот без оговорок согласится с **Ранке**, замечающим в своей истории английской революции, что великое свершается только с помощью **непреклонной воли.** Роль терроризма и насилия в революции заключалась в том, что **революционный класс даже в часы величайшей опасности ни перед чем не останавливался, дабы осуществить свою волю и удержаться вопреки всем штурмующим ветрам.**

Эту волю рабочий класс приобретает только после длительного опыта, многочисленных битв, после поражений и побед. Как подчиненный класс, происходящий от угнетенных народных слоев докапиталистического периода истории, как класс, в чьих жилах течет кровь людей, веками подчинявшихся чужой воле, рабочий класс не обладает еще той железной ре-

шимостью к власти, которая в столь значительной степени характеризует, напр., прусских юнкеров или английскую буржуазию.

Тем острее нужно бороться против всех элементов, которые разлагают и путают его энергию своими колебаниями. Диктатура с терроризмом не есть для пролетариата, стремящегося к всеобщему равенству людей, влечение сердца, не есть свободно выбранная тактика. Он откажется от нее, как только это позволят обстоятельства. В процессе социалистической революции ему постоянно сызнова придется задаваться вопросом: нельзя ли привлечь к власти ту или иную часть буржуазии, нельзя ли расширить круг равноправных граждан, и он встретит радостным колокольным звоном тот день, когда упадут все цепи, когда можно будет положить конец всякому угнетению, когда будет позабыто позорное пятно порабощения человека человеком. И этот новый день свободного равноправного общества братьев придет тем скорее, чем большим будет теперь круг интеллигентов, понимающих, что господства буржуазии уже нельзя спасти, что надобно решительно стать на сторону новой жизни. Чем бо́льшую помощь рабочие массы получат от умственных работников, тем легче пойдет организация новой жизни, тем труднее будет бороться с нею контр-революционным силам, тем незначительнее будет необходимость в террористических мерах против них. Колеблющаяся политика пролетариата только усилит эту необходимость. Политика пролетариата в этом вопросе предвосхищена известным изречением **чартистов: мы идем к нашей цели мирно, если это возможно,—насильственно, если это необходимо.** Исторический опыт говорит пролетариату, что насилие будет необходимо; от буржуазии зависит теперь показать, что этот опыт нуждается в поправках.

Ноябрь 1919 г.

XII.

История одной неудавшейся бунтарской попытки.

(К кризису коммунистической партии в немецкой Австрии).

«РАЗОБЛАЧЕНИЯ» БЕТТЕЛЬГЕЙМА.

Для каждого, кто наблюдал за ходом коммунистического движения в немецкой Австрии за последние несколько месяцев (даже если ему приходилось ограничиваться одними только сообщениями газет), должно было быть ясно, что движение это переживает серьезный кризис. Уже с первых дней венгерской пролетарской революции проявлялись в Вене попытки вызвать бунтарскую вспышку, при чем инициаторы этого плана исходили из того глубоко ошибочного предположения, что этим может быть оказана поддержка венгерской Советской республике. Для достижения своей цели они направо и налево разбрасывали громадные денежные суммы, что действовало, конечно, лишь разлагающе на австрийское коммунистическое движение. Эта тактика неизбежно вела к тому, что от движения отходили все товарищи, не желавшие ни в каком случае нести ответственность за разложение партии и в то же время считавшие невозможным, ввиду затруднительного положения Советской республики в Венгрии, открыто выступить против ее агентов. В результате в коммунистическом движении немецкой Австрии, после крушения венгерской Советской республики, создалась тяжелая атмосфера взаимных обвинений, политического и чисто личного характера, вызвавшая уход из партии еще целого ряда товарищей и тормозившая работу остальных. Благодаря стараниям руководящих деятелей и вмешательству других организаций Коммунистического Интернационала, удалось очистить атмосферу настолько, что отныне можно было надеяться на возможность совместной работы представителей различных течений в австрийской партии. Дальнейшие трудности возникли, однако, вследствие невозможности открытого обсуждения того, что удалось выяснить в интимном кругу; приходилось, кроме того, считаться с теми венгерскими товарищами, которые, подобно д-ру **Беттельгейму**, играли во время кризиса выдающуюся роль и затем были арестованы в Вене. Эти трудности в настоящее время устранены. Д-р **Фридрих Адлер** опубликовал в венском «Kampf'e» от 4 октября взятую у Беттельгейма при аресте рукопись, в которой излагается ход этих событий; этим он желал, по его словам, бросить луч света на «болото, именующее себя

коммунистической партией». Мы можем быть только благодарны Фридриху Адлеру за этот шаг, хотя ему, некогда изобличавшему подлость и продажность, господствовавшие в австрийской социал-демократии (см., например, его обвинительную речь в редактированном им берлинском издании протоколов его процесса), более подобало бы заняться тем «болотом», в котором теперь, после коалиции с антисемитами, без сомнения, еще глубже, чем в 1916 г., погрязла австрийская **социал-демократия.** Но, как уже сказано, мы можем быть только благодарны Бетельгейму и Адлеру за то, что они сделали возможным открытое обсуждение вопроса. Эту возможность мы и намерены использовать теперь.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В НЕМЕЦКОЙ АВСТРИИ.

Чтобы как следует понять кризис, с полной ясностью обнаружившийся в мае—августе, необходимо иметь в виду, что австрийская коммунистическая партия значительно слабее германской. В Германии еще до войны существовало в социал-демократии левое, радикальное направление, выработавшее в борьбе против явного и тайного оппортунизма (направление Каутского—Гаазе) принципиальные основы для будущей германской коммунистической партии. Во время войны это направление углубило свою идеологию, приобрело среди исключительных трудностей и с величайшими жертвами целые кадры новых приверженцев и создало нелегальные организации, которые после войны стали легальными и быстро охватили широкие массы. Раскол в германской социал-демократии, происшедший в 1917 г., облегчил эту работу. Основание самостоятельной коммунистической партии в Германии в декабре 1917 г. явилось результатом восьмилетней идейной и четырехлетней организационной деятельности многих сотен выдающихся товарищей. Между тем в немецкой Австрии до войны вообще не существовало марксистской оппозиции в социал-демократии. За исключением Иосифа Штрассера, все австрийские марксисты с Отто Бауэром и Фридрихом Адлером во главе считали своей задачей не борьбу с оппортунизмом, а теоретическое разъяснение его. То обстоятельство, что в немецкой Австрии партии не пришлось голосовать за военные кредиты, так как австрийский парламент вообще не был созван, дало заправилам австрийской социал-демократической партии,—имевшим в лице Виктора Адлера вождя с большим и вполне заслуженным моральным авторитетом, а в лице Реннера искусного политического руководителя,—возможность затушевать и спутать существовавшие в партии противоречия. Насколько слабою чувствовала себя возникшая во время войны в австрийской партии умеренная оппозиция, это лучше всего обнаружило покушение Фрица Адлера, схватившегося за револьвер только потому, что он знал, что за ним не стоят широкие массы, и чувствовал себя неспособным к политическому выступлению. Возникшая во время войны и сгруппировавшаяся вокруг товарища Франца Коричонера левая, радикальная оппозиция насчитывала только нескольких последователей.

Когда разразилась революция, элементы, объединившиеся вскоре в коммунистическую партию немецкой Австрии, составляли **очень незначительную группу очень юных интеллигентов,** которые под влиянием войны прониклись революционно-пролетарскими тенденциями, но были при этом чужды какого бы то ни было политического опыта; к ним присоединились вернувшиеся из России **военнопленные,** которые, разумеется, были весьма плохо осведомлены о положении дел в Австрии. Ясно, что партия, составившаяся из таких элементов и не выросшая органически, не могла в течение короткого времени сделаться центром революционных стремлений, возникших в пролетариате тогда, когда австрийская социал-демократия во главе с Реннером и Зейцом и при содействии Фрица Адлера (во время революции он оказался самым мирным мелким буржуа, только в 1916 г., под влиянием войны, потерявшим самообладание) заключила союз с буржуазией. Молодая австрийская коммунистическая партия неизбежно должна была наделать много ошибок, прежде чем найти верный путь в борьбе. Коммунистическая политика—не простое применение изобретенных и патентованных в Москве принципов; она состоит в руководстве революционной массовой борьбой, условия которой во многом различны в различных странах. Только обогатившись опытом своей стихийной борьбы и научившись делать правильные выводы из этого опыта, рабочие массы могут проложить себе путь к коммунизму. Чем образованнее и опытнее передовые борцы пролетариата, тем скорее они учитывают значение этого опыта и тем успешнее помогают они пролетариату ориентироваться в нем. Коммунистическая партия в немецкой Австрии—при молодости личного состава ее вождей—могла в первые месяцы своего существования сделать только первые робкие шаги по пути пропаганды и организации. Она не могла предвидеть, как длинен будет путь к цели и как он будет извилист. Бурный характер движения в Германии в течение времени с января по апрель, забастовки в Англии,—все это казалось им несомненным признаком скорой победы мировой революции; с настроением, созданным этими надеждами, созпало также провозглашение **венгерской** и вскоре затем и **мюнхенской Советской республики.**

ВЕНГЕРСКАЯ БУНТАРСКАЯ ТАКТИКА В ВЕНЕ.

Революционные рабочие Вены—не только коммунисты, но и социал-демократы — были весьма наэлектризованы событиями в Венгрии и в Баварии. Вожди коммунистов считали себя обязанными вести самую энергичную агитацию в пользу провозглашения Советской республики. Они были совершенно правы, возражая социал-демократам, что установление Советской республики в Вене расширит поле борьбы и тем самым даст возможность справиться с принявшими тогда весьма серьезный характер продовольственными затруднениями в Вене, которые служили для Адлера и его последователей главным доводом против учреждения Советской республики в немецкой Австрии. Провозглашение немецко-австрийской Советской республики означало бы вовсе не одну только необходимость прокормить большее количество людей, о чем

кричали социал-демократы, но присоединило бы к пылкому венгерскому пролетариату сотни тысяч прошедших организационную выучку австрийских рабочих; это, конечно, значительно увеличило бы военную силу союзных Советских республик и дало бы им возможность занять богатые хлебом территории Венгрии. Победа немецкого и венгерского пролетариата Австрии, несомненно, вызвала бы отклики в среде чешских рабочих и отрезвляюще подействовала бы на Антанту, совершенно изменив то положение, которое получилось при изолированности Будапешта. **Поэтому коммунисты немецкой Австрии только исполняли свой долг, напрягая все усилия к тому, чтобы побудить австрийский пролетариат к провозглашению диктатуры советов.**

«Реалисты» во главе с Францем Адлером и Бауэром, всячески предостерегавшие пролетариат от этого «эксперимента», на деле предавали пролетариат и помогали Реннерам и Эллленбогенам головой выдать его буржуазии; и если теперь пролетариат окончательно продан буржуазии теми же Реннерами и Эллленбогенами, то это—результат их тактики уклонения от всякой борьбы. Их—Реннера и Эллленбогена—постигла та же судьба, что и Гаазе и Дитмана, их родных братьев по духу. Но агитация за советскую диктатуру казалась части венгерских товарищей слишком недостаточной помощью со стороны австрийского пролетариата. Надо иметь в виду, что и в Венгрии коммунистическая партия располагала лишь весьма небольшим кадром опытных и образованных вождей, что после ее легкой победы ей пришлось заместить многие важные посты совершенно неопытными товарищами,—не говоря уже о том, что в ней было много авантюристских элементов, которые присоединились к ней лишь потому, что она оказалась победительницей. Весьма трудно теперь установить, в какой мере в иностранной пропаганде венгерской Советской республики принимали участие люди неопытные, авантюристы и те шакалы, которые всегда рыскают на полях битв после сражения. Факт тот, что эти элементы вели в Вене деятельную агитацию, толкая молодую австрийскую коммунистическую партию на **бунтарское выступление.** В середине мая в Вену прибыл в качестве венгерского эмиссара **д-р Беттельгейм.** Он разыгрывал из себя уполномоченного Третьего Интернационала, который якобы поручил ему возможно скорее провозгласить в немецкой Австрии Советскую республику. В действительности же Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала знал о Беттельгейме, человеке до тех пор совершенно чуждом движению, столько же, сколько Беттельгейм знал о Коммунистическом Интернационале, т.-е. ровно ничего. Нам неизвестно, сам ли д-р Беттельгейм изобрел басню об этом фантастическом поручении, с тем чтобы легче воздействовать на неопытных венских товарищей, или же какое-либо из учреждений венгерской Советской республики сознательно ввело его в заблуждение, желая придать ему больше смелости для выполнения задуманного в Венгрии плана. Во всяком случае **«московские мандаты» д-ра Беттельгейма—продукт фантазии молодого товарища, не имеющего никакого представления о коммунизме, или же мошеннический маневр авантюриста. Никогда русская коммунистическая партия—ни до основания Коммунистическо-**

го Интернационала, ни после него — не давала ни одному товарищу мандата отправиться в определенную страну и там в определенный момент провозгласить Советскую республику. Если русские товарищи, долго работавшие в известных странах, или же товарищи из этих стран, проживавшие в России в качестве военнопленных, отправлялись из России для революционной работы в Австрию, Германию, Францию или какую-либо другую страну, то русская коммунистическая партия, разумеется, поддерживала их материально, — эта поддержка бывала, обычно, весьма скромной, — как не отказывала она в помощи и иностранным социалистическим группам и партиям, которые обращались к ней за такой помощью. Единственная сама собою разумевшаяся компенсация со стороны этих товарищей состояла в распространении коммунистических идей и правильных сведений о ходе русской революции. Русская коммунистическая партия и руководимый ею Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала никогда не обольщались мыслью, будто они из Москвы могут руководить конкретной политикой заграничных коммунистических партий, работающих в водовороте своего собственного, заграничного движения. Пишущий эти строки, до декабря 1918 года руководивший иностранной пропагандой большевиков, в своих переговорах с германскими, венгерскими, чешскими и юго-славянскими коммунистами, нелегально посетившими в октябре 1918 года, между прочим, и Австро-Венгрию, от имени русской коммунистической партии категорически предостерегал их от простого копирования русских образцов в начальной стадии австро-венгерской революции; даже отношение к Национальному Собранию он советовал видоизменять, в зависимости от условий места и времени и от той стадии, которой достигло уже движение.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, руководимый такими осторожными тактиками, как **Зиновьев и Троцкий**, последовательными марксистами, работающими в партии долгие годы (Троцкий 25, Зиновьев 17 лет), и не мог, конечно, рекомендовать никакой иной политики. Русская коммунистическая партия знает, что окончательная победа русской революции возможна только в случае победы революции мировой. Мировая же революция может развиться только как движение, которое в каждой стране творят ее собственные пролетарские массы, а не какие-либо «эмиссары». Если пролетарская революция за границей в более или менее близком будущем не разовьется настолько, чтобы победить империализм Антанты, то Советская республика в России может истечь кровью, ибо оборонительная война против Антанты парализует все ее силы, направленные на экономическую реорганизацию общества. Такая именно участь постигла Советскую Венгрию с ее слишком узким базисом. Но сознание этой опасности не мешает нам отдавать себе отчет в том, что угрожаемым Советским республикам может помочь только развитие пролетарской революции, а не искусственно вызванные бунтарские вспышки; такие вспышки только ослабляют движение в других странах, а стало быть и в Советской России и других революционных центрах, и компрометируют идею коммунизма вообще. Если бы в немецкой Австрии пролетариат в большин-

стве своем воспринял и осуществил идею диктатуры советов, это усилило бы Советскую республику в Венгрии. Но если бы австрийская коммунистическая партия, путем бунтарской вспышки, захватила «власть»,— что при слабости правительства в Австрии отнюдь не было невозможно,—не имея за собою при этом большинства пролетариата, то эта «победа» только ослабила бы Советскую республику в Венгрии. Австрийская Советская республика вовсе и не была бы в таком случае советской, ибо советы были против ее провозглашения. Против нее были и профессиональные союзы,—на кого же она могла бы опереться? Вынужденная прибегнуть к содействию случайно набранной красной гвардии и вести борьбу против большинства рабочего класса,—откуда она могла бы почерпнуть силы еще и для помощи Советской Венгрии? Это простое соображение должно было с достаточной убедительностью доказать все безумие бунтарской тактики всем тем, кто знает о Советской республике не только по наслышке. Но именно с такой печальным незнанием мы имеем здесь дело,—мессия будапештского бюро пропаганды не имеет ни малейшего представления о коммунизме; это доказывает каждое слово в его нападках на коммунистическую партию немецкой Австрии.

БУНТАРСКАЯ ВСПЫШКА 15 ИЮНЯ.

Вот что сообщает Беттельгейм о силе коммунистической партии в середине мая, когда он со своим фантастическим мандатом в кармане прибыл в Вену. Центральный Комитет партии не мог сослаться ни на одно, сколько-нибудь значительное выступление,—ниже мы увидим, что этот наивный человек понимает под словом «выступление»,—не мог похвастать ни одним мало-мальски крупным успехом. Комитет не знал состава партии, числа работающих в отдельных предприятиях товарищей, не мог созвать уполномоченных от отдельных предприятий. В организации совершенно не было агитаторов, и систематическая партийная работа не велась. Огромная масса безработных оставалась вне всякой организации, связи с деревней были запущены. Из этого положения вещей всякий здравомыслящий человек мог бы сделать только один, весьма простой вывод:—«It is a long way of Tipperary». Вся работа еще впереди: необходимо организовать партию, проникнуть в предприятия и положить в них начало организации, установить связи с деревней, энергично повести дело пропаганды, использовать всякое явление социально-политической жизни для выступлений, которые мобилизовали бы рабочий класс, организовали его и постепенно вывели бы его на поле битвы. Но мессии и пророки, как известно, не пашут и не сеют, у них есть волшебная палочка, которой они творят чудеса. Правда, д-р Беттельгейм, бывший только лже-пророком, мог творить только лже-чудеса. Вместо того, чтобы организовать партию, он дезорганизует ее, распуская ее руководящий центр и назначая «директорию». Как подобает чудотворцу, он хочет жать там, где не сеял, и решает именно 15 июня,—стало-быть, ровно по истечении месяца своего, столь обильного успехами пребывания в Вене—освободить пролетариат от

капиталистического ига, провозгласив Советскую республику. С чем-нибудь более скромным он никак не мог примириться, ибо «под выступлением я понимаю провозглашение Советской республики»,—пишет он дословно в своем воистину замечательном труде. Пока что д-р Беттельгейм сделал только одно,—вытеснил из руководящего центра партии Иосифа Штрассера, самого дельного австрийского коммуниста, и назначил «директорию». Этого, однако, было достаточно. Дело стало быстро подвигаться вперед. В предприятиях стали возникать организации; в казармах начались крупные волнения; безработные, демобилизованные солдаты, инвалиды стали устраивать демонстрации. Сила пролетарской революции прорвалась наружу, как по волшебству, и в Вене и в деревне с такой силой, что вполне можно было рассчитывать на успешное провозглашение Советской республики именно 15 июня. «Как велика была сила пролетарской революции»,—это мы сейчас увидим. То поистине чудесное явление, что д-р Беттельгейм мог заранее предвидеть день революции,—легко объяснимо: как он сам сообщает, она была по-просту назначена именно на этот день, и даже были установлены все подробности задуманной революции. Словом, 15 июня должна была произойти форменная бунтарская вспышка. Не было ничего сверхъестественного и в тех чудотворных средствах, благодаря которым перед назначенным выступлением вдруг проявилась организованность, начались многочисленные волнения и проч. Д-р Беттельгейм наводнил Вену целым отрядом агитаторов, широко разбрасывавших деньги и по всем правилам искусства подготовлявших «выступление». Последнее было назначено на 15-ое, но накануне этого дня, 14 июня, директория была арестована. (Беттельгейм утверждает,—совершенно, впрочем, голословно,—что она была арестована по собственной просьбе.)

В тот же день безработные и демобилизованные солдаты устроили демонстрацию, требуя освобождения вождей. Были при этом и убитые. Почему же «пролетарская революция» не победила? Пролетариат освобождает своих вождей и требует, чтобы они фактически осуществили революцию. «Вызванная, как по волшебству», пролетарская революция предъявляет своим вождям требование: «Вы меня вызвали, вы же должны довести дело до конца». Революция должна быть осуществлена Томаном, Коричонером,—иначе ничего не выйдет. Старое воззрение, что рабочий класс может только сам себя освободить, превращено новоиспеченными «коммунистами» в лозунг: «пролетариат может быть освобожден и спасен только своими вождями». Здесь с полной очевидностью выясняется близость Беттельгеймов к их антиподам Реннерам; последние «спасают» пролетариат, как нищие, выпрашивая хлеб для голодающих,—Беттельгеймы спасают его, «провозглашая» республику. В первом случае пролетарии должны оставаться спокойными, во втором—действовать по команде руководителей, но и в том и в другом случае они—статисты. Спасители—только вожди. Но здесь начинается совершенная оперетка: «вожди», избранные Беттельгеймом для спасения пролетариата, отказываются выступить. Вожди обещали осуществить революцию, но сами себе не доверяли до такой степени, что не решились даже появиться перед массой. У них пропало всякое желание освободить про-

летариат. Вот уж поистине гадкие люди,—могли освободить пролетариат и не захотели. Но в Вене пребывал 15-го д-р Беттельгейм, посланный, по его собственному утверждению, Интернационалом в Вену, с миссией проложить путь господству пролетариата. Почему же он не выполнил своей миссии и не освободил пролетариат? Чтобы он не доверял своим собственным силам,—этого никак нельзя предположить: этот отважный деятель до нелепости верил в свои силы. Он «воздержался, правда, от освобождения пролетариата» из опасения, что деятели венской революции, которые не знают, что революция вызвана «по волшебству», могут заявить ему: «простите, г-н Беттельгейм, мы вас не знаем, и вы нас освободить не можете». Эти «разоблачения» Беттельгейма были бы поистине смехотворны, если бы затеянная им история не потребовала человеческих жертв. Сам Беттельгейм отчасти, впрочем, искупил свою вину, сочинив свои разоблачения и тем проявив своей воли разъяснив для всякого здравомыслящего рабочего всю беспочвенность и бессмысленность тактики бунтарских вспышек. Сам он, однако, и после опыта 15 июня не уяснил себе недопустимости такой тактики,—и надо думать, что мы имеем дело с неизлечимо больным Ринальдо Ринальдини. Но рабочие-коммунисты ведь не душевнобольные, и, благодаря разоблачениям Беттельгейма, они, без сомнения, проникнутся самым глубоким недоверием к гнилому бунтарскому чудотворчеству. Составлявшие передовой отряд австрийского пролетариата коммунисты поставили в июньские дни крест над беттельгеймовской тактикой бунтарских вспышек. Они не позволили увлечь себя на путь авантюры «провозглашения» Советской республики. Теперь их задача состоит в том, чтобы не только уяснить себе недопустимость и позор бунтарских вспышек, но и на практике искоренить самую тенденцию к таким вспышкам.

ТАКТИКА КОММУНИЗМА И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА.

Ясно, однако, что с кризисами в движении следует бороться не историческими, изысканиями, как бы плодотворны они ни были сами по себе, а активными выступлениями пролетариата. Речь идет, конечно, не о беттельгеймовских «провозглашениях», а об упорной организационной работе, о создании соответственных объединений и о повседневной массовой борьбе против все растущей нужды,—борьбе, которая будет содействовать накоплению скрытой энергии в австрийском пролетариате до наступления того дня, когда провозглашение Советской республики будет уже не бунтарской вспышкой, а действительным выражением того, что создала сама жизнь. Адлер, бьющийся в сетях Реннера, хорошо знает, почему он выступает теперь против «болота» коммунистической партии. Он очутился теперь, после первого года революции, перед «разбитым корытом» своей политики, которая, впрочем, является не его политикой, а политикой его друзей, но за которую он также несет ответственность. Демократия, т.-е. «народовластие», оказалось на деле безудержным господством капитала Антанты. Законодательная «социализация» закончилась продажей итальянским ка-

питалистам всего имущества альпийского горно-заводского о-ва, каковую сделку г-н Бауэр посыпал легким слоем социализации. Эту сделку можно было бы занести в архив Второго Интернационала с надписью: «Демократическая социализация народного достояния в немецкой Австрии, или передача его капиталистам Антанты». Советам Рабочих Депутатов, которым Макс Адлер пел восторженные гимны, готовится безболезненная смерть. А где причины всего этого? Ужасная нужда, которую эти господа предсказывали, как неизбежное последствие диктатуры советов, и которой они хотели избежать путем коалиции с буржуазией,—имеется сейчас на-лицо, будучи результатом их жалкого страха перед всякой борьбой. Но рабочие массы не могут уклониться от борьбы. Им приходится терпеть голод и холод, и они непременно спросят: «неужели же мы должны погибать без всякого сопротивления?». Массы будут бороться, они пойдут по нашему пути. Это знает и запутавшийся в сетях Адлер, и так как он чувствует себя не в силах выбраться из собственного болота, он принимается за разоблачение коммунистического болота. Но коммунистическая партия ничего не скрывала и ничего не будет скрывать. Она могла делать политические ошибки, так как она молода и ей приходится искать новых путей. В ее блужданиях на нее могли попасть и отдельные брызги грязи. Но она сумеет смыть эту грязь,—ей принадлежит будущее, ибо она вступила на путь той борьбы, которая диктуется требованиями исторического момента. Болото, это—застоявшаяся вода; мы же будем итти вперед вместе с бурным потоком пролетарской революции. Д-р Адлер бросил в нас свою бомбу с отравленными газами, от которых кое-кому может и не поздоровиться. Но мы, быстро перешагнув через эту отравленную волну, перейдем в наступление, и за нами последуют массы.

(„Роте Фане“, Вена, октябрь 1919).

XIII.

Обращение к съезду Австрийской Коммунистической Партии.

Товарищи!

Как единственный, находящийся теперь в Западной Европе член Центрального Комитета Коммунистической Партии России, я шлю вам братский привет нашей партии, борющейся за осуществление социализма в Советской России.

Недавно истек год с тех пор, как на весть о том, что режим Габсбургов рухнул и что народные массы всех национальностей черно-желтой империи восстали,—рабочие массы и красные полки Москвы стеклись к зданию Московского Совета, откуда с балкона русские коммунисты вместе с нашими австро-венгерскими друзьми, имевшими во главе товарища Бела-Куна, которому я шлю наш братский привет, приветствовали молодую революцию, зародившуюся на берегах Дуная, Молдавы и Гислы. Обращаясь к ликующим народным массам, тов. Ленин сказал им: «Много тяжелого нам придется пережить, много страданий и нужды нам придется еще перенести, но самое тяжелое—одиночество русского пролетариата—кончалось, новые пролетарские армии присоединяются к нам».

Не ошиблись ли мы?

Не обманул ли нас и вас истекший год австрийской революции?

Вы и народные массы всех других национальностей Австро-Венгрии ликовали по поводу того, что **цепи национального угнетения** спали с ваших рук.

Но так ли оно? Не раздается ли звон старых цепей? Из Чехо-Словакии слышен стон немцев и словаков под гнетом национального бесправия.

В Восточной Венгрии мы видим, как румынские бояре пытаются ударами приклада доказать венгерскому и немецкому крестьянству, что существует нечто вроде румынской культуры.

В Восточной Галиции гуляет кнут польского шляхтича по спине украинского крестьянина во имя польской культуры. В Южном Тироле немцы должны подчиняться итальянскому, а в Каринтии—южно-славянскому империализму.

Не обманула ли революция ваших надежд на национальное освобождение? Нет, она только уничтожила иллюзию народных масс, веривших, **что достаточно разрушить Габсбургское государство, чтобы быть свободным в национальном отношении.** Тело народностей Австро-Венгрии, которое до сих пор терзали и кадечили Габсбурги с помощью Гогенцоллернов, теперь разрывает на части по своему усмотрению антантовский капитал. Габсбурги опирались на немецкую буржуазию, а венгерские юнкера и польские князьки предавали им свои народы. Антантовский же капитал опирается на чешскую буржуазию, румынских бояр и предает им народы Австрии. Революция только доказала то, что мы, коммунисты, всегда утверждали: «Только, когда народы сбросят с себя иго капитала и сами станут действительными господами положения,—только тогда они смогут сговориться, как жить свободно и организовать жизнь так, чтобы не было более эксплоатации человека человеком».

«Теперь мы сами собой управляем, теперь мы сами свою судьбу устраиваем,—так ликовали народные массы, когда императорская корона упала в прах и зарождалась одна демократическая республика за другой.—А теперь «мы задыхаемся под гнетом Антанты»,—кричат австро-немецкие социал-демократы с Реннером и Фридрихом Адлером во главе. Вы же, коммунисты, хорошо знаете, что вы задыхаетесь не только под гнетом Антанты. Когда вы выходите на улицу, чтобы протестовать против нужды, чтобы демонстрировать в честь ваших идеалов, то вас разгоняет не Антанта, а наемные палачи социал-демократического и христианско-социалистического правительства, которое защищает денежный мешок капиталистов. В грязных темницах ваших провинциальных городов голодают рабочие коммунисты в течение долгих месяцев за единственное преступление—распространение идей коммунистического манифеста Маркса и Энгельса. Демократическая республика, которая позволяла венгерским контр-революционерам в Вене издавать газеты и создавать газеты и создавать там заговоры против Советской Венгрии, осуществляла права убежища для венгерских, немецких и русских коммунистов тем, что держит их в тюрьмах, и вдобавок ставит себе в геройскую заслугу, что не выдала их сразу белогвардейцам. Антанта стремится ограбить австро-немецкий народ. Да, это так. Но разве австро-немецкая буржуазия не грабит ежедневно свой народ тем, что она свои фабрики и последние товары продает иностранному капиталу, дабы вырученные деньги контрабандным путем вывезти из страны? Что же предпринимает против этого демократическое правительство народной власти?

Народные массы голодают

Верно, что рабочее правительство не сумеет превратить воздух в хлеб, но терпело ли бы оно, чтобы тунеядствующие элементы обжирались и кутили в то время, как изможденные работой пролетарии и пролетарки с детьми голодали? «Долой пролетарскую диктатуру, да здравствует демократия,—вторили обманщики и обманутые,—демократия обеспечит нам мир, хлеб и спокойное развитие к социализму». Не даже их социал-демократы стонут теперь при мысли о мире, который

принесла вам демократия. Напрасно они молят о хлебе капиталистов Антанты. От социализма эти социал-демократы давно уже отказались, как от роскоши, которую бедная Австрия себе позволить не может. Таково положение **немецкой Австрии.**

В **Венгрии**—власть виселицы. С рабочими обращаются, как с дикими животными. Социал-демократы нам говорят: «Ведь это—ваша собственная вина, вы, коммунисты, знаете, что после эксцессов красных неизбежно должно следовать то же со стороны белых». Если бы у социал-демократов после эксцессов идиотизма следовали бы также эксцессы ума, то они бы вспомнили, что юная демократия в Венгрии лишилась своей невинности без насилия со стороны венгерских коммунистов. Отцы юной невинности, эти Каролн и Вельтнеры, эти Кунфи и Бухингеры собственноручно привели ее в объятия коммунистов, дав свое родительское благословление брачному ложу, от которого должна была явиться на свет диктатура пролетариата. Если первая попытка народных масс старой монархии найти выход из рабства потерпела крушение, то причина заключается в том, что австрийская социал-демократия всеми средствами удерживала австрийский пролетариат от объединения его усилий с усилиями венгерского пролетариата, тогда как и высшие и насущные интересы пролетариата обеих стран властно требовали, чтобы они действовали объединенно, что создало бы силу, достаточную для добывания хлеба из Баната и Словакии, создания пролетарской вооруженной силы для защиты от нападений контр-революции и внушения пролетариату других народностей старой империи необходимости вступить на путь освобождения.

В защиту занятой позиции социал-демократы говорили: «Необходимо защитить народ от голода и страданий гражданской войны, необходимо спасти народ от реакции». Но они не спасли народ от голода и **страданий** и теперь они сами дрожат перед ордами Хорти, глашатая апостольской династии, представители которой с настоящей монархической логикой считают, что они право на трон не потеряли, так как народы Австрии упустили случай повесить их за их кровавые преступления

Социал-демократы не уберегли рабочий класс Австрии ни от страданий, ни от нужды,—они только лишили его возможности бороться тогда как только одна борьба в состоянии вывести пролетариат из тупика и подготовить его к будущим победам, даже если ему приходится терпеть временные поражения.

Кратковременная диктатура пролетариата в Венгрии, несмотря на все ее недостатки и ошибки, сделала то, что при каждом ударе, наносимом белой диктатурой венгерскому пролетариату, при каждой новой ране у венгерского пролетариата зреет одна мысль: «в прошлом мы слишком слабо защищали пролетарскую диктатуру, теперь нам тяжело под гнетом белых, мы хотим бороться за воссоздание власти пролетариата и никогда более не дать себя лишить ее».

Если же Хорти вместе со своими поклонниками из лагеря коалиции христианских социалистов обрушится на так называемую австрийскую республику, во имя чего могут социал-демократы призывать рабочих к борьбе? Во имя новой коалиции с реакционными христианскими со-

циалистами? Реннер выступит тогда в роли чистильщика сапогов австрийских Хорти, точно так же, как и Пайдель и Малакич, а Бауэр и Адлер станут доказывать, что это не что иное, как марксистская политика, только приспособленная к условиям момента, что марксизм не отрицает существования сапогов и допускает необходимость их чистки. А Фриц Адлер напишет философию чистки сапогов языком и даже докажет, что она вполне мирится как с коммунизмом, так и с чистым разумом. Ибо к австрийскому марксизму применимо что говорил гениальный русский сатирик Салтыков о русском либерализме, что он— теория приспособления ко всякому свинству.

Не должна ли появиться у нас мысль, что революция нас обманула? Нет, революция нас не обманула, она учит многому пролетариат. Революция доказала пролетариату, что **демократия, что народовластие невозможно до тех пор, пока рабочий класс находится под игом капитала.** Революция говорит пролетариату, что **никто не в состоянии спасти его от нужды и горя**, причиненного человечеству капиталом, что плач не смягчит победившую клику капиталистов и не облегчит страдания, что остается один выход — продержаться и бороться. **В борьбе можно погибнуть, но и победить возможно только в борьбе.** Одновременно прошедший год тяжких страданий научил, показал пролетариату, что старая социал-демократия, на которую он смотрел до сих пор как на свою защитницу, теперь превратилась в **опору капитализма.**

Октябрьская революция 1918 года умерла. Она народным массам не дала ни хлеба, ни свободы. Но тем, что она доказала рабочему классу, невозможность прийти к социализму через коалицию с буржуазией, она превратилась в исходный пункт новой пролетарской революции, которая, зарождаясь среди все возрастающей нужды, горя и хаоса, царящих как в Австрии, так и в других капиталистических странах, представляет борьбу пролетариата за жизнь в полном смысле.

Когда новая революция грянет, мы не знаем; по всей вероятности, не одновременно во всех странах, потому что нужда и гнет не всюду одинаковы. Мы не знаем, сколько на это потребуется времени и как велики будут жертвы, пока мы не создадим возможности, чтобы мы и наши дети могли есть досыта. Вероятно, новая революция затянется и потребует неисчислимых жертв, так как всюду буржуазия готовится к отчаяннейшей защите своего священного права на эксплоатацию масс. Но одно мы знаем наверняка: никто не поможет пролетариату в его тяжкой борьбе: пролетариат сам должен помочь себе.

И еще мы знаем: чем лучше пролетариат выяснит себе путь, чем лучше он будет организован, чем больше он будет преисполнен абсолютным недоверием ко всем тем, кто его предавал, чем больше он научится у буржуазии защищать свои интересы во что бы то ни стало, тем меньше будут его же жертвы в борьбе, тем короче будет его тернистый путь.

В чем состоит задача немецко-австрийских коммунистов? Они не могут **искусственно создать пролетарскую революцию** и не могут создать Советскую республику путем прокламирования ее. Сделать революцию может только рабочий класс. От возгласов Бастилия капитала

не рухнет. **Коммунистическая партия Австрии поэтому была права, когда она, несмотря на всю свою солидарность с Советской Венгрией и на горячее желание ей помочь, не пошла на авантюру вооруженного восстания для захвата власти, имея за собой только небольшую часть рабочего класса.** Но точно так же, как коммунистическая партия не могла создать революции, точно так же она не сумеет от нее уклониться, когда необъятная нужда, неизбежная с наступлением зимы в Восточной и Средней Европе, стихийно двинет массы к революции.

А если массы двинутся, подняв красный стяг пролетарской революции, тогда нам не удастся доказать революции, что ее борцы еще не прошли полный курс социализма. Мы не сумеем выпросить у революции, чтобы она пришла в **более благоприятный момент**, когда английские и американские рабочие готовы будут к восстанию и когда победа будет обеспечена. Я на все это указываю потому, что вряд ли наступающая зима принесет с собой революцию в англо-саксонских странах в то время, как катастрофическое положение в средней Европе влечет за собой всякие серьезные возможности.

Мы можем очутиться в положении наших венгерских товарищей, **когда отступление или уклонение невозможно, хотя положение будет критическим. Если только пролетариат вступит на тяжелый путь борьбы за освобождение, то он (я в этом убежден) не будет оставлен одиноким Коммунистической партией немецкой Австрии.**

Как же может коммунистическая партия немецкой Австрии подготовиться к подобной возможности? Она—принципиальная противница искусственных революционных выпадов, попыток во главе небольшого меньшинства «сделать» революцию. **Но следует ли из этого, что она должна бездеятельно ожидать, пока большинство рабочего класса ей вручит маршальский жезл, а до тех пор заниматься жвачкой на тему, что малолетнее дитя не может быть отцом и что отцовские радости и возникающие отсюда отцовские заботы являются уделом только взрослых. Нет, помимо бунтарства меньшинства и поджидания революции имеется еще борьба за овладение мозгами и сердцем масс.**

Коммунистическая партия не должна **удовлетвориться ролью учителя, не говоря уже про роль зрителя и комментатора.** Коммунистическая партия должна быть **набатом**, зовущим массы в бой, она должна быть выразительницей страданий и действенного гнева масс. Долг коммунистической партии—помочь массам организовать свои батальоны к бою. Коммунистическая партия должна предостеречь рабочие массы как от вспышек гнева, так и от бездействия тупого отчаяния и указывать властно путь решительных действий.

Конкретными задачами коммунистической партии является следующее: она должна побуждать все профессиональные союзы **бороться** более активно, призывая рабочие массы—через головы социал-демократических вождей—взять в свои руки **контроль над предметами потребления и распределения угля**, положить конец обжорству богатых в ресторанах, а взамен организовать народное питание для всего населения. Рабочая масса должна взять в свои руки инициативу по организации фабрично-заводских комитетов, контролировать на деле фабричные склады товаров

и препятствовать вывозу товаров за границу. Она также должна взять на себя инициативу по отобранию от буржуазии теплой одежды в пользу пролетариев. Рабочие должны направиться в деревню, организовать там земельный пролетариат, убедить голодающих мелких крестьян в том, что в их интересах помочь пролетариату в его борьбе с сокрытием продовольственных продуктов со стороны помещиков и деревенских ростовщиков-кулаков.

Рабочие массы немецкой Австрии должны помнить, что они всегда были авангардом австро-венгерского пролетарского Интернационала, и их первым долгом является усиление **тайных уз, связывающих их с чешским, польским, венгерским и юго-славянским пролетариатом**, с тем, чтобы они смогли оказать друг другу надлежащую помощь в предстоящей борьбе.

Наш долг работать днем и ночью, удесятерить коммунистическую агитацию, создать коммунистические организации во всех фабриках до последней.

Мы должны хорошо запомнить следующее: даже если стихийное движение масс принудит социал-демократию порвать с буржуазией и она нам предложит объединенный пролетарский фронт против буржуазии, мы, может-быть, и не откажемся от объединенной борьбы против буржуазии, но мы так же не должны забыть **великий урок Венгерской Советской республики**, который нам показал, что грешники, кающиеся по нужде, не забывают своего прошлого и что даже, если австрийская социал-демократия присоединится к нам, борющимся, самостоятельная коммунистическая партия все-таки должна продолжать существовать, готовая в любой момент призвать массы к борьбе против всякой попытки к измене.

Помните, что только **вы, вы одни** составляете силу и могущество пролетарской революции. Взвешивая все возможности к борьбе и призывая вас быть готовыми к ней, я никоим образом не переоцениваю настроение австрийского пролетариата, придавленного под тяжестью нужды и обманутого социал-демократической пропагандой попрошайничества. Но нужда, доведенная до крайности, может довести до исступления любой пролетариат. Пролетариат немецкой Австрии, интеллигентный, живой, любящий борьбу, пролетариат любимый всеми, кто видел его в его старых демонстрациях,—этот пролетариат может восстать, не испрашивая на это позволения императорско-королевской полиции и социал-демократии.

Во всяком случае ваша обязанность—помочь австрийскому пролетариату и быть при нем, когда пробьет час борьбы. Все это я вам пишу, товарищи, не ссылаясь на какой-нибудь мистический мандат. Я, к сожалению, в данный момент лишен возможности снестись с моими друзьями из Центрального Комитета Коммунистической партии России и Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Я пишу вам обо всем, что волнует меня, заполняет мои мысли, точно так же, как если бы я это высказал вам устно и если бы я смог быть среди вас и, как солдат коммунизма, в ваших рядах принимать участие в борьбе.

Все, что из высказанного мною согласно с вашим суждением,—а оно единственно авторитетно в данном случае, то вы примете, что же противоречит действительному положению вещей, оставьте в стороне; все же, что оплодотворит вашу мысль, примите от меня, как мою долю в вашем военном совете.

Заканчивая, добавлю еще одно: изучите сделанные ошибки, действительно не считаясь ни с чем, и ищите путь, по которому пойдете. Но раз вы путь избрали, тогда держитесь его, с железной дисциплиной действуйте дружно. не раздробляйтесь на фракции, но объединяйтесь вокруг священного знамени коммунизма, за которое русский пролетариат уже два года проливает свою кровь, под которым отдали свою жизнь Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Иогихес и Левинэ и венгерские коммунисты перенесли все страдания мученичества. Объединяйтесь вокруг знамени, на котором написано: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» Вам нечего терять помимо своих цепей!

Приветствую вас братски

Карл Радек.

Член Центрального Комитета Коммунистической партии России и Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Красноармейских Депутатов России.

30 ноября 1919 года.

XIV

Чему нас учит венгерская революция.

Товарищ Бела-Шанто, один из народных комиссаров Венгрии, в своей брошюре рассказывает краткую историю захвата власти венгерским рабочим классом и историю ее падения. Эта первая аутентичная история заслуживает глубочайшего внимания с тем, чтобы все завоевания, сделанные венгерским пролетариатом в ожесточенной борьбе и искупленные величайшими страданиями, не пропали даром для пролетариата других стран. Одержанные им победы и понесенные им поражения имеют крупное значение не только для венгерского, но и для мирового пролетариата. Венгерская революция дает нам в первую очередь два существенных урока: она бросает свет на вопрос захвата власти и освещает вопрос наших взаимоотношений с другими рабочими партиями, которые, не будучи приверженцами коммунизма, силой обстоятельств будут вынуждены вместе с коммунистической партией захватить власть в свои руки.

Когда 21 марта 1919 г. телеграф принес весть о захвате власти венгерским пролетариатом, некоторым западным коммунистам показалось, что венгерское советское правительство есть искусственный продукт соглашения коммунистической партии с социал-демократической, без борьбы пролетариата против буржуазии и что, рожденная без мук Советская Венгрия обречена на гибель, ибо лишь в борьбе пролетариат может развернуть свои силы, необходимые для поддержания Советского правительства. Этого взгляда придерживалась часть и немецкой коммунистической прессы, и когда венгерская республика была низвергнута, известные круги усмотрели в этом подтверждение правильности высказанных ими в марте опасений. Они ссылались при этом на одну фразу составленной Розой Люксембург программы Союза Спартаковцев, в которой говорится, что коммунистическая партия не должна захватить власть лишь по той причине, что шейдемановское правительство обанкротилось. Этот взгляд на происхождение венгерской Советской республики противоречил тем фактам, которые были известны уже в первые дни после ее рождения. Даже лица, не владеющие венгерским языком, как и пишущий эти строки, не будучи в состоянии проследить все фазисы борьбы в Венгрии, были обязаны знать, что захвату власти в Венгрии предшествовал период все более и более обостряющейся борьбы рабочего класса против социал-демократически буржуазной коалиции. Это было подтверждено статьей Варга в «Венской Рабочей Газете», которая появилась сейчас же после установления Советской республики в Венгрии. И уже Каролы с своей стороны свидетельствует, что социал-демократически-буржуазное прави

тельство вышло в отставку только по той причине, что оно стояло на пороге падения не только извне, но и изнутри. Брошюра Шорго дает детальную картину разложения буржуазной с.-д. коалиции и роста давления рабочего класса. Смешно смотреть на венгерское Советское правительство, как на простой результат партийного компромисса. Оно было результатом революционной классовой борьбы пролетариата. Кто на основании вышеупомянутых фактов возьмет на себя смелость утверждать, что создание советского правительства Венгрии есть лишь устрашающий пример, тот тупо повторяет фразу из брошюры: «что хочет союз спартаковцев», в которой говорится, что коммунистическая партия не намеревается захватить власть только потому, что правительство Эберта-Шейдемана попало в тупик или кажилось. Эта фраза имела основание в декабре 1919 года, когда некоторые авантюристские элементы мечтали о быстром захвате власти, тогда как большинство рабочего класса оставалось в лагере шейдемановцев. Но врожденный диалектик Роза Люксембург, без сомнения, не пожелала бы, чтобы коммунисты повторяли эту фразу, как стих Корана.

Мысль о простом распаде буржуазно-социал-демократической коалиции, в котором процесс распада буржуазного строя не шел бы параллельно развитию пролетарских сил,— такая мысль лишена исторического основания. Капиталистический строй рушится, когда он перестает отвечать задачам капиталистического производства настолько, что с обнищанием масс растет и их революционность. Если при таких обстоятельствах коммунистическая партия не в состоянии духовно повлиять на массы, не в состоянии их спаять, не в состоянии сделать из них фактор для нового строительства, то это означало бы только, что коммунистическая партия на самом деле не существует. Если взять дословно фразу Розы Люксембург, то это будет только обозначать, что коммунистическая партия не может захватить власти даже при крушении капиталистического строя, если она не существует. Но для таких глубоко-уходящих мыслей голова Розы Люксембург была слишком хороша. Цитированная фраза была только предостережением от попытки пожать, не посеяв, и отсюда не исторический анализ, не историческая перспектива. **Венгерские коммунисты сеяли, они боролись, организовывали, пропагандировали, и тот факт, что венгерская социал-демократия, когда она очутилась в безвыходном положении, вынуждена была обратиться к коммунистам, доказывает, что коммунисты представляют собой силу.** Что же было делать коммунистам, когда распад буржуазно-социал-демократической коалиции был уже очевиден и когда буржуазные элементы вышли из коалиции, и социал-демократия обратилась к коммунистам с предложением образовать Советское правительство. Колоссальные трудности, которых венгерское Советское правительство ожидало извне и изнутри, были вполне ясны для венгерских коммунистов. Венгерские источники сырья, венгерские продовольственные склады находились в чужих руках, и венгерские коммунисты прекрасно знали, что им предстоит иметь дело с массой врагов. Бела Кун в своем письме к Игнатию Вогар от 11 марта 1919 года пишет:

«Как мне быть? Я с известным недоверием отношусь к событиям. Настоящее состояние международного рабочего движения принуждает меня к этому». Но если, несмотря на все это, венгерские коммунисты не бездействовали, а взяли оружие в руки, то только потому, что **они не были политическими резонерами, а революционерами.** Марксистский анализ показывал им неимоверные трудности, которые их ожидали. Но тот же анализ говорил им, что вся Европа в полном разложении, что неизвестно, что даст им завтрашний день.

В статье, которую я писал в тюрьме при получении сообщения о падении советского строя в Венгрии, я цитировал газету «Таймс» от 19 июля, которая в следующих словах охарактеризовала мировое положение: «Дух беспокойства господствует во всем мире от Америки до Китая, от Черного до Балтийского моря, ни одно общество, ни одна цивилизация не настолько прочны, ни одна конституция не так демократична, чтобы не поддаваться этому зловредному влиянию. Всюду есть примеры, что основные узы общества разорваны и распались от долгого напряжения». Таково было истинное положение вещей, и отказаться в этом положении от борьбы, которой нельзя было избежать, так как массы к ней стремились, явилось бы дезертирством, означало оставить рабочие массы на произвол судьбы. Ибо эти массы сражались бы и без этого, но без руководства положили бы они больше жертв и достигли бы меньших целей. Слава венгерским коммунистам за то, что они на этих тяжелых условиях взялись за борьбу, и не подлежит сомнению, что эта борьба имела гораздо более **серьезные последствия**, чем предполагают наивные критики венгерской революции. Борьба эта явилась не только выражением стремления венгерского рабочего класса к освобождению, она усилила и углубила это стремление. И если в данный момент единственным результатом является поражение венгерского рабочего класса, то настанет пора, когда при сравнении красной и белой диктатуры венгерский пролетариат будет черпать железную волю к борьбе до окончательной победы. Венгерская революция сильно способствовала революционированию рабочих всех других стран. И, ставя в течение трех месяцев спицы в колеса контр-революции, она поставила в более благоприятные условия сопротивление Русской Советской республики, первой цитадели мировой революции, и облегчила их победу над Колчаком. Кто рассматривает мировую революцию, как целое, как развитие, тот не будет говорить о венгерской революции, как о примере плохой революционной политики, а, напротив, как об ожесточенной борьбе, о революционном авангарде, на передовом редуте.

Павшие в этой борьбе будут занесены в книгу истории, не только как мученики пролетарского дела, но и как смелые, храбрые и серьезные борцы. И уроки, которые дают нам их раны, их мученичество, нам, являющимся противниками попытки захвата власти, незначительным меньшинством заключаются в том, что мы обязаны быть там, **где приходится бороться рабочему классу, там, где он вступает в борьбу независимо от того, побеждаем ли мы или терпим поражение.**

Этот урок венгерской революции является также и уроком второй Мюнхенской Советской республики, история которой недавно была

красноречиво изложена Павлом Вернером. И Бела-Кун точно так же как Левинэ войдет в историю пролетарской борьбы не как революционный авантюрист, но как революционной вождь, как вождь в том смысле, в котором понимал роль вождя в революции Карл Маркс, как вождь, которому марксизм показывает все затруднения борьбы, но не превращает его в резонера, который полагает, что он смеет бороться только тогда, когда история нотариальным порядком гарантирует ему победу.

С той же решительностью, с которой Шанто описывает историю крушения режима Кароли, он описывает борьбу и поражение Советского правительства и вскрывает, как главную причину этого поражения, тактическую ошибку, совершенную Бела-Куном и его друзьями. Он рассказывает, что в разговоре с коммунистами на другой день после образования Советского правительства Бела-Кун сказал: «Дело обошлось **слишком гладко**, я не мог спать. Всю ночь я думал о том, в чем заключается наша ошибка, ибо в чем-нибудь должна заключаться ошибка. Все шло слишком гладко. Мы узнаем в чем дело, но я боюсь,— слишком поздно». Совершенно ясно, в чем эта ошибка заключается. Венгерская социал-демократия, одна из наиболее политически развращенных ветвей II Интернационала, обанкротилась. Массы ускользнули из-под ее руководства. Левые элементы партии решились на образование Советской республики. Часть правых вождей удалилась. Но масса мелких профессиональных и партийных бюрократов пошла за левыми вождями, когда они обратились к коммунистической партии с предложением совместно образовать правительство. Чтобы не бросить массы на произвол судьбы, коммунистическая партия должна была пойти на компромисс, установив Советское правительство совместно с социал-демократами. Но ошибка началась тем, **что коммунисты старались скрыть то, что было, т.-е. факт банкротства социал-демократии, а не факт ее перехода к коммунизму.** Ведь не становишься коммунистом тем, что принимаешь коммунистическую программу. Вельтнеры, Кунфи и прочие вожди социал-демократии, быть-может, были намерены честно провести коммунистическую программу, но ясно, что они в один день не могли проникнуться той революционной энергией, тем революционным пониманием, которые составляют сущность коммунизма. И поэтому было необходимо — сохранить в массах сознание, что вожди социал-демократии, лишь под принуждением ставшие на платформу коммунизма, пойдут на борьбу только под давлением событий и масс. **Коммунистическая партия не должна была распустить свою самостоятельную организацию.** Она не должна была отказаться от функции дубины, которая в любой момент могла бы быть применена против Гарбаев, Вельтнеров и Кунфи. **Коалиция социал-демократов была необходимостью, но коммунисты рядом с правительственным зданием должны были поставить виселицу, чтобы продемонстрировать своим милым союзникам, что конкретно означает пролетарская диктатура.** Коммунисты упустили из виду эту необходимую предосторожность и поэтому выдали себя головой колеблющимся элементам социал-демократии. Поэтому именно судьбы Советского правительства Венгрии имеют такое большое

значение для **западно-европейского пролетариата.** Везде на Западе, где коммунистическая партия находится в стадии зарождения, социал-демократия все чаще вынуждена становиться на почву коммунизма. Везде события могут принудить коммунистов войти в коалицию; давление пролетарских масс, жаждущих единства, толкает их не только к коалиции, но к слиянию с социал-демократией. Но тут-то венгерский опыт нас учит: **сливаться можно лишь с коммунистами,** и коммунист не тот, который только на бумаге признает пролетарскую диктатуру, а тот, который боролся уже бок-о-бок с коммунистами, только тот, с которым мы, коммунисты, делили страдания в тюрьме, только тот, который на деле докажет, что рука его не дрогнет, что нога его не задрожит, когда дело дойдет до борьбы на жизнь и смерть.

Что касается венгерской социал-демократии, которая теперь прикрывает правительство Хорти и с которой Кунфи и Вельтнеры не порвали сношений перед глазами всего мира, то мы знаем, что венгерский пролетариат раз-навсегда излечился от иллюзий, которых он был преисполнен относительно венгерских социал-демократов. Теперь венгерский пролетариат сознает, что существует только одна партия, которая готова бороться до последней капли крови,—и это есть партия коммунистов. И так же, как и ошибка венгерских коммунистов послужит для распространения урока, данного нам венгерской революцией, далеко за пределами Венгрии, урока о том, что новая эпоха, в которой придется не парламентировать, не дискутировать, а на деле проявлять твою энергию, что эта эпоха требует замкнутых коммунистических партий, которые во всякое время сумеют противостоять натиску со стороны правом. Книга Шанто не только будет рассказывать пролетариату всего ресга историю венгерской революции, она благодаря откровенности ворего изложения послужит им советником, и эта откровенность в рассеедовании причин падения Советской Венгрии является продолжением ябрьбы наших венгерских товарищей с оружием в руках. Она не мевсее ценна, чем храбрость борцов, которые пали жертвой венгерской новолюции. И борющийся мировой пролетариат будет в такой же степени благодарить венгерский пролетариат за эту самокритику, как и з его мужество

Братский привет Бела-Куну и всем венгерским коммунистам.

Карл Радек.

Январь 1920 г. Берлин (Вступление в «Историю венгерской революции» Бела-Шанто.

XV.

Германская коммунистическая партия в дни капповской авантюры.

(Критическое исследование).

БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Германская коммунистическая партия—не только партия критики,—критики, имеющей своими объектами: разлагающееся буржуазное общество, поддерживающих это общество социал-патриотических лакеев, сбивающую с толку и обманывающую революционных рабочих германскую независимую социал-демократию и, наконец, пытающуюся при помощи фраз перескочить через объективные затруднения Германскую Коммунистическую рабочую партию. Этого недостаточно: германская коммунистическая партия должна быть также партией **самокритики**. Эта самокритика должна быть беспощадна; строга, ибо, несмотря на все ошибки, совершаемые партией, она—и только она одна—является центральным пунктом рабочего движения в Германии. И именно потому, что в Германии нет другой оси кристаллизации, кроме пролетарского ядра, собравшегося вокруг Г. К. П.; именно потому, что в германском рабочем движении, помимо Г. К. П., нет умственного центра, который мог бы осмыслить потребности движения и делать практические выводы из этого изучения,—именно поэтому партия должна беспощадно расследовать свои собственные ошибки и вскрыть их источники. Начавшаяся в партии после «Капп'овских дней» дискуссия о совершенных ошибках не может считаться законченной лишь потому, что съезд партии высказался по вопросу о «лояльной оппозиции» против Центрального комитета. Эту дискуссию необходимо продолжать, чтобы открыть **источник ошибок** и избегнуть их в будущем. Что касается меня, то, хотя я и сознаю, что на мне лежит доля ответственности за политическую линию Г. К. П., однако я до сих пор не высказывался по спорным вопросам, так как у меня не было достаточно данных для того, чтобы высказать свое суждение. В настоящий момент я не считаю возможным дольше воздерживаться от суждения, так как в моем распоряжении имеется вся буржуазная, социал-патриотическая, независимая и коммунистическая печать за те дни, а также суждения т.т. Цеткин, Леви, Брауна и Мейера. Я начну с того, что поведение Центрального Комитета в день Капповского переворота представляло собою совершенно непростительную ошибку.

Авантюра Каппа—это попытка открытого восстановления господства юнкеров и военщины. Коалиция социал-демократов с буржуазией предоставила настроенному по-юнкерски офицерскому корпусу слишком много власти,—она-то и сделала возможной попытку переворота. Эта попытка обнаружила, что юнкерских элементов не удовлетворяет существующее положение, господство Эрцбергеров и Носке. Попытка установления юнкерской реакции означала попытку ликвидировать все проделанное Германией с ноября 1918 года развитие, отдавшее управление государством в руки промышленного и торгового капитала. Так как правительство капиталистов в Германии невозможно без поддержки со стороны социал-демократов, то существование этого правительства означает изнашивание социал-демократии, этой последней опоры капиталистического господства, гнилость которой повлечет за собою падение власти капитала. Возвращение германской политики к господству юнкеров и военщины позволило бы социал-демократии, после всего ее предательства, надеть на себя маску оппозиции; оно дало бы ей возможность снова обманывать массы. Уже эта поверхностная оценка положения показывает, что на коммунистической партии лежала обязанность призвать пролетариат к борьбе с Каппами и Лютвицами. Эта обязанность тем очевиднее, что ведь борьба с Каппами и Лютвицами, если бы ее вести энергично и беспощадно, **могла бы иметь своим исходом не восстановление власти Эбертов и Носке.** Она должна была повлечь за собою изменение в соотношении сил, в смысле сдвига влево,—точно так же, как победа Каппа и Лютвица повлекла бы за собою сдвиг вправо. Ведь вся трудность коммунистической тактики в 1919 году именно и состояла в том, что, благодаря власти господ Носке и Лютвицев, рабочим не было видно, что господствует в Германии контрреволюция, что имело последствием, что всякое выступление коммунистической партии мобилизовало только **часть рабочей массы.** В тот момент, когда профессиональные союзы и социал-демократия были вынуждены, ради собственного спасения, призвать рабочих к генеральной забастовке,—в этот момент, несомненно, коммунистическая партия должна была **довериться волнам этой борьбы,** для того, чтобы углубить борьбу, повести ее дальше, чем того хотели Эберты и Шейдеманы. Правда, у нас приходилось слышать прежде различные мнения насчет отношения к военному перевороту. Напр., Вольфгейм и Лауфенберг в декабре 1919 г., когда уже все явственнее ощущалась близость военного переворота, писали в «Коммунистической Рабочей Газете», что они будут только улыбаться, при виде того, как Людендорф проламывает череп Шейдеману, и наоборот. Но я тогда же, в статье, перепечатанной всей коммунистической прессой, заявил, что сказать нечто подобное могут только простофили; что мы, правда, не будем бороться за г.г. Носке и Эбертов, но зато изо всех сил будем бить по Людендорфам. Товарищи, стоящие во главе Г. К. П., разделяли тогда мой взгляд. **Как же могло случиться, что Центральный Комитет,** хотя и ослабленный арестом и отсутствием самых выдающихся товарищей—членов его, **не только остался 13 марта бездеятельным, но еще счел необходимым заявить, что время борьбы еще не наступило.**

В брошюре товарища Брауна [1]) мы читаем, что эта позиция была обусловлена слабостью берлинской организации, которая, будучи надорвана фразерами из Г. К. Рабочей Партии, не чувствовала себя еще достаточно сильной, чтобы вмешаться в борьбу. Но ведь берлинские рабочие представляют собою более обширный круг, нежели берлинская организация Г. К. П., и ясно, что каждый товарищ из центрального комитета должен был сказать себе, что дело не в том, чтобы воспламенить берлинскую организацию, Г. К. П., а в том, чтобы указать цель движению берлинского пролетариата, дать ему лозунг, который продвинул бы его дальше тех границ, которые наметили господа Легины. **Из воззвания Центрального Комитета видно, в чем источник не только бездеятельности комитета, но и его позиции против выступления.** В борьбе с партией реакционного переворота мы в течение полугода не переставали указывать на то, что в данный момент, при существующем положении вещей, в Германии еще не назрели условия для завоевания власти пролетариатом; что хотя объективные условия и клонят к этому все сильнее и сильнее, хотя капитализм все более и более разлагается, исчерпав свою экономическую миссию,—однако, в большинстве рабочего класса воля к революции слишком слаба для того, чтобы он мог завоевать и удержать власть в борьбе с блестяще организованным капиталом. Этот взгляд наш, вполне обоснованный, и был в памяти товарищей, когда они выпускали воззвание. **Отрицательное отношение к бунтарству послужило у них почвой для квиэтизма; из невозможности скорого завоевания политической власти в Германии,**— невозможности, уже опытом установленной для 1919 г.,—**они** в марте 1920 г. **сделали вывод о невозможности выступления вообще,—вывод, который был бы неправилен и для 1919 г.,** а в момент капповской авантюры не только был неправилен, но представлял собою объективно причинение величайшего ущерба революционному движению. Если мы были в 1919 году не в силах утвердить диктатуру пролетариата, то мы ведь были в силах организовать активное выступление против диктатуры капитала. И в такой момент, когда нам угрожало утверждение открытого юнкерского режима (что вынудило даже социал-демократических рабочих встать на борьбу), позиция Центрального Комитета была проявлением специального анти-бунтарского **кретинизма.** Если Браун заявляет в своей брошюре, что призыв к борьбе 13 марта был психологически невозможен, потому что рабочие радовались свержению Носке, то он является плохим наблюдателем; чем иначе можно объяснить то, что, спустя 24 часа, в Берлине началась всеобщая забастовка? Нельзя обвинять в бездействии массу; присутствовали в Берлине члены Центрального Комитета, которые действовали под влиянием неправильной позиции, занятой ими по отношению к авантюре,—вот кто бездействовал!..

До моего отъезда из Берлина мне было ясно, что оппозиционность по отношению к бунтарству грозит выродиться в выжидание, и я высказал это опасение в письме к австрийским коммунистам, заметив, что

---

[1]) Браун. «Уроки капповской авантюры», Лейпциг, изд. Франке. 1920 г. Напечатано также в № 10 «Коммунистического Интернационала».

«Роте Фане» (венская) заняла место критика и наблюдателя в социалистической борьбе пролетариата. Я никогда не думал, что руководители немецкого пролетариата в своей борьбе против путша могут допустить такое воззвание, как воззвание 13 марта. После опыта мартовских событий товарищи, боровшиеся против бунтарства, не во вред пролетарскому делу, а чтобы расчистить для переворота почву через устранение революционных фраз авантюристов, которые мешают правильно уловить революционный момент, должны были сказать коммунистической партии, что мы являемся **не партией пропаганды,** а—даже будучи в меньшинстве—**партией действия,** и что **пассивность—преступление там, где исторические события призывают к борьбе не только передовые ряды пролетариата, но весь пролетариат.**

Пора немецким коммунистам осознать, что теперь не шестой и не девятый месяц немецкой революции, а что Германия переживает революцию уже **$1^1/_2$ года,** в течение которых процесс разложения капитализма колоссально двинулся вперед; за эти полтора года расхождения в Антанте не перестают усиливаться, и народные массы поняли ясно, после авантюры Каппа, что так называемая демократия ведет к владычеству генералов.

По тому, как немецкая контр-революционная пресса описывает предстоящее падение польской белой гвардии, видно, что, если русская Красная армия справится с контр-революционной Польшей, немецкая контр-революция обратится против немецкого пролетариата, чтобы поставить новую преграду начинающейся на Западе мировой революции. Конференция в С.-Ремо, в Хайде и предстоящая конференция в Спа доказывают, что Антанта впервые после перемирия начинает стремиться к компромиссу с немецкой контр-революцией. Причиной этой новой тенденции Антанты является не только возрастающее сознание предстоящего крушения немецкого капитализма, охраны которого, как начинает сознавать Антанта, требуют ее интересы, но и сознание, что в случае падения польской контр-революционной стены Антанте придется, отказавшись от всех планов полного овладения Германией, спасать германскую контр-революцию и германский капитал, чтобы с их помощью воздвигнуть в Германии стену против мировой революции. При таких условиях придание активности немецкой коммунистической политике является главным вопросом Интернационала.

Партия не может бесконечно пережевывать противо-авантюристские истины, которые с течением времени делаются ложными, так как революционность передовых частей германского пролетариата все усиливается. Из Москвы невозможно давать конкретные тактические указания Коммунистической партии Германии, и мы всегда считали задачей Коммунистической партии Германии вырабатывать самостоятельную политику. Но как Исполнительный Комитет в Москве сумел в прошлом году понять, что в немецком коммунистическом движении правы те, которые борются с авантюристами, так и теперь ясно, что доктринерская противо-бунтарская пропаганда теперь оказывается препятствием для движения и что настало время, **когда партия должна быть готова к выполнению величайших заданий.** Ошибка 13 марта не должна затушевы-

ваться, она должна быть исторически оценена, как возвращение к тенденции 1919 г.

Активность немецкой Коммунистической партии, которую она проявила во всей стране, несмотря на отсутствие поддержки со стороны Центрального Комитета 13 марта, является доказательством ее зрелости. Вторым доказательством этой зрелости является то, что партия на съезде открыто высказала свое суждение по поводу ошибки Центрального Комитета.

«ЛОЯЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ».

После того, как в Берлине железный кулак массовой забастовки дал отпор капповским бандам, рабочие массы стояли перед фактом, **что сам Капп исчез, капповцы же остались.** В Берлине и его окрестностях стояло десять тысяч капповских войск; мало того: так называемые правительственные войска в провинции представляли собою ту же капповскую белую гвардию. В этом положении и заключалась **единственная проблема, разрешаемая на реальной почве,—а именно, борьба против белой гвардии, борьба за ее разоружение и вооружение пролетариата.** Все остальное было чепуха, касалось только тех или иных кулис, но не изменяло соотношений социальных сил. Для германского рабочего класса вопрос заключался в том, сможет ли он напрячь борьбу во всех центрах до такой степени, чтобы пошатнувшееся и сброшенное с седла правительство Носке и Эберта не было в состоянии центрально подавить движения, а одновременно все вышеуказанные контрреволюционные военные элементы, с уходом капповской группы, лишившейся вождей, не оказались бы в силах самостоятельно действовать в виде аппарата подавления.

И вот, при таком положении вещей **социал-демократы,** с самым отъявленным мошенником из бюро профессиональных союзов, Легином, во главе, бросают приманку **независимым.** Они ведут с ними переговоры не более и не менее как о разрыве коалиции с буржуазными партиями и о водворении **социалистического правительства,** в котором должны были принять участие как независимые, так и зависимые герои. Что мы здесь имеем дело с жульническим маневром и Легин является одним из самых правых, продажных вождей немецкой социал-демократической партии, во время борьбы в Берлине могло быть упущено из виду. Не мог, однако, быть упущен из виду, поскольку деятели революции вообще давали себе отчет в реальном соотношении сил, тот факт, что **правительство Эберта никоим образом не было в состоянии порвать с коалицией и сдвинуть свою точку опоры влево.** Реальным фактором оно только и являлось постольку, поскольку имело в своем распоряжении некоторую часть войск рейхсвера, которые, однако, отнюдь не были высланы против Каппа,—с одной стороны, правительство не было в них уверено, а с другой—хотело беречь их на случай борьбы с рабочими массами. Власть могла, хотя и в очень незначительной степени, опереться на рейхсвер только потому, что она не порвала с буржуазными партиями и бежала в Штуттгарт в то время, как водворилось в Берлине старое национальное правительство. Стоило ей только порвать

с буржуазией, так оставшиеся верными войска рейхсвера моментально соединились бы с капповцами. Правительство оказалось бы лишенным всякой военной поддержки и могло бы найти опору только в рабочих массах, которая если оказалась бы достаточно сильной, чтобы справиться с войсками рейхсвера, то справилась бы тем более с правительством Эберта. И только такие сознательные мошенники, как Легин, или же обманутые обманщики, как Криспин и Гильфердинг, могли в такой момент заниматься образованием нового правительства, вместо того, чтобы думать о продолжении борьбы и стремиться всеми силами, невзирая ни на какие жертвы, к разоружению рейхсвера.

К сожалению, в этой игре приняла участие **также и некоторая часть Центрального Комитета германской Коммунистической партии,** доказавшая этим неспособность давать себе ясный отчет о действительном соотношении сил. И в этот раз, так же как и 15 марта, когда эта часть Центрального Комитета партии заявила, что время для решительных действий еще не настало, она не оказалась двигательной силой. Задача коммунистической партии в этот момент состояла в следующем: обратиться к пролетариату **с мощным призывом, что пора с большим напряжением сил начать вооруженную борьбу с рейхсвером, ибо не так скоро может возникнуть опять такое совпадение разных движений, как это произошло в мартовские дни, когда волнение охватило страну, распыляя силы рейхсвера; не так легко вновь создастся положение, при котором в лагере контр-революции будет такой явный раскол и такое же смятение, как в эти дни. Рассуждения о недостаточно субъективной зрелости масс должны в такой момент отступить на задний план перед решительными действиями и напряжением воли в борьбе, в которой разовьется политическая зрелость пролетариата.** Революционная эпоха тем и отличается от мирной, что в ней со дня на день опыт масс кристаллизуется в скачках развития, что сегодня становится возможным то, что вчера казалось несбыточным. Кто при таком положении вещей является только таксометром истории, а не двигающей вперед силой, тот **не политик, а историк.** Как историк, он может впоследствии оказаться правым. На историческом экзамене, однако,—а это всегда **экзамен действия,**—он проваливается. Та часть Центрального Комитета германской коммунистической партии, которая в эти дни руководила политикой партии, провалилась на историческом экзамене; и подобно тому, как **неспособность к действию и слабость воли всегда ведут к иллюзиям,** из этого болота неспособности **к действиям выросла декларация от 31 марта,—декларация о лояльной оппозиции.**

После того, как социал-демократия обратилась к независимым с предложением начать переговоры о создании социалистического рабочего правительства, правые независимые попытались оказать давление на левых, отказываясь, конечно, войти без них в состав правительства. Левые независимые, которым мы в течение года вбивали убеждение, что совместное с шейдемановским правительство может быть только правительством измены рабочему классу, что не может быть рабочего правительства, не опирающегося на советы рабочих и не являющегося советским правительством,—левые независимые не хотели допустить обра-

зования правительства из представителей независимой германской социалистической и германской социал-демократической партий и ставили препятствия. Об этом пишет тов. Браун в своей брошюре о капповском восстании. Что это означает? Левые независимые имеют за собою миллионы независимых рабочих. Если они под напором этих рабочих масс высказались против иллюзий создания рабочего правительства без разоружения белой гвардии, без образования советов, то этим дана была возможность погнать их вперед, двинуть их вперед на борьбу за разоружение белой гвардии,—дана была возможность поймать их на слове, чтобы принудить их к действиям и накрыть их, если бы их обещания не исполнились. Что же сделала та часть Центрального Комитета, на которой в те дни лежала ответственность за шаги партии? Отчет, составленный об этом тов. Брауном, является историческим перлом, заслуживающим быть увековеченным. Он пишет: «Ясно, что коммунисты не имеют права взять в свои руки власть, пока они ее себе не завоевали и не смогут опереться на самые широкие слои рабочего класса. С другой стороны, нужно было сделать невозможным возвращение коалиционного правительства. **Для независимой социалистической партии, которая не является коммунистической, на практике не признает диктатуры пролетариата и в таком состоянии ярко отражает собою недостаточную политическую зрелость пролетариата для захвата власти,—является историческим долгом—сделать неизбежные выводы и иметь мужество казаться тем, что она есть».** Варьируя последние слова, можно сказать, что тов. Браун и группа товарищей, взгляды которых он выражает, действительно имеют мужество казаться теми: кто они есть: **резонерами, но не борцами.**

Стоит подумать: полтора года мы ведем самую ожесточенную борьбу против независимых; благодаря действию самих фактов и нашей критике, девять десятых рабочих членов независимой партии становятся борцами и участвуют во всех вооруженных боях, рука об руку с рабочими коммунистами.

Часть вождей герм. независимой с. п. развивается по направлению к коммунизму в такой мере, что Центральный Ком. герм. К. П. думает о вступлении в III Интернационал. Левые независимые показали, что они действительно хотят признать диктатуру пролетариата, но часть Центрального Комитета обращается к ним с призывом: Вы коммунисты только с виду, в действительности **вы должны представлять собою незрелость масс, а отнюдь не их возрастающую зрелость. И, Боже сохрани вас, если вы порвете с вашим правым крылом, Боже упаси, если вы откажетесь от участия в правительстве Шейдеманов. Ваш исторический долг — еще раз обмануть пролетариат.** Из движущей силы, из силы, заставляющей независимых защищать свои мнения, часть Центрального Комитета превратилась в силу, которая толкает независимых обратно в болото шейдемановцев, в болото измены рабочему классу.

На вопрос левых независимых об отношении коммунистов к рабочей власти, эта часть Центрального Комитета, несмотря на противоречие другой части, ответила декларацией от 21 марта, в которой в марксистской оболочке под маской выражения того, что есть, выражалось не то,

что в то время в общем на самом деле было, но то, что эта часть Центрального Комитета в данное время представляла, а именно: клуб политических резонеров. Декларация эта подвергалась критике по поводу пункта 4-го, признающего, очевидно, существование такого положения вещей, в котором господство буржуазной демократии не представляло собою диктатуры капитала. Однако это может быть только lapsus calami. Центр тяжести, грехопадение декларации состоит не в этом **Грехопадение декларации состоит, во-первых, в том, что Центральный Комитет предостерегал открыто массы, будто бы они могли образовать новую революционную власть, не разоружив предварительно в упорной одиночной и классовой борьбе белых.** Оно состоит в том, что коммунистическая партия, следуя приказу рабочей власти, отказывается от своей революционной позиции, заявляя, что она будет вести по отношению к этой власти лояльную оппозицию, при чем она под лояльной оппозицией понимает **отказ от приготовлений к насильственному перевороту,** оставаясь верной долгу вести политическую агитацию в пользу своих целей и лозунгов,—все это, однако, с условием, чтобы рабочая власть вела борьбу против контр-революции и не ставила препятствий рабочим в этой борьбе. Дон-Кихот, обнимая в хлеву вонючую девушку, клялся ей в верности, полагая, что она—королевская дочь, сияет красотой и обладает всеми другими духовными и физическими преимуществами. Так как все эти предположения не соответствовали действительности, клятва его явилась выражением дон-кихотства, т.-е. иррационального отношения к жизни. Когда сторонники этой декларации теперь говорят, что они оставляют за собою возможность вступить в самую острейшую борьбу против рабочего правительства, если оно не исполнит своего долга, то останется только сказать, что не входит в задачу коммунистической партии казаться более глупой, чем она в действительности есть. **Коммунистическая партия должна была знать, что так называемое рабочее правительство при данном положении вещей обязательно изменило бы пролетариату.** Когда социал-демократы вместе с независимыми начали болтовню об образовании рабочего правительства, **первым** долгом коммунистов было предостеречь пролетариев от этой игры, **вторым** долгом было попытаться **продолжать борьбу. Только в том случае, если не удавалось этого сделать** и образование рабочего правительства становилось **реальной возможностью,** коммунистическая партия должна была заявить следующее: большинство рабочих высказалось за рабочее правительство; это рабочее правительство будет представлять собою нож без лезвия, если оно не будет кинжалом, обращенным против рабочего класса. Не доверяя ему, мы останемся **с ружьем у ноги,** если социал-демократы откажутся от всякой попытки раскалывания рабочих советов, если они признают рабочие советы, **как органы, из которых должно образоваться правительство.** Если они это сделают, мы будем вести борьбу **с ними в недрах рабочих ссветов и мы им сломим шею только тогда, когда мы в демократически выбранных рабочих советах будем иметь большинство, стоящее на платформе коммунистической политики и диктатуры пролетариата.** Этот дар, подарок рабочего правительства, мог быть принят коммуни-

стической партией **только с копьем в руке, «острие против острия»; как говорится в песне о Гильдебранде,** а не иначе.

В защиту противоположной, совершенно иллюзионной политики Браун указывает на политику **русских большевиков**, изложенную Лениным в конце сентября 1917 г. после корниловского восстания в статье о компромиссах. Браун вполне прав, говоря, что одна часть рабочего класса должна самым тщательным образом изучать опыты другого класса в революционной борьбе и руководствоваться ими. Но изучать опыты, значит хорошо **знать условия борьбы каждой рабочей армии.** Нельзя изучать историю войн, не имея хороших топографических карт, не давая себе ясного отчета о ра положении враждебных войск, о соотношении их сил. Не бывает иного изучения стратегии, **кроме детального изучения** кампаний и отдельных битв. Каково было положение меньшевистско-эс-эровского правительства Керенского во время корниловского восстания? Большая часть армии была против контрреволюции. Восстание Корнилова потерпело неудачу не столько вследствие напора со стороны рабочего класса, сколько из-за отказа армии последовать за ним. **Если бы меньшевики и эс-эры согласились на разрыв коалиции с буржуазией, они могли бы опереться не только на вооруженный рабочий класс, но и на большую часть революционной армии.** В этом заключается первое различие, ибо в то время как шейдемановцы находились в руках рейхсвера, меньшевики и эс-эры имели возможность опереться на крупные вооруженные силы против коалиции и теоретически, следовательно, могли на самом деле изменить свою политику. Во-вторых, в корниловские дни вооружился рабочий класс, **в жилы рабочих советов влилась свежая кровь, они стали решающим фактором власти** и, предлагая меньшевикам и эс-эрам произвести разрыв с буржуазией, большевики тем же самым предлагали им превратиться в Советское правительство. Сам Браун цитирует следующие слова из брошюры **Троцкого** «От октябрьской революции до Брестского мира»: все предыдущие опыты коалиции показали, что возможен только один выход, а именно, разрыв с кадетами и **создание Советского правительства. Соотношение сил внутри советов в то время было таково, что советское правительство в партийном отношении находилось бы непосредственно в руках эс-эров и меньшевиков.** Выдвигая лозунг «вся власть советам», большевики таким образом предлагали меньшевикам 1) **разрыв с буржуазией** и 2) **установление Советского правительства.** Они вели, следовательно, политику, которая не только не противоречила их программе, **но целиком с ней совпадала,**—политику создания Советского правительства на основе соотношения сил в советах. **Знаменитая статья Ленина «О компромиссах»** развивает именно эти мысли. Составители же заявления о лояльной оппозиции не желали советского правительства, а наоборот, только **повторения рабочего правительства, образца Шейдемана Гаазе,** и это как раз тогда, когда такое правительство рабочих, несомненно, висело бы в воздухе. Ссылка на реалистическую политику большевиков для защиты своей политики иллюзий подчеркивает только то, что часть товарищей из Центрального Комитета оказалась подражателями, а не самостоятельными политическими

борцами. Конечно, Фрайн совершенно прав, если он объявляет не марксистской критику, которая принципиально отклоняет переходные стадии. Если бы независимые и шейдемановцы образовали правительство, которое начало бы борьбу против контр-революции, то мы были бы обязаны оказать этому правительству поддержку для того, чтобы двигать его вперед. Кто это отклоняет, тот выдвигает не реальные принципы. Но тактическая гибкость состоит не в том, чтобы гоняться за тенями, а только в том, чтобы использовать для революции факты суровой действительности.

В чем же источник ошибок той части Ц. К., которая гналась за призраком рабочего правительства и напоминала независимым об их контр-революционных обязанностях, вместо того, чтобы напомнить им об их революционных обязанностях? Декларация 21 марта родилась из декларации 13 марта. В стратегии установлен опытом факт, что ошибки, совершенные в начале кампании, уже трудно затем поправить в дальнейшем. В стратегии классовой борьбы этот эмпирический факт имеет тем большее значение, что подобные ошибки не являются результатами обыкновенных ошибок в расчете, а имеют обыкновенно свои источники в общем направлении. То, что мы сказали в начале, в первой части нашей статьи, именно, что часть Ц. К. в марте месяце 1920 г. тактическую задачу коммунизма рассматривала под углом зрения марта 1919 г., что она опасалась авантюристических бунтов, между тем как она стояла в центре массового революционного выступления, вот где источник этой ошибки. Революции, конечно, не шагает быстрее, чем она в состоянии шагать; но кто в каждом положении борьбы вместо того, чтобы попытаться заставить историю двигаться скорее, напоминает ей, что она должна итти медленнее, тот делается из фактора, преобразующего положение, фактором приноравливающимся к испорченной ситуации. В начале марта 1920 г. часть Ц. К. была уверена в боевой неспособности рабочего класса. Рабочий класс и коммунистические партии во всем государстве изобличили их в непонимании положения. Ц. К., толкаемый своими более дальновидными элементами, вступил в борьбу. Он уже не проповедывал прекращения всеобщей забастовки, но песня о неспособности рабочего класса к борьбе все еще оставалась в его душе, и когда независимые начали свое заигрывание с социал-демократами, эта часть Ц. И. К. Р. Г. с облегчением вздохнула.

Центральный Комитет достиг того базиса в своем недоверии к боевой способности масс, что мог отдыхать на почве «лояльной оппозиции» против призрака рабочего правительства. Место **парламентского кретинизма занял правительственный кретинизм.** Центральный Комитет не обдумывал, можно ли вести борьбу дальше, не расследовал даже, возможно ли вообще существование так называемого правительства рабочих без предыдущего боя с белогвардейцами. Рабочее правительство было для него, как и для Каппа, торжественным вступлением Легина и Криспина в Вильгельмштрассе. Тогда рабочие должны были быть вооружены. В заявлении Ц. К. от 21 марта 1920 г. в трех пунктах указывается на то, что рабочий класс не имеет в своем распоряжении достаточной вооруженной силы. Что это значит? Это значит, что оружие и ору-

жейные склады находились в руках контр-революционеров, в руках белогвардейцев. Каким образом можно было бы изменить это обстоятельство в революционной действительности? Только путем борьбы невооруженных или плохо вооруженных рабочих масс: только посредством широты и размаха своего наступления во всем государстве они могли рассеять и победить белогвардейцев. Это была бы реальная возможность. Вместо этого, Центральный Комитет надеялся на правительство, которое посредством приказа или декрета обезоружит белую гвардию. Вильгельмштрассе, как Монсальват—это было выражение революционного взгляда той части Центрального Комитета. Монсальват обратился в прах. После того как Легину, посредством переговоров с независимыми удалось задержать и расстроить рабочие массы, социал-демократы возвратились к своей первой любви, к коалиции с буржуазией и пожали плоды этого на своем провале на выборах.

ПРОТИВ ОПАСНОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПОССИБИЛИЗМА.

На своем конгрессе коммунистическая партия решительно обратилась против ошибок и заблуждений своих вождей. Эпизод «лояльной оппозиции» прошел, но было бы величайшей ошибкой забыть о нем, из миролюбия считать его обыкновенным промахом. Что эта ошибка была возможна в партии, основанной Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом, доказывает только, что коммунистическая партия Германии проникнута какой-то опасной психологией. Доказывает также, что борьба против авантюристских переворотов оставила в партии течение «поссибилизма», которое, если оно умственно не будет ликвидировано окончательно, укрепило бы только то полуанархическое течение, которое выражается в коммунистической рабочей партии. Опасность течения должна быть ликвидирована тем, что партия поймет, что классовые контрасты все усиливаются, что результаты выборов создают политическую неустойчивость в Германии, что мировое политическое положение обостряется, что борьба Советской России с Польшей открывает новые перспективы, что поэтому обязанность партии состоит в необходимости все более и более думать о своих активных, а не о своих тормозящих функциях. Мы этим не желаем сказать, что возможности этапов на пути к Советской республике в Германии теперь не существуют, хотя также откровенно скажем, что такие возможности, по нашему мнению, очень малы. Мы потому так думаем, что немецкая социал-демократия решительно не имеет такого левого крыла, которое согласно взять на себя, хотя бы только в форме демократической, борьбу против буржуазии. Мы думаем так потому, что если рабочие вступят в вооруженную борьбу с белогвардейцами, они скоро потеряют свои демократические иллюзии. Но, как сказано, политика содержит такие возможности, с которыми, хотя они не являются вполне вероятными, непременно надо считаться, и если бы история нам навязала переходное состояние в форме независимого социал-демократического правительства, то мы без сомнения будем считаться с этим, но мы не можем считать своей задачей помогать «фразами» «лояльной оппози-

ции» подготовлять почву для такого «рабочего правительства». Коммунистической политике угрожают две опасности. Первая состоит в том, что коммунистическая партия попытается трудными призывами, вне действий рабочей массы, заменить активное действие. Вторая опасность заключается в возможности, что коммунистическая партия, в своем стремлении объединиться с массой на почве действия, потеряет присущий ей облик и свои собственные лозунги. Коммунистический Интернационал должен бороться против обеих этих опасностей. Мы не можем вести коммунистическую политику, не поддерживая связи с медленно развивающимися массами, и, равным образом, мы не можем вести коммунистическую политику, опускаясь до уровня этих находящихся в стадии развития масс. Решение вопроса заключается в **собственной коммунистической политике, проникающей в массы, которые она направляет вперед своим участием в парламентских выборах, в баррикадном бою в борьбе за овладение профессиональными союзами.** Коммунистическая партия Германии избегла первой опасности. В течение марта текущего года она доказала, что вторая опасность ей угрожает; она угрожает коммунистическим партиям всех стран, так как они повсюду воспринимают элементы центра, будучи всегда вынуждаемыми сдерживать наиболее стремительные элементы, соответственно данному темпу развития. В этом случае возникает опасность, что это приспособление может привести **к вырождению коммунистической партии,** как стремящегося вперед элемента, и возникновению партии центра под флагом коммунизма. Позиция, занимаемая коммунистической партией в Германии по отношению к ошибке части партий центра, позволяет заключить, **что для Германской Коммунистической партии эта опасность не может быть длительной, а еще менее значительной.** Эта опасность более велика для Итальянской партии и для французского коммунистического движения и поэтому, Германской Коммунистической партии и Коммунистическому Интернационалу надлежит, усвоив себе урок, преподанный мартовскими днями, обратиться к коммунистическим партиям с заявлением, **что день и час нашей победы зависит не только от других исторических сил, но и от нашей собственной силы, от нашего желания победить, от нашей энергии.** Примите в расчет другие факторы исторического параллелограмма сил, но в первую очередь увеличьте ваше давление, вашу энергию, и тогда этот параллелограмм скорее изменится в нашу пользу, чем если бы мы сначала стремились быть диагональю параллелограмма. Этой диагональю станет общее действие масс, мы же предназначены историей быть движущей силой революции.

Москва, июнь 1920 г. «Комм. Интернационал».

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Восьмой (VIII) Съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков). Москва 18—23 марта 1919 г. Стенографич. отчет. Кн-во «Коммунист». М. 1919. 416 с. 25 р.

Гойхбарг, А. Г. проф. Брачное, семейное и опекунское право Советской республики. М. 1920. 164 с. 40 р.

Грейлих, Г. Буржуазная революция и освободительная борьба рабочего класса. Соч. Г. Грейлиха. Доклад, читанный в Берне в 1895 г. по случаю мартовского празднества, перев. с немец. Изд. Петр. Сов. Р. и К. Деп. П. 1919. 24 с. 1 р. 40 к.

Грейлих, Г. Материалистическое понимание истории. Изд-во Всеросс. Центр. Исполн. Ком. Сов. Р. С. К. и К. Деп. М. 1918. 32 с. 1 р.

Гусев. Теория пролетариата. (Научный социализм.) Изд. Петр. Сов. Р. и К. Деп. П. 1919. 32 с. 1 р. 20 к.

Дзевялтовский (Гинтовт). Империализм в древнем мире. М. 1919. 120 с. 10 р.

Дикштейн, С. Кто чем живет? С послесловием Плеханова. Изд. Петр. Сов. Р. и К. Деп. П. 1919. 32 с. 1 р. 50 к.

Зиновьев, Г. Беспартийный или коммунист? Речь т. Г. Зиновьева на собрании в театре Речкина за московской заставой с прилож. статьи Г. Зиновьева «Вступайте в партию». М. 1919. 32 с. 3 р. 50 к.

Зиновьев, Г. Из истории нашей партии. Лекция, прочитанная перед собранием организаторов-коммунистов в Петрограде. Изд. Союза Коммун Сев. Области. П. 1919. 28 с. 1 р. 10 к.

Зиновьев, Г. Новые задачи нашей партии. От войны к хозяйству. Речь, произнесенная на общем собрании членов партии, кандидатов и сочувствующим Петроградского района 28 янв. 1920 г. Речи и беседы агитатора. № 3. М. 1920. 32 с. 4 р.

Зиновьев, Г. Рабочая партия и профессиональные союзы. (О «нейтрализме» профессионального движения). Изд. Петр. Сов. Р. и К. Деп. П. 1918. 96 с. 1 р. 75 к.

Иванов, Н. М. О том, что сделало Советское правительство в России Речи и беседы агитатора. № 1. М. 1919. 32 с. 2 р.

Ильин, В. (Н. Ленин). За 12 лет. Собрание статей. Т. I-й. Два направления в русском марксизме и русской социал-демократии. Изд. Петр. Сов. Р. и К. Деп. П. 1919. XVIII+498 с. 20 р.

[Калер, Эм.] Вильгельм Вейтлинг. Его жизнь и учение. (К истории коммунистических теорий.) Сочин. М. Калера. Изд. Петрогр. Сов. Р. и К. Деп. П. 1918. 192 с. 5 р.

Каменев, Л. Б. История партии коммунистов в России и В. И. Ленин. (Речь.) Отд. Печати Моск. Сов. Р. и К. Деп. М. 1919. 56 с. 2 р. 50 к.

Каменев, Л. Центр и места. Доклад по Советскому строительству на VII Всеросс. Съезде Советов Депутатов. М. 1919. 24 с. 3 р.

Карпинский, В. А. Что такое Советская власть и как она строится? Изд. 2-е доп. Изд-во Всеросс. Центр. Исполн. Ком. Сов. Р., С. К. и К. Деп. М. 1918. 32 с. 50 к.

Каутский, К. Возникновение брака и семьи. Перев. Г. Ф. Львовича. Изд. Петр. Сов. Р. и К. Деп. П. 1918. 100 с. 2 р. 25 к.

Каутский, Карл. Из истории культуры. Платоновский и древне-христианский коммунизм. Перев. Г. Ф. Львовича. Кн-во «Коммунист». П. 1919. 64 с. 4 р.

2 р.

5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва □ 1921